

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 25. № 5

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 25. No. 5

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ (Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **Google Scholar (USA)**, **JournalSeek (USA)**, **MIAR (Spain)**, **OCLC WorldCat® (USA)**, **ProQuest (USA)**, **Research Bible (Japan)**, **ROAD (France)**, **SHERPA/RoMEO (Spain)**, **SSOAR (Germany)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (USA)**, **Western Theological Seminary (Holland)**, **ZDB (Germany)**, **CyberLeninka (Russia)**, etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina*

Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Relayed to print September 26, 2020.

Date of publication December 4, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 24.9. Published pages 26.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–64). Order 156. «С» 23.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef (США)**, **DOAJ (Швеция)**, **EBSCO (США)**, **Google Scholar (США)**, **JournalSeek (США)**, **MIAR (Испания)**, **OCLC WorldCat® (США)**, **ProQuest (США)**, **Research Bible (Япония)**, **ROAD (Франция)**, **SHERPA/RoMEO (Испания)**, **SSOAR (Германия)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (США)**, **Western Theological Seminary (Голландия)**, **ZDB (Германия)**, **КиберЛенинка (Россия)** и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина*

Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 26.09.2020 г.

Дата выхода в свет 04.12.2020 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 26,7.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–64 экз.). Заказ 156. «С» 23.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020

Том 25. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2020

Volume 25. No. 5

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2020. Vol. 25. No. 5

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020. Т. 25. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);

д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В ЕВРОПЕ

- Шишкин В.В.* Церковное окружение
Анны Ярославны, королевы франков (1051–1075) 6
- Стерхов Д.В.* Бог, король, отечество – и выборы.
Реформа городского самоуправления 1808 г.
в отражении прусской протестантской проповеди 20

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

- Кундакбаева Ж.Б., Сусеева Д.А.*
Взгляд калмыцкого наместника на политику России
по укреплению Волго-Каспийского фронта:
из писем Дондук-Даши В.Н. Татищеву,
1741–1745 гг. 32
- Почакаев Р.Ю.* Участники
российских морских экспедиций
о политико-правовом и социально-экономическом
положении туркмен Восточного Прикаспия
(середина XVIII – середина XIX в.) 42
- Васильев Д.В.* Кульджа под российским владычеством:
взгляд имперской администрации 52
- Асанова С.А.* Смыслы российского присутствия
в Центральной Азии на примере Кульджи 64
- Вартаньян Э.Г.* Нравственный и ценностный мир
Ирана конца XX – начала XXI в.
в контексте концепций «культурное наследие»
и «диалог цивилизаций» 77

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

- Тюменцев И.О., Туликова Н.А., Тюменцева Н.Е.*
Два документа русского архива
Яна Сапеги 1608–1611 гг.
из Пошехонского и Угличского уездов 89
- Рыбалко Н.В.* Управление в Перми Великой
конца XVI – начала XVII века:
от приказных людей к воеводской власти 100
- Башнин Н.В.* Церковная реформа Петра I:
источниковедческий аспект (по материалам
Вологодского архиерейского дома Св. Софии) 113
- Рязанов С.М.* Полицейская реформа 1862 г.
на Урале 131

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ НАРОДОВ

ЮГА РОССИИ

- Перерва Е.В.* Палеопатология черепов
из золотоордынского городища Шареный Бугор 141

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ

ЮГА РОССИИ

- Ляпин Д.А.* Дела о крестьянах на Юге России
в 20-е годы XVII века 162

- Киценко О.С., Киценко Р.Н., Черемушников И.К.*
Медицинская культура
поволжских протестантских общин
(вторая половина XVIII – начало XX в.):
религиозно-этические аспекты 172
- Венков А.В.* Донские казаки
и сражение у Рассевата
4 сентября 1809 года 185
- Рвачева О.В., Лабрюни П.Г.Ф.* Традиционные
и современные формы казачьей культуры
в конце XX – начале XXI века. Возрождение,
трансформация и культурное конструирование 197

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Митрофанова И.В., Чернова О.А., Патракеева О.Ю.*
Приоритетные национальные проекты
как инструмент социально-экономической
и политической модернизации
старопромышленных регионов Юга России 213
- Бредихин А.В.* Военная служба казаков
в системе безопасности Юга России
(на примере Ростовской области) 234

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Сашалми Э.* Историографические исследования
истории России: взгляд из Центральной Европы
(Рец. на кн.: Свак, Д. Опыт микроисториографии
/ Д. Свак. – М.: Аквилон, 2019. – 288 с.) 244
- Галкова О.В., Петров А.В., Глазунов В.В.*
Ландшафт, память, наследие и идентичность
(историографический обзор) 247

ЮБИЛЕИ

- Кузнецов О.В.* Университет как судьба:
к 65-летию доктора исторических наук,
профессора С.Г. Сидорова 258

CONTENTS

HISTORY OF THE CHURCH AND STATE

IN EUROPE

- Shishkin V.V.* Ecclesiastical Household
of Anna Yaroslavna, Queen of the Franks (1051–1075) 6
- Sterkhov D.V.* God, King, Fatherland – and Elections.
The Introduction of the Municipal Self-Government
in Prussia in 1808 Seen Through the Perspective
of the Protestant Sermon 20

HISTORY OF THE CENTRAL ASIAN REGION

- Kundakbayeva Zh.B., Suseeva D.A.*
On the View of Kalmyk Khan to the Activities of Russia
in the Volga-Caspian Frontier: From the Letters
of Donduk-Dashi to V. Tatishchev, 1741–1745 32

<i>Pochekaev R.Yu.</i> Participants of Russian Naval Expeditions on the Political and Legal and Socio-Economic Situation of the Turkmen of the East Caspian Region (Mid-18 th – Mid-19 th c.)	42
<i>Vasilyev D.V.</i> Kuldja Under Russian Rule: View of the Imperial Administration	52
<i>Asanova S.A.</i> Meanings of the Russian Presence in Central Asia (On the Example of Kuldja)	64
<i>Vartanyan E.G.</i> Moral and Valuable World of Iran of the Late 20 th – Early 21 st Centuries in the Context of “Cultural Heritage” and “Dialogue of Civilizations” Concepts	77

HISTORY OF MANAGEMENT

AND RECORDS MANAGEMENT IN RUSSIA

<i>Tyumentsev I.O., Tupikova N.A., Tumentseva N.E.</i> Two Documents from the Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611 of Poshekhonsky and Uglichsky Counties	89
<i>Rybalko N.V.</i> Great Perm Governance in the Late 16 th – Early 17 th Century: From Administrators to Voivodes	100
<i>Bashnin N.V.</i> Church Reform of Peter I: Source Study Aspect (According to the Materials of the Vologda Archbishops House of St. Sophia)	113
<i>Ryazanov S.M.</i> Police Reform of 1862 in the Urals	131

PALEOANTHROPOLOGY OF THE PEOPLES OF SOUTHERN RUSSIA

<i>Pererva E.V.</i> Paleopathology of Skulls from Golden Horde Settlement Shareny Mound	141
---	-----

HISTORY AND CULTURE OF THE PEOPLES OF SOUTHERN RUSSIA

<i>Lyapin D.A.</i> Cases of Peasants in the South of Russia in the 20s of the 17 th Century	162
--	-----

<i>Kitsenko O.S., Kitsenko R.N., Cheremushnikova I.K.</i> Medical Culture of Volga Protestant Communities (Second Half of 18 th – Early 20 th Centuries): Religious and Ethical Aspects	172
<i>Venkov A.V.</i> Don Cossacks and the Battle of Rassevat on September 4, 1809	185
<i>Rvacheva O.V., Labrunie P.G.F.</i> Traditional and Modern Forms of the Cossack Culture in the Late 20 th – Early 21 st Centuries. Revival, Transformation, and Cultural Construction	197

POLITICAL TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIA

<i>Mitrofanova I.V., Chernova O.A., Patrakeeva O.Yu.</i> Priority National Projects as a Tool of Social, Economic and Political Modernization of Old Industrial Regions of the South of Russia	213
<i>Bredikhin A.V.</i> Military Service of the Cossacks in the Security System of the South of Russia (On the Example of Rostov Region)	234

REVIEWS

<i>Sashalmi E.</i> Historiographical Research on Russian History: A View from Central Europe (Szvák Gyula. Opyt Mikroistoriografii. Moscow, Akvilon, 2019. 288 p.)	244
<i>Galkova O.V., Petrov A.V., Glazunov V.V.</i> Landscape, Memory, Heritage and Identity (Historiographical Overview)	247

ANNIVERSARIES

<i>Kuznetsov O.V.</i> University as Destiny: To the 65 th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor S.G. Sidorov	258
---	-----

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ЕВРОПЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.1>

UDC 94 (44)
LBC 63.3(4Фра)5

Submitted: 02.06.2020
Accepted: 11.07.2020

ECCLESIASTICAL HOUSEHOLD OF ANNA YAROSLAVNA, QUEEN OF THE FRANKS (1051–1075) ¹

Vladimir V. Shishkin

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The court of Anna Yaroslavna, the French queen of the 11th century, has not been specifically studied in historical literature. The author proposes to find out how the ecclesiastical environment of the Queen was formalized and structured in 1051–1075, who of the church persons formed her inner circle, and whether the royal ecclesiastical household had an influence on the formation of the church policy of the crown. *Methods.* The methodology is a combination of institutional and social history as part of the systemic approach that makes it possible to understand the evolution of the Queen's household within the curial Capetian system. *Analysis.* The reviewed sources indicate that Anna Yaroslavna's staying in France and her relationships with the curial clerics were very close. The Royal acts attest to Anna's high level of involvement in the ecclesiastical affairs of France, her regular support for the church persons of *Curia regis*, the Chancellor-Bishop and his servants, as well as the state of curial priests. *Results.* The ecclesiastical entourage of King Henri I and Queen Anna largely shaped the policy of the Capetians and strengthened dynastic authority. As a widow and queen mother, Anna Yaroslavna played in accordance with the policies of Henry I and his predecessors, contributing to the further strengthening of the church presence at the court, and in particular the bishops in *Curia regis*, as opposed to the feudal clans and influence of the pope. At the same time, all her actions were aimed at the interests of the crown in order to guarantee the safe preservation of the throne for her son Philip I.

Key words: Anna Yaroslavna, ecclesiastical household, Queen of France, Henry I of France, Rus and France in the 11th century, French episcopate of *Curia regis*.

Citation. Shishkin V.V. Ecclesiastical Household of Anna Yaroslavna, Queen of the Franks (1051–1075). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhnatsionalnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.1>

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)5

Дата поступления статьи: 02.06.2020
Дата принятия статьи: 11.07.2020

ЦЕРКОВНОЕ ОКРУЖЕНИЕ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ, КОРОЛЕВЫ ФРАНКОВ (1051–1075) ¹

Владимир Владимирович Шишкин

Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Вопрос о дворе Анны Ярославны, французской королевы XI в., до настоящего времени специально не освещался в научной литературе. Автор предлагает выяснить, каким образом было формализовано и структурировано церковное окружение королевы в 1051–1075 гг., кто именно из духовных лиц составлял ее ближний круг, и имел ли влияние королевский церковный двор на формирование церковной политики короны. *Метод.* В основе решения вопроса лежит методика сочетания институциональной и социальной истории в рамках системного подхода, позволяющего понять эволюцию дома королевы в куриальной системе Капетингов. *Анализ.* Рассмотренные источники указывают на то, что пребывание Анны Ярославны во Франции и ее отношения с куриальным клиром были весьма тесными. Королевские грамоты свидетельствуют о высоком уровне вовлеченности Анны в церковные дела Франции, ее регулярной поддержке духовных лиц королевской курии, канцлера-епископа и его служащих, равно как штата придворных священников. *Результаты.* Церковное окружение короля и королевы во многом формировало политику Капетингов и укрепляло династический авторитет. Будучи вдовой и королевой-матерью Анна Ярославна действовала в русле политики Генриха I и его предшественников, способствуя дальнейшему усилению церковного присутствия при дворе, и в частности, епископов в королевской курии, в противовес феодальным фамилиям и влиянию папы. При этом все ее действия были нацелены на интересы короны, ради гарантии благополучного сохранения трона за своим сыном Филиппом I.

Ключевые слова: Анна Ярославна, церковный двор, Генрих I Французский, Русь и Франция в XI в., французский епископат королевской курии.

Цитирование. Шишкин В. В. Церковное окружение Анны Ярославны, королевы франков (1051–1075) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.1>

Введение. Анна Ярославна (после 1025 – после 1075), младшая дочь Ярослава I Владимировича, великого Киевского князя, в мае 1051 г. вышла замуж за короля Франции Генриха I (1031–1060) из династии Капетингов [6, с. 59–63; 29; 30]. Западные хронисты оставили нам немало свидетельств об Анне, которые говорят об ее активном участии в политической и церковной жизни Франции как в ранге царствующей, так и в положении вдовствующей «королевы франков» [47, р. 163–195]. Именно так она титулуется в парижской грамоте 1060/67 гг.: *Ego, Anna, gra[tia] Dei Franco[rum] Regina* [67, р. 105–107]. Во время пребывания во Франции Анна стала свидетельницей важных событий своего времени: разделения церковью 1054 г., нормандского завоевания Англии 1066 г., григорианской реформы [9; 10]. Многие источники, включая 28 сохранившихся грамот, составленных с ее участием, свидетельствуют о том, что ее политическая активность была прежде всего связана с церковными делами: основанием и реконструкцией монастырей, дарованием льгот и иммунитетов аббатствам, удостоверением дарственных документов в пользу церкви [76].

Надо полагать, круг ее общения с церковнослужителями был широким: известно даже послание Анне Ярославне от имени папы

Николая II 1059 г., адресованное «прославленной королеве» и наполненное пастырскими наставлениями [62, coll. 447]. В настоящей статье предстоит выяснить, каким образом было формализовано и структурировано церковное окружение королевы, кто именно из духовных лиц составлял ее ближний круг, и какое отношение он имел к формированию церковной политики короны. Этот вопрос до настоящего времени специально не освещался в научной литературе.

Метод. Для ответа на поставленные вопросы целесообразно использовать методику сочетания институциональной и социальной истории в рамках системного подхода, предполагающего рассмотрение окружения Анны Ярославны во Франции посредством куриальных структур, позволяющих понять должностную субординацию, степень вовлеченности в государственные дела, отдельные элементы властных полномочий представителей церковного дома королевы, в рамках куриальной системы Капетингов.

Анализ. Епископы из свиты невесты. Около 1049 г. Генрих I получил от папы Льва IX послание, где тот напомнил ему об отлучении от церкви его отца Роберта II за то, что тот женился на Берте Бургундской против воли своих епископов [34, р. 145]. Не исключено, что именно оно стало поводом для организа-

ции посольства на Русь во главе с двумя значимыми французскими прелатами, доверенными лицами короля Генриха I, которые были отправлены им в ответственное, многомесячное путешествие длиной 2 000 км [42]. Европейская «дипломатия» XI в. вообще осуществлялась по-преимуществу духовными лицами [56, р. 370].

Анонимная «Хроника монастыря св. Петра в Сансе», называемая также «Хроникой Кларисуа (Клария)» (ок. 1108 г.), свидетельствует, что «в это же время [октябрь 1050 г.] король Генрих направил Вальтера (Готье), епископа Мо, и [рыцаря] Госцелина (Госселена) из Калинака (Шони), с иными [спутниками], к королю, именуемому Герискло [Ярославу I Владимировичу], из Русской земли, сопредельной с Грецией, чтобы просить отдать в жены его дочь. Этот [король] отправил их обратно во Францию вместе со своей дочерью и многими дарами» [37, р. 197]. Вполне возможно, что именно епископ Мо возглавлял посольство в Киев; во всяком случае в хронике, составленной монахами монастыря Флери или св. Бенедикта на Луаре в середине XII в. (так называемый «Продолжатель Аймоина из Флери»), также сказано: «В поисках супруги, король направил Вальтера, прозванного ‘Мудрым’, епископа Мо, к королю Рутенов, с целью получить руку его дочери, что и было сделано. Имя ее было Анна» [14, р. 361]. Именно эта фраза, немного измененная, с указанием года начала миссии – 1049 г., вошла в XIII в. в «Большие французские хроники», когда парижский монастырь св. Дионисия, Сен-Дени, обрел безраздельное право заниматься официальным историописанием Капетингов [3, с. 203, 289; 54, р. 69–70].

Личность епископа Мо Вальтера (с XIII в., когда происходит постепенный переход от франкских/латинских имен к французским, – Готье) малоизвестна: нет точных сведений ни о его происхождении, ни о его карьере до 1045 г., когда он занял кафедру. Несомненно, Вальтер был ставленником Генриха I, поскольку епископство Мо принадлежало к числу королевских епархий, входящих в митрополию Санса, где король обладал правом регалии, то есть фактически распоряжался епископским престолом [1, с. 241–242; 11, с. 25;

12, с. 96–97]. В 1047 г. свидетельская подпись епископа Мо уже присутствует в королевской грамоте, что говорит об его участии в делах королевской курии [31, р. 581]. В октябре 1049 г. он должен был присутствовать на поместном соборе в Реймсе, с участием папы Льва IX, начавшего масштабную реформу за усиление духовно-политического влияния церкви, но отказался в угоду королю [32, р. 107–108; 50, S. 532]. Епископ явно обладал властью и ресурсами, а также поддержкой королевской семьи, поскольку сумел заложить и начать возведение кафедрального собора в Мо [36, р. 869–870].

Когда именно епископ Вальтер со спутниками отправился на Русь, остается неизвестным. Разнотчтения в свидетельствах даже породили сомнительную версию о двух французских посольствах. Издатель грамот Филиппа I, французский архивист М. Пру, аргументированно опровергая эту идею, склоняется к одной миссии в 1049 году [67, р. XIX–XXI]. Он основывает свои заключения на данных иного источника, глоссы на Псалтири настоятеля Реймского собора Одальрика (ок. 1049–1075): «В год от Воплощения Господня 1049-й, когда Генрих, король франков, послал в Рабастию Рогерия (Роже), епископа Шалонского (лат. Каталаунского), за дочерью короля той страны, по имени Анна, на которой должен был жениться...» [4, с. 101–102; 61, р. 95]. Недавние исследования показали, что, хотя Псалтирь Одальрика относится к середине XI в., глосса появилась уже в следующем столетии, и поэтому ее автор мог быть неточен [39; 67, р. XVII]. В любом случае «Реймская глосса» упоминает второго важного участника посольства – епископа Рогерия II Шалонского, у которого была также иная цель – узнать, сохранились ли мощи св. Климента в Херсонесе – владениях соседней Византии.

Епископство Шалонское в Шампани также было королевским и входило в митрополию Реймса [65, р. 77–78]. В самом Шалоне, окруженном доменными владениями Капетингов, располагалась старинная королевская резиденция, поэтому епископ не мог не составлять ближний круг короля [17, р. 161; 25, р. 17–18; 45]. Известно, что Рогерий II происходил из среды высшей франкской знати,

являлся сыном графа Намюрского, а по женской линии принадлежал к Каролингам. Кафедру он занял в 1043 г. по решению Генриха I, что в 1044 г. подтвердил папа Бенедикт IX, к которому епископ Шалонский ездил в Рим за конфирмацией избрания [61, р. 90]. Рогерий II славился благочестием и был известен как основатель аббатства Всех святых в Шалоне [16, р. 76, 182].

Если придерживаться точки зрения М. Пру, то можно предположить, что решение о посольстве было принято зимой – весной 1049/1050 г., до Пасхи 15 апреля 1050 г., начала года по тогдашнему летосчислению. Согласно данным историка церковного двора Г. Дю Пейра, в июне 1050 г. Вальтер, епископ Мо, участвовал в важной церемонии открытия раки с мощами св. Дионисия в одноименном аббатстве (Сен-Дени), при участии Генриха I [35, р. 654]. То есть вполне вероятно, что посольство отправилось в Киев вскоре после этого события, и в таком случае данные «Хроники Кларисуа» и «Реймской глоссы» не особенно разнятся.

Нам ничего не известно ни о времени прибытия на Русь, ни о времени обратного отъезда посольства франков. Понятно лишь, что Анна Ярославна была успешно сопровождена именитыми епископами до Реймса, коронационного города королей Франции [28]. На Троицын день, 19 мая 1051 г., она стала участницей трех церемоний: венчания, коронации и помазания на царство [19, р. 550; 26, р. 293; 67, р. XXIII]. Весьма немолодой по тем временам Генрих I (около 42 лет), очевидно, торопился не просто обзавестись семьей и наследниками, но также стремился обеспечить супруге-иностранке максимально высокий статус путем приобщения к таинству миропомазания, наделить королеву правом участия в делах королевской курии [7, с. 251]. Очевидно, Анна была коронована Гвидоном, архиепископом Реймским, и, подобно каролингским королевам, помазана тем же миром, что получали короли Франции [27]. Известно также, что на торжествах присутствовал епископ Камбрейский Лиетберт, капеллан и доверенное лицо императора Генриха III, впоследствии канонизированный [38, р. 481; 60, р. 205]. Надо полагать, оба епископа из свиты Анны участвовали в свадебных и коронационных

торжествах и в дальнейшем оставались в числе близких церковных советников короля. Так, имена их обоих перечислены среди двадцати двух епископов – участников церемонии миропомазания и коронации в Реймсе 14 мая 1059 г. старшего сына Генриха I и Анны Ярославны, Филиппа I, родившегося в 1052 году [13, с. 85–89]. На этой же церемонии также присутствовал и епископ Лиетберт, который уже вернулся из своего безуспешного паломничества в Святую Землю [74].

Судя по акту Генриха I об основании (восстановлении) монастыря св. Мартина в Париже 1059/1060 г., Вальтер, епископ Мо, также участвовал в оглашении этого королевского решения, поскольку его свидетельская подпись присутствует в документе наряду с подписью королевы Анны [66, р. 14–18; 72, р. 127–129]. В «*Стихотворной хронике монастыря Св. Мартина*» 1072/79 гг. есть его изображение наряду с иными прелатами и светскими лицами двора [78, f. 4v]. Епископ Мо появляется в 12-ти грамотах Филиппа I в 1060–1082 гг., что говорит о его регулярном присутствии в королевской курии, в том числе во времена малолетства короля, когда Анна Ярославна участвовала в управлении королевскими делами [67, р. 79, 90, 93, 112, 132, 133, 142, 152, 154, 157, 158, 272]. Не исключено, что он выполнял роль духовника королевы. В отличие от него, епископ Шалонский только дважды упомянут в грамотах короля в 1065 г. (актах в пользу аббатства Всех святых) [67, р. 57, 59]; однако известно, что в 1060/61 г. ему было даровано право чеканки собственной монеты, – надо полагать, не без участия королевы-матери [73, р. 26–27]. Епископ Мо скончался в 1082 г., пережив Анну Ярославну, епископ Шалонский умер около 1066 года.

Церковные должностные лица королевской курии. Источники XI в. не сохранили сведений о церковном дворе королевы Анны и каких-либо духовных лицах, выполнявших при ней функции священников, духовников и раздатчиков милостыни, в отличие от дворов королей Англии или Священной Римской империи [15, р. 32; 70, р. 502]. Согласно Г. Дю Пейра, первые дошедшие до нас сведения о церковном доме королевы Франции относятся к началу XII в., когда в одной из королевских грамот упоминаются клирики Аделаиды

Савойской, жены внука Анны Ярославны, Людовика VI [35, p. 108]. В тексте грамоты Людовика VII 1160 г. также фигурирует «капеллан королевы» Констанции Кастильской [58, p. 2]. Все духовные лица при королеве организационно составляли часть штата Королевской капеллы (*Capella regis*), придворной церковной структуры: они служили королеве, но подчинялись главе церковного дома, в XI–XII вв. – главному капеллану (*archicapellanus*), или королевскому капеллану (*regis capellanus*) [22, p. 19; 64, p. 54]. В середине XIII в., когда у королевы Франции появляется свой штатный духовник (с позволения папы), священники – раздатчики милостыни и прочие клирики, церковное окружение младшего венценосца постепенно начинает формироваться в отдельную структуру церковного двора [52, p. 57–61, 71; 55, p. 671–674; 77, p. 51]. Трудно представить, чтобы у королевы Франции XI в. не было своего небольшого церковного штата.

Так, известно, что мать Генриха I, Констанция Арльская, построила свою собственную церковь в обновленном королевском замке в Этампе, где позже часто бывала Анна Ярославна. Эта церковь, подобно иным королевским церквям и аббатствам, являлась частью *Capella regis* [43, p. 28–29]. Согласно Хельгуду (Эльго) из Флери (1030-е гг.), королевская капелла не была церковным домом короля и королевы в строгом смысле слова, поскольку в ее состав входили духовные лица, ответственные за организацию ежедневных богослужений и церковных церемоний по случаю праздничных дней в различных резиденциях, где пребывал король и его семья [3, p. 56; 35, p. 95; 48, p. 68, 72, 86, 88]. В основном речь идет о церквях при замках и поместьях королевского домена, расположенных в Париже, Санлисе, Мелене, Суассоне, Этампе и др.: как известно, у первых Капетингов столицы не было как таковой [46].

Придворные клирики во Франкском королевстве были известны еще со времен Меровингов [57, S. 1–4], однако только поместный собор в Майнце в 813 г. признал службу лиц духовного звания при императоре франков равносильной остальным видам церковного служения [35, p. 158]. Поначалу при первых Капетингах была продолжена каролингс-

кая традиция, когда, согласно Хинкмару Реймскому, главный капеллан короля, «хранитель дворца», апокрисиарий, по традиции – архиепископ Реймский, одновременно являлся главой королевской канцелярии, (архи) канцлером [33, p. 144–155; 49, ch. 32; 64, p. 42–73]. Де-факто канцелярскими делами занимались подручные – хорошо образованные королевские клирики, обладающие навыками латинского делопроизводства и управления домениальными делами.

В момент прибытия Анны Ярославны во Францию – несомненно, весной 1051 г. – должности канцлера и главного капеллана занимали уже разные лица. Еще Роберт II, в стремлении умалить усилившееся влияние Реймских архиепископов, сосредоточил оба поста в руках придворного клирика Балдуина – лица, которое трудно идентифицировать [21; 67, p. L–LIII]. Балдуин вошел в историю Франции как канцлер, служивший трем поколениям королей. Видимо, в юношеском возрасте он вошел в доверие к Роберту II, сделавшему его апокрисиарием (1015) [68, p. 597]; позже это название должности исчезло из делопроизводства, поскольку Балдуин в 1020–1060-е гг. заверял королевские грамоты только как канцлер или значился в них как главный капеллан [31, p. 566; 44; 72, p. 80]. Однако в конце 1040-х гг. должность главного капеллана была передана Генрихом I придворному клирику Аделарду, что, скорее всего, было связано не с немилостью в отношении канцлера, а с возросшими обязанностями королевской канцелярии и сложной внутрицерковной обстановкой [59, p. 186; 69, p. XXXVII]. Также вполне вероятно, что Балдуин был рукоположен в епископы Нуайонские (ок. 1045), что прибавило ему обязанностей [15, p. 32]. Во всяком случае с 1047 г. его имя в королевских грамотах уже не было связано с должностью главного капеллана короля.

До нас дошло 13 грамот, составленных при участии Анны Ярославны и заверенных канцлером-епископом Балдуином в 1059–1067 гг., большая часть из которых приходится на период вдовства королевы и несовершеннолетия Филиппа I [31, p. 604; 66, p. 14–18, 27–28; 67, p. 13–17, 28–41, 51–54, 97–99, 105–107]. Можно с уверенностью говорить, что в начале 1060-х гг. Анна Ярославна во многом

опиралась в своих действиях на поддержку церковнослужителей двора и епископов королевской курии. Балдуин постоянно сопровождал королеву и ее сына в поездках по королевскому домену: география перемещений двора, согласно актовым источникам, была довольно внушительна (Дре – Париж – Санлис – Этамп – Реймс – Санлис – Париж – Суассон – Орлеан – Мелен – Париж). Свои регентские полномочия Анна делила с официальным регентом, своим зятем графом Бодуэном V Фландрским, который присоединялся ко двору время от времени [75].

Грамоты юного короля, составленные при участии королевы или с подписями Анны Ярославны, заверенные Балдуином, представляют собой главным образом дарование и подтверждения разных привилегий и иммунитетов монастырям и церквям домена короля. Например, 14 мая 1061 г. *«по совету возлюбленной матери нашей Анны»* король подтверждает дарение церкви Св. Никазия в Реймсе поместья Удилькур со всеми доходами [67, р. 30–31]. В этом же году в Париже в своей грамоте, составленной *«при участии и по просьбе Анны, достопочтимой королевы и матери нашей»*, король гарантирует неприкосновенность прежних королевских дарений церкви Девы Марии в Пуасси [67, р. 34–37]. В 1065 г. в Орлеане Филипп I, *«с одобрения матери [Анны] и графа Бодуэна [Фландрского]»*, также подтверждает право монастыря св. Мартина в Париже на алтаре церкви в Жанвиле и церкви в Невин-ан-Бос, и т. д. [66, р. 27–28].

В 1059 г., незадолго до смерти, Генрих I решил короновать своего сына Филиппа I, сделав его соправителем, подобно своим предшественникам, отцу и деду [8, с. 248, 401]. Для такого политического шага необходимо было заручиться поддержкой архиепископа Реймского Гervasия (1055–1067), самого влиятельного прелата Франции, которому по этому случаю даровали специально восстановленную почетную должность архиканцлера: не исключено, что на этом настаивал сам архиепископ, последовательный сторонник усиления церковного влияния, считавший себя посредником в отношениях между королем и папой [13, с. 89; 60, р. 159–196; 67, р. XLIX–L]. Однако канцлер Балдуин, судя по королевс-

ким грамотам, продолжал исполнять свои обязанности и в действительности возглавлял королевскую канцелярию вплоть до своей кончины в 1067 году [67, р. 31, 79]. Более того, некоторые церковные авторы XVII–XVIII вв. отмечают, что в 1060 г. Балдуин был восстановлен в должности главного капеллана короля-мальчика, что вполне возможно, поскольку Аделарда, прежнего обладателя должности, вскоре сделали епископом Суассонским, и в дальнейшем он упоминается только в этом качестве [24, р. 487; 63, р. 67]. Вмешательство Анны Ярославны, укреплявшей свои куриальные позиции, в повторное назначение Балдуина могло быть весьма вероятным.

Со смертью архиепископа Гervasия в том же 1067 г. должность архиканцлера во Франции была упразднена навсегда: король Филипп I стал править самостоятельно и решил ее не восстанавливать по политическим причинам; регент граф Фландрский также скончался в сентябре 1067 года. Возможно, не случайно Анна Ярославна примерно в это же время покидает двор, переезжая во владения своего второго спутника жизни, графа Амьенского и Крепи-Валуа Рауля IV (церковь не признала этот брак, продолжая считать Анну королевой Франции) [41, р. 96–97]. В меленской грамоте Филиппа I 1067 г. она в последний раз упоминается как *«Анна, королева»* [67, р. 97–99]; в последующих редких грамотах 1069–1075 гг. Анна Ярославна значится только как *«мать короля»* [67, р. 188–191].

По свидетельским подписям в грамотах Генриха I и Филиппа I, составленных при участии Анны Ярославны, и, как правило, также содержащих ее подпись, можно узнать имена королевских священников: так, грамота 1058 г. называет Анскульфа и Гизелина [20, р. 105–106]; грамота 1059/1060 г. – того же Гизелина и Рихарда [66, р. 14–18]; в четырех актах конца 1060 – 1067/1069 гг. придворный капеллан Евстахий значится также вице-канцлером, заместителем Балдуина; в последнем из этих актов появляется имя Готфрида, младшего капеллана короля, в то же время выполнявшего функции вице-канцлера [67, р. 15–17, 26, 47–49, 94, 97–99, 120–123]. Таким образом, по-прежнему наблюдается тесная организационная связь, идущая от Каролингов, между двумя разными функциональными подразделени-

ями дома короля – канцелярией и капеллой, когда одни и те же лица духовного звания совмещали должности, отвечающие за управление, делопроизводство и церковную жизнь двора [64, р. 42–73].

Являлся ли кто-то из них одновременно священником дома королевы Франции, понять трудно: прямых подтверждений нет. В санлисской грамоте Филиппа I 1060 г. в пользу монастыря св. Лукиана, после подписи Анны и прочих свидетелей, значится также некто клирик Гозберт [67, р. 15–17]. Американский историк Д. Отт в своем недавнем исследовании о епископате XI–XII вв. обратил внимание, что Филипп I вообще особое внимание уделял Санлисской епархии, откуда рекрутировал клириков для своего двора [60, р. 36]. Как известно, Санлис – город, особенно связанный с именем Анны Ярославны: между 1065 и 1069 гг. она заложила там монастырь в память о своем муже, в честь св. Викентия (Сен-Венсан) [67, р. 329–331]. Поэтому не исключено, что Гозберт или иные санлисские клирики выполняли роль капелланов в ее доме.

Кто были по происхождению церковники двора, по большей части не известно. В грамоте Роберта II 1022 г. фигурирует свидетельская подпись некоего «Тетдуина, клирика, сына женщины королевы» [71, col. 961/965]. Речь явно идет о придворном священнике, ставшим таковым благодаря матери, даме при королеве Констанции Арльской. Известно также, что иной капеллан Роберта II, Тевдон, являлся его родственником [35, р. 95]. Можно предположить с осторожностью, что церковное окружение первых Капетингов не было случайным набором клириков. В исследованиях уже обращалось внимание на то, что младший церковный персонал двора Капетингов со временем продвигался королями на должности аббатов королевских монастырей или на епископские кафедры и тем самым расширял сферу королевского влияния [1, р. 241]. Действительно, подтверждением этому является церковная карьера канцлера Балдуина и капеллана Аделарда. Куриальная история времени Анны Ярославны позволяет продолжить этот список: уже названный выше капеллан Генриха I и Филиппа I Рихард в 1071 г. стал архиепископом Буржским (Рихард II), главой одной из четырех королевских митро-

полий Франции [15, р. 40]; капеллан Готфрид обрел епископство Оксеррское [40, р. 278–280]; аббат королевского монастыря Турнюс в Бургундии, Вильгельм, до 1056 г. также королевский капеллан, во время коронационных торжеств в 1059 г. в качестве особого благоволения получил от короля право заверить королевскую грамоту вместо канцлера Балдуина, составленную «ради спасения моей души, и [души] супруги моей Анны, и сына нашего, короля Филиппа», в присутствии Генриха I и Анны Ярославны [31, р. 600–602; 51, р. 94–97].

Анна Ярославна и высший клир двора.

С кем была знакома королева Анна из числа высших прелатов Франции и с кем из них она регулярно встречалась в королевской курии? На этот вопрос также отвечают акты и грамоты ее мужа и сына, содержащие пространственные списки свидетельских подписей епископов. Помимо епископов Мо и Шалонского, которые продолжали оставаться при дворе Анны Ярославны после ее прибытия во Францию и пользовались особым королевским благоволением, как минимум подписи 16 архиепископов и епископов присутствуют в документах наряду с подписью королевы. Большая часть из них упоминается также среди духовных лиц, присутствовавших на помазании Филиппа I 23 мая 1059 г. в Реймсе.

XI в. для Франции и Капетингов – это время взаимозависимости короны и высшего клира, когда король – лишь первый из сеньоров, был вынужден искать в лице церкви надежного союзника в противостоянии с влиятельными графами и баронами. Начиная с Гуго Капета и вплоть до 1080-х гг., когда григорианская реформа постепенно начала рушить этот союз, епископы составляли прочный костяк ближайшего королевского окружения [53, р. 146–148; 45]. Французский епископ этого времени считал себя наделенным правом «давать отчет за королей перед Богом», проникнутый идеями Ионы Орлеанского и Хинкмара Реймского о своем предназначении быть верным советником короля, своего защитника [5, с. 123; 49, ch. 31]. Он являлся одновременно духовным и светским вассалом короны, принося оммаж и клятву верности [2, с. 393–394; 12, с. 98–101].

Прелаты всех 18 епархий, зависящих от короля, то есть главным образом расположен-

ных в Парижском регионе, Орлеане, Шампани и Пикардии, присоединялись к королевской курии во время ее регулярных перемещений по королевскому домену или собирались по призыву монарха [41, р. 22–27]. Анна Ярославна, судя по ее упоминанию в реймской рукописи XI в. «Толкования на Псалмы бл. Августина», начала привлекаться Генрихом I к участию в делах королевского совета уже в 1051/1055 гг., наряду с иными церковнослужителями и светскими лицами [26, р. 98–99]. Очевидно, что король продолжал эту практику, обеспечив супруге участие в курialesных делах во время малолетства их сына. В тампской грамоте 1060 г. Агоберта, епископа Шартрского, о возведении церкви в честь св. Варфоломея, значится, что решение это принято «по совету и воле... государей наших, могущественных королей, а именно, Филиппа и матери его Агнессы / Анны» [67, р. 17–21]. То есть королева-мать сразу после смерти мужа воспринималась как продолжательница его политики и покровитель церкви, причисляемая к кругу «могущественных королей».

Анна Ярославна участвовала в подписании королевских грамот вместе со всеми тремя архиепископами Реймскими, своими современниками: Гвидоном (один акт 1051/1055), Гервасием (четыре грамоты 1055/1060–1063), Манассией (один акт 1069) [72, р. 105–106; 66, р. 14–18; 67, р. 30–31, 47–49, 120–123]; равно как с архиепископом Санским Майнардом (четыре грамоты 1051/1055–1065) [26, р. 98–99; 23, р. 12–13; 66, р. 14–18; 67, р. 51–54]; епископами Парижскими Имбертом (один акт 1059/1060) и Готфридом (три документа 1065–1075) [66, р. 14–18; 67, р. 51–54, 97–99, 188–191]. На пяти грамотах присутствует подпись епископа Санлисского Фролланда (1060–1067) и на одной – его преемника Одона (1069) [66, р. 14–18; 67, р. 13–15, 32–34, 105–107, 120–123]. В этой последней король Филипп I дарует аббатству св. Викентия в Санлисе привилегии королевского аббатства, по просьбе «матери моей Анны» [67, р. 120–123].

Также, помимо названных лиц, в грамотах в 1059–1075 гг., наряду с подписью Анны Ярославны находятся свидетельские подписи епископа Ланского Элинанда (четыре документа 1051/1055–1063), епископа Амьен-

ского Гвидона (три грамоты 1059–1067), епископа Труа Гуго (1059/1060), епископа Нантского Герека II (1061), епископа Орлеанского Адерики (две грамоты 1065 и 1067), епископа Неверского Гуго (1065), епископа Шартрского Роберта (1067), епископа Суассонского Аделарда (1069) [26, р. 98–99; 66, р. 14–18; 67, р. 30–31, 47–49, 51–54, 97–99, 120–123].

Наиболее пространный список свидетелей демонстрирует королевский акт об основании парижского монастыря св. Мартина – возможно, последний важный документ, изданный Генрихом I при участии королевы Анны и «верных людей» церкви и светских вассалов в 1059/1060 г.: в нем фигурируют подписи 11 архиепископов и епископов [66, р. 14–18]. Знаменитая суассонская грамота Филиппа I 1063 г. с кириллической подписью Анны Ярославны – «Анна, королева» (ANA RЪHNA), изданная в пользу аббатства св. Криспина, также составлялась с участием архиепископа Реймского и епископа Ланского [67, р. 47–49].

Результаты. Таким образом, высказанное выше предположение о том, что королева Анна, действуя в русле политики Генриха I и его предшественников, способствовала дальнейшему усилению церковного влияния при дворе, и в частности, влияния епископов в королевской курии, вполне находит подтверждение даже в тех отрывочных сведениях актового материала, которыми мы располагаем. Действия королевы-матери вписываются в общий контекст церковной политики Капетингов, нацеленной на консолидацию союза с французской церковью в противовес враждебным короне феодальным кланам, прежде всего нормандскому и бургундскому, а также растущему влиянию папства. Эти действия имели главной целью сохранение трона за ее несовершеннолетним сыном. Мы вполне можем утверждать, что Анна Ярославна способствовала выдвижению королевских клириков в аббаты и епископы, опиралась на советы епископов и использовала их влияние в период малолетства Филиппа I для укрепления положения своей семьи, в обмен предоставляя им военную защиту, покровительство, привилегии и иммунитеты. Возможно, ее повторный брак с могущественным графом Амьенским, союзником Нормандского герцога Вильгельма, заво-

евателя Англии, также был своего рода гарантией безопасности положения королевской династии [18, р. 231–232].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

The article was written with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00247 “The Courts of Russian Princesses in Old Rus and Western Europe in the system of power structures in the Middle Ages and Early Modern Times (11th – 16thс.)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартелими, Д. Рыцарство. От древней Германии до Франции XII века / Д. Бартелими. – СПб. : Евразия, 2012. – 584 с.
2. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
3. Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене. – М. : Языки славянских культур, 2002. – 496 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV : Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. – М. : Русский фонд содействия образованию, 2010. – С. 100–104.
5. Иона Орлеанский. О королевских обязанностях / подг. И. И. Аникьев. – СПб. : Евразия, 2020. – 224 с.
6. Капетинги. История династии (987–1328) / Э. Мартен, Ф. Менап, Б. Мердриньяк, М. Шавен. – СПб. : Евразия, 2017. – 688 с.
7. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
8. Малинин, Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья / Ю. П. Малинин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 452 с.
9. Мусин, А. Е. Анна Киевская: между историографией и историей / А. Е. Мусин // Княжа доба: історія і культура. – 2014. – Вип. 8. – С. 145–172.
10. Мусин, А. Е. Брачный союз Генриха Капетинга и Анны Ярославны: причины, обстоятельства, последствия / А. Е. Мусин // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М. : ИВИ РАН, 2010. – С. 172–184.
11. Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков / Ш. Пти-Дютайи. – СПб. : Евразия, 2001. – 448 с.
12. Фавтье, Р. Капетинги и Франция / Р. Фавтье. – СПб. : Евразия, 2001. – 294 с.
13. Шишкин, В. В. Средневековая Франция. V–XVI века / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2019. – 96 с.
14. Aimoini Monachi Inclyti Coenobii D. Germani a Pratis Libri Quinque de Gestis Francorum. – Parisiis : Iacobus Du Breul – Binet, 1602. – 950 p.
15. Archon, l’abbé. Histoire ecclésiastique de la Chapelle des rois de France / l’abbé Archon. – Т. 2. – Paris : Le Mercier, 1711. – 794 p.
16. Barthélemy E. de. Diocèse ancien de Châlons-sur-Marne / E. de Barthélemy. – Paris : A. Aubry, 1861. – 457 p.
17. Barthélemy, E. de. Histoire de la ville de Châlons-sur-Marne / E. de Barthélemy. – Châlons : E. Laurent, 1854. – 374 p.
18. Bates, D. Guillaume le Conquérant / D. Bates. – Paris : Flammarion, 2018. – 855 p.
19. Bautier, R.-H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle: étude critique de la documentation / R.-H. Bautier // Revue des études slaves. – Т. 57. – Fasc. 4. – 1985 : Aspects des relations intellectuelles entre la France, la Russie et l’U.R.S.S. / Sous la dir. de R.-H. Bautier. – P. 539–564.
20. Boussard, J. Actes royaux et pontificaux des Xe et XIe siècles du chartrier de Saint-Maur des Fossés / J. Boussard // Journal des savants. – Année 1972. – № 2. – P. 81–113.
21. Boussard, J. Les évêques en Neustrie avant la Réforme grégorienne (950–1050 environ) / J. Boussard // Journal des savants. – 1970. – № 3. – P. 161–196.
22. Branner, R. The Sainte-Chapelle and the Capella Regis in the Thirteenth Century / R. Branner // Gesta. – 1971. – Vol. 10, № 1. – P. 19–22.
23. Cartulaire général de l’Yonne / Publ. sous la dir. de M. Quantin. – Т. II. – Auxerre : Perriquet et Rouillé, 1860. – 702 p.
24. Clavel de Saint-Geniez, le chanoine. Histoire chrétienne des diocèses de France / le chanoine Clavel de Saint-Geniez. – Т. I. – Paris : L. Vivès, 1855. – 614 p.
25. Debax, H. Des vice-comtes aux vicomtes, des vicomtes aux vicomtés / H. Debax / Éd. Hélène Debax. Vicomtes et vicomtés dans l’Occident médiéval. – Toulouse : Presses universitaires de Mirail, 2008. – P. 7–19.
26. Demouy, P. Actes des archevêques de Reims d’Arnoul à Renaud II, 997–1139. Т. II. Thèse pour le doctorat / P. Demouy. – Nancy : Univ. de Nancy, 1982. – 282 p.
27. Demouy, P. Le sacre de la reine de France dans le pontifical de l’Église de Reims (BM Reims, Ms. 343) / P. Demouy // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. – 2013/2015. – P. 284–297.
28. Demouy, P. Notre-Dame de Reims, sanctuaire de la monarchie sacrée / P. Demouy. – Paris : C.N.R.S. Editions, 1995. – 128 p.

29. Dhondt, J. Henri Ier, l'Empire et l'Anjou (1043–1056) / J. Dhondt // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – 1946. – T. 25. – Fasc. 1–2. – P. 87–109.
30. Dhondt, J. Quelques aspects du règne d'Henri Ier, roi de France / J. Dhondt // *Mélanges d'histoire du Moyen Âge: dédiés à la mémoire de Louis Halphen*. – Paris : PUF, 1951. – P. 199–208.
31. *Diplomata Henrici I, Francorum regis* // *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. – T. XI. – Paris : Delatour et Cie, 1767. – P. 565–606.
32. Dom Toussaints du Plessis. Histoire de l'Église de Meaux / Dom Toussaints du Plessis. – T. I. – Paris : J.-M. Gandouin, 1731. – 1495 p.
33. Du Chesne, F. Histoire des chanceliers et des gardes des sceaux de France / F. Du Chesne. – Paris : chez l'auteur, 1680. – 786 p.
34. Du Chesne, F. *Historiae Francorum scriptores* / F. Du Chesne. – T. IV. – Lutetiae Parisiorum : S. Cramoisy, 1641. – 327 p.
35. Du Peyrat, G. Histoire ecclésiastique de la cour / G. Du Peyrat. – Paris : H. Sara, 1645. – 1008 p.
36. Encyclopédie théologique. Dictionnaire de Géographie Sacrée et Ecclésiastique / Éd. J.-P. Migne. – T. 29. – Paris : J.-P. Migne, 1849. – 1204 coll.
37. *Ex Chronico S. Petri vivi Senonensis, auctore Clario monacho* // *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. – T. XI. – Paris : Delatour et Cie, 1767. – P. 196–198.
38. *Ex Vita S. Lietberti, episcopi Cameracensis* // *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. – T. XI. – Paris : Delatour et Cie, 1767. – P. 481–482.
39. Farquhar-Monpetit, M. Le psautier d'Odalric de Reims et le manuscrit 15 de la Bibliothèque municipale / M. Farquhar-Monpetit // *Un homme, un livre au XIème siècle. Le prévôt Odalric et le manuscrit 15 de la Bibliothèque municipale de Reims* / Éd. P. Corbet et P. Demouy. – Reims : Académie nationale de Reims, 2015. – P. 59–138.
40. Fisquet, H. La France pontificale (*Gallia Christiana*). Metropole de Sens / H. Fisquet. – Paris : E. Repos, 1868. – 475 p.
41. Fliche, A. Le règne de Philippe Ier, roi de France (1060–1108) / A. Fliche. – Paris : Sté fr. d'imprimerie et de librairie, 1912. – 600 p.
42. Gassies, G. L'ambassade de Gautier Ier, évêque de Meaux, à la cour de Russie / G. Gassies. – Meaux : G. Lepillet, 1910. – 4 p.
43. Guillot, O. Hugues Capet et les premiers Capétiens / O. Guillot. – Paris : Tallandier, 2002. – 159 p.
44. Guyotjeannin, O. Les actes d'Henri Ier et la chancellerie royale dans les années 1020–1060 / O. Guyotjeannin // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. – 132 année. – 1988. – № 1. – P. 81–97.
45. Guyotjeannin, O. Les évêques dans l'entourage royal sous les premiers Capétiens / O. Guyotjeannin // *Le Roi de France et son royaume autour de l'an mil* / Éd. M. Parisse et X. Barral. – Paris : Picard, 1992. – P. 91–98.
46. Guyotjeannin, O. Résidences et palais des premiers Capétiens en Île-de-France / O. Guyotjeannin // *Vincennes, aux origines de l'État moderne* / Éd. J. Chapelot et E. Lalou. – Paris : PENS, 1996. – P. 123–135.
47. Hallu, R. Anne de Kiev, reine de France / R. Hallu. – Roma : Ed. Universitatis Catholicae Ucrainorum S. Clementis papae, 1973. – 247 p.
48. Helgaud de Fleury. Vie de Robert le Pieux / Éd. R.-H. Bautier et G. Labory. – Paris : C.R.N.S., 1965. – 166 p.
49. Hincmar de Reims. *De ordini palatii* / Éd. M. Prou. – Paris : E. Vieweg, 1885. – Ch. 32.
50. Jaffé, P. *Regesta pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum 1198* / P. Jaffé. – T. I. – Lipsiae : Veit et Comp., 1885. – 957 p.
51. Juenin, P., chanoine. Nouvelle histoire de l'abbaye royale et collegiale de Saint-Filibert, et de la ville de Tournus / chanoine P. Juenin. – Dijon : A. de Fay, 1733. – 384 p.
52. La Selle, X. Le service des âmes à la cour: confesseurs et aumôniers des rois de France, du XIIIe au XVe siècles / X. La Selle. – Paris : École nationale des Chartes, 1995. – 370 p.
53. Lemarignier, J.-F. Le gouvernement royal aux premiers temps Capétiens (987–1168) / J.-F. Lemarignier. – Paris : Picard, 1965. – 225 p.
54. *Les Grands chroniques de France*. T. V / Éd. J. Viard. – Paris : Champion, 1928. – 328 p.
55. Macquer, Ph. Abrégé chronologique de l'histoire ecclésiastique / Ph. Macquer. – T. 2. – Paris : Herissant fils, 1768. – 623 p.
56. Moeglin, J.-M. Diplomatie et 'relations internationales' au Moyen Âge (IXe – XVe siècle) / J.-M. Moeglin, S. Péquignot. – Paris : Presses universitaires de France, 2017. – 1112 p.
57. *Monumenta Germaniae Historica*. – T. 2. – Pars 1: *Concilia aevi Karolini (742–842)* / Éd. A. Werminghoff. – Hannover-Leipzig : Hahn, 1906. – 466 s.
58. Morand, S.-J. Histoire de la Chapelle Royale du Palais / S.-J. Morand. – Paris : Clousier, 1790. – 586 p.
59. Oroux, E., l'abbé. Histoire ecclésiastique de la cour de France / l'abbé E. Oroux. – T. I. – Paris : Imprimerie royale, 1777. – 716 p.
60. Ott, J. S. Bishops, Authority and Community in Northwestern Europe, c. 1050–1150 / John S. Ott. – Cambridge : Cambridge university press, 2015. – 380 p.
61. Paris, L. Roger II, XLIVe évêque de Chalon, sa vie et mission en Russie (1048) / L. Paris // *La Chronique de Champagne* / Éd. L. Paris. – T. II. – Reims-Paris : Techener, 1837. – P. 89–99.
62. *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Éd. J.-P. Migne. – T. 144 (1): *S. Petri Damiani... opera omnia*. – Paris : J.-P. Migne, 1853. – 1064 coll.

63. Pécheur, L.-V., l'abbé. Annales du diocèse de Soissons / l'abbé L.-V. Pécheur. – T. II. – Soissons : Morel, 1868. – 657 p.

64. Perrichet, L. La grande chancellerie de France, des origines à 1328. Thèse pour le doctorat / L. Perrichet. – Paris : Libr. de la Sté du Recueil Sirey, 1912. – 608 p.

65. Ravaux, J.-P. Les évêques de Châlons des origines à 1789 / J.-P. Ravaux // Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, sciences et arts de la Marne. – 1983. – T. XCVIII. – P. 49–121.

66. Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des-Champs, monastère parisien / Éd. J. Depoin. – T. I. – Paris : Jouve, 1912. – 328 p.

67. Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1060–1108) / Éd. M. Prou. – Paris : Imprimerie Nationale, 1908. – CCL–567 p.

68. Recueil des historiens des Gaules et de la France. – T. X. – Paris : Libraires associés, 1760. – 952 p.

69. Rituel du diocèse de Soissons. – T. I. – Paris : A. Boudet, 1753. – 319 p.

70. Rogeri de Wendover. Chronica sive flores historiarum / Nunc primus edidit Henricus O. Coxe M.A. – Vol. 1. – Londini : Sumptibus Societatis, 1841. – 560 p.

71. Rotberti regis privilegium pro Miciacensi monasterio // Patrologia Latina / Éd. J.-P. Migne. – T. 141 (1). – Paris : J.-P. Migne, 1853. – 1468 coll.

72. Soehnée, F. Catalogue des actes d'Henri Ier, roi de France / F. Soehnée. – Paris : H. Champion, 1907. – 147 p.

73. Tobiésen-Duby, P.-A. Traité des monnoies des barons / P.-A. Tobiésen-Duby. – T. I. – Paris : Imprimerie royale, 1790. – 184 p.

74. Vita Lietberti episcopi Cameracensis auctore Rudulfō monacho S. Sepuchri Cameracensis / Ed. A. Hofmeister // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. – T. 30. – Pars 2. – Lipsiae / Leipzig : Impensis Karoli W. Hiersemann, 1934. – S. 838–868.

75. Ward, E. J. Anne of Kiev (c. 1024 – c. 1075) and a reassessment of maternal power in the minority kingship of Philip I of France / E. J. Ward // Historical Research. – Vol. 89, № 245 (August 2016). – P. 435–453.

76. Zajac, T. 'Gloriosa Regina' or "Alien Queen"? Some reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075) / T. Zajac // Royal studies Journal. – 2016. – № 1 (3). – P. 28–70.

77. Zum Kolk, C. L'évolution d'un service curial: la chapelle de la reine de France (XIIIe-XVIe siècle) / C. zum Kolk // "La dame de cœur". Patronage et mécénat religieux des femmes de pouvoir dans l'Europe des XIVe-XVIIIe siècles / Éd. M. Gaude-Ferragu et C. Vincent-Cassy. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2016. – P. 51–66.

78. Chronique versifiée de Saint-Martin-des-Champs // British Library. Add. Mss. 11662. F. 4v. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_11662 (date of access: 18 May 2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Bartelemi D. *Rytsarstvo. Ot drevney Germanii do Frantsii XII veka* [Chivalry. From Ancient Germany to 12th Century in France]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 584 p.

2. Blok M. *Feodalnoe obshchestvo* [Feudal Society]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. 504 p.

3. Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kultura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2002. 496 p.

4. Nazarenko A.V., ed. *Drevnyaya Rus v svete zarubezhnykh istochnikov. T. IV: Zapadnoevropeyskie istochniki* [Ancient Rus in the Light of Foreign Sources. Vol. IV: Western European Sources]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu Publ., 2010, pp. 100–104.

5. Iona Orleanskiy. *O korolevskikh obyazannostyakh* [The Kings Duties]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 224 p.

6. Marten E., Menan F., Merdrinyak B., Shaven M. *Kapetingi. Istoriya dinastii (987–1328)* [Capetians. The History of the Dynasty (987–1328)]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2017. 688 p.

7. Le Goff Zh. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.

8. Malinin Yu.P. *Frantsiya v epokhu pozdnego Srednevekovya* [France in the Late Middle Ages]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 452 p.

9. Musin A.E. Anna Kievskaya: mezhdru istoriografey i istoriyey [Anna of Kiev: Between Historiography and History]. *Knyazha doba: istoriya i kultura*, 2014, iss. 8, pp. 145–172.

10. Musin A.E. Brachnyy soyuz Genrikha Kapetinga i Anny Yaroslavny: prichiny, obstoyatelstva, posledstviya [The Marriage of Henry I and Anna Yaroslavna: Reasons, Circumstances, Consequences]. *Drevnyaya Rus i srednevekovaya Evropa: vozniknovenie gosudarstv* [Ancient Russia and Medieval Europe: The Birth of States]. Moscow, IVIRAN, 2010, pp. 172–184.

11. Pti-Dyutayi Sh. *Feodalnaya monarkhiya vo Frantsii i v Anglii X–XIII vekov* [Feudal Monarchy in France and England in the 10th – 13th Centuries]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2001. 448 p.

12. Favtje R. *Kapetingi i Frantsiya* [Capetians and France]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2001. 294 p.
13. Shishkin V.V. *Srednevekovaya Frantsiya. V–XVI veka* [Medieval France. 5th – 16th Centuries]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2019. 96 p.
14. *Aimoini Monachi Inclyti Coenobii D. Germani a Pratis Libri Quinque de Gestis Francorum*. Parisiis, Iacobus Du Breul – Binet, 1602. 950 p.
15. Archon l'abbé. *Histoire ecclésiastique de la Chapelle des rois de France. T. 2*. Paris, Le Mercier, 1711. 794 p.
16. Barthélemy E. de. *Diocèse ancien de Châlons-sur-Marne*. Paris, A. Aubry, 1861. 457 p.
17. Barthélemy E. de. *Histoire de la ville de Châlons-sur-Marne*. Châlons, E. Laurent, 1854. 374 p.
18. Bates D. *Guillaume le Conquérant*. Paris, Flammarion, 2018. 855 p.
19. Bautier R.-H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle: étude critique de la documentation. *Revue des études slaves*, vol. 57, fasc. 4. Aspects des relations intellectuelles entre la France, la Russie et l'U.R.S.S., 1985, pp. 539-564.
20. Boussard J. Actes royaux et pontificaux des Xe et XIe siècles du chartrier de Saint-Maur des Fossés. *Journal des savants*, Année 1972, no. 2, pp. 81-113.
21. Boussard J. Les évêques en Neustrie avant la Réforme grégorienne (950–1050 environ). *Journal des savants*, 1970, no. 3, pp. 161-196.
22. Branner R. The Sainte-Chapelle and the Capella Regis in the Thirteenth Century. *Gesta*, 1971, vol. 10, no. 1, pp. 19-22.
23. Quantin de M., ed. *Cartulaire général de l'Yonne. T. II*. Auxerre, Perriquet et Rouillé, 1860. 702 p.
24. Clavel de Saint-Geniez le chanoine. *Histoire chrétienne des diocèses de France. T. I*. Paris L. Vivès, 1855. 614 p.
25. Debax H. Des vice-comtes aux vicomtes, des vicomtes aux vicomtés. *Éd. Hélène Debax. Vicomtes et vicomtés dans l'Occident médiéval*. Toulouse, Presses universitaires de Mirail, 2008, pp. 7-19.
26. Demouy P. *Actes des archevêques de Reims d'Arnoul à Renaud II, 997–1139. T. II. Thèse pour le doctorat*. Nancy, Univ. de Nancy, 1982. 282 p.
27. Demouy P. Le sacre de la reine de France dans le pontifical de l'Église de Reims (BM Reims, Ms. 343). *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France*, 2013/2015, pp. 284-297.
28. Demouy P. *Notre-Dame de Reims, sanctuaire de la monarchie sacrée*. Paris, C.N.R.S. Editions, 1995. 128 p.
29. Dhondt J. Henri Ier, l'Empire et l'Anjou (1043–1056). *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1946, T. 25, Fasc. 1–2, pp. 87-109.
30. Dhondt J. Quelques aspects du règne d'Henri Ier, roi de France. *Mélanges d'histoire du Moyen Âge: dédiés à la mémoire de Louis Halphen*. Paris, PUF, 1951, pp. 199-208.
31. *Diplomata Henrici I, Francorum regis. Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. XI*. Paris, Delatour et Cie, 1767, pp. 565-606.
32. Dom Toussaints du Plessis. *Histoire de l'Église de Meaux. T. I*. Paris, J.-M. Gandouin, 1731. 1495 p.
33. Du Chesne F. *Histoire des chanceliers et des gardes des sceaux de France*. Paris, chez l'auteur, 1680. 786 p.
34. Du Chesne F. *Historiae Francorum scriptores. T. IV. Lutetiae Parisiorum, S. Cramoisy*, 1641. 327 p.
35. Du Peyrat G. *Histoire ecclésiastique de la cour*. Paris, H. Sara, 1645. 1008 p.
36. *Encyclopédie théologique. Dictionnaire de Géographie Sacrée et Ecclésiastique. T. 29*. Paris, J.-P. Migne, 1849. 1204 col.
37. Ex Chronico S. Petri vivi Senonensis, auctore Clario monacho. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. XI*. Paris, Delatour et Cie, 1767, pp. 196-198.
38. Ex Vita S. Lietberti, episcopi Cameracensis. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. XI*. Paris, Delatour et Cie, 1767, pp. 481-482.
39. Farquhar-Monpetit M. Le psautier d'Odalric de Reims et le manuscrit 15 de la Bibliothèque municipale. *Un homme, un livre au XIe siècle. Le prévôt Odalric et le manuscrit 15 de la Bibliothèque municipale de Reims*. Reims, Académie nationale de Reims, 2015, pp. 59-138.
40. Fisquet H. *La France pontificale (Gallia Christiana). Métropole de Sens*. Paris, E. Repos, 1868. 475 p.
41. Fliche A. *Le règne de Philippe Ier, roi de France (1060–1108)*. Paris, Sté fr. d'imprimerie et de librairie, 1912. 600 p.
42. Gassies G. *L'ambassade de Gautier Ier, évêque de Meaux, à la cour de Russie*. Meaux, G. Lepillet, 1910. 4 p.
43. Guillot O. *Hugues Capet et les premiers Capétiens*. Paris, Tallandier, 2002. 159 p.
44. Guyotjeannin O. Les actes d'Henri Ier et la chancellerie royale dans les années 1020–1060. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1988, 132e année, no. 1, pp. 81-97.
45. Guyotjeannin O. Les évêques dans l'entourage royal sous les premiers Capétiens. *Le Roi de France et son royaume autour de l'an mil*. Paris, Picard, 1992, pp. 91-98.
46. Guyotjeannin O. Résidences et palais des premiers Capétiens en Île-de-France. *Vincennes, aux origines de l'État moderne*. Paris, PENS, 1996, pp. 123-135.
47. Hallu R. *Anne de Kiev, reine de France*. Roma, Ed. Universitatis Catholicae Ucrainorum S. Clementis papae, 1973. 247 p.

48. Helgaud de Fleury. *Vie de Robert le Pieux*. Paris, C.R.N.S., 1965. 166 p.
49. Hincmar de Reims. *De ordini palatii*. Paris, E. Vieweg, 1885. Ch. 32.
50. Jaffé P. *Regesta pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum 1198*. T. I. Lipsiae, Veit et Comp., 1885. 957 p.
51. Juenin P., chanoin. *Nouvelle histoire de l'abbaye royale et collegiale de Saint-Filibert, et de la ville de Tournus*. Dijon, A. de Fay, 1733. 384 p.
52. La Selle X. *Le service des âmes à la cour: confesseurs et aumôniers des rois de France, du XIIIe au XVe siècles*. Paris, École nationale des Chartes, 1995. 370 p.
53. Lemaignier J.-F. *Le gouvernement royal aux premiers temps Capétiens (987–1168)*. Paris, Picard, 1965. 225 p.
54. *Les Grands chroniques de France*. T. V. Paris, Champion, 1928. 328 p.
55. Macquer Ph. *Abrégé chronologique de l'histoire ecclésiastique*. T. 2. Paris, Herissant fils, 1768. 623 p.
56. Moeglin J.-M., Péquignot S. *Diplomatie et 'relations internationales' au Moyen Âge (IXe – XVe siècle)*. Paris, Presses universitaires de France, 2017. 1112 p.
57. Werminghoff A., Hrsg. *Monumenta Germaniae Historica*. T. 2. Pars 1: *Concilia aevi Karolini (742–842)*. Hannover-Leipzig, Hahn, 1906. 466 S.
58. Morand S.-J. *Histoire de la Chapelle Royale du Palais*. Paris, Clousier, 1790. 586 p.
59. Oroux E. l'abbé. *Histoire ecclésiastique de la cour de France*. T. I. Paris, Imprimerie royale, 1777. 716 p.
60. Ott J.S. *Bishops, Authority and Community in Northwestern Europe, c. 1050–1150*. Cambridge, Cambridge university press, 2015. 380 p.
61. Paris L. Roger II, XLIVe évêque de Chaalons, sa vie et mission en Russie (1048). *La Chronique de Champagne*. T. II. Reims-Paris, Techener, 1837, pp. 89-99.
62. *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. T. 144 (1): *S. Petri Damiani... opera omnia*. Paris, J.-P. Migne, 1853. 1064 col.
63. Pécheur L.-V. l'abbé. *Annales du diocèse de Soissons*. T. II. Soissons, Morel, 1868. 657 p.
64. Perrichet L. *La grande chancellerie de France, des origines à 1328. Thèse pour le doctorat*. Paris, Libr. de la Sté du Recueil Sirey, 1912. 608 p.
65. Ravaux J.-P. Les évêques de Châlons des origines à 1789. *Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, sciences et arts de la Marne*, 1983, T. XCVIII, pp. 49-121.
66. *Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des-Champs, monastère parisien*. T. I. Paris, Jouve, 1912. 328 p.
67. *Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1060–1108)*. Paris, Imprimerie Nationale, 1908. CCL–567 p.
68. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. T. X. Paris, Libraires associés, 1760. 952 p.
69. *Rituel du diocèse de Soissons*. T. I. Paris, A. Boudet, 1753. 319 p.
70. *Rogeri de Wendover. Chronica sive flores historiarum*. Vol. 1. Londini, Sumptibus Societatis, 1841. 560 p.
71. Rotberti regis privilegium pro Miciacensi monasterio. *Patrologia Latina*. T. 141 (1). Paris, J.-P. Migne, 1853. 1468 col.
72. Soehnée F. *Catalogue des actes d'Henri Ier, roi de France*. Paris, H. Champion, 1907. 147 p.
73. Tobiésen-Duby P.-A. *Traité des monnoies des barons*. T. I. Paris, Imprimerie royale, 1790. 184 p.
74. Hofmeister A., ed. Vita Lietberti episcopi Cameracensis auctore Rudulfo monacho S. Sepuchri Cameracensis. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. 30. Pars 2. Lipsiae, Leipzig, Impensis Karoli W. Hiersemann, 1934, S. 838-868.
75. Ward E.J. *Anne of Kiev (c. 1024 – c. 1075) and a reassessment of maternal power in the minority kingship of Philip I of France*. *Historical Research*, 2016, August, vol. 89, no. 245, pp. 435-453.
76. Zajac T. 'Gloriosa Regina' or "Alien Queen"? Some reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075). *Royal Studies Journal*, 2016, no. 1 (3), pp. 28-70.
77. Zum Kolk C. L'évolution d'un service curial: la chapelle de la reine de France (XIIIe-XVIe siècle). "La dame de cœur". *Patronage et mécénat religieux des femmes de pouvoir dans l'Europe des XIVe-XVIIIe siècles*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2016, pp. 51-66.
78. Chronique versifiée de Saint-Martin-des-Champs. *British Library*. Add. Mss. 11662. F. 4v. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_11662 (accessed 18 May 2020).

Information About the Author

Vladimir V. Shishkin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Sredniy, 57, 199178 Saint Petersburg, Russian Federation; Research Laboratory Assistant, Institute of History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, shishkin-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5163-5474>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Шишкин, доктор исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Средний, 57, 199178 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; лаборант-исследователь Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, shishkin-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5163-5474>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.2>

UDC 94(430).06
LBC 63.3(0)52

Submitted: 12.07.2019
Accepted: 21.11.2019

**GOD, KING, FATHERLAND – AND ELECTIONS.
THE INTRODUCTION OF THE MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN PRUSSIA
IN 1808 SEEN THROUGH THE PERSPECTIVE OF THE PROTESTANT SERMON**

Dmitrii V. Sterkhov

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The current study focuses on a number of sermons preached by the Prussian Protestant ministers on the occasion of the first municipal elections in Prussia in 1809–1810. The paper seeks to show that the Prussian Protestant clergy supported the introduction of the municipal self-government and inspired the population to take part in elections. *Methods.* The paper presents a case study dealing with the problem of the interaction between religious and political spheres in the early nineteenth century. This gives rise to the interdisciplinary approach adopted in the current study. *Analysis.* Prussian Protestant preachers combined religious symbols with liberal vocabulary advancing the thesis that a good Christian is an honest citizen. The sermons abounded in such terms as “public spirit”, “civic responsibility” or “love of the Fatherland”. God was directly involved in the earthly politics since the municipal self-government was regarded as a divine gift from heaven. The Holy Spirit was thought to be present at municipal elections watching over the minds and the hearts of citizens. Prussian Monarch Frederick William III was stylized in the sermons as a typical “citizen King” who respected the rights of his subjects. The Prussian Kingdom was imagined as a big family with the King as the Father of the nation, the Prussians being his grown-up children. The introduction of the municipal self-government was thus described as “coming of age” of the Prussian people. *Conclusion.* The case study of the Protestant clergy supporting the liberal reforms conducted by the Prussian government proves that modernization did not always mean secularization.

Key words: Stein-Hardenberg reforms, modernization, secularization, sermon, Municipal Ordinance of 1808, Frederick William III, religion and politics, Prussian Reform Movement.

Citation. Sterkhov D.V. God, King, Fatherland – And Elections. The Introduction of the Municipal Self-Government in Prussia in 1808 Seen Through the Perspective of the Protestant Sermon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 20-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.2>

УДК 94(430).06
ББК 63.3(0)52

Дата поступления статьи: 12.07.2019
Дата принятия статьи: 21.11.2019

**БОГ, КОРОЛЬ, ОТЕЧЕСТВО – И ВЫБОРЫ.
РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1808 г.
В ОТРАЖЕНИИ ПРУССКОЙ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПРОПОВЕДИ**

Дмитрий Владимирович Стерхов

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят анализ проповедей прусских протестантских пасторов, прочитанных ими по случаю проведения первых муниципальных выборов в Пруссии в 1809–1810 годах. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, с помощью каких аргументов прусские проповедники пытались убедить свою паству в разумности и целесообразности городской реформы 1808 года. Комбинируя религи-

озные символы и либеральную лексику, священники выдвигали тезис о том, что истинный христианин должен быть честным гражданином, добросовестно исполняющим свои обязанности перед обществом и государством. Городское самоуправление преподносилось в проповедях как дар небес, тем самым Бог напрямую вмешивался в земную политику. Прусский монарх Фридрих Вильгельм III изображался духовенством как «король-гражданин», который правит в соответствии с законом и уважает свободы своих подданных. Само прусское королевство вообразалось как одна большая семья во главе с королем – отцом нации. Пруссаки выступали в качестве детей, достигших совершеннолетия, в связи с чем отец-король даровал им право самоуправления. Пример Пруссии, где либеральные реформы активно поддерживались протестантской церковью, свидетельствует о том, что процесс модернизации, имевший место в Европе в XIX в., не всегда означал секуляризацию.

Ключевые слова: реформы Штайна-Гарденберга, модернизация, секуляризация, проповедь, Городское уложение 1808 года, Фридрих Вильгельм III, религия и политика, прусские реформы.

Цитирование. Стерхов Д. В. Бог, король, отечество – и выборы. Реформа городского самоуправления 1808 г. в отражении прусской протестантской проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 20–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.2>

Введение. Катастрофическое поражение, понесенное Пруссией в войне против Франции 1806–1807 гг., стало катализатором политики либеральных преобразований, связанных в первую очередь с именами великих прусских реформаторов барона Генриха Фридриха Карла фон унд цум Штайна и Карла Августа фон Гарденберга. Одной из наиболее известных стала реформа городского самоуправления, утвержденная королевским указом 19 ноября 1808 года. В основе городской реформы, автором которой стал ближайший сподвижник Штайна, кенигсбергский чиновник Иоганн Готтфрид Фрай, лежала идея самоуправления: отныне практически все вопросы муниципальной жизни должны были решаться самими жителями города, чьи интересы представляло выборное собрание депутатов (*Stadtverordnetenversammlung*). Прогрессивный характер реформы заключался в первую очередь в том, что депутаты избирались не по сословиям, цехам или гильдиям, а от всей городской общины в целом. Кроме того, отменялись права и привилегии отдельных городов, в Пруссии стала складываться унифицированная муниципальная система [16, р. 38–40].

Несмотря на свой прогрессивный характер, реформа имела существенные недостатки. Так, избирательные права предоставлялись не автоматически, а были ограничены цензом оседлости, а также образовательным и имущественным цензами. Женщины, дети, слуги, подмастерья, гарнизонные солдаты, лица без определенного места жительства и постоян-

ного заработка, по сути, были исключены из гражданской общности. Круг лиц, приобретающих гражданские права, был крайне ограничен и составлял не более 8–9 % городского населения. В эту категорию попадали преимущественно зажиточные домохозяева, ремесленники, купцы, интеллигенция и чиновники. Однако даже те, кто получал гражданские права, не спешили ими воспользоваться, так как большая часть городского населения не понимала смысла реформы и рассматривала самоуправление как тяжкую повинность, от которой следовало всячески уклоняться. Барон фон унд цум Штайн предвидел подобное развитие событий, поэтому еще в процессе разработки проекта настоял на том, чтобы привлечь протестантское духовенство к процессу популяризации реформы. По идее министра, муниципальным выборам должны были предшествовать праздничные богослужения, сопровождаемые чтением проповедей [8, р. 69].

В данной работе предпринята попытка проанализировать значение религиозной аргументации в процессе популяризации реформы городского самоуправления прусским протестантским духовенством. Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи:

1. Определить, каким образом прусские пасторы комбинировали христианские символы и понятия с либеральной терминологией.
2. Установить, какую роль в политической жизни пруссаков духовенство отводило Богу.

3. Выяснить, какую роль в процессе подготовки реформы пасторы отводили прусскому монарху Фридриху Вильгельму III и с помощью каких средств создавали образ «короля-гражданина».

4. Оценить значение терминологии семейных отношений, с помощью которой прусские проповедники обосновывали необходимость реформы городского самоуправления.

Актуальность работы объясняется возросшим с начала 2000-х гг. интересом историков и социологов к проблеме взаимосвязи религии и государства, а также спорами, ведущимися вокруг теории модернизации и секуляризации, согласно которой складывание современного общества шло параллельно с процессом обмирщения сознания и культуры. Теория модернизации имела огромное влияние на развитие социально-гуманитарных наук во второй половине XX в., однако сегодня она подвергается резкой критике многими исследователями [6, р. 12–13]. Пример Пруссии призван показать, что модернизация не всегда означает секуляризацию.

Методы и материалы. В основе статьи лежит метод ситуационного анализа, позволяющий подробно изучить конкретную историческую ситуацию для понимания более глобального исторического процесса. Объектом исследования является взаимодействие религиозной и политической сфер в начале XIX в., в связи с чем применяется междисциплинарный анализ. Предмет исследования – взгляды прусского протестантского духовенства на городскую реформу 1808 г., высказанные ими в прочитанных и опубликованных проповедях. Источниковую базу исследования составляют 19 проповедей, прочитанных по случаю избрания или приведения к присяге городских представителей, также статья опирается на историографию проблемы введения городского самоуправления в Пруссии в 1808–1809 годах.

В научной литературе городская реформа 1808 г. рассматривается как важный шаг на пути к демократии и гражданскому обществу [2, р. 20]. Цель реформы, по мнению некоторых исследователей, заключалась в политическом воспитании нации, пробуждении духа общности, патриотизма и гражданской ответственности [1, р. 70]. Известный исто-

рик Томас Ниппердай трактовал городскую реформу как первый шаг к эмансипации гражданского общества [16, р. 39]. Вместе с тем некоторые историки указывают на недостатки реформы и ее низкую популярность среди населения. Так, по мнению Бернда фон Мюнхов-Поля, население Пруссии совсем не было готово к самоуправлению [12, р. 124–127]. Историк Илья Мик высказывал мнение, что закон о городском самоуправлении был больше консервативным, чем либеральным [11, р. 70–71]. Мало кто из авторов, занимавшихся изучением реформы, обращался к вопросу о том, с помощью каких средств прусское правительство пыталось популяризовать реформу среди населения и какая роль в этом процессе отводилась религии.

Примерно в середине XVIII в. в Пруссии сложилась традиция издавать проповеди, рассчитанные на массового читателя. Важную роль сыграли события Семилетней войны (1756–1763 гг.), так как именно в этот период в проповедях стали затрагиваться общественно-политические вопросы. В эпоху Наполеоновских войн проповедь продолжала оставаться одним из наиболее популярных жанров повседневной литературы, что объяснялось несколькими причинами. Во-первых, ввиду отсутствия современных средств массовой информации в XVIII–XIX вв. основным способом получения и обмена новостями, в том числе и политического характера, служило посещение церковного богослужения. Проповедь обладала несомненным преимуществом по сравнению с памфлетом или газетной статьей, так как она не просто печаталась, но в первую очередь произносилась вслух, охватывая тем самым и неграмотное население [17, р. XIII–XIV]. Во-вторых, еще в XVII в. в Пруссии сложилась система бюрократического управления церковью (*landesherrliches Kirchenregiment*), в рамках которой священник, по сути, являлся государственным чиновником, которого назначал особый орган по управлению делами церкви (консистория). Круг обязанностей прусского пастора не ограничивался только заботой о душах прихожан, духовенству приписывались новые функции, как, например, перепись населения, составление списков рекрутов для армии, зачитывание с церковных амвонов пра-

вительственных постановлений и прокламаций, организация религиозно-патриотических праздников и т. д. [9, р. 99–100]. Выступая от имени государства, прусский священник играл роль посредника между властью и обществом. И, конечно же, проповедник мог внушать своим прихожанам те идеи, которые были выгодны власти. Соответственно, проповедь отчасти служила инструментом государственной пропаганды. В Пруссии механизм мобилизации духовенства в интересах государства был хорошо отлажен и активно применялся в эпоху Наполеоновских войн.

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что введение городского самоуправления также сопровождалось чтением и публикацией значительного числа проповедей, прочитанных прусскими протестантскими пасторами по этому поводу в 1809–1810 годах. Стоит отметить, что не только проповедники из крупных городов, таких как Берлин или Кенигсберг, стремились отдать в печать свои проповеди, но также пасторы из маленьких общин находили возможность донести свои идеи до как можно более широкого круга читателей. До нас дошли проповеди таких крупных теологов, как Фридрих Шлейермахер (Берлин) или Рулеманн Фридрих Эйлерт (Потсдам), но также и малоизвестных проповедников, к числу которых относятся пасторы Вильгельм Вегенер (Цюллихау, Бранденбург), Иоганн Нойманн (Альтландсберг, Бранденбург), Томас Тиде (Райхенбах, Силезия), Иоганн Трист (Шеттин, Померания), суперинтендант Юстус Фердинанд Шульце (Фюрстенвальде, Бранденбург). Проповеди прусских пасторов, прочитанные по поводу введения городского самоуправления, дают нам представление о том, с помощью каких аргументов священники пытались убедить население в разумности и целесообразности нового закона.

Анализ. Первая задача, которая стояла перед пасторами, заключалась в том, чтобы объяснить смысл абсолютно новой и непонятной для многих процедуры выборов. Не случайно некоторые проповеди начинались с того, что священник подробно разъяснял техническую сторону королевского указа. Многие пасторы отмечали нежелание жителей являться на выборы ввиду страха перед непривычным мероприятием [29, р. 58] или слишком сильной

привязанностью к старым порядкам и предрасудкам [18, р. 12], в связи с чем и возникала необходимость убедить паству в правильности нового городского уложения с религиозной точки зрения. При этом стоит отметить тот факт, что пасторы стремились соединить религиозные понятия и христианские символы с либеральной лексикой, свойственной высшему прусскому чиновничеству. Такие термины, как «дух общности» (*Gemeingeist*), «гражданственность» (*Bürgersinn*), «любовь к отечеству» (*Vaterlandsliebe*), «гражданская ответственность» (*bürgerliches Verantwortungsgefühl*), «гражданские свободы» (*bürgerliche Freiheiten*), которыми оперировали авторы закона о городском самоуправлении, активно использовались проповедниками в их речах. Проповеди пестрят такими понятиями, как «гражданин» (*Bürger*), «гражданский» (*bürgerlich*) и производными от них. Сам день выборов предстает в проповедях как религиозный и гражданский праздник одновременно [14, р. 57]. Это обстоятельство говорит о том, что новые либеральные понятия достаточно прочно вошли в лексикон прусского протестантского духовенства.

Понятие «гражданин» проповедники тесно связывали с представлениями о правах, которыми он должен обладать. Так, Иоганн Трист из померанского Штеттина считал прежде, устаревшее значение слова «гражданин», под которым понимался «не более чем житель города, который постоянно проживает в нем, занимается ремеслом, платит налоги и несет всевозможные повинности», слишком узким и ограниченным. Тот, кто не имеет прав, утверждал священник, не может именоваться настоящим гражданином. Новое городское уложение как раз было призвано восстановить справедливость: «Теперь больше так не должно быть. Настоящие, полные права будут возвращены гражданину» [27, р. 9–10]. На то же указывал и силезский проповедник Томас Тиде, который полагал, что именно наличие прав и свобод делает из подданного ответственного и самостоятельного гражданина [25, р. 3]. Однако понятие «гражданство» включало в себя и наличие обязанностей перед государством, нести которые помогала христианская этика. Проповедники апеллировали к традиционному представлению о любой власти как данной свыше Богом, так, пот-

сдамский пастор Рулеманн Эйлерт напоминал в одной из своих проповедей: «Власть дана Богом, а значит, что каждый является подданным. Кто противится своей власти, тот противится божественному порядку, а значит, его ждет суровое наказание» [4, р. 409]. Однако отличие подобного отношения к власти от раболепного повиновения проповедник видел в том, что настоящий гражданин повинует власти из убеждения и полного осознания своей гражданской ответственности, в то время как раб пытается избежать наказания. Та же мысль звучит в проповеди Фридриха Шлейермахера, который делал прямое различие между рабским повиновением власти из-за боязни наказания и осознанным повиновением законам. Именно в добровольном подчинении законам Шлейермахер видел истинную свободу гражданина [18, р. 6]. Суть нового гражданского состояния заключалась в балансе свободы и ответственности перед обществом. В этом же духе высказывался проповедник Нойманн, отвечая на вопрос, что такое гражданский порядок: «Под таким порядком мы понимаем гражданское состояние, согласно которому благополучие города достигается благодаря принятым сверху и согласованным с избранными и полномочными гражданами законам. Ошибается тот, кто полагает, что новое городское уложение предоставляет такие неограниченные свободы, согласно которым и начальники, и подчиненные могли бы действовать по своему усмотрению, не неся ответственности перед государственными органами власти» [13, р. 91].

Таким образом, религиозная мораль и христианская этика должны были разумно ограничивать свободу гражданина и напоминать ему об обязанностях перед обществом и государством. В связи с этим прусские священники выдвигали тезис о том, что истинный гражданин одновременно является истинным христианином. Религиозные и гражданские ценности сливались воедино. Проповедник Пальме завершал свою проповедь молитвой, которая заканчивалась такими словами: «Давайте же мы будем как истинными христианами, так и хорошими гражданами; как приверженцы религии любви давайте же думать не только о себе, но и о других; давайте же мы соединим законы государства с зако-

нами нравственности и добродетели» [30, р. 70–71]. Сходство между гражданином и верующим находил и пастор Трист: точно так же, как и истинный христианин, истинный гражданин думает о благе общества, неуклонно следует законам, помогает нуждающимся и страждущим, а в случае необходимости жертвует самым ценным ради спасения большинства. Как настоящий верующий, настоящий гражданин «не думает о своем имуществе, о своем здоровье, о своем домашнем счастье, об опасностях, которые угрожают его жизни, если речь идет об исполнении своего гражданского долга» [27, р. 24]. О единстве гражданских и христианских обязанностей проповедовал и пастор Нойманн: «Благополучие всех государств зависит только лишь от того, насколько граждане руководствуются в своих поступках религиозными принципами. Также и наш город можно будет назвать благочестивым и праведным, если его фундаментом станет религия. Также и новое городское уложение послужит счастьем нашего города, если мы и поступками, и мыслями будем доказывать нашу приверженность религии, если власть предержавшие будут искать не человеческой благосклонности, а божьей милости, если жители нашего города будут добровольно следовать правительственным законам из любви к Богу» [13, р. 99–100]. Дабы сделать свою аргументацию еще более убедительной, многие проповедники прибегали к образам Иисуса Христа и апостола Павла как тех личностей, которые успешно сочетали в себе истинную религиозность и гражданскую ответственность. Так, в одной из проповедей, прочитанных еще в 1806 г., накануне войны с Францией, Фридрих Шлейермахер отмечал: «Прежде чем принести свет своего учения другим народам, Христос хотел предложить его сначала своим согражданам. Неустанно говорил он своему народу о том, что может послужить для его мира и процветания, даже несмотря на то, что в конце концов он мог лишь только плакать о несчастной судьбе своих соотечественников. Апостол Павел же, даже после того, как этот самый народ отверг единственный путь к спасению, продолжал славиться своим неугасающим патриотизмом, и мы знаем, какую боль он испытывал за своих сограждан. Наше призвание обя-

зывает нас во всем походить на эти примеры истинной веры» [20, р. 233]. Если основоположники христианской веры отличались гражданской сознательностью и ответственностью, то это же самое предписывалось и их последователям.

Являются ли гражданские права и обязанности продуктом человеческой деятельности? Прусские проповедники однозначно отвечали на этот вопрос: гражданские свободы имеют божественное происхождение. Настоящим автором реформы городского самоуправления в проповедях предстает сам Бог, который, выступая в качестве самостоятельно действующей личности, напрямую вмешивается в земную политику. Так, суперинтендант Шульце из городка Фюрстенвальде утверждал, что новое городское уложение является подарком небес, который Господь ниспосылает пруссакам в знак своего расположения к ним: «Примите этот дар, который шлют нам небеса от имени Бога. Будем тверды в нашем намерении чтить этот подарок как священную реликвию, благодаря которой мы сможем достичь совершенства, к которому она позволит нам возвыситься» [21, р. 80–81]. В этом был убежден и Иоганн Трист, который также рассматривал городское самоуправление как акт божьей милости [27, р. 7].

Если введение городского самоуправления преподносилось как результат божественной воли, то, конечно же, Бог должен был внимательно следить за тем, как его воля исполняется. Совсем не случайно выборы организовывались в виде праздничных богослужений и проходили в церквях – Всевышний незримо присутствовал во время процедуры избрания городских представителей, внимательно наблюдая за чувствами и думами избирателей. Проповедники, конечно же, напоминали своим слушателям о том, что они должны голосовать честно и непредвзято, ибо ответственность за свой выбор они несут перед самим Богом. Пастор Нойманн внушал горожанам накануне выборов: «Вы должны выбирать не ваших друзей, не ваших родственников, не ваших помощников в трудную минуту, не вашего заимодавца, но вы должны выбирать людей благоразумных и понимающих, отличающихся безупречной репутацией, неподкупной верностью, решительностью и

стойкостью в час опасности, не взирая при этом на свою личную выгоду и не надеясь на благодарность в ответ» [15, р. 6]. В случае же нечестного, предвзятого выбора на жителей города должен был вновь обрушиться божий гнев, о чем проповедники также неустанно напоминали своим согражданам, как, например, суперинтендант Шульце, который утверждал: «Горе тому, кто сам хорошо видит и понимает, что своим выбором он творит несправедливость, что он открывает двери нашего города глупости, грубости и злу, которые принесут нашему городу и нашей общине несчастье и горе, стыд и позор, ибо они обрушатся на его дом, на его семью, на его детей. Горе тому, кто видит и понимает, что своим несправедливым выбором он наносит нашему городу глубокие раны, которые будут кровоточить даже тогда, когда он сам уже умрет. Сможет ли такой человек жить в мире с Богом и собственной совестью? Не будет ли он упрекать и проклинать себя за свой несправедливый выбор? Не будет ли мучить его совесть на смертном одре? Не будет ли он терзаться чувством сожаления и раскаяния на Страшном суде?» [22, р. 66–67].

Приведение к присяге избранных городских представителей и членов нового магистрата, точно так же, как выборы, проводилось в церкви и сопровождалось чтением специальной проповеди. Вновь Бог незримо присутствовал при этой процедуре, выступая свидетелем приносимой клятвы, о чем, к примеру, напоминали собранию городских представителей пасторы Вегенер и Шульце, последний, обращаясь к бургомистру и членам городского совета, проповедовал так: «Вы приносите священную присягу, верность которой вы должны хранить всегда. Всевышний выступает сегодня в качестве свидетеля вашей клятвы. Он судит справедливо, и однажды он потребует от вас отчета, никогда вы не сможете избежать его всемогущей власти. В ваш последний час у вас не останется ничего, кроме Бога и вашей совести, и если вы хотите, чтобы ваш последний час прошел в мире и блаженстве, о, отцы этого города, я призываю вас именем Бога и короля, именем Отечества и этого города, я призываю вас, во имя всего, что вам дорого, во имя вашего душевного спокойствия, во имя вашего душевного спа-

сения: принесите истинную, верную клятву, исполните все, что вы пообещали!» [21, р. 87]. Подобные увещания, безусловно, служили в качестве своеобразной дисциплины как для тех, кто избирает, так и для тех, кого избирают. Городские жители и избранная ими городская администрация несли коллективную ответственность перед Богом за свои действия.

Несмотря на то что Бог объявлялся пасторами как истинный учредитель городского самоуправления, действовал он все же не напрямую, а через своего представителя – прусского короля. Примечателен тот факт, что в проповедях ни разу не упоминаются действительные разработчики городской реформы, в связи с чем у слушателей и читателей должно было сложиться впечатление, что инициатива исходила напрямую от монарха, хотя еще известный немецкий историк Макс Леманн в статье 1898 г. указывал на то обстоятельство, что роль Фридриха Вильгельма III, по сути, ограничилась только тем, что он поставил подпись под соответствующим указом. Реформа готовилась и обсуждалась исключительно представителями высшей бюрократии, словно никакого монарха в Пруссии и не существовало [10, р. 512]. Совсем обратную картину можно наблюдать в проповедях: именно король предстает в них как единственный автор реформы, именно он дарует городское самоуправление жителям Пруссии, а не его министры. Очевиден тот факт, что проповеди преследовали цель восстановить пошатнувшийся авторитет монарха, подорванный поражением 1806 г. и бегством из столицы в далекую Восточную Пруссию. С другой стороны, проповедники продолжали апеллировать к традиционной концепции монаршей власти милостью божьей, которая и в начале XIX в. продолжала оставаться популярной среди населения.

Тем не менее проповедники дополняли образ Фридриха Вильгельма III новыми чертами, которые выходили за пределы традиционной концепции правителя милостью божьей. В проповедях прусский монарх предстает как «король-гражданин» (*Bürgerkönig*), который близок к своему народу и практически ничем не отличается от своих граждан. В особенности пасторы выделяли нелюбовь Фридриха Вильгельма III к помпезности и роско-

ши. Простота и скромность придворной жизни, отсутствие пышности и лоска, характерных для абсолютных монархов, всячески подчеркивались проповедниками. Так, в одной из проповедей можно прочесть: «Наш добрый отец Отечества презирает всякую роскошь, которая слепит глаза, но слишком дорого обходится подданным. Он избегает любого расточительства, которое могло бы осветить его блеском и гляncем, но которое точно так же могло бы ввергнуть в нищету большую часть народа» [3, р. 43]. Скромный образ жизни, лишенный неестественной вычурности и излишней изысканности, органично сочетался с желанием монарха избегать публичности и искать личного счастья в лоне своей семьи. Однако Фридрих Вильгельм III предстал в качестве «короля-гражданина» не только потому, что он являлся образцом бюргерских добродетелей – в проповедях вполне отчетливо звучит и эгалитарный подтекст. Проповедники убеждали свою паству в том, что прусский монарх правит не как тиран, чьей воле все должны безоговорочно подчиняться, но как справедливый государь, который рассматривает своих подданных как равноправных граждан. По мнению проповедника Триста, Фридрих Вильгельм III ценил права и свободы подданных выше своих собственных прав и привилегий [27, р. 37], в то время как силезский пастор Самуэль Чеггей указывал на то обстоятельство, что король правит Пруссией не по своему усмотрению, а в соответствии с «законом и правом» [28, р. 92]. Фридрих Шлейермахер прослеживал традицию прусских королей рассматривать «всех граждан равными перед законом» еще со времен Фридриха II Великого [19, р. 367], в то время как Томас Тиде превозносил заслуги Фридриха Вильгельма III даже выше всех достижений его прославленного двоюродного деда [26, р. 106]. В одной из проповедей Тиде назвал Фридриха Вильгельма III «первым гражданином государства» [25, р. 3], подчеркивая стремление монарха уважать права подданных.

В 1989 г. немецкий историк Томас Штамм-Кульманн опубликовал статью под названием «Был ли Фридрих Вильгельм III королем-буржуа?». Исследователь пришел к выводу, что, несмотря на свою тягу к бюр-

герскому образу жизни, «буржуазным» королем в эгалитарном понимании этого слова Фридрих Вильгельм III, конечно же, не был, оставаясь на протяжении всего своего правления абсолютным монархом [24, p. 458]. Вероятно, прусский король действительно не являлся сторонником равноправия, но именно такой образ создавался в умах пруссаков посредством повседневной литературы, в том числе и протестантской проповеди. Как известно, одним из первых титул «короля-буржуа» получил французский монарх Луи-Филипп Орлеанский, однако задолго до него такого звания был удостоен Фридрих Вильгельм III, и протестантские проповедники внесли немалый вклад в создание образа прусского «короля-гражданина», который при этом оставался традиционным правителем милостью Божьей. Будучи проводником Божьей воли, Фридрих Вильгельм III, по мнению духовенства, заключал с Пруссией новый, «гражданский союз» (Bürgerbund), обещая своим подданным отныне уважать их права и свободы. В этой аналогии очевиден намек на Новый Завет. Так, некоторые пасторы говорили о «старом гражданском состоянии» (altes Bürgertum), когда жители прусских городов не имели права самоуправления, и «новом гражданском состоянии» (neues Bürgertum), когда они такое право, наконец, получали [14, p. 57]. Точно так же, как Иисус заключил новый завет со всем человечеством, так же прусский король заключил новый, «гражданский» завет со своим народом или – другая, не менее популярная метафора – возложил на голову своей страны новую, «гражданскую корону» [26, p. 106]. Христианские мотивы и символы органично сочетались с либеральными и эгалитарными идеями, что прекрасно иллюстрирует создаваемый в проповедях образ прусского короля.

Цели популяризации реформ служила не только религиозная тематика, но и терминология семейных отношений. Немецкая исследовательница Карен Хагеманн указывает на то, что в начале XIX в. нации в монархических государствах воображались как большие семьи, во главе которых стояли монарх, представляемый как отец своего народа, и его супруга – мать Отечества [7, p. 589]. Именно такую ситуацию можно наблюдать в Прус-

сии эпохи Наполеоновских войн, и протестантская проповедь служила одним из основных средств создания подобной конструкции. Практически на каждой странице каждой проповеди Фридрих Вильгельм III именовался «отцом страны» (Landesvater). Прусская нация воображалась как одна большая семья. Не случайно потсдамский проповедник Рулеманн Эйлерт начинал свою проповедь, посвященную возвращению короля, его семьи и его правительства в Берлин в конце 1809 г., с сравнения: «Большая, многочисленная семья была разлучена со своим отцом, к которому она испытывает почтение и сердечную любовь» [5, p. 47]. В проповеди Эйлерта четко звучит мотив сиротства: спасаясь бегством от наступающих французских войск, прусский король был вынужден покинуть свою резиденцию и бежать на самую окраину своего государства – в Восточную Пруссию, его дети (подданные) остались без отца. Цель короля как отца народа, соответственно, заключалась в том, чтобы утешить своих детей и облегчить их страдания, чего можно было достичь с помощью полезных для общества и государства преобразований. Реформа городского самоуправления рассматривалась пасторами как попытка любящего отца облегчить тяжелую судьбу своих детей. В этом духе проповедовал в 1809 г. пастор Томас Тиде жителям силезского города Райхенбах: «О, почувствуйте и поймите вы все, что для вас сегодня делает Фридрих Вильгельм Третий, ваш король и ваш отец! Он желает осушить ваши слезы, унять ваши вздохи, залечить ваши раны! То, что он дарует вам сегодня, позволит вам позабыть о вашей боли!» [26, p. 105]. По мнению пастора Самуэля Чеггея, с помощью реформ прусский король желает добиться только одного – «счастья для своих детей» [28, p. 82]. Реформа городского самоуправления, таким образом, являлась даром любящего отца своим детям.

В самом факте репрезентации монарха как «отца Отечества», безусловно, не было ничего необычного, это был традиционный способ легитимации королевской власти, однако и в этот конструкт прусские пасторы приносили нечто новое. В проповедях отчетливо звучит еще один мотив, а именно взросления, совершеннолетия. До введения реформы

пруссакки находились в состоянии «несовершеннолетия» (Minderjährigkeit), они не умели принимать самостоятельные решения, поэтому король-отец управлял от их имени. Пруссия в данном контексте предстает как взрослеющий ребенок, переходящий из стадии юности в стадию зрелости. Пастор Томас Тиде отмечал: «Подобное положение дел являлось противоестественным, сын и наследник стал тяготиться излишней отеческой опекой, особенно в последнее время, когда становилось все более очевидным, что период несовершеннолетия уже давно прошел» [26, р. 107]. В этом же духе проповедовал жителям города Фюрстенвальде суперинтендант Шульце: «Счастливы тот сын, чей отец посчитал его достаточно благонадежным и объявил зрелым, способным управлять самим собой и своими делами... Также и отец своего народа, наш король, объявил вас, жители этого города, как и всех жителей страны, совершеннолетними. Он даровал вам права и свободы, которые вступают в силу в связи с новым городским самоуправлением» [23, р. 63]. Отныне пруссаки получили возможность принимать решения, касающиеся жизни своего государства, – именно так полагал пастор Пальмье, который описывал выборы городского магистрата следующим образом: «Мы рассматриваем себя как большую семью, которая собирается вместе для того, чтобы совместно обсудить общее благо всего дома» [30, р. 67]. Состояние совершеннолетия предусматривало, однако, не только наличие прав, но и обязанностей, которые должен исполнять каждый гражданин. В проповеди, посвященной разъяснению того, что такое гражданский дух, померанский пастор Иоганн Трист утверждал: «Настоящий гражданин безропотно несет все тяготы, которые на него возлагает его Отечество, он несет их как член большой семьи, вместе с которой он делит и радость, и горе» [27, р. 23]. По мнению Фридриха Шлейермахера, только зрелый, самостоятельный и ответственный человек может быть настоящим гражданином и верным патриотом, подчиняющийся власти не из страха перед наказанием, как ребенок, но из убеждения. А быть настоящим гражданином в трактовке Шлейермахера одновременно означало быть истинным христианином [18, р. 12–13].

Заключение. Христианская проповедь совсем не случайно была избрана прусскими реформаторами для популяризации реформы городского самоуправления. Протестантские пасторы умело комбинировали религиозные понятия и либеральные идеи, которые власть хотела внушить обществу, этот язык был прост и понятен большинству населения. Ответственность за соблюдение своих прав и обязанностей граждане несли перед Богом, а образ «короля-гражданина» был призван укрепить лояльность подданных к правящей династии. Этой же цели служил образ Пруссии как большой семьи, в которой пруссаки выступали в качестве совершеннолетних детей, ответственных за судьбу государства. Реформа городского самоуправления, несмотря на все ее недостатки, безусловно, была прогрессивной, и тот факт, что протестантское духовенство поддержало ее в своих проповедях, говорит об одном: модернизация не всегда означает секуляризацию. Переход от традиционного общества к современному, который можно наблюдать в XIX в., зачастую осуществлялся как раз с помощью традиционных методов и традиционной идеологии. Пример Пруссии эпохи реформ, где либеральные идеи были тесно связаны с христианским мировоззрением, свидетельствует о том, что религия и церковь могли оказывать существенное влияние на складывание современного общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Botzenhart, M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789–1847 / M. Botzenhart. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp Verlag, 1985. – 171 p.
2. Cancik, P. “Einer wirksamern Theilnahme der Bürgerschaft...” Partizipationskonzepte zu Beginn des 19. Jahrhunderts / P. Cancik // Die Stadtverordnetenversammlung von Potsdam im Wandel der Zeit / eds.: C. Büchner, A. Musil. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2010. – P. 19–37.
3. Dapp, R. Am 1. Adventssonntage 1808 / R. Dapp // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1809. – № 3 (3). – P. 41–48.
4. Eylert, R. F. Ein religiöser Sinn muß zu Hülfe kommen, wenn den Gesetzen des Staates von den Unterthanen ein volles Genüge geschehen soll / R. F. Eylert // Die Gedächtnißfeyer der verewigten

Königin Luise von Preußen. – Berlin : Georg Decker, 1812. – P. 397–416.

5. Eylert, R. F. Wie wollen wir unseren König empfangen? / R. F. Eylert // Die weise Benutzung des Unglücks. Predigten, gehalten im Jahre 1809 und 1810. – Berlin : Carl Friedrich Amelang, 1810. – P. 47–62.

6. Fox, J. A World Survey of Religion and the State / J. Fox. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 206 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511993039>.

7. Hagemann, K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805–1815 / K. Hagemann // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 1996. – № 22 (4). – P. 562–591.

8. Heger, A. Evangelische Verkündigung und deutsches Nationalbewusstsein. Zur Geschichte der Predigt von 1806–1848 / A. Heger. – Berlin : Junker und Dünhaupt Verlag, 1939. – 280 p.

9. Hintze, O. Die Epochen des evangelischen Kirchenregiments in Preußen / O. Hintze // Historische Zeitschrift. – 1906. – № 97 (1). – P. 67–118.

10. Lehmann, M. Der Ursprung der Städteordnung von 1808 / M. Lehmann // Preußische Jahrbücher. – 1898. – № 93. – P. 471–514.

11. Mieck, I. Die verschlungenen Wege der Städtereform in Preußen (1806–1856) / I. Mieck // Sösemann B. Gemeingeist und Bürgersinn. Die preußischen Reformen. – Berlin : Duncker & Humblot, 1993. – P. 53–83.

12. Münchow-Pohl, B. Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809–1812 / B. Münchow-Pohl. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. – 479 p.

13. Neumann, J. Predigt am 23. Jul. 1809. vor der feierlichen Einsetzung des neuen Magistrats zu Alt-Landsberg / J. Neumann // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1810. – № 4 (2). – P. 88–103.

14. Neumann, J. Predigt bei wiederholter Wahl der Stadtverordneten in Alt-Landsberg 1810 / J. Neumann // Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1811. – № 5 (3). – P. 57–67.

15. Neumann, J. Predigt bey Gelegenheit der Allerhöchst anbefohlenen neuen Städteordnung vor der Wahl der Stadtverordneten in Alt-Landsberg gehalten am 20sten März 1809 / J. Neumann. – Berlin : Dieterici, 1809. – 16 p.

16. Nipperdey, T. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat / T. Nipperdey. – München : Verlag C. H. Beck, 1983. – 838 p.

17. Oberschelp, R. Politische Predigten 1727–1866. Niedersächsische Beispiele aus Krieg und Frieden / R. Oberschelp. – Hildesheim : Verlag August Lax, 1985. – 224 p.

18. Schleiermacher, F. Ueber das rechte Verhältniß des Christen zu seiner Obrigkeit. Im Januar 1809 / F. Schleiermacher // Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 4. – Berlin : Verlag G. Reimer, 1835. – P. 1–13.

19. Schleiermacher, F. Ueber die rechte Verehrung gegen das einheimische große aus einer früheren Zeit. Am vierundzwanzigsten Jenner 1808 / F. Schleiermacher // Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 1. – Berlin : Verlag G. Reimer, 1834. – P. 353–370.

20. Schleiermacher, F. Wie sehr es die Würde des Menschen erhöht, wenn er mit ganzer Seele an der bürgerlichen Vereinigung hängt, der er angehört / F. Schleiermacher // Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 1. – Berlin : Verlag G. Reimer, 1834. – P. 218–233.

21. Schulze, J. F. Am 24sten August 1809 bei der Einsetzung des neuen Magistrats zu Fürstenwalde gehalten / J. F. Schulze // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1810. – № 4 (2). – P. 75–88.

22. Schulze, J. F. Rede am Wahltage der Stadtverordneten im Jahre 1810 / J. F. Schulze // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1812. – № 6 (2). – P. 59–69.

23. Schulze, J. F. Vor der Wahl der Stadtverordneten zu Fürstenwalde gehalten am Sonntage Oculi 1809 / J. F. Schulze // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1810. – № 4 (2). – P. 62–74.

24. Stamm-Kuhlmann, T. War Friedrich Wilhelm III. von Preußen ein Bürgerkönig? / T. Stamm-Kuhlmann // Zeitschrift für Historische Forschung. – 1989. – № 16 (4). – P. 441–460.

25. Tiede, T. Die Freiheit der Unterthanen: Eine Predigt am Palm-Sonntage 1809 gehalten zu Reichenbach / T. Tiede. – Reichenbach : Müller, 1809. – 8 p.

26. Tiede, T. Ein Wort an Reichenbachs Bürger den 13ten Februar 1809 / T. Tiede // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. – 1810. – № 4 (2). – P. 104–114.

27. Triest, J. Bürgersinn. In einer am 5. März 1809 auf Veranlassung der Stettinschen Bürgerwahlen gehaltenen Predigt dargestellt / J. Triest. – Stettin : Verlag Johann Samuel Leich, 1809. – 38 p.

28. Tscheggey, S. G. Warum besonders jetzt unserm Volke der Sinn für das Heilige und Unsichtbare zu wünschen wäre? Eine Predigt am 23sten Sonntage nach Trinit. 1808 gehalten zu Freystadt / S. G. Tscheggey // Neues Archiv für Prediger. Oder Bemerkungen und Materialien für den christlichen Religions-Lehrer in allen seinen Amts-Verhältnissen. – 1809. – № 2 (2). – P. 80–96.

29. Wegener, W. G. Altar-Rede vor der Vereidigung des Magistrats zu Züllichau am 20.

October 1809 / W. G. Wegener // *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten.* – 1810. – № 4 (2). – P. 53–62.

30. Zwei Reden vor der anzustellenden Wahl der Stadtverordneten und ihrer Stellvertreter in der französischen Werderschen Kirche von Herrn Prediger und Professor Palmié deutsch gehalten, den 18ten und 21sten April 1809 // *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten.* – 1810. – № 4 (1). – P. 65–78.

REFERENCES

1. Botzenhart M. *Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789–1847.* Frankfurt-am-Main, Suhrkamp Verlag, 1985. 171 p.

2. Cancik P. “Einwirkamern Theilnahme der Bürgerschaft...” Partizipationskonzepte zu Beginn des 19. Jahrhunderts. Büchner C., Musil A., eds. *Die Stadtverordnetenversammlung von Potsdam im Wandel der Zeit.* Potsdam, Universitätsverlag Potsdam, 2010, pp. 19-37.

3. Dapp R. Am 1. Adventssonntage 1808. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1809, no. 3 (3), pp. 41-48.

4. Eylert R.F. Einreligiöser Sinn muß zu Hülfe kommen, wenn den Gesetzen des Staates von den Unterthaneneinvolles Genüegegeschehensoll. *Die Gedächtnißfeyer der verewigten Königin Luise von Preußen.* Berlin, Georg Decker, 1812, pp. 397-416.

5. Eylert R.F. Wiewollenwirunseren Königempfangen? *Die weise Benutzung des Unglücks. Predigten, gehalten im Jahre 1809 und 1810.* Berlin, Carl Friedrich Amelang, 1810, pp. 47-62.

6. Fox J. *A World Survey of Religion and the State.* Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 206 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO978051199303>.

7. Hagemann K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zumkulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805–1815. *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft,* 1996, no. 22 (4), pp. 562-591.

8. Heger A. *Evangelische Verkündigung und deutsches Nationalbewusstsein. Zur Geschichte der Predigt von 1806–1848.* Berlin, Junker und Dünnhaupt Verlag, 1939. 280 p.

9. Hintze O. Die Epochen des evangelischen Kirchenregiments in Preußen. *Historische Zeitschrift,* 1906, no. 97 (1), pp. 67-118.

10. Lehmann M. Der Ursprung der Städteordnung von 1808. *Preußische Jahrbücher,* 1898, no. 93, pp. 471-514.

11. Mieck I. Die verschlungenen Wege der Städtereform in Preußen (1806–1856). Söseman B.,

Hrsg. *Gemeingeist und Bürgersinn. Die preußischen Reformen.* Berlin, Duncker&Humblot, 1993, pp. 53-83.

12. Münchow-Pohl B. *Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809–1812.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. 479 p.

13. Neumann J. Predigtam 23. Jul. 1809. vor der feierlichen Einsetzung des neuen Magistrats zu Alt-Landsberg. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1810, no. 4 (2), pp. 88-103.

14. Neumann J. Predigt bei wiederholter Wahl der Stadtverordneten in Alt-Landsberg 1810. *Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1811, no. 5 (3), pp. 57-67.

15. Neumann J. *Predigt bey Gelegenheit der Allerhöchst anbefohlenen neuen Städteordnung vor der Wahl der Stadtverordneten in Alt-Landsberg gehalten am 20sten März 1809.* Berlin, Dieterici, 1809. 16 p.

16. Nipperdey T. *Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat.* München, Verlag C.H. Beck, 1983. 838 p.

17. Oberschelp R. *Politische Predigten 1727–1866. Niedersächsische Beispiele aus Krieg und Frieden.* Hildesheim, Verlag August Lax, 1985. 224 p.

18. Schleiermacher F. Ueber das rechte Verhältniß des Christen zu seiner Obrigkeit. Im Januar 1809. *Friedrich Schleiermachers sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 4.* Berlin, Verlag G. Reimer, 1835, pp. 1-13.

19. Schleiermacher F. Ueber die rechte Verehrung gegen das einheimische große auseinanderer Zeit. Am vierundzwanzigsten Jenner 1808. *Friedrich Schleiermachers sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 1.* Berlin, Verlag G. Reimer, 1834, pp. 353-370.

20. Schleiermacher F. Wiesehres die Würde des Menschen erhöht, wenn er mit ganzer Seelean der bürgerlichen Vereinigung hängt, der er angehört. *Friedrich Schleiermachers sämtliche Werke. Zweite Abtheilung. Predigten. Band 1.* Berlin, Verlag G. Reimer, 1834, pp. 218-233.

21. Schulze J.F. Am 24sten August 1809 bei der Einsetzung des neuen Magistrats zu Fürstenwalde gehalten. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1810, no. 4 (2), pp. 75-88.

22. Schulze J.F. Rede am Wahltag der Stadtverordneten im Jahre 1810. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1812, no. 6 (2), pp. 59-69.

23. Schulze J.F. Vor der Wahl der Stadtverordneten zu Fürstenwalde gehalten am Sonntage Oculi 1809. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten,* 1810, no. 4 (2), pp. 62-74.

24. Stamm-Kuhlmann T. War Friedrich Wilhelm III. Von Preußen ein Bürgerkönig? *Zeitschrift für Historische Forschung*, 1989, no. 16 (4), pp. 441-460.

25. Tiede T. *Die Freiheit der Unterthanen: Eine Predigtam Palm-Sonntage 1809 gehalten zu Reichenbach*. Reichenbach, Müller, 1809. 8 p.

26. Tiede T. Ein Wort an Reichenbachs Bürger den 13ten Februar 1809. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten*, 1810, no. 4 (2), pp. 104-114.

27. Triest J. *Bürgersinn. In einer am 5. März 1809 auf Veranlassung der Stettinschen Bürgerwahlen gehaltenen Predigt dargestellt*. Stettin, Verlag Johann Samuel Leich, 1809. 38 p.

28. Tscheggey S.G. Warum besonders jetzt unserm Volke der Sinn für das Heilige und Unsichtbare zu

wünschen wäre? Eine Predigtam 23sten Sonntag nach Trinit. 1808 gehalten zu Freystadt. *Neues Archiv für Prediger. Oder Bemerkungen und Materialien für den christlichen Religions-Lehrer in allenseinen Amts-Verhältnissen*, 1809, no. 2 (2), pp. 80-96.

29. Wegener W.G. Altar-Redevor der Vereidigung des Magistrats zu Züllichau am 20. October 1809. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten*, 1810, no. 4 (2), pp. 53-62.

30. Zwei Redenvor der anzustellenden Wahl der Stadtverordneten und ihrer Stellvertreter in der französischen Werderschen Kirche von Herrn Prediger und Professor Palmiédeutsch gehalten, den 18ten und 21sten April 1809. *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten*, 1810, no. 4 (1), pp. 65-78.

Information About the Author

Dmitrii V. Sterkhov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Medicine and Social and Humanitarian Studies, Pirogov Russian National Research Medical University, Ostrovityanova St, 1, 117997 Moscow, Russian Federation, enkiddu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3173-793X>

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Стерхов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, ул. Островитянова, 1, 117997 г. Москва, Российская Федерация, enkiddu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3173-793X>

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3>

UDC 94(5)

LBC 63.2

Submitted: 14.06.2019

Accepted: 19.11.2019

ON THE VIEW OF KALMYK KHAN TO THE ACTIVITIES OF RUSSIA
IN THE VOLGA-CASPIAN FRONTIER: FROM THE LETTERS
OF DONDUK-DASHI TO V. TATISHCHEV, 1741–1745¹

Zhanat B. Kundakbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Danara A. Suseeva

B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article based on Michael Adas's analytical category "avoidance protest" presented by Paul W. Werth examines the view of the Kalmyk khan on the activities of the Russians to strengthen positions on the Volga-Caspian frontier, when V. Tatishchev was the head of the Kalmyk Commission and Astrakhan Governor, between 1741 and 1745. *Methods and materials.* Whereas previous studies considered only the Russian view on the politics toward the region and determined the attitudes of nomadic elites in terms of absolute compliance or violent opposition. However, in practice the relations between Russian authorities and indigenous people's elite were much more complex. Using as primary sources the letters of Donduk-Dashi to V. Tatishchev of the period between 1741 and 1745 from the National Archive of the Kalmyk Republic published by prof. D. Suseeva gives us an opportunity to examine the situation from below. *Analysis and Results.* We argue that although Donduk-Dashi was quite embedded within the Russian system, we cannot claim about his unconditional subordination. First, speculating on general Tarakanov's misstep, Donduk-Dashi evaded investigations regarding the plans to relocate to the protection of Persian shah. The second argument was built around his alleged unawareness about the position of Russian authorities regarding the Kazakh-Kalmyk relations and entreaties to provide with guns as an attempt to divert attention away from current problems on the relations with the Kazakhs. The formal notification of the forthcoming marriage of the Kalmyk nobleman with Kazakh princess and about non-sanctioned contacts with Kazakh Middle zhuz khan demonstrates that nomad's relations went beyond the line prescribed by the government.

Key words: letters of Donduk-Dashi to V. Tatishchev, Volga-Caspian frontier, general Tarakanov's misstep, guns, marriage of the Kalmyk nobleman with Kazakh princess, Kazakh Middle zhuz khan.

Citation. Kundakbayeva Zh.B., Suseeva D.A. On the View of Kalmyk Khan to the Activities of Russia in the Volga-Caspian Frontier: From the Letters of Donduk-Dashi to V. Tatishchev, 1741–1745. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 32-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3>

**ВЗГЛЯД КАЛМЫЦКОГО НАМЕСТНИКА НА ПОЛИТИКУ РОССИИ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО ФРОНТИРА:
ИЗ ПИСЕМ ДОНДУК-ДАШИ В.Н. ТАТИЩЕВУ, 1741–1745 гг.¹**

Жанат Бековна Кундакбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье на основе аналитической категории Майкла Эйдаса «протест путем уклонения» представляется взгляд калмыцкого правителя на мероприятия российского правительства по укреплению позиций в Волго-Каспийском фронтире, когда на В.Н. Татищева было возложено руководство Калмыцкой комиссией и должность астраханского губернатора (1741–1745 гг.). *Методы и материалы.* В предыдущих исследованиях в основном представлялся российский взгляд. А при изучении отношения кочевой элиты к российскому присутствию рассматривались либо как полное подчинение, либо как отчаянное сопротивление. Между тем на практике данные взаимоотношения не были столь однозначными. В качестве источниковой базы использованы письма наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши к В.Н. Татищеву периода Калмыцкой комиссии на калмыцком языке и русских переводах XVIII в. из фондов Национального архива Республики Калмыкия, опубликованных Д. Сусеевой. *Анализ и результаты.* В статье был сделан вывод о том, что хотя Дондук-Даши как ставленник российского правительства был вполне вписан в российскую систему, нельзя говорить об его безоговорочном подчинении. Об этом свидетельствуют следующие факты: спекулируя на оплошности генерал-лейтенанта Тараканова, смог уклониться от расследований относительно планов перейти вместе с калмыками в подданство персидского шаха. Другим аргументом является его якобы неведение о планах России относительно калмыцко-казахских отношений и настойчивые просьбы снабдить пушками, как попытка отвести внимание от взаимных набегов с казаками. И наконец, его уведомление о предстоящем браке между калмыцким владельцем и казахской принцессой, а также о пересылке и приеме послов от хана Среднего жуза говорит о том, что в своих контактах кочевники выходили за рамки, предписанные правительством. Использование документов, исходивших от подчиненных народов, позволяет создать более панорамную картину взаимоотношений. Д. Сусеева выявила и перевела на русский язык письма Дондук-Даши к В.Н. Татищеву. Ж. Кундакбаева сделала их исторический анализ.

Ключевые слова: письма Дондук-Даши к В.Н. Татищеву, Волго-Каспийский фронт, «оплошность» генерала Тараканова, пушки, брак между детьми казахских и калмыцких владетелей, хан Среднего жуза.

Цитирование. Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А. Взгляд калмыцкого наместника на политику России по укреплению Волго-Каспийского фронтира: из писем Дондук-Даши В.Н. Татищеву, 1741–1745 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 32–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3>

Введение. Внутриполитическое положение Калмыцкого ханства и как Российской империи удалось погасить конфликт после смерти Дондук-Омбов 1741 г. обстоятельно изучено многими поколениями историков [1; 24]. В историографии достаточно внимания уделено и многогранной деятельности В.Н. Татищева в качестве руководителя Калмыцкой комиссии и астраханского губернатора (1741–1745 гг.). В этот период на него были возложены сложные задачи по расширению

российского присутствия на Нижней Волге. Данный вопрос обстоятельно изучен в монографии Н. Попова [11]. Много подробностей об этом этапе жизни В.Н. Татищева содержится в работах Н. Пальмова [6–8]. В современный период данному вопросу уделяют внимание И. Торопицын [18–21], Ж. Кундакбаева [4; 5] и Д. Сусеева [16; 17]. Так, в монографии Ж. Кундакбаевой на основе многочисленных архивных документов был представлен системный взгляд на мероприятия Российс-

кой империи по регулированию отношений между калмыками и казахами в 1740-е годы [5]. Особую ценность имеют публикации Д. Сусеевой и А. Хараевой, в которых дается квалифицированный лингвистический анализ калмыцким документам, хранящимся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НАРК) [17; 23]. Несмотря на то что в научный оборот введены сотни новых документов, а разные стороны деятельности В.Н. Татищева в качестве руководителя Калмыцкой комиссии стали предметом исследования отдельных статей, все еще есть малоизученные аспекты в данной теме. К ним относится дефицит исторических исследований, написанных на основе документов, исходивших непосредственно от калмыков. Поэтому в данной статье, используя благоприятную возможность – наличие писем Дондук-Даши В.Н. Татищеву в 1741–1745 гг., представлена калмыцкая точка зрения на мероприятия правительства по усилению своего присутствия в Волго-Каспийском фронтире Российской империи. Цель данной статьи – показать те неявные формы сопротивления, которые демонстрируют кочевники в ответ на попытки правительства усилить единство между регионом и центром, то есть интегрировать фронтирную зону в состав Российской империи.

Методы и материалы. Теоретической основой статьи является аналитическая категория «протест путем уклонения». Ее предложил использовать американский историк Пол Верт. В своих новейших исследованиях он призывает отойти от однозначных оценок поведения подвластных народов в ответ на политику России – только лишь безоговорочного подчинения или сопротивления в виде бунтов, откочек и восстаний. Для изучения менее конфронтационных, «повседневных форм сопротивления» он предлагает использовать аналитический потенциал категории «протест путем уклонения», введенной Майклом Эйдасом. «“Протест путем уклонения” – способ, при помощи которого недовольные группы людей пытаются облегчить тяготы своей жизни и выразить недовольство посредством кратковременного отказа исполнять предписанное, а также других действий, сводящих к минимуму возможность столкновения с теми, кого они считали своими притеснителями» [2, с. 35].

Национальный архив Республики Калмыкия содержит богатейший материал по русско-казахским и русско-калмыцким взаимоотношениям в XVIII веке. В частности, в папках хранится более сорока дел. Каждое дело содержит от двухсот до тысячи шестисот листов документов Калмыцкой комиссии 1741–1745 гг., когда главой был В.Н. Татищев. В этом смысле исследовательские возможности материалов Калмыцкой комиссии неисчерпаемы. В данной статье нас интересует дело № 163 «Письма Дондук-Даши. Донесения, рапорты и письма на калмыцком языке», которые ввела в научный оборот Д. Сусеева в 2009 году [17].

Анализ. В письмах Дондук-Даши В.Н. Татищеву 1741–1745 гг. можно увидеть его отношение к тем или иным мероприятиям правительства в регионе. Так, например, представляет интерес письмо Дондук-Даши В.Н. Татищеву от 3 января 1743 года. В нем калмыцкий наместник отказывается отдать письмо генерал-лейтенанта А. Тараканова: «Тараканова письма без калмыцкого указа отдать мне невозможно» [9, л. 14–14 об.]. Что это было за письмо? И почему мы придаем такое значение этому сообщению?

Сначала обратимся к деятельности Калмыцкой комиссии в 1741 году. Как известно, во время калмыцкого междоусобия специальной грамотой от 13 августа 1741 г. был направлен из Петербурга в Астрахань для успокоения калмыцкого народа тайный советник В.Н. Татищев в качестве главы Калмыцкой комиссии [5, с. 219]. До его прибытия задачи охранения калмыков от нападений казахов координировались Коллегией иностранных дел, которая стягивала военные силы с различных сторон на Царицынскую линию в распоряжение полковника П.Ф. Кольцова (царицынского коменданта) и В.П. Беклемишева (состоящего при калмыцких делах). 22 сентября 1741 г. были отправлены указы об охранении калмыцких улусов от киргиз-кайсацких набегов генерал-майору Л.Я. Соймонову, которому было рекомендовано поступать по тамошним обстоятельствам по «усмотрению» и иметь сношение с В.Н. Татищевым. Одновременно такой же указ был отправлен и к генерал-лейтенанту А. Тараканову в Царицын. Коллегия иностранных дел указала А. Тараканову, «дабы

калмыцкие улусы при нынешних худых состояниях от киргиз-кайсаков были охранены и для того, которые из них (калмыков. – *Ж. К., Д. С.*) будут находиться близ Царицына, переправить в линию, а других – на нагорную сторону, которые куда будут способнее. Рекомендовано поступать согласованно с тайным советником В.Н. Татищевым. И всем вам надлежит поступать по тамошним обстоятельствам, ибо отсюда всего того определения описать невозможно» [5, с. 219]. В указах А. Тараканову особо подчеркивалась необходимость совместных действий с В.Н. Татищевым. После прибытия В.Н. Татищева Коллегия предписывала А. Тараканову разработать совместный план мероприятий – каким образом «будущю зимою калмыцкие улусы от киргиз-кайсацких нападений удобнее охранять» [22].

До своего прибытия в Астрахань В.Н. Татищев попросил А. Тараканова и полковника П.Ф. Кольцова разработать предварительный план «для выполнения возложенной на В.Н. Татищева Калмыцкой комиссии». Но, как показали последующие события, из них не получилась слаженная команда. Осенью 1741 г. В.Н. Татищев запросил у А. Тараканова помощь: «две роты драгун для переходу с ним на луговую сторону, да два драгунских полка по требованию В.Н. Татищева должны были быть в готовности, выступить по его первому зову». Но А. Тараканов «в войсках отказал, из Астрахани и форпостов войск не собрал и время упустил» [13, л. 7–9]. В рапорте от 25 ноября 1741 г. А. Тараканов оправдывался перед Коллегией, почему не дал требуемых войск – «опасался с подданными Вашего Императорского Величества без высочайшего указа в бой вступать» [14, л. 14–14 об., 15].

Следующий момент разногласий в действиях уже появился зимой 1741 года. Без ведома В.Н. Татищева А. Тараканов просил Коллегию иностранных дел разрешить «отпустить драгунскую команду, поставленную в Черном Яру для охранения от киргиз-кайсаков, на кварталы». Он написал о причинах, почему нужно было распустить войска: во-первых, в Черном Яру, куда к имеющимся там четверемстам солдатам В.Н. Татищев перевел пятьсот драгун с Дона, не имелось в достаточном количестве овса и сена, вследствие чего у лошадей начался голод. Во-вторых, он

отметил, что калмыки ушли в Мочаги, за Астрахань: за дальностью расстояния их с Дону и Черного Яру «от киргиз-кайсак оборонять никак невозможно», а надлежит охранять из Астрахани, поскольку, когда калмыки бывали в Мочагах (Мочаги – топкие, низменные прибрежья Каспийского моря. – *Ж. К., Д. С.*) за Астраханью, казахи, направляясь на них, переходили Волгу ниже Астрахани [15, л. 19–19 об.].

Впрочем, не дождавшись указа от Коллегии, 20 декабря 1741 г. А. Тараканов вскоре уже донес, что без позволения отпустил солдат и драгун с форпостов: «от настоящей здесь жестокой стужи многие драгуны и солдаты руки и ноги ознобили и к службе негодны, того ради без письма В.Н. Татищева принужден я драгун и солдат отпустить в Царицын, в кварталы» [15, л. 20 об.].

Указанное в начале статьи письмо Дондук-Даши имеет отношение уже к третьему разногласию между А. Таракановым и В.Н. Татищевым. Оно носило международный характер. Дело в том, что А. Тараканов дал знать Дондук-Даше о подозрениях и расследованиях Коллегии иностранных дел о его намерении уйти с другими калмыцкими владельцами к персидскому шаху и тем самым нарушил планы центрального правительства. Предысторию этого вопроса осветил И.В. Торопицын. Так, он отметил, что в конце октября 1742 г. командующий войсками на Царицынской линии бригадир Фролов-Бегреев узнал от своих информаторов о намерениях персидского шаха принять в подданство всех калмыков. Информатор утверждал, что через одного из жителей Кизляра персидский шах уговорил всех калмыцких старшин, в том числе и самого Дондук-Даши, перейти под его покровительство.

В.Н. Татищев воспринял данную информацию относительно ханши Джан, и не имел подозрений относительно Дондук-Даши. Тем не менее он дал задание своим информаторам в калмыцких улусах следить за фактами переписки наместника Дондук-Даши и других зайсангов с зарубежными правителями. Вот об этой слежке и узнал Дондук-Даши. То есть ему стало известно, что российское правительство подозревает его в связях с персидским шахом. И.В. Торопицын также считает, что виновником утечки информации был генерал-

лейтенант А. Тараканов, начальник Персидской экспедиции. Его вина заключалась в том, что он показал письмо из Коллегии о необходимости установки слежки за калмыцкими владельцами насчет контактов с персидским шахом, не прикрыв при этом имя калмыцкого наместника. И.В. Торопицын отмечает, что В.Н. Татищев старался погасить конфликт, оправдывался перед наместником тем, что переводчики А. Тараканова ошиблись и неправильно передали содержание письма, он говорил ему, что никто его не подозревает, а речь идет о Джан и ее сторонниках. Несмотря на заверения В.Н. Татищева, «наместник при этом весьма невесел остался» [21, с. 55].

В нашем распоряжении имеются документы из Архива внешней политики Российской империи. Из них понятно, что В.Н. Татищев известил Коллегию об инциденте, которая, рассмотрев данный вопрос, вынесла решение: «наместнику ханства Дондук-Даше в том нисмалого сумнения и огорчения не наводить и для того пристойным образом спросить у него письмо генерала Тараканова и оно прислать сюда. А его наместника в том прилежно увещевать, от сумнения всячески отвадить и если сами от сумнения отвести не могут отдать приложенное письмо от вице-канцлера». В приложенном к решению Коллегии «для увещевания» письме от вице-канцлера Дондук-Даше, во-первых, говорится, что они послали ему для знакомства письмо ханши Джан персидскому шаху, которому она ранее в Кабарде «присягу учинила, и на таких условиях, чтобы он вас низложил, а сына ее на калмыцкое ханство возвесть». Во-вторых, всячески стараются уверить наместника в том, что ни малейшим образом его ни в чем не подозревают: «Его Императорскому Величеству верной службе известно» [3, л. 1–2]». В перехваченном письме, помимо всего прочего, содержится просьба: «Прошу прадеда моего Аюки-хана с отцом моим владельцы калмыцкие улусы от россиян отобрать и мне поручить и дозволить нам иметь наш закон» [3, л. 3–4].

Письмо Дондук-Даши В.Н. Татищеву от 3 января 1743 г. из Буркна весьма информативно [10, л. 14–14 об., 15]. Дондук-Даша уклонялся от приказа Коллегии отдать письмо Тараканова. При уклонении он использовал

различные приемы: нашел предлог, ставил условие и делал вид, что оскорблен. На это указывают лексические приемы в письме. Так, для Дондук-Даши предлогом стала предполагаемая перспектива расследования в Коллегии: «того ради оные Таракановы писма я у себя без утраты хранить должен». Дондук-Даша поставил условие, что отдаст письма только после того, как увидит указ из Коллегии: «Без указу ж оных писем к вам я не послал. Егда ж! оные письма потребны будут, то неумедля ис коллегии и указ пришлетца, а бес указу отдать вам я опасен, и сами можете разсудить, что, кроме того, в тех писмах никакой нужды не имеем. И в неприсылке оных меня предосудить не изволте». И, наконец, он использует такую лексику, которая указывала бы на его эмоциональное состояние: «нахожусь небесприкорбности и уповаю, что в том напрасно оклеветан», поскольку бригадир в препровождении персидского посла «злаго умысла уведал».

«Маленький эпизод» с утечкой информации от А. Тараканова на самом деле стоил В.Н. Татищеву и Коллегии иностранных дел многих усилий. В.Н. Татищеву было дано два задания. Первое – не допустить ухода калмыков за границу. Второе – тайно разведать о том, было ли контактов с посланниками Надир-шаха у самого наместника ханства Дондук-Даши. Как известно, с первым заданием он вполне справился: вел тяжелые переговоры, развернул целую агентурную сеть. «С целью недопущения ухода калмыков за границу по указанию Татищева улусы Джан были переведены за Царицынскую укрепленную линию» [21, с. 55]. Но второе задание «благодаря Тараканову» В.Н. Татищев не смог осуществить. В этот период правительство не имело ничего, чтобы предъявить Дондук-Даши.

К счастью, данный инцидент, кроме нервов, дополнительных усилий, не имел последствий. Но, как показали дальнейшие события, наместник Калмыцкого ханства сам вступил в тайную переписку с правителем Персии в 1745 г. и по донесениям полковника Никиты Спицына имел намерение перейти на сторону Персии. И возможно, только смерть Надир-шаха в 1747 г. положила конец надеждам наместника ханства сменить российское поддан-

ство на персидское [21, с. 56]. Впрочем, как отмечает А. Цюрюмов: «в историографии практически не изучены внешнеполитические действия Дондук-Даши» [24, с. 267].

Другим проявлением протеста путем уклонения служит «неведение» калмыцкого наместника относительно позиции российского правительства о вооружении калмыков против казахов. Так, в 1742 г. на заседании Коллегии иностранных дел было рассмотрено донесение В.Н. Татищева о требовании Дондук-Даши «для охранения себя от внезапного нападения киргиз-кайсаков пушек». По этому поводу В.Н. Татищеву был отправлен указ от имени Елизаветы Петровны от 31 мая 1742 г., которым запрещалось посылать калмыкам «полковые пушки с артиллерийскими служителями из Астрахани, Царицына». При этом «из мелких пушек», которые давали до этого Дондук-Омбе, разрешалось оставить при новом наместнике только четыре пушки, а остальные было приказано «без указа, под приличным предлогом отобрать в российский город» [22]. Но, как следует из писем Дондук-Даши, в 1743 г. он как бы находился в неведении о планах правительства относительно вооружения калмыков, их позиции относительно калмыцко-казахских отношений. Дело в том, что в 1740-х гг. правительство было заинтересовано в сохранении мира между ними, поэтому не поощряло калмыков вести с казахами борьбу. Так, в письме от 13 января 1743 г. Дондук-Даши просил: «Которые обещали пушки исправить об оных слышу, что ...имеются при бодокчи Даши Черене, о которых прошу наискорее починить прикажите». И в письме от 3 февраля 1743 г. Дондук-Даши вновь возвращается к этой теме: «Донерпением кайсацких и персицких ведомостей заблаговременно против примеру прошлого года пороху и свинцу выдать прикажите ибо при случае за крайним временем взять будет невозможно, и при том прошу, которые обещали пушки исправить оные по исправлении ко мне пришлите немедленно» [10, л. 23–23 об.]. На самом деле дело было не в пушках, а в скрытой просьбе калмыцкого наместника не запрещать калмыкам барымту на казахов.

И, наконец, есть в письмах Дондук-Даши Татищеву многочисленные свидетельства о

том, что взаимоотношения между народами в Волго-Каспийском фронтире зачастую выходили за рамки, предписанных правительством. Так, в письме от 6 января 1743 г. Дондук-Даши советовался с В.Н. Татищевым по поводу того, что ответить нойону Бамбару на его вопрос по поводу требования Абулхайр-хана выполнить договоренность, принятую еще во времена их родителей, о женитьбе младшего брата Бамбара (Ёмчина) на дочери Абулхайра [12, л. 28]. Информативная значимость данного письма в том, что наше понимание казахско-калмыцких отношений выходит за рамки барымты и взаимных набегов, в крайнем случае, торговых пересылок. Сегодня известен факт о стремлении казахских чингизидов жениться или сделать наложницей калмычек, чтобы иметь от них детей. К этому, кстати, стремились и некоторые владельцы горских народов Кавказа. Так, ханша Джан, жена хана Дондук-Омбы, была дочерью влиятельного кабардинского князя.

В своей книге А. Цюрюмов пишет о том, что казахский посланец на Волгу известил В.Н. Татищева о том, что дочь Дондук-Омбы была засватана за сына хана Среднего жуза Абулмамбета. Данный факт А. Цюрюмов приводит на основе источника «Журнал встреч В.Н. Татищева за 1741 г.» [24, с. 274]. Также письма Дондук-Даши содержат сведения о факте переписки с ханом Средней Орды Абулмамбет-ханом. Так, 12 января 1743 г. Абулмамбет поздравляет Дондук-Даши с тем, что «государь вам поручил отцовское ханское место чему зело радуясь и желаю о[т]бога вам долгодейственного и благополучного пребывания». Казахский хан предлагал договориться о мирных отношениях, дружбе, всячески сдерживать подвластное население от набегов. Мы узнаем, что вместе с письмом Абулмамбет отправил посланцов: «причем моем писме о[т]правлены посланцы Ко[л]чук бек, А[л]ча батыр, Жакдар и когда оные до вас прибудет прошу неумедля с ответом во[з]вратить» [10, л. 12–12 об.]. Это очень важная информация, поскольку наши знания о калмыцко-казахских отношениях в этот период ограничивались только сношениями с ханами Младшего жуза. Намерение хана Среднего жуза заключить мир с волжскими калмыками и даже отправка посланников, имена которых

приведены в письме, являются новым фактом, который требует дальнейшего изучения.

Результаты. Таким образом, на основе писем Дондук-Даши из Национального архива Республики Калмыкия был рассмотрен взгляд наместника Калмыцкого ханства на некоторые мероприятия В.Н. Татищева, когда он возглавлял Калмыцкую комиссию. В основу статьи была положена аналитическая категория «протест путем уклонения». Анализ писем, исходящих от Дондук-Даши, показывает, что он очень хорошо владел как внутривластной, так и внешнеполитической ситуацией Калмыцкого ханства 1741–1745 годов. Как ставленник российского правительства Дондук-Даши был вполне вписан в российскую систему, иерархию власти на местах. Об этом говорит «употребление метафорических терминов родства – “старший брат”, “младший брат”» [16]. В то же время, исходя из писем, нельзя говорить о его безоговорочном подчинении. Об этом свидетельствуют три примера, приведенные в данной статье. Каждый пример представляет собой, на первый взгляд, безобидные и ничего не значащие факты. Но когда мы включаем в анализ исторический контекст, получается, что каждый мелкий инцидент имел своим последствием затруднение, препятствие на пути интеграции региона в состав Российской империи. Такой взгляд со стороны подвластных народов позволяет нам увидеть, говоря словами П. Верта, «как эта власть зачастую должна была тратить значительные усилия (пусть даже временно), чтобы снова скрепить распадающееся единство и закамуфлировать наметившиеся линии раскола» [2, с. 57]. Но для такой перспективы изучения нужны источники, исходившие непосредственно от подвластных народов. В этом смысле трудно переоценить возможности, которые нам открывает Национальный архив Республики Калмыкия, где содержится богатейший материал по русско-казахским и русско-калмыцким взаимоотношениям в XVIII веке. В частности, там хранятся более сорока дел в папках, каждая из которых содержит от двухсот до тысячи шестисот листов документов Калмыцкой комиссии 1741–1745 гг., когда ее главой был В.Н. Татищев. И среди них много документов, писем, исходящих непосредственно от калмыцких и казахских владетелей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России». Данный проект был реализован в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержан внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность его главой В.Н. Татищева)».

The paper was carried out as part of the strategic project “Kalmykia as a transboundary region in the eastern vector of Russia”. This project was implemented within the development program of the B.B. Gorodovikov Kalmyk State University as a pivotal regional university. It was supported by the intra-university grant of 2019 No. 1094 “Russian-Kalmyk-Kazakh relations” (based on the documents of Kalmyk Commission headed by V.N. Tatishchev stored in the Republic of Kalmykia National Archives).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батмаев, М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт / М. М. Батмаев. – Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1993. – 381 с.
2. Верт, П. От сопротивления к подрывной деятельности: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость / П. Верт // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 18–48.
3. Выписка о склонении персидским шахом калмыков под его покровительство // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – 1742. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 39.
4. Кундакбаева, Ж. Б. В.Н. Татищев – «строитель империи» на юго-восточных окраинах России / Ж. Б. Кундакбаева // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России : материалы Междунар. науч. конф., 5–7 окт. 2006 г. / сост.: В. В. Ишин, И. В. Торопицын. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – С. 291–295.
5. Кундакбаева, Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В.» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж. Б. Кундакбаева. – М. : АИРО-XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 303 с. – Серия «АИРО-монография».
6. Пальмов, Н. Н. К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // Известия Российской академии наук. VI серия. – 1925. – Т. 19, вып. 6–8. – С. 201–216.

7. Пальмов, Н. Н. К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // Известия академии наук СССР. Сер. 7. – 1928. – № 4–7. – С. 317–342.

8. Пальмов, Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век / Н. Н. Пальмов. – Астрахань : Калмоблиздат, 1927. – 266 с.

9. Письмо Дондук-Даши В.Н. Татищеву от 3 января 1743 г., перевод XVIII в. // Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный Архив» (БУРКНА). – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 163.

10. Письмо Дондук-Даши Татищеву от 3 января 1743 г. // БУРКНА. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 163.

11. Попов, Н. В.Н. Татищев и его время / Н. Попов. – М. : В типографии В. Грачева и К, 1861. – 803 с.

12. Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века : сб. док. и материалов / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Ханаев, И. М. Самигулин. – Астана : ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. – 758 с.

13. Рапорт Тараканова в Высочайший Его Императорского Величества Кабинет от 13 октября 1741 г. // АВПРИ. – 1741. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 19.

14. Рапорт Тараканова в Высочайший Его Императорского Величества Кабинет от 25 ноября 1741 г. // АВПРИ. – 1741. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 19.

15. Рапорт Тараканова в Высочайший Его Императорского Величества Кабинет от 20 декабря 1741 г. // АВПРИ. – 1741. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 19.

16. Сусеева, Д. А. «Для построения оной крепостцы заугодные места усмотрены меж Астрахани и Черного Яра». В.Н. Татищев и Енотаевская крепость в русско-калмыцких отношениях. 1742–1745 гг. / Д. А. Сусеева // Исторический архив. – М., 2016. – № 4. – С. 185–190.

17. Сусеева, Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / Д. А. Сусеева. – Элиста : ЗАОР НПП «Джангар», 2009. – 992 с.

18. Торопицын, И. В. В.Н. Татищев: «...В Черном Яру, Енотаевской и Кизлярской крепостях... иметь крепкую предосторожность». Строительство и реконструкция укреплений в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в 1740-х годах / И. В. Торопицын // Военно-исторический журнал. – 2013. – Вып. 3. – С. 48–52.

19. Торопицын, И. В. Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. / И. В. Торопицын // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.) : в 2 ч. Ч. 1. – Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. – С. 242–246.

20. Торопицын, И. В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге / И. В. Торопицын

// Архив Русской истории. – М. : Древлехранилище, 2002. – № 7. – С. 107–124.

21. Торопицын, И. В. Противодействие тайного советника и губернатора В.Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII века / И. В. Торопицын // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 1. – С. 52–56.

22. Указы Татищеву по делам киргиз-кайсацким // АВПРИ. – 1742. – Ф. 122. – Оп. 122/1. – Д. 3.

23. Хараева, А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников) : дис. ... канд. филол. наук / Хараева Анна Тимуровна. – Элиста, 2013. – 243 с.

24. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. В. Цюрюмов. – Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. – 464 с.

REFERENCES

1. Batmaev M.M. *Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiya, lyudi, byt* [Kalmyks in the 17th–18th c. Events. People. Life]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 381 p.

2. Vert P. *Ot soprotivleniya k podryvnoy deyatel'nosti: vlast imperii, protivostoyanie mestnogo naseleniya i vzaimozavisimost* [From Resistance to Subversion: The Power of the Empire, the Opposition of the Local Population and Interdependence]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [The Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years: Anthology]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 18–48.

3. Vypiska o sklonenii persidskim shakhom kalmykov pod ego pokrovitel'stvo [Extract of the Persian Shah Declination of Kalmyks Under His Patronage]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (dalee – AVPRI)* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], 1742, f. 119, inv. 119/1, d. 39.

4. Kundakbayeva Zh.B. V.N. Tatishchev – «stroitel imperii» na yugo-vostochnykh okrainakh Rossii [V.N. Tatishchev as a Builder of the Empire on the South-Eastern Borderlines of Russia]. Ishin V.V., Toropitsyn I.V., eds. *V.N. Tatishchev i problemy gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya v Rossii: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 5–7 okt. 2006 g.* [V.N. Tatishchev and Problems of State-Administrative Management in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference, October 5–7, 2006]. Astrakhan, Izdatelskiy dom «Astrakhanskiy universitet», 2006, pp. 291–295.

5. Kundakbayeva Zh.B. «*Znakom milosti E.I.V. Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke* [As a Mark of the His Imperial Majestys Favor. Russia and Northern Caspian Peoples in the 18th c.]. Moscow, AIRO-XXI Publ.; Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 303 p. (Seriya «AIRO-monografiya» [“AIRO-monografiya” Series]).

6. Palmov N.N. K astrakhanskomu periodu zhizni V.N. Tatishcheva [The Astrakhans Period of V.N. Tatishchevs Life]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. VI seriya*, 1925, vol. 19, iss. 6-8, pp. 201-216.

7. Palmov N.N. K astrakhanskomu periodu zhizni V.N. Tatishcheva [The Astrakhans Period of V.N. Tatishchevs Life]. *Izvestiya akademii nauk SSSR*, Ser. 7, 1928, no. 4-7, pp. 317-342.

8. Palmov N.N. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Ch. II. XVIII vek* [Sketches on the History of the Wolga Kalmyks. Part 2. 18th c.]. Astrakhan, Kalmoblizdat, 1927. 266 p.

9. Pismo Donduk-Dashi V.N. Tatishchevu ot 3 yanvarya 1743 g., perevod XVIII v. [The Letter from Donduk-Dashi to V.N. Tatishchev of January 3d, 1743]. *Byudzhetnoe uchrezhdenie Respubliki Kalmykiya «Natsionalnyy Arkhiv» (BURKNA)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 163.

10. Pismo Donduk-Dashi Tatishchevu ot 3 yanvarya 1743 g. [The Letter from Donduk-Dashi to V.N. Tatishchev of January 3, 1743. Translation of the 18th c.]. *Byudzhetnoe uchrezhdenie Respubliki Kalmykiya «Natsionalnyy Arkhiv» (BURKNA)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 163.

11. Popov N. *V.N. Tatishchev i ego vremya* [V.N. Tatishchev and His Period]. Moscow, V tipografii V. Gracheva i K, 1861. 803 p.

12. Erofeeva I.V., Khanaev B.T., Samigulin I.M. *Putevye dnevniki i zapiski rossiyskikh chinovnikov i issledovateley o Kazakhskoy stepi XVIII – serediny XIX veka: sb. dok. i materialov* [Travel Diaries and Notes of Russian Officials and Researchers on the Kazakh Steppe 18th – Mid-19th Century. Collection of Documents and Materials]. Astana, TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. 758 p.

13. Raport Tarakanova v Vysochayshiy Ego Imperatorskogo Velichestva Kabinet ot 13 oktyabrya 1741 g. [Tarakanovs Report to the His Imperial Majesty Office of October 13, 1741]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], 1741, F. 119, Op. 119/1, D. 19.

14. Raport Tarakanova v Vysochayshiy Ego Imperatorskogo Velichestva Kabinet ot 25 noyabrya 1741 g. [Tarakanovs Report to the His Imperial Majesty Office of November 25, 1741]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], 1741, f. 119, inv. 119/1, d. 19.

15. Raport Tarakanova v Vysochayshiy Ego Imperatorskogo Velichestva Kabinet ot 20 dekabrya

1741 g. [Tarakanovs Report to the His Imperial Majesty Office of December 20, 1741]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], 1741, f. 119, inv. 119/1, d. 19.

16. Suseeva D.A. «Dlya postroeniya onoy kreposttsy zaugodnye mesta usmotreny mezh Astrakhani i Chernogo Yara». V.N. Tatishchev i Enotaevskaya krepost v russko-kalmytskikh otnosheniyakh. 1742–1745 gg. [In Search of Place for the Fortess We Find the Space Between Astrahan and Chernyy Yar. V.N. Tatishchev and Enotaevskii Fortress in Relations Between Russians and the Kalmyks, 1742–1745]. *Istoricheskiy arhiv* [Historical Archive], Moscow, 2016, no. 4, pp. 185-190.

17. Suseeva D.A. *Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.)*. *Izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected Works]. Elista, ZAOR NPP «Dzhangar», 2009. 992 p.

18. Toropitsyn I.V. V.N. Tatishchev: «...V Chernom Yaru. Enotaevskoy i Kizlyarskoy krepostyakh... imet krepkuyu predostorozhnost». Stroitelstvo i rekonstruktsiya ukrepleniy v Nizhnem Povolzhye i na Severnom Kavkaze v 1740-kh godakh [V.N. Tatishchev: “To Take All Precautions... In Chernyy Yar, Enotaevsk and Kizlyar Fortresses”. Construction and Reconstruction of Fortifications in the Lower Volga Region and the North Caucasus in the 1740s]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [Military and Historical Journal], 2013, iss. 3, pp. 48-52.

19. Toropitsyn I.V. Oborona kalmytskikh ulusov v 30–40-kh gg. XVIII v. [The Defense of the Kalmyk Uluses in the 30s – 40s of the 18th Century]. *Edinaya Kalmykiya v edinoy Rossii: cherez veka v budushchee: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 400-letiyu dobrovolnogo vkhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiyskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentyabrya 2009 g.): v 2 ch. Ch. 1* [United Kalmykia in United Russia: Through the Centuries To the Future: Proceedings of the International Scientific Conference to the 400th Anniversary of the Voluntary Entering of Kalmyk People into the Russian State (Elista, September 13–18, 2009). In 2 Parts. Part 1]. Elista, ZAOR «NPP «Dzhangar», 2009, pp. 242-246.

20. Toropitsyn I.V. Pereselenie kreshchenykh kalmykov v Stavropol na Volge [Relocation of Christened Kalmyks to the Stavropol on the Volga]. *Arkhiv Russkoy istorii* [The Russian History Archive]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. no. 7, pp. 107-124.

21. Toropitsyn I.V. Protivodeystvie taynogo sovetnika i gubernatora V.N. Tatishcheva planam khanshi Dzhan razygrat persidskuyu kartu v russko-kalmytskikh otnosheniyakh v seredine XVIII veka

[Counteraction of the Privy Counselor and Governor V.N. Tatishchev to the Plans of Khanshi Jan to Play the Persian Card in the Russian-Kalmyk Relations in the Middle of the XVIII Century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2010, no. 1, pp. 52-56.

22. Ukazy Tatishchevu po delam kirgiz-kaysatskim [Decrees to Tatishchev on Kirgiz-Kaysak Affairs]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], 1742, f. 122, inv. 122/1, d. 3.

23. Kharaeva A.T. *Russkie zaimstvovannye slova v kalmytskom yazyke XVIII veka (na materiale*

ofitsialno-delovykh pisem kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov): dis. ... kand. filol. nauk [Russian Borrowed Words in the Kalmyk Language of the 18th Century (On the Material of the Official and Business Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries of the 18th Century)]. Elista, 2013. 243 p.

24. Tsyuryumov A.V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnosheniy* [The Kalmyk Khanate in the Composition of Russia: Problems of Political Relations]. Elista, ZAO «NPP «Dzhangar», 2007. 464 p.

Information About the Authors

Zhanat B. Kundakbayeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, janbekkun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3074-6332>

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Информация об авторах

Жанат Бековна Кундакбаева, доктор исторических наук (РФ и РК), профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, janbekkun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3074-6332>

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.4>

UDC 340; 94(574/575.4)
LBC 63.3(2), 67.401

Submitted: 02.03.2019
Accepted: 31.05.2019

**PARTICIPANTS OF RUSSIAN NAVAL EXPEDITIONS
ON THE POLITICAL AND LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC SITUATION
OF THE TURKMEN OF THE EAST CASPIAN REGION (MID-18th – MID-19th c.)¹**

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of the paper is to study the notes of the participants of Russian naval expeditions to the east coast of the Caspian Sea since the middle of 18th to the second half of 19th c. as a source of information on the political and legal position of local Turkmen tribes. Another aim is to analyze the significance of this information for the further advance of the Russian Empire to Central Asia. *Methods and materials.* The sources of the study are official reports of the heads of expeditions, scientific works and, in some cases, memoirs of the participants. The methods used in the paper are critical analysis of textual sources, historical and legal study, comparative historical analysis, institutional approach. *Analysis.* The notes of the participants of Russian naval expeditions contain valuable and sometimes unique information on specific features of the social and political structure of nomadic tribes of the East Caspian region including the political structure of tribes, legal regulation of different fields of relations, such as trade relations, extractive activities, settlement of conflicts, etc. The comparative analysis of the notes demonstrates that by the middle of 19th c. the evaluation of East Caspian nomads became more critical and strict. This reflected the views of Russian political circles on the necessity to strengthen the positions of the Russian Empire in Central Asia even by military methods. *Results.* Information of the participants of Russian naval expeditions is of great value as they were eye-witnesses or even participants of political, legal and socio-economic relations in the region. These notes became a part of the informative and ideological base for the further advance of the Russian Empire to Central Asia.

Key words: Russian Empire, exploration of the Caspian Sea, Turkmenistan, Kazakhstan, traditional state and law of Eurasian nomads, travelers' notes.

Citation. Pochekaev R. Yu. Participants of Russian Naval Expeditions on the Political and Legal and Socio-Economic Situation of the Turkmen of the East Caspian Region (Mid-18th – Mid-19th c.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 42-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.4>

УДК 340; 94(574/575.4)
ББК 63.3(2), 67.401

Дата поступления статьи: 02.03.2019
Дата принятия статьи: 31.05.2019

**УЧАСТНИКИ РОССИЙСКИХ МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
ТУРКМЕН ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ
(СЕРЕДИНА XVIII – СЕРЕДИНА XIX в.)¹**

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование записок участников российских морских экспедиций к восточному побережью Каспийского моря как источника сведений о политико-правовом и социально-эконо-

мическом положении туркменских родов и племен, населявших этот регион, а также анализ значения этих сведений для продвижения России в Среднюю Азию. Источниками являются официальные отчеты руководителей экспедиций, научные сочинения участников, подготовленные по итогам экспедиций, в некоторых случаях – также и воспоминания участников. Для исследования используются методы критического анализа текстов, историко-правовой, сравнительно-исторический и институциональный методы. Демонстрируется значение этих экспедиций в формировании и реализации среднеазиатской политики Российской империи, анализируются сведения участников экспедиций об особенностях политического и правового положения туркмен Восточного Прикаспия с середины XVIII до второй половины XIX века. Рассмотрены особенности социально-политической организации туркмен, вопросы правового регулирования отдельных сфер отношений – в первую очередь торговли, а также промысловой деятельности, порядок разрешения споров. Автор приходит к выводу о высокой ценности сведений участников российских морских экспедиций, поскольку они являлись непосредственными наблюдателями, а нередко и участниками политико-правовых и социально-экономических отношений среди прикаспийских туркмен. Сравнительный анализ записок участников экспедиций показывает, что ближе к середине XIX в. оценки туркмен становились все более жесткими и критическими, что отражало взгляды российских политических кругов о необходимости укрепления положения Российской империи в регионе решительными мерами, в том числе и путем прямого военного завоевания.

Ключевые слова: Российская империя, изучение Каспийского моря, Туркмения, Казахстан, традиционное государство и право кочевников Евразии, записки путешественников.

Цитирование. Почекаев Р. Ю. Участники российских морских экспедиций о политико-правовом и социально-экономическом положении туркмен Восточного Прикаспия (середина XVIII – середина XIX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 42–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.4>

Введение. Роль российского военно-морского флота в присоединении Средней Азии к России в последнее время становится весьма актуальным направлением в исследованиях среднеазиатской политики Российской империи. Однако большинство специалистов сосредоточивается преимущественно на деятельности Аральской и Амударьинской флотилии в середине XIX – начале XX века. Эта тематика нашла отражение как в отдельных статьях [5; 6; 12; 13; 21], так и в монографических трудах [14; 15, с. 182–208] и диссертационных исследованиях [24]. Деятельность же морских исследовательских экспедиций на восточном берегу Каспийского моря, имевших место с середины XVIII в. и в течение столетия вносящих существенный вклад в расширение представлений российских властей и научной общественности о Восточном Прикаспии, до сих пор привлекала внимание лишь специалистов по истории науки и географических открытий [16, с. 23–24, 24–25, 184; 17, с. 22–26, 32–33, 43–47; 18, с. 20, 22, 40–41].

Между тем в записках руководителей и участников морских экспедиций к восточному берегу Каспийского моря содержатся сведения о самых различных сторонах жизни местных туркмен. В рамках данной статьи автор намерен сосредоточиться на исследо-

вании информации об особенностях политического положения и правового регулирования социальных и экономических отношений прикаспийских туркмен. Ценность анализируемых сведений заключается в том, что их авторы являлись свидетелями, а в ряде случаев – и непосредственными участниками политических, правовых и социально-экономических отношений в регионе. Их информация позволяет существенно расширить, в ряде случаев подтвердить, а в ряде – и скорректировать представления о политическом устройстве и правовых отношениях туркмен Прикаспия, основанные на письменных источниках, материалах этнографических исследований и пр. Кроме того, автор намерен оценить значение сведений участников морских экспедиций о туркменах для дальнейшего продвижения России в Среднюю Азию.

Методы и материалы. Источниками, анализируемыми в настоящем исследовании, являются официальные отчеты начальников морских экспедиций середины XVIII – середины XIX в., научные труды и сообщения, а в ряде случаев – и воспоминания участников. В частности, исследуются журнал инженера-майора Ладыжинского, члена экспедиции капитана Толмачева 1764–1765 гг., журнал ученого К.И. Габлица – участника экспедиции

капитана 2-го ранга М.И. Войновича 1781–1782 гг., записки дипломата и государственного деятеля Н.Н. Муравьева (Карского) об экспедиции 1821 г., труды ученого Г.С. Карелина об экспедициях 1832 и 1836 гг. и ряд работ его спутника по экспедиции 1836 г. капитана И.Ф. Бларамберга, воспоминания морского офицера К. Петриченко об экспедиции 1852 г., рапорты полковника Главного штаба В.Д. Дандевила и журнал его спутника титулярного советника М.Н. Галкина об экспедиции 1859 г., наконец, сообщение контр-адмирала Н.А. Ивашинцева о промежуточных результатах его многолетних экспедиций в регионе 1856–1871 годов. Естественно, сбор сведений о государственности и праве прикаспийских туркмен не являлся главной целью экспедиций, которые основное внимание уделяли географическим, биологическим, геологическим изысканиям, интересовались возможностью развития торговых путей в Центральную Азию. Поэтому сведения политико-правового характера являются краткими и разрозненными, информации же о социально-экономическом положении туркмен в данных материалах имеется несколько больше. Их систематизация и сравнительный анализ позволяют сформировать достаточно целостное представление о некоторых сторонах политико-правовой жизни туркменских родов и племен, населявших восточный берег Каспийского моря.

Поставленная цель исследования и специфика изучаемых материалов обусловили применение ряда общих и специальных методов. Прежде всего используются метод критического анализа исследуемых текстов и синтез их сведений. Также используется историко-правовой метод, позволяющий извлечь информацию правового характера из неюридических источников. Институциональный подход помогает провести предметный анализ отдельных политических и правовых институтов у туркмен Восточного Прикаспия – социально-политическая структура, регулирование заключения торговых соглашений, порядок разрешения споров и т. д. С помощью сравнительного анализа, во-первых, прослеживается эволюция в регулировании тех или иных сфер отношений (в том числе с учетом усиления российского присутствия в регионе), во-

вторых, выявляются изменения в самих оценках прикаспийских туркмен, которые давали им участники морских экспедиций в разное время. Анализ сведений о политико-правовом и социально-экономическом положении туркмен Восточного Прикаспия осуществляется с позиций правового плюрализма, в рамках которого признается значимость и ценность любых правовых систем вне зависимости от их принадлежности к «европейским» или «традиционным» правовым семьям.

Анализ. Российские морские экспедиции к восточному берегу Каспия начались еще в первой четверти XVIII в. и были связаны с активизацией политики Петра I в Прикаспийском регионе в целом. Однако разгром хивинцами экспедиции кн. А. Бековича-Черкасского в 1717 г. произвел настолько шокирующее впечатление на имперские властные круги, что исследовательская деятельность в Восточном Прикаспии прервалась на несколько десятилетий [9, с. 319]. Лишь с 1760-х гг. морские экспедиции вновь стали отправляться в Восточный Прикаспий и с этого времени периодически осуществлялись в течение целого столетия, до начала 1870-х гг., когда они фактически утратили актуальность в связи с завоеванием Средней Азии и возможностью организации «сухопутных» экспедиций под патронажем руководства вновь созданного Туркестанского генерал-губернаторства.

Ценные наблюдения делают участники морских экспедиций по поводу социально-политического устройства туркмен. Прежде всего они отмечают раздробленность туркменских племен, в результате которой не только племена, но даже и отдельные роды в их составе нередко вели самостоятельную политику и, более того, признавали подданство разных государств. Так, родовые подразделения туркменских племен теке, гокланов, эрсари признавали власть персидских шахов, хивинских ханов, либо же являлись независимыми [4, с. 79, 107].

Представители имперской администрации, привыкшие взаимодействовать с казахскими ханами и султанами, единолично выступавшими от имени своих многочисленных подданных, с удивлением узнавали, что звание ханов у туркмен ничего не значит. В результате по тем или иным вопросам приходи-

лось договариваться не то что с каждым племенем или родом, но даже с каждым отдельным аулом [7, с. 71; 19, с. 599]. Уже инженер-майор Ладыжинский в середине XVIII в. отмечал, что у туркмен нет правителей, и все решения принимают родовые старшины [10, с. 786]. Именно старшины представляли интересы туркменских племен и родов в отношениях с Россией в XVIII в., выступая в том числе и посредниками между Россией и среднеазиатскими ханствами по дипломатическим и торговым вопросам [11, с. 94–95]. Но И.Ф. Бларамберг в 1830-х гг. отмечал, что и старшины не пользовались значительным влиянием, и туркмены признавали власть лишь семейных старейшин-аксакалов и в особенности собственных отцов [4, с. 109; 19, с. 599]. Впрочем, при отправлении в набег или же снаряжении каравана туркмены выбирали себе предводителей, которым подчинялись: согласно К. Петриченко, любое решение такого «начальника отряда» выполнялось беспрекословно [19, с. 598–599].

Неудивительно, что наиболее энергичные и амбициозные туркменские лидеры старались изыскивать разные средства для повышения авторитета среди соплеменников. Наиболее распространенным среди них являлась демонстрация покровительства со стороны иностранных правителей. Некоторые туркменские ханы и старшины носили хивинские или персидские титулы, другие же старались заручиться наградами от русских. И.Ф. Бларамберг вспоминал о встрече с туркменом, имевшим благодарственное письмо еще от М.И. Войновича, «засвидетельствованное» также Н.М. Муравьевым [2, с. 75]. М.Н. Галкин также упоминает, что некоторые старшины еще и в середине XIX в. гордились «свидетельствами», полученными от Войновича [7, с. 86]. Г.С. Карелин сам в рапортах оренбургским властям рекомендовал наградить нескольких туркменских старшин, оказавших ему содействие, которые в конечном счете получили от имперской администрации золотые или серебряные медали и серебряные сабли [23, № 181–182, с. 269, № 184, с. 270].

В некоторых случаях поддержка России оказывалась и более эффективной. Так, в 1821 г. Н.Н. Муравьев призвал туркмен признать власть вышеупомянутого Кият-хана, в

результате чего тому удавалось в течение нескольких десятилетий контролировать значительную часть многочисленных и обычно разрозненных туркменских родов и племен Восточного Прикаспия и обеспечивать мирные отношения с Россией [8, с. 416–417; 22, с. 182–183]². Его сын Язши-Мурад даже получил европейское образование в Тифлисе [3, с. 6; 22, с. 204]. Неудивительно, что впоследствии участники русских экспедиций сожалели, что после смерти Кият-хана между туркменами вновь начались междоусобицы, что ухудшило и их отношения с Россией [23, № 351, с. 481].

Большую ценность представляют сведения участников морских экспедиций об отношениях с туркменами в сфере торговли, поскольку позволяют оценить уровень развития тех или иных сфер правоотношений и правовых институтов у прикаспийских кочевых племен. Поскольку туркмены Восточного Прикаспия вели активную торговлю с соседними государствами, у них значительное развитие получили договорные отношения. Так, М.Н. Галкин вспоминает, что во время переговоров о предоставлении экспедиции Дандевилля верблюдов туркмены весьма скрупулезно обсуждали цену найма животных и вознаграждения их погонщикам [7, с. 107–108].

Еще более подробно описывается регулирование отношений в сфере рыбной ловли и торговли рыбой (в первую очередь осетриной), которая для большинства кочевников восточного берега Каспия являлась единственным источником дохода [10, с. 784; 23, № 351, с. 479]³. В XVIII – начале XIX в., согласно запискам участников морских экспедиций, речь шла просто о ловле рыбы и ее продаже русским или персидским торговцам, в том числе и просто проезжавшим через их владения [3, с. 42]. Для отправки в Персию рыбакам приходилось нанимать суда [11, с. 94; 22, с. 294]. Но уже в первой трети XIX в. отношения в этой сфере существенно усложняются: туркмены заключают с российскими и персидскими партнерами договоры о передаче им в аренду своих рыболовных владений на откуп на определенный срок [22, с. 237–238]. Согласно И.Ф. Бларамбергу первым из русских такой договор с туркменами заключил астраханский купец А. Герасимов [4, с. 105], но затем права на аренду перекупил другой астра-

ханец М.-А. Багиров, перс по происхождению, являвшийся к тому же купцом первой гильдии [20, с. 127]. Однако впоследствии Багиров, как сообщает Г.С. Карелин, не поладил с владельцами рыболовных мест, и Герасимов восстановил с ними договор. Этот договор, согласно Карелину, был заключен с соблюдением всех необходимых формальностей: оформил его казий – мусульманский судья, Герасимов и туркменские старшины поставили свои подписи, затем договор был заверен самим Карелиным как представителем российских властей [3, с. 21; 22, с. 276, 292–293, 297, 322–323].

Впрочем, нельзя не отметить, что отношения, связанные с рыбной ловлей, нередко страдали из-за аламанов – традиционных набегов с целью захвата добычи и рабов: туркмены совершали самые настоящие морские пиратские набеги на русских рыбаков (доходя даже до западного берега Каспия), захватывая суда и пленников. По сведениям Г.С. Карелина, из 1 500 лодок, имевших официальное разрешение («билет») на рыбную ловлю от астраханских властей, за два года более 200 было захвачено туркменами [8, с. 394–395; 22, с. 154, 157]. Со временем русские рыбопромышленники, стремясь уменьшить риск захвата их работников, стали комплектовать экипажи наполовину русскими, наполовину – представителями мусульманских народов, в частности, татарами. Однако последние, как сообщает тот же Карелин, порой сами же захватывали собственных православных спутников и продавали их туркменам [22, с. 157–158]. Подобные случаи существенно подрывали рыболовную промышленность в Каспийском море и снижали эффективность экономических связей российских рыбопромышленников с прикаспийскими туркменами.

Еще одним источником дохода местных кочевников являлась нефть, богатые запасы которой путешественники отмечают на о. Челекен [19, с. 579]. По сообщению Н.Н. Муравьева, ежегодно до 20 тыс. пудов нефти продавалось в персидский Мазандеран [8, с. 239–240]. Поначалу, как и в торговле рыбой, туркмены не располагали транспортом для доставки нефти, и этим пользовались российские и персидские торговцы. Но уже в 1830-е гг., как отмечает Г.С. Карелин, туркмены обжа-

велись собственными кораблями – «киржимами», что существенно снизило прибыли русских судовладельцев [22, с. 232, 460]. В периоды обострения отношений с Персией туркмены пытались продавать нефть русским, но при этом, как сообщает тот же Карелин, требовали по 2 реала за пуд, хотя она стоила всего 1,5, так что сделки не осуществлялись [22, с. 342].

Право собственности на нефтяные месторождения у туркмен не было четко регламентировано. И.Ф. Бларамберг сообщает, что «главные колодцы принадлежат трем хозяевам и переходят из рода в род». При этом никакими документами их права не подтверждались и основывались лишь на «изустных преданиях». Более того, любой желающий также имел право вырыть колодец на острове, не встречая ни от кого противодействия [4, с. 70]⁴.

Сходная ситуация складывалась и в сфере соляного промысла. Н.Н. Муравьев в 1821 г. сообщает о наличии больших залежей соли на том же Челекене, но, поскольку у персов в Астрабаде имеются собственные соляные озера, эту соль туркменам продавать не удастся [8, с. 239]. Однако вскоре ситуация изменилась, и уже в 1830-е гг., по свидетельству Г.С. Карелина, туркмены доставляли соль, как и нефть, кораблями в Мазандеран, где персидские купцы покупали ее оптом и потом в розницу продавали по всей Персии. Развитие соляной промышленности привело к тому, что некоторые туркменские вожди, по примеру персов, стали собирать «десятинную пошлину» с привозной соли [22, с. 235, 294]. Однако на самом Челекене право собственности на соляные копи также было весьма неопределенным: М.Н. Галкин упоминает, что прииски принадлежали некоему Менглы-Дурды-хану, однако тут же отмечает, что сами местные жители могут добывать соль и пользоваться ею совершенно бесплатно [7, с. 74]. Все это позволяет сделать вывод, что институт частной собственности на природные ресурсы у туркмен не получил широкого развития, и они зачастую рассматривались как общинная собственность⁵.

Тем не менее, если страдали имущественные интересы туркмен, то существовали различные способы разрешения противоречий. Г.С. Карелин упоминает, что один тур-

кмен-йомуд, не получив долг с астраханского торговца-перса, захватил его, севшее на мель, судно с четьрьмя моряками. Он же описывает, как вышеупомянутый сын Язши-Мурад одолжил персидскому сановнику 3 000 реалов, а тот попытался вернуть ему лишь 300 реалов, а также всучить саблю и нож, вместе не стоившие и 40 реалов. Несмотря на свою «европейскую образованность», сын Киятхана повел себя как истинный туркмен: с презрением отказался и пообещал отомстить [22, с. 205, 266]. Вообще же, как писал И.Ф. Бларамберг, многие подобные споры кончались ударами кинжала [2, с. 64].

Энергично защищая свои интересы, прикаспийские туркмены не считали зазорным посягать на чужое имущество, поскольку это, как и аламан, считалось проявлением удалства. Бларамберг вспоминал, что во время переговоров о торговле несколько туркменских старшин попытались украсть несколько шкур, на которых сидели, когда же их задержали и уличили, они всего лишь заявили, что «пошутили» [2, с. 62; 3, с. 20]. Также, в отличие от других кочевых народов, у туркмен не был развит закон гостеприимства: как сообщает Г.С. Карелин, они были готовы ограбить любого своего постояльца [22, с. 301].

Подобные проявления особенностей правосознания туркмен находили отражение и в торговле, где они всячески старались надуть «чужих». Г.С. Карелин описывает, как владелец рыбных заводов, желая получить большую выгоду по договору с А. Герасимовым, потребовал выплатить ему причитающуюся сумму (4 000 руб.) не русскими деньгами, а персидскими реалами, которых он был готов подождать еще год – при условии увеличения суммы на 50 %. И лишь когда Карелин его «припугнул», тот согласился принять русское серебро [22, с. 301–302]. К. Петриченко сообщает, что когда один туркмен пообещал продать рыбу другому, но продал ее русскому торговцу, предложившему более высокую цену, несостоявшийся покупатель стал жаловаться – но не на продавца, а на русского торговца [19, с. 599]. Согласно рапорту В.Д. Дандевилля, туркменские старшины поставили ему верблюдов, однако ночью шайка туркмен напала на его лагерь, захватила пленников и отогнала табун, причем среди нападавших были

даже и несколько продавцов верблюдов [23, № 351, с. 480]. К «чужим» туркмены относили и представителей других туркменских же племен. Так, инженер-майор Ладьжинский вспоминал, что когда прибрежные туркмены попытались начать торговлю с экспедицией, взятый на корабль проводник из другого племени отговорил ее участников от ведения дел с этими туркменами, заявив, что «они все плуты» [10, с. 787].

Подобные примеры формировали не слишком хорошее представление о личных качествах и правовых представлениях туркмен у российских путешественников. Н.Н. Муравьев характеризовал население Мангышлака как «воровское поколение» [8, с. 247]. И.Ф. Бларамберг отмечал, что со времени Муравьева они к лучшему не изменились, оставшись по-прежнему алчными и способными на «всякого рода низости», а мягкое к ним отношение считают за слабость [4, с. 110]. Последующие российские экспедиции учли этот опыт и стали весьма жестко реагировать на грабительские действия туркмен. Особенно ярко это проявилось во время экспедиции В.Д. Дандевилля, который не только с оружием отбивал нападения грабителей, но и сам предпринимал карательные рейды на их селения за их «неслыханную дерзость» [23, № 352, с. 482]. Н.А. Ивашинцев также давал понять, что пришла пора действовать более решительно, поскольку, по его словам, неудачи экспедиций А. Бековича-Черкасского и М.И. Войновича «произошли от одной причины, а именно от доверчивости русских к азиатцам, происходящей конечно от малого знакомства с характером народа, с которым они имели дело» [9, с. 319]. Все чаще поднимался в записках участников экспедиций вопрос о целесообразности возведения российского укрепления в Красноводском заливе (которое в результате и было возведено в 1869 г.).

Вообще, нельзя не отметить, что по мере расширения знаний о туркменских родах и племенах Восточного Прикаспия члены морских экспедиций в своих записках все более настойчиво проводили мысль о необходимости более решительных действий российских властей в регионе, тогда как оценка политико-правового и социально-экономического положения туркмен, особенностей их отно-

шения к России становилась все более критической. Думаем, не случайно эта тенденция стала проявляться в то же время, когда Россия начала активизировать свою политику на среднеазиатском направлении. Именно к этому периоду относятся походы оренбургского губернатора В.А. Перовского на Хиву в 1839–1840 гг. и Ак-Мечеть в 1852 г., действия оренбургских и западносибирских властей по формированию пограничной линии на границах с Хивинским и Кокандским ханствами, а также принятие киргизов в российское подданство в 1850-е гг. и т. д.

В то же время в записках 1830–1860-х гг. все чаще обращается внимание на перспективность Восточного Прикаспия в качестве торгового маршрута в Среднюю Азию, пагубность контроля караванных дорог кочевниками, неэффективность использования ими своих природных богатств. Тут нельзя не вспомнить, что именно в этот период представителями и властных структур, и предпринимательских кругов разрабатывалось большое число проектов организации русской торговли в Средней Азии, так что и акцентирование путешественниками внимания на таких вопросах также вряд ли можно считать совпадением.

Таким образом, участники экспедиций (многие из которых совершались по распоряжению как раз пограничных властей империи) в своих записках выражали общие настроения ряда российских властных и общественных кругов, подкрепляя их рекомендации собственными практическими наблюдениями.

Результаты. Анализ сведений участников российских морских экспедиций к восточному берегу Каспийского моря о политико-правовом и социально-экономическом положении туркменских племен позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, особенности социально-политического устройства туркмен, отмеченные участниками морских экспедиций, предполагали существенные изменения в формате взаимоотношений с ним, которые раньше строились по образу и подобию отношений с другими кочевниками – в частности, с казахами. Отсутствие у туркмен института верховной власти, номинальное главенство их ханов и старшин заставляло представителей Российской империи расширять круг партнеров по

переговорам со стороны туркмен, изыскивать новые средства заинтересовать их в мирных и дружественных отношениях с Россией, договариваясь с отдельными родами, предоставляя льготы в торговле и пр.

Во-вторых, у туркмен Прикаспия были достаточно четко регламентированы частноправовые отношения, в особенности в таких сферах, как торговля и добыча полезных ископаемых, а также порядок решения имущественных споров. Однако при взаимодействии с ними в этих сферах российским представителям приходилось все время адаптироваться к особенностям «традиционного» правосознания и правопонимания, любые же попытки русских путешественников и торговцев действовать в соответствии с принципами и нормами «европейских» частноправовых отношений оказывались неэффективными.

Наконец, в-третьих, ближе к середине XIX в. цели экспедиций все более смещались от научно-исследовательских к военным. Соответственно, реакция на враждебные действия прикаспийских туркмен со стороны экспедиций становилась все более жесткой, а в отчетах и записках их участников критика кочевников, их неуправляемости, «разбойничьего» образа жизни и враждебности по отношению к России становится все более жесткой, все чаще говорится о необходимости стабилизации положения в Восточном Прикаспии военными методами. Такой подход был напрямую связан с тем, что определенные круги Российской империи – в первую очередь, пограничные администрации Кавказского наместничества и Оренбургского края, а также руководившее ими Военное министерство – все более настойчиво выступали за активизацию российского продвижения в Среднюю Азию. Учитывая вышеупомянутую подчиненность руководства и участников морских экспедиций пограничным властям и, соответственно, принадлежность к военному ведомству, не приходится удивляться, что они и в своих записках старались отражать соответствующую позицию.

Таким образом, можно утверждать, что сведения участников морских экспедиций к восточному берегу Каспийского моря о политико-правовом и социально-экономическом положении местных туркменских племен, с

одной стороны, являются важным источником по истории государственности и права кочевников региона, с другой же – представляют ценность и как отражение идеологии сторонников решительной среднеазиатской политики Российской империи, которая активно стала реализовываться как раз с середины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

² Конечно же, не следует считать, что вольнолюбивые прикаспийские туркмены с готовностью последовали исключительно призыву российского дипломата. Просто пребывание Н.Н. Муравьева в Восточном Прикаспии совпало с очередным обострением отношений местных туркмен с Хивинским ханством и Персией, и, признав власть сторонника России, они рассчитывали на ее поддержку в случае вооруженного конфликта. Неудивительно, что сам Кият-хан и его сыновья за приверженность к России вызывали гнев персидских и хивинских властей и на некоторое время были вынуждены переселиться на о. Челекен [4, с. 72–73].

³ Не случайно персидские власти, стремясь взять под контроль прикаспийских туркмен, время от времени предпринимали попытки захвата принадлежавших им рыбных мест на побережье [1, с. 126–127].

⁴ При этом любопытно отметить, что богатые месторождения каменного угля на Челекене, в отличие от нефти, не становились предметом интереса ни туркмен, ни их торговых партнеров: Н.А. Ивашицев и в 1869 г. характеризовал их всего лишь как «подающие надежду на разработку» [9, с. 318].

⁵ Вероятно, именно поэтому не дали результата упоминаемые М.Н. Галкиным попытки англичан приобрести несколько участков земли у туркмен [7, с. 70, 105].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминов, И. И. Организационно-правовые основы становления и развития российско-туркменских отношений (1714–1917 гг.) / И. И. Аминов. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 344 с.

2. Бларамберг, И. Ф. Воспоминания / И. Ф. Бларамберг. – М. : Изд-во вост. лит., 1978. – 357 с.

3. Бларамберг, И. Ф. Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 г. / И. Ф. Бларамберг // Записки Императорского Русского географического общества. – 1850. – Т. 4. – С. 1–48.

4. Бларамберг, И. Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган / И. Ф. Бларамберг // Записки Императорского Русского географического общества. – 1850. – Т. 4. – С. 49–120.

5. Васильев, А. Д. Амударьинская флотилия и ее роль в истории Центральной Азии / А. Д. Васильев // Восточный архив. – 2015. – № 2 (32). – С. 14–16.

6. Васильев, А. Д. Участие морского ведомства в Ахал-текинской экспедиции / А. Д. Васильев // Восточный архив. – 2014. – № 1 (29). – С. 15–18.

7. Галкин, М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М. Н. Галкин. – СПб. : Изд. Я. А. Исакова, 1868. – V + 336 с.

8. Записки Н.Н. Муравьева-Карского, 1821 год, вторая поездка в Закаспийский край // Русский архив. – 1888. – Кн. 1. – С. 235–258, 393–432.

9. Ивашицев, Н. А. Сообщение о восточном берегу Каспийского моря по отношению к торговым путям, ведущим в Среднюю Азию / Н. А. Ивашицев // Известия Императорского Русского географического общества. – 1869. – Т. 5. – С. 317–320.

10. Извлечение из журнала инженер-майора Ладьжинского, посланного в 1764 году для осмотра восточных берегов Каспийского моря // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. 6, ч. 2. – Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1875. – С. 783–797.

11. К. Г. [Габлиц, К. И.] Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича / К. И. Габлиц. – М. : Типография С. Селивановского, 1809. – XXVIII + 120 с.

12. Кадырбаев, А. Ш. Материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота об изучении и освоении Аральского моря российскими военными моряками / А. Ш. Кадырбаев // Восточный архив. – 2003. – № 10. – С. 63–71.

13. Кадырбаев, А. Ш. Народы Приаралья в середине XIX века (по письмам А. И. Бутакова 1848–1849 гг.) / А. Ш. Кадырбаев // Восточный архив. – 2006. – № 14–15. – С. 65–71.

14. Каторин, Ю. Ф. Андреевский флаг над барханами. Участие российских моряков в завоевании Средней Азии / Ю. Ф. Каторин. – СПб. : Гангут, 2018. – 208 с.

15. Кучирь, А. Г. Каспийское мореходство – дело государево. История борьбы за Каспий / А. Г. Кучирь. – СПб. : Балтийская книжная компания, 2015. – 216 с.

16. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 312 с.

17. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / сост. О. В. Маслова. – Ч. 1. 1715–1856. – Ташкент : Изд-во САГУ, 1955. – 84 с.

18. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / сост. О. В. Маслова. – Ч. 2. 1856–1869. – Ташкент : Изд-во САГУ, 1956. – 102 с.

19. Петриченко, К. Рассказы каспийского моряка / К. Петриченко // Русский вестник. – 1857. – Т. 9. – С. 575–600.

20. Пирова, Р. Н. Персидское купечество и астраханская таможня в первой половине XIX века / Р. Н. Пирова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (74), ч. 3. – С. 126–128.

21. Почекаев, Р. Ю. А.И. Бугаков и Аральская флотилия в конце 1840-х – начале 1860-х гг. / Р. Ю. Почекаев // Вопросы истории. – 2015. – № 4. – С. 142–150.

22. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1883. – Т. 10. – VI+ 497 с.

23. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). – Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1963. – 585 с.

24. Сулайманов, С. А. История Аральской и Амударьинской флотилий (1847–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сулайманов Саламат Арепбаевич. – Нукус, 2010. – 25 с.

4. Blaramberg I.F. Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie vostochnogo berega Kaspiyskogo morya ot Astrabadskogo zaliva do mysa Tyuk-Karagan [Topographic Account of the East Coast of the Caspian Sea from Astrabad Gulf to Tyuk-Karagan Cape]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1850, vol. 4, pp. 49-120.

5. Vasilyev A.D. Amudaryinskaya flotiliya i ee rol v istorii Tsentralnoy Azii [Amudaria Flotilla and Its Role in the History of the Central Asia]. *Vostochnyy arkhiv*, 2015, no. 2 (32), pp. 14-16.

6. Vasilyev A.D. Uchastie morskogo vedomstva v Akhal-tekinskoy ekspeditsii [Participation of Navy in the Akhal-Teke Expedition]. *Vostochnyy arkhiv*, 2014, no. 1 (29), pp. 15-18.

7. Galkin M.N. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Sredney Azii i Orenburgskomu krayu* [Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and Orenburg Region]. Saint Petersburg, Izd-vo Ya.A. Isakova, 1868. V+ 336 p.

8. Zapiski N.N. Muravyeva-Karskogo, 1821 god, vtoraya poezdka v Zakaspiyskiy kray [Notes of N.N. Muravev-Karskiy, 1821, Second Journey to the Trans-Caspian Region]. *Russkiy arkhiv*, 1888, book 1, pp. 235-258, 393-432.

9. Ivashintsev N.A. Soobshchenie o vostochnom berege Kaspiyskogo morya po otnosheniyu k tovgovym putyam, vedushchim v Srednyuyu Aziyu [Report on the East Coast of the Caspian Sea Concerning the Trade Routes Leading to Central Asia]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1869, vol. 5, pp. 317-320.

10. Izvlechenie iz zhurnala inzhener-mayora Ladyzhinskogo, posylannogo v 1764 godu dlya osmotra vostochnykh beregov Kaspiyskogo morya [Extract from the Journal of Major-Engineer Ladyzhinskiy Sent in 1764 to Observe the East Coasts of the Caspian Sea]. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey. T. 6, ch. 2* [Acts Collected by Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 6, Part 2]. Tiflis, Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1875, pp. 783-797.

11. Gablits K.I. *Istoricheskiy zhurnal byvshey v 1781 i 1782 godakh na Kaspiyskom more rossiyskoy eskadry pod komandoyu flota kapitana vtorogo ranga grafa Voynovicha* [Historical Journal of the Stay of the Russian Squadron Under the Command of Commander Count Voynovich in the Caspian Sea in 1781 and 1782]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo, 1809. XXVIII+ 120 p.

12. Kadyrbaev A.Sh. Materialy Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva Voennno-Morskogo flota ob izuchenii i osvoenii Aralskogo morya rossiyskimi voennymi moryakami [Materials of the Russian State Archive of the Russian Navy on Exploration and

REFERENCES

1. Aminov I.I. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya rossiysko-turkmenskikh otnosheniy (1714–1917 gg.)* [Organizational and Legal Foundations of the Establishment and Development of Russian-Turkmen Relations (1714–1917)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 344 p.

2. Blaramberg I.F. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury, 1978. 357 p.

3. Blaramberg I.F. Zhurnal, vedennyu vo vremya ekspeditsii dlya obozreniya vostochnykh beregov Kaspiyskogo morya v 1836 g. [Journal Kept During the Expedition to Survey East Coasts of the Caspian Sea in 1836]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1850, vol. 4, pp. 1-48.

Developing of the Aral Sea by Russian Men-of-War]. *Vostochnyy arkhiv*, 2003, no. 10, pp. 63-71.

13. Kadyrbaev A.Sh. *Narody Priaralia v seredine XIX veka (po pismam A.I. Butakova 1848–1849 gg.)* [Peoples of Aral Region in the Middle of 19th Century (Based on Letters of A.I. Butakov of 1848–1849)]. *Vostochnyy arkhiv*, 2006, no. 14-15, pp. 65-71.

14. Katorin Yu.F. *Andreevskiy flag nad barkhanami. Uchastie rossiyskikh moryakov v zavoevanii Sredney Azii* [St. Andrews Flag Over the Barkhans. Participation of Russian Men-of-War in the Conquest of Central Asia]. Saint Petersburg, Gangut Publ., 2018. 208 p.

15. Kuchir A.G. *Kaspiyskoe morekhodstvo – delo gosudarevo. Istoriya borby za Kaspiy* [Caspian Navigation – Sovereigns Business. History of the Struggle for the Caspian Sea]. Saint Petersburg, Baltiyskaya knizhnaya kompaniya, 2015. 216 p.

16. Gnucheva V.F., ed. *Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov* [Materials for History of Expeditions of the Academy of Sciences in 18th and 19th Centuries. Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1940. 312 p.

17. Maslova O.V., ed. *Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu. Ch. 1. 1715–1856* [Survey of Russian Travels and Expeditions to Central Asia. Part 1. 1715–1856]. Tashkent, Izd-vo SAGU, 1955. 84 p.

18. Maslova O.V., ed. *Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu. Ch. 2.*

1856–1869 [Survey of Russian Travels and Expeditions to Central Asia. Part 2. 1856–1869]. Tashkent, Izd-vo SAGU, 1956. 102 p.

19. Petrichenko K. *Rasskazy kaspiyskogo moryaka* [Tales of the Caspian Seaman]. *Russkiy vestnik*, 1857, vol. 9, pp. 575-600.

20. Pirova R.N. *Persidskoe kupechestvo i astrakhanskaya tamozhnya v pervoy polovine XIX veka* [Persian Merchants and Astrakhan Customs in the First Half of the 19th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 12 (74), part. 3, pp. 126-128.

21. Pochekaev R.Yu. A.I. Butakov i Aralskaya flotiliya v kontse 1840-kh – nachale 1860-kh gg. [A.I. Butakov and Aral Flotilla at the End of 1840s – Beginning of 1860s]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 4, pp. 142-150.

22. Puteshestviya G.S. Karelina po Kaspiyskomu moryu [Travels of G.S. Karelin to the Caspian Sea]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii*, 1883, vol. 10. VI + 497 p.

23. *Russko-turkmenskie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (do prisoedineniya Turkmenii k Rossii)* [Russian-Turkmen Relations in 18th–19th c. (Before Joining of Turkmenistan to Russia)]. Ashkhabad, AN Turkmenkoy SSR, 1963. 585 p.

24. Sulaymanov S.A. *Istoriya Aralskoy i Amudarinskoy flotiliy (1847–1920 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of Aral and Amudaria Flotillas (1847–1920). Cand. hist. sci. diss. abs.]. Nukus, 2010. 25 p.

Information About the Author

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics, Promyshlennaya St, 17, 198099 Saint Petersburg, Russian Federation, rpochekaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Информация об авторе

Роман Юлианович Почекаев, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Промышленная, 17, 198099 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, rpochekaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

UDC 94(47)“17/1917”
LBC 63/3(2)522

Submitted: 01.09.2019
Accepted: 13.12.2019

KULDJA UNDER RUSSIAN RULE: VIEW OF THE IMPERIAL ADMINISTRATION ¹

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the review of the situation in Kuldja in the first half of the Russian domination there (1871–1876). Modern Russian historiography does not know the works that would describe the real measures of the Russian administration in this part of Russian possessions in Central Asia. **Methods and materials.** The article analyzes the main source – a note by N.N. Pantusov with information about Kuldja District. Regulatory acts on Russian governance in the area are used as additional sources. The comparative and critical analysis of sources is of interest. **Analysis and Results.** The Russian administration immediately outlined its main tasks: ensuring safety of the population, maintaining a civilian traditional way of life and governance, and equal rights for all local peoples. Destroying everything unprofitable for both states (Russia and China), the Russian administration refrained from fundamental innovations. The analysis of the sources carried out in the article allows to conclude that the Russian presence in the Ili region was temporary and even nominal indeed. The dispensing of the most fundamental articles of the Statute on the Governing of the Semirechenskaya and Syrdarya Provinces of 1867 to this district indicates the intention to facilitate the management of the new territory. And all the innovations indicate the presence of two trends. One of them was to form an attractive image of the Russian government. Another trend was aimed at spreading of all-Russian institutions to the district. Both of these trends demonstrate the intention of the representatives of the local Russian administration to keep Kuldja within the Russian Empire. The main source was published during the period of discussing the need to return the Ili region to China. However, there is no reason to argue that it was created for public announcement.

Key words: Russian Empire, Kuldja, G.A. Kolpakovsky, N.N. Pantusov, Office for Kuldja Affairs, K.P. Kaufman.

Citation. Vasilyev D.V. Kuldja Under Russian Rule: View of the Imperial Administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 52-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

УДК 94(47)“17/1917”
ББК 63/3(2)522

Дата поступления статьи: 01.09.2019
Дата принятия статьи: 13.12.2019

КУЛЬДЖА ПОД РОССИЙСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ: ВЗГЛЯД ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ¹

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена обзору положения в Кульдже в первой половине господства там Российской империи (1871–1876). Современная российская историография не знает работ, в которых были бы описаны реальные мероприятия российской администрации в этой части российских владений в Центральной Азии. **Методы и материалы.** В статье анализируется главный источник – записка Н.Н. Пантусова со сведениями о Кульджинском районе. В качестве дополнительных источников привлекаются нормативные акты о российском управлении в районе. Интерес представляют сравнительный и критический анализ источников. **Анализ и результаты.** Главными задачами местной российской администрации были сразу объявлены обеспечение безопасности населения, сохранение гражданского традиционного уклада и управления, равноправие всех местных народов. Уничтожая все вредное для обоих государств (России и Китая), российская администрация воздерживалась от принципиальных нововведений. Осуществленный в статье

анализ источников позволяет сделать вывод о том, что российское присутствие в Илийском крае действительно носило временный и даже номинальный характер. Распространение на этот район наиболее принципиальных статей проекта Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. свидетельствует о намерении облегчить управление новой территорией. А все нововведения свидетельствуют о наличии двух тенденций. Одна из них заключалась в формировании привлекательного образа российской власти. Другая тенденция была направлена на распространение на край общероссийских институтов. Обе эти тенденции можно рассматривать как намерение представителей местной российской администрации сохранить Кульджу в составе Российской империи. Основным источником был опубликован в период обсуждения в обществе вопроса о необходимости возвращения Илийского края Китаю. Однако нет оснований утверждать, что он был создан для публичного оглашения.

Ключевые слова: Российская империя, Кульджа, Г.А. Колпаковский, Н.Н. Пантусов, канцелярия по кульджинским делам, К.П. Кауфман.

Цитирование. Васильев Д. В. Кульджа под российским владычеством: взгляд имперской администрации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

Введение. Юго-восточные окраины Российской империи и, в частности, Туркестанский край отличались значительным административным своеобразием. Границы последнего то и дело меняли в силу различных обстоятельств, и сегодня трудно себе представить, как удавалось краевым чиновникам разобрататься в местных особенностях областей и особых территорий, чтобы обеспечить более-менее слаженное функционирование непростого административного организма. Особняком в числе административно-территориальных единиц Туркестанского генерал-губернаторства стоит Кульджинский район, вошедший в состав края в 1871 г. и находившийся под российским владычеством всего лишь до 1881 года. Временный статус территории определил и особый статус ее в составе Российской империи. Развитию кульджинских земель под российским владычеством посвящена предлагаемая статья.

Методы и материалы. Российскому периоду в истории Илийского края (Кульджинского района) в современной отечественной науке уделяется незаслуженно мало внимания. Своеобразный статус этой территории рассмотрен сибирскими исследователями [4; 5; 8]. Лишь в самое последнее время появились работы, пытающиеся определить место этой территории в составе гетерогенного пространства империи [1, с. 348–361; 9–11]. В этих трудах в основном отражен статус района в составе нового государства и декларированные принципы и нормы его администрации. Вне поля зрения остались реальное положение вещей в Кульдже и те изме-

нения, которые происходили в ней в период российского господства. К тому же всегда интересно посмотреть, насколько заявленные правительством цели и принципы воплощались в реальную жизнь.

В центре внимания настоящей статьи лежат два документа – оригинальный текст и печатный вариант записки ответственного за кульджинские дела чиновника семиреченской областной администрации. Ниже приведен критический анализ документа, проведено его сопоставление с региональными административными актами, что, безусловно, позволяет приблизиться к пониманию кульджинских реалий периода существования района в составе Российской империи.

Анализ. В начале 1877 г. в аппарате семиреченского военного губернатора была подготовлена записка, подводившая итог пятилетию российского присутствия в Кульджинском крае [6, л. 1–202 об.], опубликованная с незначительными изменениями в 1881 году [7]. Документ этот, составленный правителем канцелярии по кульджинским делам при военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусовым, начинается с констатации причины установления российского господства над регионом: «Причиной занятия Илийской долины была постоянная враждебность кульджинского правительства, стеснение им нашей торговли и допущение со стороны его подданных грабежей и баранты в нашей пограничной полосе» [7, с. 1]. Интересно, что печатный вариант записки, увидевшей свет в год возвращения Кульджи Китаю, содержал дополнение о том, что «...постоянная враждебность куль-

джинского правительства...» накануне занятия края русскими вышла из пределов терпимости. Наверняка редакторы сочли это уточнение уместным, дабы подчеркнуть вынужденность такого шага со стороны Российской империи. Не исключено, что широкая публикация материалов о состоянии Илийского края под российским владычеством должна была сыграть некую роль в дискуссии о возможности (и условиях) возвращения Кульджи Цинской империи. Именно в последнем убеждает читателя перешедшее из рукописи в печатный вариант рассуждение о возможности закрепления района за русскими [7, с. 2]. А рукописный текст записки Н. Пантусова с самого начала (и далее во многих местах) дословно повторяет Инструкцию начальникам участков Кульджинского района, утвержденную туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом 25 апреля 1872 года [3, л. 77–90 об.].

Заявляя далее о неопределенности статуса этой территории, Н. Пантусов утверждал, что в ее пределах не допускается никаких мероприятий, направленных на удержание Кульджи за Россией. Отсюда вытекали и главные задачи местной российской администрации: 1) обеспечение порядка, личной и имущественной безопасности населения; 2) максимально возможное сохранение гражданского уклада и управления в том виде, в каком их застали российские власти, во избежание осуществления реформ, «...которые могли бы отмениться китайским правительством в случае перехода края под власть последнего, и также чтобы не связать свободы наших действий в случае присоединения края к нашим владениям»; 3) установление равноправия для всех населяющих край народов, которое способствовало бы утверждению здесь китайского господства или закреплению долины за Российской империей. Поэтому, по мнению правителя кульджинской канцелярии, российская администрация в долине Или выполняла роль наблюдателя и посредника между местными народностями. Уничтожая все вредное для обоих государств (России и Китая), она воздерживалась от каких-либо серьезных нововведений [7, с. 1–2]. Здесь Н. Пантусов повторил § 2–3 названной выше инструкции [3, л. 77–77 об.].

Общее управление Кульджинским районом осуществлял военный губернатор Семи-

реченской области посредством специально учрежденной при нем небольшой канцелярии по кульджинским делам в составе правителя канцелярии, делопроизводителя, вольнонаемных писцов и переводчиков.

Во главе участков (первоначально четырех, а в конце двух), на которые делился Кульджинский район, стояли участковые управления в лицах участковых начальников, которые непосредственно подчинялись семиреченскому военному губернатору и пользовались правами уездных начальников Туркестанского края с некоторыми изменениями, о которых речь пойдет ниже. В Илийском крае на участковом уровне было осуществлено разделение гражданской и военной властей. Однако для полицейской службы в распоряжении участковых начальников состояло определенное число казаков [7, с. 6].

Главной обязанностью начальников участков было обеспечение порядка и безопасности в регионе, так как «...только этим путем вполне оправдывается занятие нами страны и положится прочное основание нашему в ней влиянию даже в будущем, в случае отдачи ее китайцам» [7, с. 2; 3, л. 78 об.]. Этот порядок участковые начальники осуществляли путем надзора за местным населением как лично, так и через народных управителей, а также преследуя нарушителей спокойствия, личных и имущественных прав.

Особо упорных в антиправительственной деятельности местных жителей участковые начальники имели право по специальному распоряжению военного губернатора высылать за пределы края. При этом документ обращает внимание, что эта мера осуществлялась редко и «...крайне осторожно, дабы не возбудить в населении справедливого недовольства напрасной подозрительностью и не заставить терпеть людей невинных». А вот в отношении упорствующих в грабежах и нарушении безопасности «племен» с разрешения военного губернатора дозволялось применять имущественные штрафы [3, л. 78 об.–79; 7, с. 3]. Обо всех арестах и заключениях под стражу участковые начальники обязаны были незамедлительно сообщать военному губернатору, исчерпывая мотивировку свое решение [7, с. 4–5].

Для подавления политических беспорядков и серьезных «ослушаний» русской власти

участковые начальники могли привлекать не только казачьи подразделения, но и регулярные войска. Они имели право указать место, время и способ употребления военной силы, но не должны были вмешиваться непосредственно в военные действия, признавая здесь прерогативу заведующего войсками района [3, л. 79; 7, с. 3].

На участковых начальниках лежало наблюдение за скорым и эффективным функционированием народных судов. По преступлениям же, подлежащим имперскому суду, участковый начальник проводил дознание и следствие, руководствуясь при этом правилами, установленными для судебных следователей. Последняя функция, однако, со временем была передана специально учрежденному судебному следователю. После завершения следствия дела направлялись военному губернатору для передачи в военно-судные комиссии.

С упразднением должности судебного следователя в Кульджинском районе была введена должность мирового судьи. А до тех пор участковые начальники разбирали дела между российскими подданными и местными жителями по правилам, установленным для судей проектом Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях 1867 г., с тем исключением, что в Кульджинском районе обязательными признавались лишь существенные формы судопроизводства, а решения участковых начальников, за исключением случаев неподсудности, признавались окончательными [3, л. 80–80 об.; 7, с. 3–4]. По наиболее важным делам компетенции народного суда участковый начальник мог взять на себя председательство в процессе, но только по просьбе одной из сторон (так называемый смешанный суд) [7, с. 4–5].

Докладывая о положении российской администрации в Илийском крае, Н. Пантусов, вслед за указанной инструкцией, констатировал: «Русская власть в Кульдже старается придерживаться начала строжайшего невмешательства в сферы существующего в настоящее время у различных племен населения обычного гражданского права (семейные и имущественные юридические отношения), забываясь лишь о поддержании гражданской равноправности между народностями, о не возобновлении рабства и о развитии свободы

личности и экономического благосостояния населения...» [3, л. 81; 7, с. 5]. При этом кроме председательства в смешанном суде уездные начальники имели право вершить суд между российскими подданными, а также между ними и представителями коренного населения на правах уездных судей, не запрещая при этом последним сторонам в случае обоюдного согласия обращаться в народный суд.

На участковых начальников было возложено попечение о развитии земледелия, промыслов и торговли в крае. Что же касается земского хозяйства, то рассматриваемый документ высказался об этом весьма неопределенно, из чего можно заключить, что земских учреждений в Кульджинском крае не существовало, но представители российской администрации считали желательным, а может быть и необходимым, их учреждение: «По отношению к земским учреждениям участковые начальники обязаны руководствоваться тем соображением, что обогащение народа есть главная цель управления, а в народе, всегда стоявшем под опекой администрации, всякое стремление к улучшению будет гложуть бессильной попыткой отдельного лица, если не будет находить средоточия в особом органе власти, и что дело администрации дать народу средства познать свои нужды и возможность правильно удовлетворять таковые, руководя народом во всем этом, но избегая большого вмешательства в народное хозяйство» [7, с. 5]. Что же касается имуществ, бывших при занятии края казенными, то участковые начальники обязаны были их использовать максимально эффективно, отдавая в оброчное содержание с торгов или иными приемлемыми способами [7, с. 6]. И это тоже дословно совпадает с инструкцией 1872 года [3, л. 89].

Участковым начальникам было рекомендовано «...избегать всякой излишней переписки, в особенности с народными управителями, отдавая последним преимущественно словесные указания» [3, л. 90; 7, с. 6].

Вполне очевидно, что записка Н.Н. Пантусова во многих местах практически дословно (а иной раз и дословно) цитирует инструкцию 1872 г. во многом, за исключением отдельных деталей и статей о земских учреж-

дениях, повторившую Инструкцию начальникам участков Кульджинского района, изданную сразу же после занятия края российскими войсками [2, л. 33–53 об.]. А это, в свою очередь, затрудняет нас в определении того, в какой степени на практике реализовывалось то, что задумывалось властями.

Однако в части информирования о состоянии народного управления – первичной администрации многонационального коренного населения Илийского края, представляется, содержатся довольно интересные сведения. Действовавшая инструкция 1872 г. говорит о том, что «как бывшие еще до антикитайского восстания, так и вновь избранные начальники племен, старшины, аксакалы, волостные и прочие представители первичной администрации должны были утверждаться в должностях и увольняться распоряжением военного губернатора» [1, с. 354]. И записка Н. Пантусова свидетельствует о том, что эти лица остались на своих местах, получив вышестоящую санкцию, дословно подтверждая предписанную инструкцией норму: «Назначенные до восстания китайцами родовые начальники сохраняют и теперь свою власть над подведомственными им туземцами. На этом основании укурдаи, ильгидаи и зянги у сибо, арбун-сумун, чахар-калмыков и дурбун-сумун, а также бейле, бейсе, гунн, джасаки, зянги и др. чины у торгоутов удержаны в своих званиях, правах и обязанностях. У таранчей, китайцев и дунганов назначение старшины и трех в каждом кенте или городе судей представлено избранию народа чрез выборных от каждой сотни дворов; тем же порядком киргизы производят избрание биев в каждой волости, но волостные управители назначаются военным губернатором. Той же властью утверждаются в своих должностях как прежние начальники племен (укурдаи, ильгидаи и высшие чины торгоутов), так и избранные на должности старшин кентов и городов, и от оных могут быть удаляемы и увольняемы только по распоряжению военного губернатора» [3, л. 82–82 об.; 7, с. 6–7].

Далее, практически дословно цитируя вышеупомянутую инструкцию, Н. Пантусов указывает, что права и обязанности представителей первичной администрации «...определены в отношении к подчиненным соответ-

ствующими обычаями, насколько последние не противоречат упоминаемым в настоящей главе взглядам русского правительства²; в тех же случаях, где указаний обычая не встречается, и в отношениях к русским властям, народные управители пользуются правами и несут обязанности, присвоенные волостным управителям по проекту Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 года [7, с. 7].

Правами аульных старшин, как это было установлено в проекте Положения 1867 г., наделялись сохранявшиеся у калмыков и сибозянги, а также вновь избранные сотники (у мусульман – юзбаши) в кентах, городах и волостях [3, л. 83 об.–84; 7, с. 7].

Что же касается народного суда, то подсудность ему вполне соответствовала проекту туркестанского положения 1867 года. При этом по решениям единоличных народных судей допускалась апелляция в собрания судей кента, города или рода. Наказания же, невозможные «...при господстве в крае цивилизованной власти», не допускались. Споры и иски между представителями разных народностей рассматривались смешанными судами, а в Кульдже ежемесячно собирался съезд судей [7, с. 8].

Кроме канцелярии по кульджинским делам при военном губернаторе Семиреченской области и управлений 1-го и 2-го участков, на которые делился Кульджинский район, во второй половине 1873 г. в Кульдже была учреждена касса в составе кассира, писца, присяжного, счетовода и переводчика, к которым во второй половине 1876 г. добавился бухгалтер в связи с распространением на этот край общего Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. С 1875 г. круг обязанностей участковых начальников расширился за счет добавления им функций нотариусов (на правах мировых судей), аналогично проекту Положения 1867 г. (§ 152). Тогда же в управлении участковых начальников добавилось по одному письмоводителю. С целью оптимизации административной системы количество участков, как об этом упоминалось выше, было сокращено сначала до трех (1874), а затем до двух (1876), что привело к увеличению штатов оставшихся управлений на одну единицу. В 1876 г. последовало распоряжение

туркестанского генерал-губернатора о разделении судебной и административной властей на уровне участковых начальников: вместо должности судебного следователя была введена должность судьи Кульджинского района. В 1873 г. был изменен подход к организации полицейской части районного центра. Вместо штата полицейских агентов из таранчей (которые весьма одиозно воспринимались на фоне многонационального анклава) в помощь участковому начальнику, по-прежнему оставшемуся во главе полицейской власти в городе, был дан особый офицер (городничий г. Кульджи), а также четыре полицейских агента из местных жителей. Для исполнения обязанностей нижних полицейских чинов командировались 2 унтер-офицера и 6 рядовых от войск. Ночное патрулирование осуществляли специально направляемые 1 урядник и 6 казаков (конные) и 1 унтер-офицер и 6 рядовых (пешие). Со второй половины 1876 г. функции полицейского офицера стал исполнять помощник начальника северного участка Кульджинского района с наименованием его заведующим полицейской частью г. Кульджи [7, с. 80–84].

Н.Н. Пантусов приводит весьма интересные сведения о составе населения на 1876 год. Самыми многочисленными были таранчи (51 891), казахи (33 828), сибо (18 318) и калмыки с торгоутами (15 940). Значительно меньше числилось дунган (4 031), китайцев (2 847) и солонов (767). 2 086 человек не были отнесены к этим официальным «сословиям». По утверждению Н. Пантусова, это были торгующие сарты. Российских подданных насчитывалось всего 2 022 человек, из которых дворян потомственных – 38, личных дворян – 82, белого духовенства – 5, купцов – 31, 133 мещанина, 31 крестьянин, 1 706 человек в войске, 74 нижних чинов в отставке с семьями, 102 казака. Общее число оседлых жителей края было определено в 82 142 человека, в то время как кочевое составляло 49 768 человек. Религиозный состав кульджинского населения выглядел следующим образом: 2 025 православных, 237 католиков, 7 протестантов, 9 иудеев, 91 836 мусульман «...и 37 796 душ язычников», то есть буддистов. В числе католиков были посчитаны 90 исповедующих христианство китайцев, которые приняли новую веру под влиянием не-

когда бывших здесь французских миссионеров [7, с. 9].

Автор записки подчеркивает благоприятные условия для развития в крае земледелия вообще и огородничества в частности, что составляет основу народного благосостояния. Причем российское владычество способствовало росту разнообразия культивируемых растений. Засушливый климат обусловил развитие здесь ирригации, которая позволяет вывозить хлеб и рис в соседние районы Китая и Туркестанского края. К вопросу землеведения российская власть относилась осторожно, не допуская в районе совершения купчих крепостей [7, с. 12–15].

Что касается скотоводства, то, по сведениям Н. Пантусова, Кульджинский район располагал прекрасной кормовой базой. Крупный рогатый скот здесь выполнял тягловую функцию, а мелкий ничем не отличался от Туркестанского края. Лошади напоминали семиреченских. А свиней разводили только сибо, буддизм которых не запрещает использование их в пищу. Наконец, местные жители разводили домашнюю птицу [7, с. 15–18].

Недостаток у местного населения знаний, предприимчивости и капиталов обусловили слабое развитие здесь кустарного производства. Помочь в его подъеме не могли и российские промышленники, которые не стремились инвестировать местное производство. Так, небольшая часть населения занималась садоводством и виноградарством, продукты которого также шли в соседние пределы. Правильной организации садоводства, виноградарства и табаководства должен был содействовать Борохудзирский казенный городской сад, созданный по инициативе военного губернатора Семиречья Г.А. Колпаковского. Ремеслами в районе занималось совсем незначительное число населения, а результаты их труда почти исключительно находили сбыт в г. Кульдже и окрестностях. Таким же мизерным был охотничий и рыболовный промысел. Самым распространенным занятием населения был извоз, в котором было занято до 3 000 человек и до 8 000 голов скота. Опять же по инициативе российских властей в 1873 г. было положено начало культивации шелкопряда. В следующем году в самой Кульдже по распоряжению генерал-лейтенанта Колпаков-

ского была открыта червоводня, а в 1876 г. – небольшая шелкомотальня. Тогда же из Верного и Ташкента в Кульджу прибыли три специалиста по разведению шелкопряда. С 1874 г. в районе начались работы по акклиматизации американского хлопчатника, значительную помощь в которых оказал специально командированный ученый садовод А.М. Фетисов. Местные китайцы и солоны выращивали опийный мак [7, с. 18–27].

Хотя во всем районе в 1876 г. насчитывалось 568 мельниц, 223 маслобойни, 4 пшечубумажных, 5 чугунолитейных, 3 гончарных, 4 красильных и еще несколько десятков кустарных заведений, их производственный уровень глава кульджинской канцелярии характеризовал как примитивный, параллельно отмечая, что «упадка в производительности заводов и прочих промышленных заведений в течение нашего управления краем не было» [7, с. 28–29]. Столь же бесхитростным был и способ добычи каменного угля, хотя эта отрасль пользовалась в крае известной популярностью [7, с. 29–30].

Местная торговля была сосредоточена в центре Илийского края – городе Кульдже. И если местная торговля вследствие низкого развития производительных сил и недавно пережитых масштабных беспорядков была развита слабо, то внешняя и транзитная отличались в лучшую сторону, хотя полному развитию их мешали грабежи караванов, являвшиеся следствием постоянной напряженности в регионе [7, с. 30–35].

Отменив все прежние сборы и подати с местного населения, российская администрация заменила их посемейной (подворной) податью у оседлого населения и кибиточной – у кочевого, определив обе в размере 3 рублей. Принимая во внимание состоятельность местных жителей, туркестанский генерал-губернатор сократил ее у населения отдельных местностей до 2 и 1,5 рублей [7, с. 35].

Напомним, что упомянутая выше Инструкция начальникам участков Кульджинского района, разработанная под руководством Г.А. Колпаковского в 1871 г., была через год изменена К.П. Кауфманом из-за неперменного желания последнего организовать в крае земские учреждения. Из записки же Н. Пантусова следует, что никаких земских органов

в Илийском крае создано не было. Более того, инструкция 1872 г. относилась к повинностям населения исключительно содержание почтового тракта и проселочных дорог, поставку в военное время подвод и в наряде людей для караульной службы при перемещении арестантов [3, л. 87]. А вот на деле вся эта игра в земские свободы обернулась определением главной туркестанской администрацией земского сбора в размере 20 % от установленных податей и направлением полученных средств по усмотрению администрации, в том числе на возведение построек военного назначения [7, с. 37].

Что же касается городских сумм г. Кульджи, то с 1875 г. к сбору арендной платы с лавок, караван-сараев и кустарных заведений добавились торговые, промысловые и нотариальные пошлины (на общеимперском основании) [7, с. 38]. В 1876 г. доход городских сумм составил 22 705,60 руб., а расход (на содержание больницы, городской полиции и тюрьмы, русско-таранчинско-китайской народной школы, на жалованье китайскому волостному старшине и заведующему строительной частью в г. Кульдже, на содержание городских садов и ремонт здания почтового отделения, на ремонт дома начальника северного участка района и народного суда, а также дома, занятого кульджинской повивальной бабкой, на содержание шелководов, областного чертежника и канцелярские расходы) – 21 432,64 рублей. При этом более десятой части этой суммы ушло на ремонт дома канцелярии военного губернатора по кульджинским делам, архива и служб, а также на устройство при нем сада [7, с. 39–41].

Здесь следует добавить, что отсутствие в Кульдже акцизного надзора вывело район из-под акцизных сборов на виноторговлю. Не дожидаясь соответствующего решения министров военного и финансов, туркестанский губернатор собственной властью распорядился взимать соответствующий сбор в пределах Кульджинского района ради усиления местных доходов, необходимых на компенсацию растущих издержек администрации [7, с. 41–42]. Беглый обзор состояния податного хозяйства убеждает, что российская власть в Кульдже не только столкнулась с новой для себя реальностью, показавшей неприменимость к

местным условиям уже отработанных турецких и степных шаблонов, но и оказалась зажатой в рамки как необходимостью жесткой экономии из-за слабости финансового потока из центра, так и сложностью оперирования многонациональным населением, концентрированным в довольно ограниченном территориальном пространстве.

Казенные здания в Кульдже были заняты воинскими подразделениями или административными службами. В 1877 г. было завершено возведение в административном центре края православного храма Александра Невского из жженого кирпича стоимостью в 7 803,85 руб., которые были отнесены на доходы с Кульджинского района [7, с. 46].

Останавливаясь на состоянии путей сообщения, Н. Пантусов приводит интересный пример. Одна из переправ через р. Или с 1871 и до середины 1873 г. содержалась купцом Кузнецовым, взимавшим плату с проезжавших и проходивших. «Во второй половине 1873 года купец Кузнецов заявил, что так как до взятия им илийской переправы в содержание ею пользовались жители туземцы, и она приносила им немалую пользу, то, не желая лишать их дохода, просил снять с него обязанность содержания переправы». Трудно сказать, чем на самом деле руководствовался русский торговец, но военный губернатор области передал содержание переправы местному населению, которое после небывалого половодья 1876 г. решило построить новый паром и возвести мост, на что изъявило желание собрать добровольно 800 руб., что и было утверждено Г.А. Колпаковским [7, с. 49]. Сегодня трудно сказать, насколько добровольным было это решение жителей южного участка Кульджинского района, но в любом случае оно косвенно свидетельствует о формировании у местного населения представлений о земских интересах.

Российская администрация учредила в Илийском крае 13 почтовых станций с 39 парами почтовых и 13 парами земских лошадей [7, с. 50].

Характеризуя нравственное состояние местного общества, Н. Пантусов назвал самоуправство, кражи и грабежи обыкновенными и повседневными явлениями, утвердившимися в районе в период китайского и таран-

чинского правления. С приходом русских жестокие наказания за кражи (отсечение руки, битье палками по пяткам и др.) были отменены. Это спровоцировало рост преступлений, значительно сократившихся в первые месяцы после появления в районе русских. «Так постепенно, видя мягкость русских уголовных наказаний и медленность нашего судопроизводства, уже в 1871 г. воровы и грабители начали действовать смелее, а в 1873 г. похищения и насильственные угоны скота сделались чрезвычайно часты и дерзки на всех окраинах Кульджинского района». Российские администраторы нашли выход в ссылке в Сибирь за кражи со взломом и в предании полемому уголовному суду за разбои и кражи, совершенные в дневное время или с применением насилия [7, с. 52–53].

Останавливаясь на состоянии народного суда у казахов, чиновник отметил, что за период с 1871 по 1877 г. в Кульджинском районе состоялось всего 4 съезда биев для разбора исков между казахами разных местностей, а также между казахами и калмыками. Что же касается преступлений вообще, то за шесть лет с 1871 по 1876 г. в крае было зафиксировано 10 преступлений по должности, 14 покушений на самоубийство, 63 убийства, 1 548 краж, 337 захватов чужой собственности, 146 фактов мошенничества, 53 грабежа, 9 случаев барымты, 19 нарушений правил торговли, по 1 поджогу, святотатству и изготовлению фальшивой монеты, 925 уклонений от уплаты долга, 30 фактов нанесения тяжких побоев, 6 случаев бродяжничества, 11 подкопов, 363 брачных дела и 106 неисполнений приказаний власти [7, с. 54, 57].

Благоприятные климатические условия не создавали предпосылок для заболеваний, вызванных санитарно-гигиеническими условиями. Тем не менее в районе существовали один полугоспиталь (созданный на базе первого кульджинского лазарета), городская больница, два приемных покоя и два околотка. Их обслуживали три врача. Аптек со свободной продажей лекарств не было ни одной. Большинство заболевших лечились амбулаторно и получали бесплатно лекарства. Со временем представители коренного населения стали с доверием относиться к российской медицине и не избегали помощи медицинских работни-

ков. Особую заботу российская власть проявила в борьбе с венерическими заболеваниями жителей южного участка и противодействию распространению оспы. Число оспопрививателей в районе увеличилось до 30, а только в 1876 г. был привит 5 791 ребенок [7, с. 60–65].

Приютов и благотворительных обществ в Кульджинском районе не существовало.

6 февраля 1873 г. в Кульдже открылось первое и единственное русское учебное заведение – русско-китайско-таранчинская школа, цель учреждения которой состояла в том, «...чтобы познакомить туземцев с русским языком и грамотой и дать им элементарные познания в арифметике и естественной истории и в то же время предоставить возможность проживающим в г. Кульдже русским к обучению детей своих грамоте». Начав с 26 таранчинских мальчиков, школа закончила 1875 г. лишь одним (!) [7, с. 72–73]. Причины этого очевидны. Отвернувшись от школы вскоре после ее открытия, районная администрация позволила местным обществам отказаться от поддержки направленных ими в школу учеников. В начале января 1876 г. семиреченский военный губернатор потребовал от кульджинских чиновников подвинуть первичную администрацию местного населения к созданию специального капитала для материальной поддержки детей бедных таранчей, обучающихся в школе. В качестве альтернативной меры было предложено набирать в это учебное заведение 20–25 мальчиков состоятельных родителей, которых обучение не особо стесняло в средствах. В 1874 г., когда для школы было построено специальное здание, в нее были приняты первые 6 девочек. И уже через два года в ней обучалось уже 27 мальчиков и 12 девочек [7, с. 73–75].

Что касается традиционного образования, то к 1876 г. в районе насчитывалось 266 мусульманских школ, 66 калмыцких, 3 китайские и 8 сибоских. Всего в них обучалось 5 287 детей (в 1871 г. – 3 201), а число девочек в мусульманских школах (в другие их не брали) за пять лет возросло с 235 до 1 274 [7, с. 76–77]. Эти учебные заведения имели культурную направленность и содержались за счет родителей учащихся. Рост числа мусульманских школ, безусловно, свидетельствует о лояльном отношении российской администрации

к местному исламу. Из библиотек в крае была лишь одна – у 10 линейного Туркестанского батальона.

Как и предписывала инструкция начальникам уездов, всем народностям Кульджинского района были обеспечены равные права. В отношении ислама здесь, как и в Туркестанском крае вообще, практиковалась тактика игнорирования, подразумевавшая при этом «...неусыпное наблюдение за приемами и средствами мусульманской пропаганды...». В отношении дунган русская власть стремилась уничтожить все следы предыдущего господства таранчей, оберегая их от попадания под власть мусульманского влияния. Что же касается буддизма и других верований, распространенных в китайских пределах, то здесь российские чиновники придерживались иной линии: «Не высказывая явно к этим учениям пристрастия, начальствующие лица, однако, оказывают материальную и нравственную поддержку в смысле более или менее полного восстановления их прежнего положения и средств. Не лишним почитается поддержка и развитие китайской письменности, ибо безинтеллигентное начало не может рано или поздно не поддаться направлению, принятому интеллигенцией (мусульманской)» [7, с. 79–80].

Закончил свою записку Н.Н. Пантусов следующими словами, которые, вполне естественно, не могли быть растиражированы в то время, когда обязательное возвращение Кульджи Китаю еще не виделось очевидным для всех: «Кульджинский район доселе находится во временном заведывании русского правительства, и ввиду существующего уже вопроса касательно передачи края сего в ведение китайского правительства никаких видов и предположений на будущее время о нуждах края здесь не формулируется, ибо заботы сего рода должны будут относиться к обязанностям будущей администрации» [6, л. 31].

Результаты. Рассмотренный документ позволяет прийти к заключению, что реальное положение российской администрации в Кульджинском районе мало отличалось от того, каким оно мыслилось семиреченскими чиновниками в период формулирования ими основных норм и принципов управления вновь

занятым краем. Не будем сбрасывать со счетов, что как представитель региональной власти Н.Н. Пантусов мог где-то приукрасить действительность и приблизить ее к искомым параметрам. Однако приводимые им статистические сведения убеждают, что российское присутствие в Илийском крае действительно носило временный и даже, можно сказать, во многом номинальный характер: количество российских чинов администрации было сведено до минимума, местная первичная администрация фактически не претерпела изменений и лишь была подчинена участковым начальникам, земские органы (как и предрекал в свое время Г.А. Колпаковский) не были созданы, новой системы просвещения создано не было, народный суд во многом сохранил свое прежнее значение.

Распространение на Кульджинский район наиболее принципиальных статей проекта Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. свидетельствует в первую очередь о намерении облегчить управление новой территорией, введя ее на правах уезда в состав Семиреченской области. Те же нововведения, которые стала реализовывать российская администрация в Илийском крае со второй половины 1870-х гг., безусловно, свидетельствуют о наличии двух тенденций. Одна из них заключалась в формировании привлекательного образа российской власти. И здесь – толерантность в религиозном отношении и поддержание буддизма, поощрение торговли и промыслов (распространение новых сортов хлопчатника и способов садоводства и выведения шелковичного червя), современных форм земского хозяйства, оптимизация налоговой системы применительно к населению с разным уровнем жизни. Другая же тенденция была направлена на распространение на край общероссийских институтов – нотариата, положения о торговых и промысловых сборах, принципов организации полицейских органов и судопроизводства по российским законам. Обе эти тенденции, реализовавшиеся по инициативе областной и краевой администраций, свидетельствуют о том, что местные представители российской власти все-таки надеялись оставить Кульджу в составе Российской империи.

Петербург же во все это не вмешивался, справедливо рассчитывая, что возвращение Китаю дружественного России населения станет своего рода залогом мирного приграничного взаимодействия.

Можно было бы согласиться с мнением Р.Ю. Почекаева о том, что «...говорить о какой-то совершенно уникальной ситуации административного управления в Илийском крае не приходится...», ибо «...аналогичная политика реализовывалась российскими пограничными властями и в других пограничных регионах Центральной Азии...» [9, с. 539], если бы не чрезвычайная многонациональность относительно небольшого региона, вынуждавшая власти к большим компромиссам и формированию некоего подобия региональной национальной политики [1, с. 355–356], игнорирование земских учреждений (и фактический отказ от их учреждения) и почти полное отсутствие внятной пропаганды российских цивилизационных ценностей. Конечно, в значительной мере это определялось временным характером занятия края. Но именно в этом и состоит уникальность административно-политической ситуации в Кульдже периода российского господства.

Вспомним, что рассмотренный документ был опубликован в период обсуждения в обществе вопроса о необходимости возвращения Илийского края Китаю. Можно было бы предположить, что его появление и было обусловлено необходимостью в демонстрации широкому читателю достижений российской власти в Кульджинском районе. Однако четырехлетний срок между появлением записки правителя канцелярии по кульджинским делам и ее публикацией заставляет в этом сомневаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

² В инструкции 1872 г.: «...не противоречат настоящей инструкции» [3, л. 83].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д. В. Васильев. – М. : Полит. энцикл., 2018. – 638 с.
2. Инструкция начальникам участков Кульджинского района. 1871 // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 744. – Л. 33–53 об.
3. Инструкция начальникам участков Кульджинского района. 1872 // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 744. – Л. 77–90 об.
4. Моисеев, В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2003. – 345 с.
5. Моисеев, С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864–1877 гг.) / С. В. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2006. – 200 с.
6. Пантусов, Н. Н. Сведения об управлении Кульджинским районом за 1871–1876 годы / Н. Н. Пантусов // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 190. – Д. 394. – Л. 1–202.
7. Пантусов, Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 годы / Н. Н. Пантусов. – Казань : Унив. тип., 1881. – 226 с.
8. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. / И. В. Анисимова, В. А. Бармин, И. Б. Бочкарева [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2014. – 458 с.
9. Почекаев, Р. Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией / Р. Ю. Почекаев // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46, № 2. – С. 531–542.
10. Почекаев, Р. Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. / Р. Ю. Почекаев // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 4 (181). – С. 152–166.
11. Почекаев, Р. Ю. Проблемы статуса российских подданных в Кульдже после ее возвращения Китаю (1881 г.) / Р. Ю. Почекаев // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. 48, № 2. – С. 126–134.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 638 p.
2. Instruksiya nachalnikam uchastkov Kuldzhinskogo rayona. 1871 [Regulations to the Heads

of Sections of the Kuldja District. 1871]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Uzbekistan (TsGA RUz)* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 744, l. 33-53 r.

3. Instruksiya nachalnikam uchastkov Kuldzhinskogo rayona. 1872 [Regulations to the Heads of Sections of the Kuldja District. 1871]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 744, l. 77-90 r.

4. Moiseev V.A. *Rossiya i Kitay v Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia: Second Half of the 19th Century – 1917]. Barnaul, Azbuka Publ., 2003. 345 p.

5. Moiseev S.V. *Vzaimootnosheniya Rossii i uygurskogo gosudarstva Yettishar (1864–1877 gg.)* [Relations Between Russia and the Uyghur State Yettishar (1864–1877)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006. 200 p.

6. Pantusov N.N. *Svedeniya ob upravlenii Kuldzhinskim rayonom za 1871–1876 gody* [Information About the Management of the Kuldja District for 1871–1876]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive], f. 1284, inv. 190, d. 394, l. 1-202.

7. Pantusov N.N. *Svedeniya o Kuldzhinskom rayone za 1871–1877 gody* [Information About Kuldja District for 1871–1877]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1881. 226 p.

8. Anisimova I.V., Barmin V.A., Bochkareva I.B. et al. *Politika Rossii i Kitaya v Tsentralnoy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v.* [The Policy of Russia and China in Central Asia in the Second Half of the 19th – Early 21st Century]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014. 458 p.

9. Pochekaev R.Yu. *Osobennosti administrativnogo razvitiya Iliyskogo kraya v 1871–1881 gg.: mezhdru traditsiyami i frontirnoy modernizatsiey* [Specific Features of the Ili Region Administrative Development in 1871–1881: Between Traditions and Frontier Modernization]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2016, vol. 46, no. 2, pp. 531-542.

10. Pochekaev R.Yu. *Osobennosti pravovogo polozheniya Iliyskogo kraya v 1760–1860-e gg.* [Specific Features of the Legal Status of the Ili Province Between 1760s and 1860s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2018, vol. 20, no. 4 (181), pp. 152-166.

11. Pochekaev R.Yu. *Problemy statusa rossiyskikh poddannykh v Kuldzhe posle ee vozvrashcheniya Kitayu (1881 g.)* [Problems of the Russian Subjects Status in Kuldja after Its Restitution to China (1881)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 126-134.

Information About the Author

Dmitry V. Vasilyev, Doctor Habilitatus in History, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian History, Moscow City University, 2-y Selskohoziastvenny proezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Информация об авторе

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.6>

UDC 94(470+571)“18”:327

LBC 63.3(2)522-6

Submitted: 02.09.2019

Accepted: 26.11.2019

MEANINGS OF THE RUSSIAN PRESENCE IN CENTRAL ASIA (ON THE EXAMPLE OF KULDJA)¹

Svetlana A. Asanova

National Research Technological University “MISiS” Almalyk Branch, Almalyk, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. The issue of occupied Kuldja was one of the main points in the Russian-Chinese relations during the 70s – 80s of the 19th century. It originated in the mid-60s, when Kuldja came under the rule of the Taranchas. Being part of the Russian Empire from 1871 till 1881 Kuldja possessions had become a sore point in the relationship between Russia and China. The article discusses a range of problems that reveals Russia’s desire to control this region. **Methods and materials.** The basis of the study was archive materials, publications of administrative persons, materials of authors who visited Kuldja and gave their conclusions, media reports. An attempt was made to reconstruct the view of Saint Petersburg, the Turkestan administration, officials at various levels, and society regarding the fate of Kuldja. **Analysis.** The author examines the fate of Kuldja in socio-political discourse in terms of its possible use for the empire. The possible control of Western China by the Muslim population on the basis of the interests of the empire, as well as border issues and getting clear natural boundaries with political and economic feasibilities are considered. **Results.** It is indicated that the conquest of Kuldja coincided with the mass migration of landless people from inner provinces of the Russian Empire into the region and the possibility of settling them down in the conquered territories which were economically deteriorating due to non-use. This also leads to an attempt to solve the problem of unemployment by involving it in the cultivation of land, mining and development of trade. The study reflects what mechanisms were adopted to solve all the outlined tasks and what was obtained at the output.

Key words: Kuldja, Russian Empire, Ili region, Central Asia, natural borders, communication with China.

Citation. Asanova S.A. Meanings of the Russian Presence in Central Asia (On the Example of Kuldja). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 64-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.6>

УДК 94(470+571)“18”:327

ББК 63.3(2)522-6

Дата поступления статьи: 02.09.2019

Дата принятия статьи: 26.11.2019

СМЫСЛЫ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬДЖИ¹

Светлана Алексеевна Асанова

Алмалыкский филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»,
г. Алмалык, Республика Узбекистан

Аннотация. Кульджинский вопрос занимал одно из основных мест в российско-китайских взаимоотношениях 70–80-х гг. XIX в., истоками уходя в середину 60-х гг. XIX в., когда Кульджа попала под власть таранчей. Находясь в составе Российской империи в 1871–1881 гг., Кульджа² была болевой точкой во взаимоотношениях между Россией и Китаем. В статье исследуется круг проблем, указывающих на стремление России контролировать данный регион. Автор рассматривает вопрос о судьбе Кульджи в общественно-политических спорах с точки зрения предполагаемой ее пользы для империи. Судьба Кульджи анализируется с нескольких сторон: как попытка контроля мусульманского населением Западного Китая исходя из интересов империи; как пограничная проблема и получение четких естественных границ; в целом с точки зрения политической и экономической целесообразности. Указывается, что завоевание Кульджи совпало со временем массового притока в Туркестанский край безземельного населения из внутренних губерний Российской империи и

возможного размещения его на территории Кульджи. Из этого вытекала и попытка решения проблемы занятости населения через привлечение его к обработке земли, добыче полезных ископаемых и развитию торговли. Какие механизмы принимались для решения всех намеченных задач и что было получено в итоге, отражено в результатах исследования.

Ключевые слова: Кульджа, Российская империя, Илийский край, Центральная Азия, естественные границы, отношения с Китаем.

Цитирование. Асанова С. А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 64–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.6>

Введение. Кульджа, находясь в составе Туркестанского края Российской империи в 1871–1881 гг., обострила взаимоотношения между Россией и Китаем.

По вопросу занятия Кульджи в 1870–1871 гг. разгорелась полемика между Петербургом и туркестанской администрацией. Со стороны Петербурга этот шаг рассматривался как нежелательная мера [16], в то время как сторонником введения войск на территорию Кульджи был генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман [17, с. 233]. Но на столичном совещании по вопросу о восстании в Западном Китае в апреле 1871 г. было все-таки решено занять Кульджу, но с тем, чтобы позже вернуть ее Китаю [15, с. 247].

Существует мнение, что оккупация Кульджи была вопросом времени, решение которого откладывалось, так как в Петербурге ожидали реакции маньчжурского правительства для определения совместных действий на данной территории. В начале 1871 г. было предложено начать сообща военные действия против таранчей и дунган, но на кульджинской границе произошло нападение на российские пограничные отряды, следствием стало покорение Кульджи. Одновременно со взятием Кульджи от китайского правительства был получен отказ в совместных действиях с русскими до тех пор, пока не будут усмирены волнения в Монголии. После этого последовало высочайшее повеление «установить спокойствие на границе, образовав, в случае возможности, из Кульджинского ханства особое владение под управлением кого-либо из туземцев и поставив его в вассальное к России отношение» [21, с. 103–104].

После завоевания Кульджи встал вопрос о возмещении убытков, нанесенных военными действиями, и установлении здесь российских административных порядков. Была раз-

работана финансовая стратегия по возмещению убытков за счет контрибуции с населения покоренного края [9, л. 5–6; 48, л. 1–4] и обложение его дополнительными налогами [38, л. 7–8; 49, л. 10–12]. При этом генерал-губернатор К.П. Кауфман испрашивал разрешения расходовать доходы с Кульджи по своему усмотрению в качестве экстраординарного кредита [12, л. 1–2], на что получил одобрение в марте 1872 года [12, л. 4–5].

Одновременно с этими событиями в русском обществе стало набирать обороты мнение за сохранение Кульджи в составе Российской империи. В этом отношении нам интересны материалы, в которых прямо или косвенно задавался вопрос о том, как использовать данный регион, уже включенный в состав Туркестанского края, в контексте интересов Российской империи в Средней Азии.

Методы и материалы. В статье предпринята попытка реконструировать позиции Петербурга, туркестанской администрации, чиновников разных уровней (военных и гражданских), а также общества по отношению к судьбе Кульджи, уже включенной в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

«Записка о современном положении нашем на границе с Западным Китаем» [21] капитана А. Шепелева³ явилась для нас отправным документом для определения интересов России в завоеванном крае. «Мнение посланника в Пекине действительного статского советника Е. Бюцова по Кульджинскому вопросу», в подготовленной В.И. Куликовым публикации [19], стало замыкающим звеном в вопросе использования Кульджи в интересах России, так как в 1878 г. уже встал вопрос об условиях ее возврата под власть Пекина [3].

Для восстановления дискуссионной линии между двумя этими документами были изучены материалы Центрального государ-

ственного архива Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз)⁴, публикации административных лиц [26], а также материалы, авторы которых побывали в Кульдже и дали свои заключения [8; 10; 22; 27; 31; 37; 40; 43; 46], а также сообщения средств массовой информации⁵. Газетные публикации явились для нас выразителем общественного мнения, так как мы не ставили задачу демонстрации исключительно официального взгляда на данный вопрос.

В современной российской историографии вопросы российско-китайских отношений, в том числе и в отношении Кульджи, заметно востребованы. Одним из основных специалистов по узловым вопросам русско-китайских взаимоотношений в Центральной Азии является В.А. Моисеев [28]. Характеристику российско-китайских отношений в хронологической и фактологической последовательности достаточно полно отразил И.М. Попов [42]. Причем в приводимых им аргументах прослеживается политическая их составляющая. Судьбу Синьцзяна в XIX в. рассматривает Д.В. Дубровская [18, с. 162–165]. Вопросы колонизации Кульджи в части пограничного и административного устройства с точки зрения «теории естественных границ» – С. Горшенина [11]. Д.В. Васильев [6, с. 348–360; 7] изучает организацию управления Илийским краем; Р.Ю. Почекаев [44; 45] – особенности правового положения Кульджи и ее населения; С.Н. Абашин [1] – устройство временного административного и народного управления в Кульдже; С.В. Моисеев – взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар [29]; О.В. Боронин – проблему государства Йэттишар [4]. Причины и мотивы движения России на Восток рассматривает К.А. Сутеева [55]; А.В. Старцев – полемику в российских правительственных кругах по Илийскому вопросу [52]. Ранее фальсификацию «илийского вопроса» китайцами исследовал В.П. Гуревич [13]. Также написан ряд диссертационных работ, отражающих кульджинский вопрос с разных ракурсов российско-китайских взаимоотношений [2; 52; 54; 56; 57; 59]. Эти же вопросы затрагивали Н.Е. Бекмаханова [5, с. 14–45], В.Г. Дацьшен [14, с. 5–51], В.И. Куликов [25].

Анализ. Изучив обширное количество источников по данному периоду, был выявлен

относительный круг интересов Российской империи, которые могли быть обозначены как смыслы ее присутствия в Кульдже.

Контроль Кульджи – сфера национальных интересов. Завоевание Кульджи в 1871 г. совпало с периодом, когда она вышла из-под контроля Китая в результате восстания мусульман (1866–1867). Рассуждая о выгодности контроля Кульджи для России, большинство авторов ссылаются на аргументы о необходимости держать под контролем воинственное мусульманское население Синьцзяна (таранчей), которое составляло большинство населения Кульджи и вело активную мусульманскую пропаганду, привлекая в свои ряды новых последователей (дунган). Ими отмечалось, что практически все население Кульджи приняло ислам, сплотив, до того разьединенный народ, в единое целое [43, с. 31].

Считалось, что захватом Кульджи Россия гарантировала защиту интересов мусульманского населения. Если бы империя не взяла на себя эту миссию, то это сделал бы властитель Йэттишара, объединив под своею властью многочисленное единоверное население. Следствием этого могло стать создание нового мусульманского государства и возобновление волнений на российских окраинах [21, л. 118–119].

Еще одним доводом в пользу удержания Кульджи было то, что во времена контроля ее Китаем пограничные вопросы (выдача беглых и преступников) решались по требованию русских. После захвата власти таранчами эти споры оставались без действенного внимания кульджинского султана [24, л. 132].

Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман в целом был сторонником удержания Кульджи за Россией и поддержания власти Якуб-бека в Кашгаре, считая, что выгоднее иметь в соседстве с Туркестаном слабое мусульманское государство, чем Китай с неисчислимыми материальными ресурсами [42]. Аналогичного мнения придерживался Е. Бюцов, считавший, что возвращение занятого силой оружия края прежнему владельцу будет расценено как признак слабости и как поражение России [19, с. 210]. Мнение Кауфмана о том, что возвращение Кульджи китайцам повлечет за собою новую резню, разделял и пред-

ставитель министерства иностранных дел генерал-майор Богуславский [51, с. XLIV].

Встречалось также мнение, что китайцы, вступив в сношения с Европой и Америкой, с их помощью справились бы с мусульманами. Но при этом упускалось из виду, что последние, не имевшие в начале восстания ни оружия, ни армии, отняли у китайцев все это [34, с. 166–167]. Встречались и провокационные высказывания, приписываемые российским чиновникам, в частности Г.А. Колпаковскому: «То и другое племя (таранчи и дунгане. – С. А.) – заклятые враги китайцев, они открыто выражают надежду, что в ближайшем будущем Россия объявит войну Китаю и даст им случай отомстить ненавистному народу» [53, с. 269].

Таким образом, туркестанская администрация, демонстрируя внешнюю лояльность как к мусульманам Западного Китая, так и китайским властям, на деле пыталась удерживать регион ради возможных политических и экономических выгод.

Кульджа – удобная и перспективная граница для России. Еще одним доводом в полемике использования Кульджи Российской империей был пограничный вопрос. С присоединением Кульджи Россия получала твердые естественные границы в котловине междугорья (с севера – Алатау, с юга – Тянь-Шань), углом своим почти достигнув до всех военных и торговых путей Западного Китая.

Выгодность расположения Кульджинского края объяснялась, прежде всего, тем, что ограниченная со всех сторон горными хребтами с весьма немногими удобными перевалами через них она представляла чрезвычайно перспективную стратегическую позицию не только с точки зрения положения России относительно Китая, но и в связи с ее интересами в Средней Азии. Оставив за собой богатую и плодородную долину верхнего Или, Россия заменила бы совершенно открытую, пересекающую степь границу, естественным рубежом, оборона которого была бы возможна и незначительными силами [19, с. 209]. До занятия Кульджи российско-китайская граница представляла огромную равнину, контролировать которую, даже если она вся была бы заставлена войсками, было бы невозможно. Поэтому постоянно фиксировались пере-

ходы ее кульджинскими киргизами и киргизами, находившимися в российском подданстве [35, с. 177].

Плодородные почвы на благо империи.

Кульджа была в числе выгодных и благодатных стран из-за сочетания плодородных почв с обильным орошением. И в случае необходимости могла накормить до 1 млн человек. До мусульманского восстания край кормил и обеспечивал занятостью более 300 000 человек, о чем свидетельствовали некогда цветущие заброшенные города и деревни.

Илийская долина орошалась из реки Или и ее притоков, из которых были выведены огромные арыки. Вследствие развитой ирригации и теплого климата урожаи хлеба здесь были хорошими. Край был дешев из-за отсутствия в нем сбыта товара. Преимущественно выращивали пшеницу, рис, ячмень, лен, клевер, просо, хлопок низкого сорта, кунжут, табак. Садоводство существенно сократилось с приходом таранчей. До занятия ими края разница в цене за одни и те же товары между Кульджой и Верным доходила порой до 5–6 раз [33, с. 211].

Но плодородность почв, как выяснилось со временем, была относительной. Так, путешествовавший в 1878 г. по Кульдже С.Н. Алфераки⁶ отмечал, что засуха сменила обилие влаги, низкий уровень рек не позволял применять арычный способ орошения пашен. В сравнении с периодом завоевания растительность обеднела. Причина – отсутствие осадков [41].

Кульджа – место возможного расселения безземельных крестьян. Считалось, что Кульджа по своим природным характеристикам может соперничать только с Ферганской долиной. Но при этом она выигрывает в меньшей плотности населения, что можно рассматривать как возможное место расселения безземельных крестьян из центральных губерний России.

Русская колония здесь развилась быстро, так как Кульджа по своему положению предоставляла выгодные условия для торговли с Западным Китаем, связывая его с рынками Ташкента и Коканда с одной стороны, а на севере – непосредственно с Семипалатинском и Омском [53, с. 248].

Еще одним шагом в сторону усиления русской колонизации края стала организация

в Кульдже православной миссии. В 1877 г. на должность епископа Туркестанского и Ташкентского был назначен архимандрит Александр⁷, владевший китайским языком и знакомый с миссионерским делом. Он разработал проект организации миссионерского дела в Туркестане, который и начал реализовываться в Кульдже [47, с. 3–4].

Идея о возможном заселении края безземельными крестьянами имеет под собой достаточно веские основания, так как после завоевания Средней Азии и образования Туркестанского генерал-губернаторства туда направился внушительный поток безземельных крестьян, которые первоначально обосновывались в Сырдарьинской области, позже в Ферганской долине и на побережье озера Иссык-Куль. Кульджа была вполне достойной альтернативой для решения вопроса с расселением именно из-за плодородности края и наличия большого количества пустующих деревень, жизнь в которых можно было оживить. Вероятно, этот фактор был не последним в плане использования Кульджи в интересах Туркестанского генерал-губернаторства.

Полезные ископаемые на благо Семиреченской области. Кульджа была богата полезными ископаемыми: каменным углем, медью, железом и др. Это обстоятельство можно было бы использовать на благо Семиреченской области. Так, начальник азиатского отдела Главного штаба А.Н. Куропаткин в письме военному министру Д.А. Милютину, ссылаясь на результаты геологических изысканий, подчеркивал, что с минеральными богатствами Кульджинской области не могут быть сравнимы богатства остальных частей Туркестана [19, с. 212].

И. Мушкетов, неоднократно путешествовавший по Средней Азии, специально изучал здесь залежи самых разнообразных полезных ископаемых, которые на сравнительно небольшом пространстве долины реки Или были сконцентрированы в огромном количестве. При этом он отмечал, что каменноугольные залежи Кульджи являются самыми мощными из всех известных залежей в Туркестане и каменноугольные образования занимают всю долину реки [30].

Но крупные залежи каменного угля в Кульдже, как показала практика, оказались не

столь рентабельны, как ожидалось вначале. И хотя по сведениям исследователей приблизительный объем ежегодной добычи каменного угля составлял 600 000–800 000 пудов, их экономическая выгода была не столь существенной. Экономическая привлекательность этого сырья становилась очевидной только при увеличении его стоимости. Так, горный инженер Давыдов, командированный для исследования горнозаводского производства Кульджи, определил экономическую себестоимость получаемой прибыли отдельных промышленников, которая составляла 9,5 % на первоначально затраченный капитал. Доходы в товарищеских артелях, занимавшихся добычей угля, были оценены им еще ниже. Причина – низкая продажная стоимость на каменный уголь на месте добычи [32].

С проникновением российского капитала в каменноугольную промышленность появилась проблема иного характера. Как только цена на уголь выросла, началась массовая вырубка лесов вокруг Кульджи, причем как русскими войсками, так и населением. Причиной тому стало именно увеличение цены на уголь. Тогда кульджинская администрация забила тревогу о сохранении лесных массивов, увеличив штрафы за вырубку деревьев [39].

Регион, способный оживить торговлю с Китаем. Вопрос об оживлении торговли с Китаем начал обсуждаться задолго до включения Кульджи в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Основным аргументом стал Кульджинский договор 1851 г., который, по мнению ряда авторов, заложил основы для устойчивой и постоянной торговли между двумя странами в Центральной Азии. При этом очевидно, что в момент его подписания Россия не стремилась к завоеванию Синьцзяна и использовала торговлю в качестве средства стабилизации отношений [50, с. 267; 58, с. 310].

После завоевания Кульджи вопрос об активизации торговли зазвучал с новой силой. В качестве подтверждения мнения многих авторов по этому вопросу достаточно привести точку зрения капитана А. Шепелева: «Наконец, торговля наша, которая после продолжительного застоя, могла надеяться подчинить своему преобладанию как Илийский бассейн, так и дунганские местности, а через них глубже проникнуть и в восточный

Туркестан, должна будет отказаться от этих выгод с водворением китайцев в Кульджинском крае» [21, л. 120].

С другой стороны, с занятием Кульджи Россией прекратилась чайная торговля Китая со Средней Азией, а также торговля российскими товарами с Китаем через Урумчи. Со временем эту торговлю надеялись восстановить и вступить в конкуренцию с английскими товарами, которые могли проникать в Синьцзян только через Китай [34, с. 167–169].

В то же время считалось, что дунганское восстание оказало русской торговле важную услугу в плане возможного расширения торговли с Монголией. Так как китайские товары проникали в Монголию северным путем, а с падением Улясутая⁸ путь этот оказался закрыт, то Россия могла бы воспользоваться этой ситуацией и присовокупить в своих интересах и этот обширный торговый рынок [20, л. 256].

Но, как показала практика, многие надежды, связанные с торговлей, рушились из-за низкой платежеспособности населения Кульджи и погодных условий. Так, со временем выяснилось, что Иртыш иногда мелеет уже в августе, пароходы доходят лишь до Павлодара, соответственно резко возрастает и цена за провоз товара. Соотношение между ввозом и вывозом тоже представлялось далеко не в пользу России. Как отмечал чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусов, собиравший статистические сведения по Кульдже, вывоз зачастую превышал ввоз [36, с. 168–195]. Но при этом надо принять во внимание, что часть сырья не оставалась в России и сбывалась на ярмарках для вывоза в Западную Европу. Половину экспорта по стоимости составлял скот, вывозимый в Россию и Туркестанский край [23, л. 24–25].

К 1879 г. вопрос о выгодности западно-китайской территории в торговом плане и вовсе стал сомнительным – Китай закрыл торговлю для купцов российского происхождения, а также для лиц, путешествовавших с научными целями [42]. В целом имеющийся фактологический материал показывает, что торговле придавали второстепенное значение по сравнению с плодородием края.

Результаты. Таким образом, завоевав Кульджу, Петербург не имел четкого представ-

ления, как можно ее использовать для империи. Именно это стало причиной возникшей общественно-политической дискуссии. У туркестанской администрации было более четкое представление на этот счет. Она планировала решить ряд проблем, которые можно сформулировать как смыслы российского присутствия в Кульдже.

Во-первых, контроль мусульманского населения Западного Китая, во главе с Якуббеком, позволял бы следить за политической обстановкой в Ферганской долине с самой высокой плотностью мусульманского населения в регионе. Это достигнуто не было.

Во-вторых, решив пограничную проблему и получив четкие естественные границы, можно было автоматически снять вопрос о кочевьях киргиз из Семиреченской области в Илийский край и обратно. Его неразрешенность создавала дополнительные неудобства дипломатическим чиновникам, которым приходилось решать вопросы незаконного пересечения границы людьми и скотом, пограничных грабежей. Кроме того, охрана горных участков границы представлялась экономически менее затратной.

В-третьих, судя по многочисленным описаниям края, туркестанская администрация не упускала из виду возможность расселения прибывающего безземельного крестьянства на завоеванной территории.

В-четвертых, решением проблемы расселения крестьян надеялись одновременно закрыть и проблему с их занятостью. Прогнозы были весьма оптимистичны, но реализовать их не успели из-за передачи края Китаю.

В-пятых, Кульджа была богата полезными ископаемыми, но горное производство с технической и экономической стороны было слабо развито. Единственный путь извлечения пользы из минерального богатства края виделся во введении рациональных приемов разработки, чего так же реализовать не удалось.

В-шестых, в Кульдже полностью отсутствовала какая-либо промышленность, кроме необходимых ремесел: кузнечного, шорного, горшечного, плотничьего и т. д. Этот регион нуждался во ввозе промышленных товаров, особенно тканей и металлических изделий. Но, несмотря на это, внешняя торговля края оказалась ничтожна из-за бедности населения.

Препятствием для вывоза являлись случавшиеся природные катаклизмы. Поэтому предполагаемая ставка на оживление торговли в период нахождения Кульджи в составе Туркестанского генерал-губернаторства на тот момент оказалась несостоятельной.

В целом, если бы регион не был возвращен Китаю, то часть оптимистичных прогнозов по использованию края могла быть воплощена в жизнь. На то имелись вполне реальные возможности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

² Кульджа – в данном контексте упоминается Кульджинский район в составе Туркестанского края Российской империи в период 1871–1882 годов.

³ Капитан (в последующем генерал-майор) Александр Александрович Шепелев был руководителем экспедиции (осень 1871 г.), осуществившей топографирование Музаратского перевала и сделавшей вывод о возможности его военного использования, являющегося вместе с тем единственным удобным путем, связывающим Кульджинский край с Китаем.

⁴ Фонд И-1 – «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора»; Фонд И-2 – «Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе»; Фонд И-715 – «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».

⁵ «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности» (далее – ТС) состоит из 594 томов, хранящихся в Государственной Библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои.

⁶ Сергей Николаевич Алфераки – русский орнитолог и энтомолог. В 1879 г. путешествовал в Среднюю Азию, Казахстан и Западный Китай, в некоторых частях Тянь-Шаня он стал первым визитером из Европы.

⁷ Преосв. Александр, в миру Андрей Кульчицкий, сын священника Гродненской губернии, родился в 1826 г.; в 1847 г. закончил курс в Литовской духовной семинарии и рукоположен в священника в г. Кобрин; овдовев, принял монашество и поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, в 1857 г. окончил курс со степенью кандидата.

⁸ Улиастай (с XIX в. и по 1989 г. по-русски именовался Улясутай, иногда на картах городу давалось наименование Джавхлантили, Джихаланту) – город в Монголии, столица Дзавханского аймака, находящийся на северо-западе Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашин, С. Кульджинский вопрос / С. Абашин // Туркестан в имперской политике России : монография в документах. – М. : Кучково поле, 2016. – С. 120–132.

2. Ануфриев, К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа : дис. ... канд. ист. наук / Ануфриев Кирилл Сергеевич. – Томск, 2010. – 282 с.

3. Асанова, С. А. Отдавать или не отдавать Кульджу? Общественно-политический дискурс 70–80-х гг. XIX в. / С. А. Асанова // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. : сб. науч. тр. Междунар. семинара, г. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д. В. Васильев. – М. : ОнтоПринт, 2019. – С. 274–282.

4. Боронин, О. В. Проблема государства Йэтишар и «Илийский кризис» / О. В. Боронин // Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 78–81.

5. Бекмаханова, Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование / Н. Е. Бекмаханова. – М. ; СПб. : Ин-т российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 240 с.

6. Васильев, Д. В. Время империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д. В. Васильев. – М. : Полит. энцикл., 2018. – 638 с.

7. Васильев, Д. В. Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае / Д. В. Васильев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449 (декабрь). – С. 93–101.

8. Вилькинс, А. Долина реки Или / А. Вилькинс // Русский вестник. – 1876. – № 8. – С. 483–509.

9. Воззвание к кульджинскому населению // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 742. – Л. 5–6 об.

10. Гинс, Г. Таранчи и Дунгане : (Очерки из поездки по Семиречью) / Г. Гинс // Исторический вестник. – 1911. – № 8. – С. 673–709.

11. Горшенина, С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): автопортрет российских военно-дипломатических элит

Санкт-Петербурга и Туркестана / С. Горшенина // *Ab Imperio*. – 2014. – № 2. – С. 102–165.

12. Господину военному министру Туркестанский генерал-губернатор «Об испрошении Высочайшего повеления на оставление доходов по Кульджинской провинции» № 5374 от 11.12.1871 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 743. – Л. 1–5.

13. Гуревич, В. П. История «илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы / В. П. Гуревич // *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений*. – М. : Мысль, 1982. – С. 423–459.

14. Дацьшен, В. Г. История русско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в. / В. Г. Дацьшен. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 593 с.

15. Директор Азиатского департамента Начальнику главного штаба, 16 февраля 1872 года, № 604 // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 246–248.

16. Директор МИДа Военному министру, 7 октября 1870 года, № 2969 (секретно) // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 225.

17. Директор МИДа Начальнику главного штаба, 9 октября 1870 года, № 3006 (доверительно) // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 233–240.

18. Дубровская, Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. / Д. В. Дубровская. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. – 202 с.

19. «Если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой». Записка посланника России в Китае Е.К. Бюцова. 1878 г. / подгот. В. И. Куликов // *Исторический архив*. – 1999. – № 4. – С. 206–212. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1860-1880/Buezow_E_K/zapiska_kuldza_1878.htm (дата обращения: 11.05.2019). – Загл. с экрана.

20. Записка генерал-майора Полторацкого о значении мусульманского восстания в Западном Китае. 7 марта 1870 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 241–260.

21. Записка о современном положении нашем на границе с Западным Китаем, капитана Шепелева. 27 января 1872 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 101–123.

22. Кадников, В. С. Из истории Кульджинского вопроса / В. С. Кадников // *Исторический вестник*, 1911. – № 124. – С. 893–909.

23. Копия с донесения Российского императорского Генерального консула в Кульдже Вице-директору первого департамента Министерства иностранных дел от 4 февраля 1910 г. за № 192 // ЦГА РУз. – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 261. – Л. 21–47 об.

24. Командующий войсками Туркестанского округа Командующему войсками Семиреченской области. 23 сентября 1870 г. № 61. Ташкент. Копия с

копии (секретно) // ЦГА РУз. – Ф. И-715. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 132–133.

25. Куликов, В. И. Военное министерство и политика России в Кульджинском вопросе / В. И. Куликов // *Войны в России. Сравнительный анализ : материалы 47-й Всерос. заоч. конф.* / под ред. С. Н. Полторака. – СПб. : Нестор, 2007. – С. 49–54.

26. Куропаткин, А. Н. Русско-китайский вопрос / А. Н. Куропаткин. – СПб., 1913. – 224 с.

27. Лэндсдель, Г. Поездка в Малый Тибет / Г. Лэндсдель // *Русское обозрение*. – 1891. – № 12. – С. 700–732.

28. Моисеев, В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.) / В. А. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2003. – 346 с.

29. Моисеев, С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.) / С. В. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2006. – 200 с.

30. Мушкетов, И. К вопросу о Кульдже / И. Мушкетов // *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности* (далее – ТС). – Т. 245. – С. 7–14.

31. «Мы в настоящее время стоим на крайне опасном пути». Записки русского дипломата барона Ф. Р. Остен-Сакена / подгот. В. Бухерт // *Источник. Документы русской истории*. – 2002. – № 1 (55). – С. 13–15.

32. О горнозаводской промышленности Кульджинского ханства // ТС. – Т. 60. – С. 226–231.

33. О Кульдже // ТС. – Т. 60. – С. 202–221.

34. О настоящем положении мусульманской инсurreкции в Китае // ТС. – Т. 60. – С. 158–169.

35. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // ТС. – Т. 60. – С. 170–192.

36. Пантусов, Н. Н. Статистические сведения по Кульджинскому району / Н. Н. Пантусов // *Материалы для статистики Туркестанского края*. – СПб., 1874. – С. 144–205.

37. Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи / рукопись инока Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным // *Русский вестник*. – 1878. – № 9. – С. 6–22.

38. Переписка Военного губернатора Семиреченской области и Туркестанского генерал-губернатора за сентябрь 1871 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 742. – Л. 7–12 об.

39. Переписка Военного губернатора Семиреченской области Колпаковского и его помощника Россицкого о вырубке лесов в Кульджинском районе 1872–1873 гг. // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 789. – Л. 1–4.

40. Письма казачьего офицера с китайской границы // *Русский вестник*. – 1881. – № 4. – С. 833–852.

41. Поездка С.Н. Алфераки в Кульджинский край. Журнал заседания Совета Императорского

русского географического общества от 13 февраля 1879 года // ТС. – Т. 348. – С. 146а–148а.

42. Попов, И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И. М. Попов. – М. : Астрель : АСТ : Ермак, 2004. – 547 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/246003> (дата обращения: 27.06.2019). – Загл. с экрана.

43. Потулов, В. В. Колонизационное значение Илийского края / В. В. Потулов. – Петроград : Переселенческое управление, 1917. – 144 с.

44. Почекаев, Р. Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией / Р. Ю. Почекаев // Общество и государство в Китае. – М. : ИВ РАН, 2016. – Т. XLVI, ч. 2. – С. 531–542.

45. Почекаев, Р. Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860 гг. / Р. Ю. Почекаев // Известия УрФУ. – Серия 2, Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 4 (181). – С. 152–166.

46. Пржевальский, Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор / Н. М. Пржевальский. – М. : ОГИЗ, 1947. – 156 с.

47. Путинцев, М. К вопросу о лучшей постановке наших православных миссий / М. Путинцев. – М. : Университетская типография, 1891. – Отдельный оттиск № 5. – 11 с.

48. Рапорт Военного министра Туркестанскому генерал-губернатору № 133 от 14.07.1871 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 742. – Л. 1–4 об.

49. Распределение контрибуции с населения Илийского округа 05.07.1871 г. // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 742. – Л. 7–12.

50. Самойлов, Н. А. Россия и Китай / Н. А. Самойлов // Россия и Восток : учеб. пособие / под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 456 с.

51. Семенов, А. Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К.П. Фон-Кауфман I : материалы для биогра. сб. / А. Семенов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Kaufmann_sbornik/text1_2.htm (дата обращения: 27.06.2019). – Загл. с экрана.

52. Старцев, А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология / А. В. Старцев. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2016. – С. 102–106.

53. Сумароков, А. Кульджа накануне сдачи II / А. Сумароков // ТС. – Т. 331. – С. 245–269.

54. Сунь, Чжинцин. Русская публицистика о проблемах внешней политики России в отношении Китая (конец XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук / Сунь Чжинцин. – М., 2004. – 246 с.

55. Сутеева, К. А. Русские военные историки XIX века о причинах и мотивах движения России на Восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан)

/ К. А. Сутеева // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкина : материалы конф. / под ред. В. А. Моисеева. – Барнаул : Азбука, 2003. – С. 100–116.

56. Темников, Е. Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук / Темников Евгений Геннадьевич. – Казань, 2010. – 275 с.

57. Тумайкина, В. В. Основные направления военно-политической и административной деятельности Г.А. Колпаковского : дис. ... канд. ист. наук / Тумайкина Валерия Викторовна. – Барнаул, 2010. – 238 с.

58. Хамзин, И. Р. Кульджинский договор 1851 г. как источник по истории русско-китайских отношений второй половины XIX в.: политические и торгово-экономические аспекты / И. Р. Хамзин // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Уральский университет, 2016. – С. 308–310.

59. Хахалин, К. В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии в середине XVIII – середине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Хахалин Константин Владимирович. – СПб., 2007. – 183 с.

REFERENCES

1. Abashin S. Kuldzhinskiy vopros [Kuldjas Question]. *Turkestan v imperskoy politike Rossii: monografiya v dokumentakh* [Turkestan in Russian Imperial Politics. Monograph in Documents]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, pp. 120–132.

2. Anufriev K.S. *Politika Rossii i Kitaya v Tsentralnoy Azii: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza: dis. ... kand. ist. nauk* [The Policy of Russia and China in Central Asia: The Experience of Comparative Historical Analysis. Cand. hist. sci. diss.]. Tomsk, 2010. 282 p.

3. Asanova S.A. Otdavat ili ne otdavat Kuldzhu? Obshchestvenno-politicheskiy diskurs 70–80-kh gg. XIX v. [To Give or not to Give Kuldja? Socio-Political Discourse of the 70s – 80s of the 19th Century]. *Tsentralnaya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: sb. nauch. tr. Mezhdunar. seminar, g. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.* [Central Asia at the Crossroads of European and Asian Political Interests: 18th – 19th Centuries. Collection of Scientific Papers of the International Seminar. Alma-Ata, August 19–23, 2019]. Moscow, OntoPrint Publ., 2019, pp. 274–282.

4. Boronin O.V. Problema gosudarstva Yettishar i «Iliyskiy krizis» [The Yettishar State Problem and the Ili Crisis]. *Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 78–81.

5. Bekmakhanova N.E. *Prisoedinenie Tsentralnoy Azii k Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv. Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [The Accession of Central Asia to the Russian Empire in the 18th–19th Centuries. Historical and Geographical Research]. Moscow, Saint Petersburg, Institut rossiyskoy istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 240 p.

6. Vasilyev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 638 p.

7. Vasilyev D.V. Kitayskiy vopros v Russkom Turkestane: k istorii rossiyskoy administratsii v Iliyskom krae [The China Question in Russian Turkestan: On the History of the Russian Administration in the Ili Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 449 (December), pp. 93-101.

8. Vilkins A. Dolina reki Ili [Ili River Valley]. *Russkiy vestnik*, 1876, no. 8, pp. 483-509.

9. Vozzvanie k kuldzhinskomu naseleniyu [Appeal to the Kuldja Population]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Uzbekistan (dalee – TsGA RUz)* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 742, l. 5-6 r.

10. Gins G. Taranchi i Dungan: (Ocherki iz poezdki po Semirechyu) [Taranchi and Dungan (Essays from a Trip to Semereche)]. *Istoricheskiy vestnik*, 1911, no. 8, pp. 673-709.

11. Gorshenina S. Teoriya «estestvennykh granits» i zavoevanie Kuldzhi (1870–1871 gg.): avtoportret rossiyskikh voenno-diplomaticheskikh elit Sankt-Peterburga i Turkestana [The Theory of “Natural Borders” and the Conquest of Kuldja (1870–1871): A Self-Portrait of the Russian Military-Diplomatic Elites of St. Petersburg and Turkestan]. *Ab Imperio*, 2014, no. 2, pp. 102-165.

12. Gospodinu voennomu ministru Turkestanskiy general-gubernator «Ob isproshenii Vysochayshogo poveleniya na ostavlenie dokhodov po Kuldzhinskoy provintsii» № 5374 ot 11.12.1871 g. [To the Minister of War by the Governor-General of Turkestan “On requesting the Highest Order to Leave Revenue for Kulja Province” no. 5374 of December 11, 1871]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 743, l. 1-5.

13. Gurevich V.P. Istoriya «iliyskogo voprosa» i ee kitayskie falsifikatory [The History of the “Ili Question” and Its Chinese Falsifiers]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv falsifikatsii istorii russo-kitayskikh otnosheniy* [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, Mysl Publ., 1982, pp. 423-459.

14. Datsyshen V.G. *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX v.* [The History of Russian-Chinese Relations in the Late 19th–Early 20th Centuries]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 593 p.

15. Direktor Aziatskogo departamenta Nachalniku glavnogo shtaba, 16 fevralya 1872 goda, № 604 [Director of the Asian Department to the Chief of General Staff, February 16, 1872, no. 604]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 49, l. 246-248.

16. Direktor MIDa Voennomu ministru, 7 oktyabrya 1870 goda. № 2969 (sekretno) [Director of the Ministry of Foreign Affairs to the Minister of War, October 7, 1870, no. 2969 (classified)]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 44, l. 225.

17. Direktor MIDa Nachalniku glavnogo shtaba, 9 oktyabrya 1870 goda, № 3006 (doveritelno) [Director of the Ministry of Foreign Affairs to the Chief of the General Staff, October 9, 1870, no. 3006 (confidentially)]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 44, l. 233-240.

18. Dubrovskaya D.V. *Sudba Sintszyana. Obretenie Kitaem «Novoy granitsy» v kontse XIX v.* [The Fate of Xinjiang. Chinas Acquisition of the “New Frontier” in the Late 19th Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 1998. 202 p.

19. Kulikov V.I., ed. «Esli domogatelstva nashi budut udovletvoreny, otdacha Kuldzhi ne budet besplodnoy zhertvoy». Zapiska poslannika Rossii v Kitae E.K. Byutsova. 1878 g. [“If Our Persecution Is Satisfied, Kuldjas Surrender Will not Be a Fruitless Sacrifice”. Note by Envoy of Russia to China E.K. Butsov, 1878]. *Istoricheskiy arkhiv*, 1999, no. 4, pp. 206-212. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1860-1880/Buezow_E_K/zapiska_kuldza_1878.htm (accessed 11 May 2019).

20. Zapiska general-mayora Poltoratskogo o znachenii musulmanskogo vosstaniya v Zapadnom Kitae. 7 marta 1870 g. [Note by Major General Poltoratsky on the Significance of the Muslim Uprising in Western China. March 7, 1870]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 45, l. 241-260.

21. Zapiska o sovremennom polozhenii nashem na granitse s Zapadnym Kitaem, kapitana Shepeleva. 27 yanvarya 1872 g. [A Note on Our Current Situation on the Border with Western China, Captain Shepelev. January 27, 1872]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 49, l. 101-123.

22. Kadnikov V.S. Iz istorii Kuldzhinskogo voprosa [From the History of the Kuldja s Issue]. *Istoricheskiy vestnik*, 1911, no. 124, pp. 893-909.

23. Kopiya s doneseniya Rossiyskogo imperatorskogo Generalnogo konsula v Kuldzhe Vitse-

direktoru pervogo departamenta Ministerstva inostrannykh del ot 4 fevralya 1910 g. za № 192 [Copy from the Report of the Russian Imperial Consul General in Kuldja to the Vice-Director of the First Department of the Ministry of Foreign Affairs on February 4, 1910 no. 192]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-2, inv. 1, d. 261, l. 21-47 r.

24. Komanduyushchiy voyskami Turkestanskogo okruga Komanduyushchemu voyskami Semirechenskoy oblasti. 23 sentyabrya 1870 g. № 61. Tashkent. Kopiya s kopii (sekretno) [Commander of the Troops of the Turkestan District to the Commander of the Troops of Semirechensk Region. September 23, 1870 no. 61. Tashkent. Copy of the Copy (Classified)]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-715, inv. 1, d. 44, l. 132-133.

25. Kulikov V.I. Voennoe ministerstvo i politika Rossii v Kuldzhinskom voprose [The Ministry of War and the Policy of Russia on the Kuldja Issue]. Poltorok S.N., ed. *Voyny v Rossii. Sravnitelnyy analiz: materialy 47-y Vseros. zaoch. konf.* [The War in Russia. Comparative Analysis. Proceedings of the 47th All-Russian Correspondence Conference]. Saint Petersburg, Nestor Publ., 2007, pp. 49-54.

26. Kuropatkin A.N. *Russko-kitayskiy vopros* [Russian-Chinese Question]. Saint Petersburg, 1913. 224 p.

27. Lendsdel G. Poezdka v Malyy Tibet [Trip to Small Tibet]. *Russkoe obozrenie*, 1891, no. 12, pp. 700-732.

28. Moiseev V.A. *Rossiya i Kitay v Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (Second Half of the 19th c. – 1917)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2003. 346 p.

29. Moiseev S.V. *Vzaimootnosheniya Rossii i uygurskogo gosudarstva Yettishar (1864–1877 gg.)* [Relations Between Russia and the Uighur State of Yettishar (1864–1877)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006. 200 p.

30. Mushketov I. K voprosu o Kuldzhe [To the Question of Kuldja]. *Turkestanskiy sbornik sochineniy i statey, odnosyashchikhsya do Sredney Azii voobshche i Turkestanskomu krayu v osobennosti (dalee – TS)* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 245, pp. 7-14.

31. Bukhert V., ed. «My v nastoyashchee vremya stoim na krayne opasnom puti». Zapiski russkogo diplomata barona F.R. Osten-Sakena [“We Are Currently on an Extremely Dangerous Path”. Notes by the Russian Diplomat Baron F.R. Osten-Saken]. *Istochnik. Dokumenty russkoy istorii*, 2002, no. 1 (55), pp. 13-15.

32. O gornozavodskoy promyshlennosti Kuldzhinskogo khanstva [About the Mining Industry of the Kuldja Khanate]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General

and the Turkestan Region in Particular], vol. 60, pp. 226-231.

33. O Kuldzhe [About Kuldja]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 60, pp. 202-221.

34. O nastoyashchem polozhenii musulmanskoj insurrektsii v Kitae [On the Current Situation of Muslim Insurrection in China]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 60, pp. 158-169.

35. Otnosheniya nashi k dunganam, Kashgaru i Kuldzhe [Our Relationship to the Dungans, Kashgar and Kuldja]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 60, pp. 170-192.

36. Pantusov N.N. Statisticheskie svedeniya po Kuldzhinskomu rayonu [Statistical Reports for Kuldja District]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya* [Materials for Statistics of Turkestan Region]. Saint Petersburg, 1874, pp. 144-205.

37. Pervye izvestiya o russkikh v Kuldzhe i prisоеdinenie k Rossii Kirgizskoy stepi [The First News of the Russians in Kuldja and the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia]. *Russkiy vestnik*, 1878, no. 9, pp. 6-22.

38. Perepiska Voennogo gubernatora Semirechenskoy oblasti i Turkestanskogo general-gubernatora za sentyabr 1871 g. [Correspondence of the Military Governor of Semirechensk Region and the Turkestan Governor General for September 1871]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 742, l. 7-12 r.

39. Perepiska Voennogo gubernatora Semirechenskoy oblasti Kolpakovskogo i ego pomoshchnika Rossitskogo o vyrubke lesov v Kuldzhinskom rayone 1872–1873 gg. [Correspondence of the Military Governor of Semirechensky Region Kolpakovsky and His Assistant Rositsky on Deforestation in Kuldja District of 1872–1873]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 789, l. 1-4.

40. Pisma kazachyego ofitsera s kitayskoy granitsy [Letters of a Cossack Officer from the Chinese Border]. *Russkiy vestnik*, 1881, no. 4, pp. 833-852.

41. Poezdka S.N. Alferaki v Kuldzhinskiy kray. Zhurnal zasedaniya Soveta Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva ot 13 fevralya 1879 goda [Trip S.N. Alferaki in the Kuldja Region. Journal of the Meeting of the Imperial Russian Geographical Society Council of February 13, 1879]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 348, pp. 146a-148a.

42. Popov I.M. *Rossiya i Kitay: 300 let na grani voyuny* [Russia and China: 300 Years on the Brink of

War]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., Ermak Publ., 2004. 547 p. URL: <https://history.wikireading.ru/246003> (accessed 27 July 2019).

43. Potulov V.V. *Kolonizatsionnoe znachenie Iliyskogo kraya* [Colonization Value of the Ili Region]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1917. 144 p.

44. Pochekaev R.Yu. Osobennosti administrativnogo razvitiya Iliyskogo kraya v 1871–1881 gg.: mezhdru traditsiyami i frontirnoy modernizatsiei [Features of the Administrative Development of the Ili Region in 1871–1881: Between Traditions and Frontier Modernization]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Moscow, IV RAN, 2016, vol. XLVI, part 2, pp. 531-542.

45. Pochekaev R.Yu. Osobennosti pravovogo polozhenii Iliyskogo kraya v 1760–1860 gg. [Features of the Legal Status of the Ili Region in 1760–1860]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 20, no. 4 (181), pp. 152-166.

46. Przhevalskiy N.M. *Ot Kuldzhi za Tyan-Shan i na Lob-nor* [From Kuldja Beyond the Tien Shan and to Lob-Nor]. Moscow, OGIz Publ., 1947. 156 p.

47. Putintsev M. *K voprosu o luchshey postanovke nashikh pravoslavnykh missiy* [The Question of the Best Formulation of Our Orthodox Missions]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1891, offprint no. 5. 11 p.

48. Raport Voennogo ministra Turkestanskomu general-gubernatoru № 133 ot 14.07.1871 g. [Report of the Minister of War to the Turkestan Governor General of July 14, 1871 no. 133]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 742, l. 1-4r.

49. Raspredelenie kontributsii s naseleniya Iliyskogo okruga 05.07.1871 g. [Distribution of Resources with the Population of the Ili District. July 5, 1871]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 742, l. 7-12.

50. Samoylov N.A. Rossiya i Kitay [Russia and China]. *Rossiya i Vostok: ucheb. posobie* [Russia and the East: Textbook]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. 456 p.

51. Semenov A. *Pokoritel i ustroitel Turkestanskogo kraya, general-adyutant K.P. Fon-Kaufman I: materialy dlya biogr. sb.* [Conqueror and Organizer of the Turkestan Territory, Adjutant General K.P. Fon-Kaufman I. Materials for Biographic Collection]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Kaufmann_sbornik/text1_2.htm (accessed 27 July 2019).

52. Startsev A.V. *Sibir i sopredelnye territorii: istoriya, istoriografiya, metodologiya* [Siberia and Adjacent Territories: History, Historiography,

Methodology]. Barnaul, BYuI MVD Rossii Publ., 2016, pp. 102-106.

53. Sumarokov A. Kuldzha nakanune sdachi II [Kuldja on the Eve of Surrender II]. *TS* [Turkestan Collection of Essays and Articles Related to Central Asia in General and the Turkestan Region in Particular], vol. 331, pp. 245-269.

54. Sun Chzhintsin. *Russkaya publitsistika o problemakh vneshney politiki Rossii v otnoshenii Kitaya (konets XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Journalism About the Problems of Russias Foreign Policy Towards China (Late 19th – Early 20th Centuries). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2004. 246 p.

55. Suteeva K.A. Russkie voennye istoriki XIX veka o prichinakh i motivakh dvizheniya Rossii na Vostok (v Srednyuyu Aziyu i Yuzhnyy Kazakhstan) [Russian Military Historians of the 19th Century on the Causes and Reasons for the Movement of Russia to the East (To Central Asia and South Kazakhstan)]. *Tsentralnaya Aziya i Sibir. Pervye nauchnye chteniya pamyati E.M. Zalkinda: materialy konf.* [Central Asia and Siberia. The First Scientific Readings in Memory of E.M. Zalkind. Proceedings of the Conference]. Barnaul, Azbuka Publ., 2003, pp. 100-116.

56. Temnikov E.G. *Mezhgosudarstvennye otnosheniya Rossii i Kitaya vo vtoroy polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Interstate Relations Between Russia and China in the Second Half of the 19th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Kazan, 2010. 275 p.

57. Tumaykina V.V. *Osnovnye napravleniya voenno-politicheskoy i administrativnoy deyatel'nosti G.A. Kolpakovskogo: dis. ... kand. ist. nauk* [The Main Areas of Military-Political and Administrative Activity of G.A. Kolpakovsky. Cand. hist. sci. diss.]. Barnaul, 2010. 238 p.

58. Khamzin I.R. Kuldzhinskiy dogovor 1851 g. kak istochnik po istorii russko-kitayskikh otnosheniy vtoroy poloviny XIX v.: politicheskie i torgovo-ekonomicheskie aspekty [The Kuldja Treaty of 1851 as a Source on the History of Russian-Chinese Relations of the Second Half of the 19th Century: Political, Trade and Economic Aspects]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Document. Archive. History. Present. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg, Uralskiy universitet, 2016, pp. 308-310.

59. Khakhalin K.V. *Russko-kitayskoe razgranichenie v Tsentralnoy Azii v seredine XVIII – seredine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian-Chinese Demarcation in Central Asia in the Mid-18th – Mid-19th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2007. 183 p.

Information About the Author

Svetlana A. Asanova, Candidate of Sciences (History), Acting Associate Professor, Department of Social, Humanitarian Disciplines, National Research Technological University “MISiS” Almalyk Branch, Amira Temura St, 56, 110100 Almalyk, Republic of Uzbekistan, asa_svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-2254>

Информация об авторе

Светлана Алексеевна Асанова, кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Алмалыкский филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», ул. Амира Темура, 56, 110100 г. Алмалык, Республика Узбекистан, asa_svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-2254>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.7>

UDC 94(5)(55)
ЛБС 63.3(0)64(Ирн)

Submitted: 21.04.2019
Accepted: 29.05.2019

**MORAL AND VALUABLE WORLD OF IRAN
OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES
IN THE CONTEXT OF “CULTURAL HERITAGE”
AND “DIALOGUE OF CIVILIZATIONS” CONCEPTS**

Egnara G. Vartanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article deals with the problem of studying the ethics and values of Iran in the period from the late 20th to the early 21st centuries in the context of “cultural heritage” and “dialogue of civilizations” concepts. **Methods.** The historical-typological and historical-systematic methods, the civilization approach used in the article have allowed to analyze the typology and transformation of the Iranian culture in the period from the late 20th to the early 21st centuries. **Analysis.** The specific historical characteristics of the Iranian civilization are the continuity of development and the civilization openness, which can be explained not only by invasions of other civilizations, but also by the active perception of the intellectual culture achievements of other peoples. The Iranian civilization came into contact with other civilizations, its origin and functioning were caused by the dialogue of cultures in a broad sense of this word. The psychological reorganization of the Iranians arose as a reaction to the introduction of western values in the life of the country during the shah modernization of the 1960s – 1970s, which led to forming new features in the national consciousness of the Iranians: the aspiration to revive national cultural traditions, desire not so much “to catch up with the West”, as to approve the priority of its culture in peoples consciousness. Those years the Iranian social thought was devoted to the intensive development of the concept of historical and cultural identity of the country, problems of the relationship between the West and the East. In the Iranian social thought the certain independent area of knowledge, namely “cultural heritage”, was formed, which gave the way to the national consciousness and encouraged the scientific search of a rational model of countrys development, looking for the reliance in the traditional experience. **Results.** The author draws the conclusion that the interpenetration and mutual enrichment of people, cultures, civilizations are important, especially in the era of globalization. But this process is the most valuable in the context of the development of national cultures, respect for the cultural heritage of every nation i.e. maintaining cultural diversity of the modern world. Today modernization of Iran is connected with the civilization principles of development (“dialogue of civilizations”) in combination with preservation of cultural heritage.

Key words: Iran, culture, modernization, dialogue of civilizations, national consciousness, cultural revival, Persian, Islamic way.

Citation. Vartanyan E.G. Moral and Valuable World of Iran of the Late 20th – Early 21st Centuries in the Context of “Cultural Heritage” and “Dialogue of Civilizations” Concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 77-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.7>

УДК 94(5)(55)
ББК 63.3(0)64(Ирн)

Дата поступления статьи: 21.04.2019
Дата принятия статьи: 29.05.2019

**ПРАВСТВЕННЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ МИР ИРАНА
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

Эгнара Гайковна Варганьян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена проблеме изучения нравственного и ценностного мира Ирана конца XX – начала XXI в. в контексте концепций «культурное наследие» и «диалог цивилизаций». *Методы.* Используемые в статье историко-типологический, историко-системный методы и цивилизационный подход позволили проанализировать типологию и трансформацию иранской культуры конца XX – начала XXI века. *Анализ.* Историческими особенностями иранской цивилизации являются непрерывность в развитии и цивилизационная открытость, которая объясняется не только вторжением иных цивилизаций, но и активным восприятием плодов интеллектуальной культуры других народов. Иранская цивилизация вступала в соприкосновение с другими цивилизациями, ее зарождение и функционирование были обусловлены диалогом культур в широком смысле этого слова. Внедрение западных ценностей в иранское общество началось в предвоенные, продолжилось и в послевоенные годы. Однако психологическая перестройка иранцев, возникшая как реакция на внедрение в жизнь страны западных ценностей в период шахской модернизации 1960–1970-х гг., привела к складыванию в национальном сознании иранцев новых черт: стремления возродить национальные культурные традиции, желания не столько «догнать Запад», сколько утвердить приоритет своей культуры в самосознании народа. В эти годы иранская общественная мысль была занята интенсивной разработкой концепции историко-культурной самобытности страны, проблем взаимоотношения западного и восточного миров. В иранской общественной мысли сформировалась некая самостоятельная область знания – «культурное наследие», дававшая выход пробудившемуся национальному самосознанию и стимулировавшая научный поиск рациональной модели развития страны, ищущая опоры в традиционном опыте. *Результаты.* Делается вывод о том, что взаимопроникновение и взаимообогащение народов, культур, цивилизаций важны, особенно в эпоху глобализации, но наибольшую ценность этот процесс представляет в контексте развития национальных культур, уважения к культурному наследию каждого народа, то есть сохранения культурного многообразия современного мира. Модернизацию Ирана сегодня увязывают с цивилизационными принципами развития («диалог цивилизаций») в сочетании с сохранением культурного наследия.

Ключевые слова: Иран, культура, модернизация, диалог цивилизаций, национальное самосознание, культурное возрождение, персидский язык, исламский путь.

Цитирование. Вартамян Э. Г. Нравственный и ценностный мир Ирана конца XX – начала XXI в. в контексте концепций «культурное наследие» и «диалог цивилизаций» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 77–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.7>

Введение. Многие европейские и российские ученые высоко оценивали культурное наследие Востока. По словам русского философа А.С. Хомякова, Индия, Иран, Израиль, Китай с наибольшей глубиной пережили коллизию «природного поклонства и поисков чистой духовности, чистого вселенского разума», хотя этот опыт акцентировался в каждой из традиций по-разному [32, с. 154–156].

Во второй половине XX в. цивилизационному аспекту развития общества стало уделяться повышенное внимание во многих странах мира, особенно афро-азиатских. По мере все более глубокого их вхождения в систему мирового капиталистического хозяйства, приобщения к достижениям научно-технической революции, афро-азиатские государства в той или иной степени утрачивали специфику своего культурно-исторического и национального облика. Это явление не миновало даже японцев, перешагнувших порог постиндустриального общества. Осознав, что только культура

может явиться дополнительным импульсом как для экономического развития страны, так и для достижения духовного лидерства в своем регионе, была разработана программа создания культурной региональной общности стран азиатско-тихоокеанского региона, стимулирующая их всестороннее развитие (речь идет о формировании сферы «конфуцианской культуры», объединяющей страны азиатско-тихоокеанского региона как основы модернизации этих стран в XXI в.). Идеологическая программа конфуцианского культурного региона была разработана японским политологом Накадзима Минэцунэ в соответствии с исследовательским планом Министерства культуры Японии от 1987 г. «Сравнительное исследование экономического развития стран Восточной Азии и модернизация» [33]).

Типологически близкий процесс наблюдался и в Иране. Начнем с того, что иранская цивилизация восходит к глубокой древности и никогда не замыкалась в себе. Ее историчес-

кими особенностями являлись непрерывность в развитии и цивилизационная открытость, которая объяснялась не только вторжением иных цивилизаций, что, естественно, вносило новые элементы от вторгающейся культуры, но и активным восприятием плодов интеллектуальной культуры других народов. Иранская цивилизация вступала в соприкосновение с другими цивилизациями, можно даже сказать, что зарождение и функционирование ее были обусловлены диалогом культур в широком смысле этого слова. Уместно вспомнить взаимоотношения Ирана с цивилизациями Двуречья, Древней Греции, Индии, Китая, взаимодействие между Персией и мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока, влияние персидского языка и культуры на язык и культуру народов Малой Азии, Кавказа, арабских стран, османской Турции и, наконец, стран Запада [4, с. 141–142; 5, с. 14].

Ускоренные темпы развития капитализма в после шахской модернизации Ирана 1960–1970-х гг. («белая революция») все крепче привязывали страну к мировой капиталистической системе, усиливали зависимость страны от индустриального Запада. Болезненная психологическая перестройка, возникшая как реакция на внедрение в жизнь Ирана западных ценностей, привела к складыванию в национальном сознании иранцев новых черт: стремления возродить национальные культурные традиции, желания не столько «догнать Запад», сколько утвердить приоритет своей культуры в самосознании народа.

На протяжении новейшей истории, особенно в 1960–1980-е гг., осмысление путей модернизации Ирана сопровождалось усилением идеологической и культурной полемики между сторонниками западного пути развития («западниками») и поборниками опоры на национальный исторический опыт («почвенниками»). В острой форме эта идейная борьба проявилась в 1960-е гг., в период осуществления программы «белой революции» шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, когда позиции «западников» укрепились, но им активно противопоставилась оппозиция, поддерживающая программу «исламского государства» шиитского духовенства во главе с имамом Рухоллой Мусави Хомейни (интересные сведения об этом периоде истории страны приводит очевидец со-

бытий, советский дипломат Г. Авдеев) [2; 9]. Именно в этот период иранские ученые пытались разработать концепцию исторической и культурной самобытности своей страны и проблем взаимоотношения двух разных миров – западного и восточного.

В этих условиях раскрылись новые, неожиданные стороны роли в жизни иранского общества культурной традиции. Ее осмысление в Иране стало активно политизироваться. Если на протяжении предшествующих десятилетий культура призвана была смягчать в сознании людей издержки модернизации, то с середины 1960-х гг. она постепенно превратилась в структурообразующий элемент модели нового общества. Иными словами, культурные традиции (религиозные, исторические, литературные, этические, экономические) стали активно формировать принципы, на которые опиралось национальное сознание иранцев.

Пробуждение национального самосознания нашло свое выражение в широких дискуссиях и в росте публикаций по культуре и истории древнего Ирана, духовной и социальной миссии ислама. Постепенно в иранской общественной мысли сформировалась как бы самостоятельная область знания – «культурное наследие», дававшая выход пробудившемуся национальному самосознанию и стимулировавшая научный поиск рациональной модели развития страны, ищущей опоры в традиционном опыте [25, с. 54].

Процесс шахской модернизации страны сопровождался нарушением привычного для иранцев образа жизни и появлением элементов западной цивилизации в разных сферах жизни общества. Средние и низшие слои общества видели в «американизации» посягательство на национальные традиции, религиозную этику и мораль. Поэтому политическое и социальное освобождение многие иранцы понимали как освобождение от иностранного диктата, преодоления неравноправных отношений между Востоком и Западом и возвращение к исконным духовным ценностям [25, с. 54]. Не случайно в 2004 г. в Иране был создан Исследовательский институт культурного наследия и туризма, который начал свою деятельность под контролем Организации культурного наследия, народных промыслов и туризма Ирана.

Методы. В начале XX в. среди отечественных ученых стали активно разрабатываться идеи взаимодействия, синтеза Востока и Запада. Это послужило основанием для развития евразийской мысли (в 1920-е гг. историософскую и геополитическую школу евразийства возглавляли географ П.Н. Савицкий, историк Г.В. Вернадский, лингвист Н.С. Трубецкой). Идея синтеза культур Востока и Запада была важным направлением творчества Л.Н. Гумилева, Н.И. Конрада, Ю. Рериха и др. [7; 17; 23].

Цивилизационный подход, основанный на трудах А. Тойнби, К. Ясперса, О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, позволил рассмотреть понятия «культурное наследие» и «диалог цивилизаций» в иранском обществе конца XX – начала XXI в., показать сущность явлений, событий эпохи путем анализа ценностных ориентаций, умонастроений иранского общества, эстетических и религиозных установок, сформированных в сознании людей их культурой. Цивилизационный подход позволил выявить многообразие и вариативность формирования и развития иранского общества.

Использованные в исследовании историко-типологический, историко-системный методы позволили проанализировать типологию и трансформацию иранской культуры конца XX – начала XXI века. Автор попытался выявить историко-культурный тип иранского общества рубежа веков на основе веберовского метода теоретической типологии. Кроме того, был проведен анализ культурного развития иранского общества на основе характеристики его системного развития в соответствии с историко-системным методом познания И.Д. Ковальченко.

В статье использована также концепция социокультурного взаимодействия Ирана с другими государствами отечественного исследователя Н.А. Самойлова.

Принципы историзма и научной объективности позволили изучать события в контексте определенных условий, их взаимосвязи и взаимодействия.

Анализ. К началу 1970-х гг. интеллектуальная элита Ирана начала осмысливать результаты интегрирования страны в мировую капиталистическую систему и задумываться о последствиях вестернизации. Кризис со-

временной культуры, о котором много писали на Западе, вызывал у многих иранцев стремление избежать подобного у себя на родине. Отсюда и критическое отношение к западной культуре, ставшее своеобразной формой проявления антиимпериалистических настроений и средством утверждения националистических идеалов. Если в предыдущие десятилетия иранские культурологи разрабатывали проблемы взаимодействия иранской и мировой культур, развития страны по западному пути, то позже в работах по этой проблематике начинает преобладать критический дух в отношении Запада. Залог жизнеспособности иранской культуры они видели в стойкости религиозного сознания. Идеей, объединяющей иранских мыслителей в 1970-е гг., было представление о модернизаторской миссии ислама, трактуемого как главный культурообразующий фактор будущего страны [13, с. 56].

Но если для ученых и общественных деятелей страны «культурное возрождение» явилось отправной точкой в формировании идей национальной самобытности и социального протеста, то правящая элита стремилась сделать это наследие орудием упрочения власти и основой идеологического обоснования незыблемости монархии.

Рост антизападных настроений, наблюдавшийся на протяжении 1970-х гг., официальные идеологи старались использовать как средство перевода в националистическое русло оппозиционных течений в стране. Многие кризисные явления (коррупция среди чиновников, инфляция, преступность и пр.) объяснялись западным влиянием.

После событий Исламской революции 1978–1979 гг. произошел резкий поворот в культурной жизни страны, что нашло выражение в новом истолковании понятий «культура», «культурное наследие» [14, с. 92]. Концепция исламского пути развития Ирана была поставлена на службу сугубо прагматическим целям, превратившись в идеологический инструмент укрепления власти шиитского духовенства. Во все области духовной жизни страны стали внедряться идеи и понятия исламской революции, теологическая символика стала доминирующей в общественной и политической жизни общества. Религиозная пропаганда, просвещение, культура призывали к стро-

гому следованию шиитским догмам веры, аскетизму, жертвенности, недоверию к внешнему миру. Исламское руководство с приходом к власти декларировало отказ от прежней трактовки понятия «культурное наследие», в том числе и от тезиса «непрерывности» древней культуры Ирана. Был провозглашен отказ от доисламской культуры страны, понятие «культурное наследие» включало период истории страны начиная с VII в., то есть с принятия ислама. После начала ирано-иракской войны в 1980 г. пространство культурного наследия и истории еще более сузилось и стало трактоваться только как история шиитской ветви ислама. Страна пошла по пути изоляционизма в соответствии с лозунгом, выдвинутым аятоллой Р.М. Хомейни «Ни Запад, ни Восток, а Ислам» [6, с. 127].

В литературе 1980-х гг. преобладала массовая религиозно-патриотическая тема. Классическая поэма Фирдоуси «Шах-наме» была запрещена религиозными властями наряду с произведениями других великих средневековых иранских поэтов, воспевающих власть шаха. Это насильственное сужение культурно-исторической памяти вело к застою в культурной жизни страны.

Для зарубежных исследователей трудность восприятия и осмысления происходящих в иранском обществе процессов заключалась в новом политическом, экономическом, общественном и культурном устройстве, возникшем в Иране после Исламской революции. Они воспринимали это как вызов западному капиталистическому миру, что объяснялось их европоцентристским подходом к восприятию цивилизации.

После прекращения ирано-иракской войны в конце 1980-х гг. и кончины имама Р.М. Хомейни началось некоторое ослабление идеологического курса, и в исламизированной концепции «культурного наследия» заметнее начинает проступать традиционный, собственно иранский элемент. Оживилась культурная жизнь, свидетельствуя о новых общественных настроениях и тенденциях в социально-политическом развитии страны. Налицо были признаки освобождения культуры от жестких религиозно-политических догм, предписываемых трактовок и возвращения к традиционному миру идей и художественных образов.

Первые попытки расширить границы культурного наследия и преодолеть культурный вакуум иранского общества в конце 1980-х гг. были предприняты после кончины имама Р.М. Хомейни и связаны с его именем. Ко дню первой годовщины этой даты было приурочено издание в 1989 г. в Тегеране сборника мистических газелей Р.М. Хомейни «Вино любви» [13, с. 59; 16, с. 8]. Читатель увидел аятоллу Р.М. Хомейни в новом облике тонкого лирика – суфийского поэта-мистика, который продолжил линию классической поэзии на фарси. В последующие годы неоднократно массовым тиражом издавался наиболее полный «Диван имама» Р.М. Хомейни [15, с. 77]. Массовый читатель, таким образом, стал приобщаться к стилю и образам классической суфийской поэзии, и благодаря поэтическому творчеству Р.М. Хомейни начало восстанавливаться традиционное наследие иранской культуры. Не менее важным событием в культурной жизни иранского общества было возвращение в литературу «Шах-наме» Фирдоуси [19]. Тысячелетию «Шах-наме» был посвящен международный конгресс в Тегеране в 1990 г., который проходил под эгидой ЮНЕСКО [16, с. 8].

Иран провозгласил новый политический курс в области культуры и приверженность классической традиции. Значение общих культурно-ценностных ориентиров как цивилизационного фактора для Ближнего и Среднего Востока иранская культурная и политическая элита начала осознавать с конца 1980-х годов. С начала 1990-х гг. в Иране стало издаваться много литературно-публицистических и научно-информационных журналов светского характера, на страницах которых появлялись разнообразные статьи, стихи, проза, переводы, знакомившие с новинками отечественной и зарубежной литературы. Массовыми тиражами стали издаваться поэты 1960–1970-х годов. В культурный обиход стало возвращаться поэтическое творчество великих мистиков прошлого, философия суфизма и т. д. Поэзия Ирана всегда была полем для переосмысления прошлого опыта в периоды, когда перед страной вставала задача нахождения нового соотношения между традицией и инновациями. Несмотря на силу традиций классического стиха, все новые веяния провоцировали перемене-

ны в литературе. Стало восстанавливаться поэтическое направление «новой поэзии» [15, с. 77].

Но наряду со стабильной тенденцией освобождения культуры и литературы от идеологических ограничений, по-прежнему работали исламские исследовательские центры в Куме и Мешхеде, в школьной и университетской системах образования религиозные дисциплины продолжали и продолжают занимать главенствующее место. Строго соблюдаются шиитские догматы веры и нормы, регулирующие повседневную жизнь. Перед кончиной имам Р.М. Хомейни предпринял попытку объединения региона под знаком сохранения чистоты и неприкосновенности религиозных ценностей ислама, идеологической непримиримости мусульманских принципов и западных культурно-этических установок. В феврале 1989 г. на весь мир прозвучала подписанная им фетва – смертный приговор английскому писателю индийского происхождения Салману Рушди за его сатирический роман «Сатанинские стихи» («Стихи дьявола»), в котором были усмотрены низкие и дерзновенные оскорбления Пророка ислама и осмеяние Божественного Откровения [10]. Акция Р.М. Хомейни была направлена на то, чтобы объединить исламский мир, противопоставив его в культурно-религиозном плане западному [1]. Даже раскаяние автора книги, его утверждение о том, что он не стремился оскорбить чувства верующих мусульман, не отменили наказание после смерти имама Р.М. Хомейни. Более того, фетва считается в исламском мире не только вердиктом имама Р.М. Хомейни, но и высших улемов университета Аль-Азхар в Египте, религиозных авторитетов Аравии, Организации Исламская конференция (с июля 2011 г. – Организация Исламского сотрудничества), в которую входят представители всех исламских государств, которые подтвердили приговор [20, с. 16]. Только в 1998 г. президент-реформатор Ирана Мохаммад Хатами назвал закрытым вопрос о приведении в исполнение фетвы о казни Салмана Рушди [18, с. 11]. Президент Ирана отменить фетву имама Р.М. Хомейни не мог, но для мирового сообщества важно было стремление М. Хатами учитывать моральные и правовые нормы, признанные мировым сообществом. Улучшению имиджа Ирана на

международной арене в конце 1990-х гг. способствовала удачно найденная и используемая президентом М. Хатами формула о необходимости «диалога цивилизаций» [27]. И хотя речь идет об Иране как стране исламской цивилизации, всячески подчеркивается его принадлежность к более древней иранской цивилизации. Связующим звеном между этими двумя понятиями была общая культура, которая основывалась на двух постулатах – религии ислама и персидском языке и литературе [28, с. 5; 18, с. 11]. Идея М. Хатами о диалоге цивилизаций мировое сообщество встретило положительно, так как это было нечто новое, по сравнению с тем, что популяризировал исламский режим. Большую работу по распространению и осуществлению идей «диалога цивилизаций» провела Организация Объединенных Наций [31, с. 7]. Одним из инициаторов того, что ООН 2001-й год объявила годом диалога цивилизаций, был президент Ирана М. Хатами [29, с. 2; 38, с. 9].

Процесс модернизации затронул и иранский кинематограф. В конце 1970-х гг. – 1980-е гг. шиитские авторитеты относились к кинематографу не просто сдержанно, а даже резко отрицательно, усматривая в нем орудие одурманивания и развращения шахским режимом миллионов соотечественников, навязывание им непривычных норм поведения, сокрушение устоев традиционного мировоззрения. По велению цензуры из репертуарных планов студий исчезли некогда привычные любовно-лирические мелодрамы, ушли в небытие зрелищные ленты музыкально-развлекательного характера. Их место заняли посвященные проблемам реальной жизни социально-психологические и бытовые драмы, военные антииракские, историко-патриотические картины. В настоящее время, как это ни парадоксально, но в стране с беспрекословным почитанием принципов шариата работают кинорежиссеры-женщины, сумевшие преодолеть одиозные патриархальные запреты и выпустить получившие одобрительные отзывы аудитории документальные и игровые киноленты. Руководство иранского кино придерживается той простой истины, что произведения экрана становятся интернациональными не тогда, когда копируют иностранный ширпотреб, а когда киноде-

ятели черпают вдохновение для творчества в сугубо отечественных проблемах и сюжетах. Мастера экрана Исламской республики Иран (ИРИ) в последние десятилетия заявили о себе своим творчеством на мировой кинематографической арене. В 1987 г. иранский режиссер Мохсен Махмалбаф обратил на себя внимание картиной «Лоточник», вызвавшей широкие отклики в Иране и с успехом продемонстрированной на международных фестивалях в Лондоне, Гетеборге, Сиетле, Ванкувере. А в 1992 г. на кинофестивале в Карловых Варах специальной премией жюри был отмечен его фильм «Однажды кино» [34, с. 65–66]. Исполненные человечности, актуального общественного и нравственного содержания киноленты Ирана уже завоевали множество престижных призов авторитетных интернациональных кинопросмотров, самый значительный из которых – Золотая Пальмовая ветвь юбилейного 50-го Каннского международного фестиваля 1997 г., присужденная картине Аббаса Кияростами «Вкус вишни» [35, с. 30]. В 1996 г. в Мюнхене картина одного из наиболее одаренных и высокопрофессиональных представителей авторского кинематографа ИРИ режиссера Дарьюша Мехрджуи «Салам, синема» была удостоена премии лучшего полнометражного художественно-документального фильма [34, с. 67–68]. Кинорежиссер Ракшан Бани Этемад входит в число ведущих режиссеров Ирана и активно участвует в мировой фестивальной жизни. Ее фильмы побеждали в Салониках, Карловых Варах, Локарно, а в 2001 г. на Московском международном кинофестивале она получила специальный приз жюри за фильм «Под кожей города» [36]. Интересен фильм «Радость безумия», снятый 14-летней иранкой Ханой Махмальбах, который в 2003 г. претендовал на приз кинофестиваля в Венеции за лучший дебют [26].

В настоящее время иранский кинематограф находится на подъеме, фильмы кинематографистов Ирана пользуются спросом не только в пределах страны, но и в Европе. Эти фильмы пользовались популярностью у кинокритиков и у так называемого интеллектуального зрителя, так как отличались глубиной, многослойностью и колоритностью.

Говоря об интеграционных процессах в развитии иранской культуры, нельзя не отметить распространение в стране Интернета. Иранский Интернет во многом обязан своим развитием М. Хатами. После его избрания президентом в 1997 г. в стране начался настоящий интернет-бум. Лишь за первые два года пребывания у власти М. Хатами число пользователей интернет-ресурсов выросло почти в 10 раз. В настоящее время в Иране доступ в Интернет имеют около 2 млн граждан, то есть примерно 3 % населения страны. Правда, духовенство старается контролировать доступ иранцев к Сети. Например, в 2002 г. Высший совет по культурной революции объявил, что интернет-провайдеры обязаны следить за тем, чтобы интернет-сайты соответствовали исламским нормам. Несколько провайдеров были закрыты и создана специальная комиссия, которой поручено составить список «противозаконных» сайтов и предоставить его в министерство связи [3].

Летом 2003 г. в Тегеране произошли серьезные волнения студентов, размах которых сравним с событиями революции 1978–1979 гг., когда возмущенные студенты сначала свергли шаха, а затем штурмом взяли американское посольство [37]. Но если в конце 1970-х гг. учащаяся молодежь выступила в авангарде Исламской революции, то теперь наоборот. Население, которое голосовало на выборах за президента-либерала М. Хатами, было возмущено тем, что клерикалы, сосредоточившие в своих руках власть, не позволяют президенту идти по пути модернизации страны. Это ли не показатель стремления общества к модернизации, к общечеловеческим ценностям?

Важным фактором культурной интеграции страны и фундаментом национального менталитета иранцы считают персидский язык. По выражению аятоллы Али Хаменеи, персидский язык – это величественное и чрезвычайно ценное наследие прошлого, предмет гордости и источник культурных достижений [11, с. 18]. Как фактор культурной интеграции персидский язык имеет два аспекта – внутренний и внешний. Известно, что на территории современного Ирана проживает более 40 малых народов, отдельных племен, этнических групп, которые относятся к различным

языковым семьям (тюркской, семитской и др.), и персидский язык активно используется как важный инструмент культурной интеграции народов, населяющих страну (внутренний аспект). Если обратиться к внешнему аспекту, то среди стран, где развернута широкая пропаганда персидского языка, можно выделить несколько групп: страны мусульманского мира (Пакистан, ОАЭ, Малайзия, Ливия, Сирия, Ливан, Турция Бангладеш и др.); страны, возрождающие ислам (бывшие республики Советского Союза – Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан); страны, имеющие общие исторические корни с Ираном (Индия); страны традиционного изучения Ирана (Россия, Германия, Англия). Персидский язык проник даже в такие совершенно несхожие между собой и отличающиеся по многим параметрам от Ирана страны, как Япония и Финляндия, Испания и Китай, Румыния и Украина [11]. В России сейчас функционируют около двух десятков вузов, в которых преподается персидский язык – государственный язык ИРИ [8, с. 93]. Можно констатировать, что в настоящее время в Исламской республике Иран персидский язык активно используется как важный инструмент культурной интеграции народов.

Культурное развитие и политика Ирана в 1990-е гг. – начале XXI в. свидетельствуют о том, что его лидеры ищут пути модернизации своего общества, опираясь на истоки национальной культуры, ее позитивные традиции и накопленный опыт. Эту тенденцию подтвердила и проведенная в 1994 г. в Тегеране конференция иранистов и преподавателей персидского языка и литературы стран СНГ, приуроченная к 15-й годовщине Исламской революции в Иране. Форум продемонстрировал высокую политическую значимость знания о богатом культурном наследии Ирана.

Большим шагом вперед в направлении развития диалога цивилизаций и процесса модернизации культуры иранского общества стал состоявшийся в Тегеране в 2003 г. Первый национальный конгресс иранистов. Показателен в этом отношении доклад президента М. Хатами под названием: «Иранистика – это окно, открытое для того, чтобы слышать, знать и говорить. Это окно должно быть еще шире открыто перед миром». На конгрессе

говорилось о междисциплинарном и межрегиональном подходе при изучении Ирана, необходимости расширения рамок познания, налаживания и усиления контактов между учеными разных стран [28]. Стремление президента М. Хатами не удивительно, ведь лозунг, с которым он пришел к власти – «Учиться лучшему, что есть у Запада». По мнению М. Хатами, ни одна великая культура, ни одна великая цивилизация не создавались в изоляции самостоятельно в отрыве от других культур. Лишь те культуры и цивилизации смогли выжить и развиваться, которые способны обмениваться с другими цивилизациями своими достижениями, обладают умением «говорить и слушать» [29, с. 59].

С приходом к власти президента М. Ахмадинежада в 2005 г. стала проследиваться тенденция сохранения собственно иранского фактора в развитии культуры. М. Ахмадинежад стал отходить от линии диалога цивилизаций в сторону тезиса о развитии собственно иранской культуры, обозначаемой в персидском языке термином *iraniyat* [12].

С победой Хасана Роухани на президентских выборах в 2013 г., в иранском обществе возродился интерес к диалогу цивилизаций, сотрудничеству с другими странами, в том числе со странами Запада.

В 2016 г. президент Ирана Хасан Роухани назначил вице-президентом и главой национальной Организации по делам культурного наследия, ремесел и туризма Ирана доктора наук Захру Ахмадипур. Тот факт, что в Иране должность одного из десяти вице-президентов связана с вопросами сохранения культурного наследия, свидетельствует о внимании, которое уделяет правительство проблемам развития культуры.

В 2018 г. в России прошла Неделя иранской культуры, а в 2019 г. в Иране – Неделя российской культуры, прорабатывается возможность проведения в 2020 г. перекрестного Года культуры и туризма между Россией и Ираном [21]. Российские ученые-иранисты периодически проводят международные научные конференции, посвященные диалогу цивилизаций, сохранению культурного наследия и проблемам сотрудничества с ИРИ [30]. Так, в 2001 г. Институт востоковедения РАН совместно с культурным представительством

при посольстве ИРИ организовал научную конференцию «Иран: диалог цивилизаций», перспективы взаимодействия цивилизаций были обсуждены в том же году на IV Международной Кондратьевской конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век», а также в 2002 г. на российско-иранском международном симпозиуме «Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы на XXI век», состоявшемся в Российском университете дружбы народов [38, с. 11]. В 2016 г. Санкт-Петербургский гуманитарный университет провел международную научную конференцию «Россия – Иран: диалог культур» [8; 24]. В феврале 2019 г. был проведен Первый международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов, организованный Институтом восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга, Государственным Эрмитажем при поддержке Посольства Исламской Республики Иран и Культурного представительства при Посольстве ИРИ в РФ [22]. Все это – примеры практической реализации концепций «культурного наследия» и «диалога цивилизаций» ИРИ.

Результаты. В последние десятилетия XX в. на социально-политическую жизнь Ирана все большее влияние стал оказывать фактор культуры и в противоборстве идей, выдвигаемых различными кругами политической элиты Ирана в поисках путей дальнейшего развития страны, явственно зазвучала тема «культурного наследия». Модернизацию Ирана ее лидеры и народ сегодня прямо увязывают с цивилизационными принципами развития (с диалогом цивилизаций) в сочетании с сохранением культурного наследия – теми нормами культуры, которые сложились в стране за долгие века и могут обеспечить ей процветание и достойное место в своем регионе. Человечество все более осознает, что цивилизации современного мира могут не только сосуществовать, но и сотрудничать, а по возможности, дополнять друг друга. Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости укрепления связей и отношений между культурами разных народов и, соответственно, между различными цивилизациями. Взаимопроникновение и взаимообогащение народов, культур, цивилизаций важны, особенно в эпоху глобализации, но наибольшую ценность

этот процесс представляет в контексте развития национальных культур, уважения к культурному наследию каждого народа, то есть сохранения культурного многообразия современного мира. Можно констатировать, что нравственный и ценностный мир Ирана конца XX – начала XXI в. – это сочетание таких концептов, как «культурное наследие» и «диалог цивилизаций».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аятолла Мохаммад Али Тасихири. Салман Рушди – террорист. Он заслужил смерть / Аятолла Мохаммад Али Тасихири // Известия. – 2003. – 21 окт.
2. Авдеев, Г. Записки дипломата. Дом на Веса-е Ширази / Г. Авдеев // Азия и Африка сегодня (ААС). – 1999. – № 11. – С. 51–55.
3. Бабасян, Н. Аятоллы объявили джихад Интернету / Н. Бабасян // Известия. – 2003. – 14 марта.
4. Вартамян, Э. Г. Особенности средневековой турецкой литературы / Э. Г. Вартамян // Мир Востока. – 2002. – С. 141–147.
5. Вартамян, Э. Г. История турецкой литературы / Э. Г. Вартамян. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2018. – 332 с.
6. Вартамян, Э. Г. Интеграционные процессы в культурах стран Запада и Востока / Э. Г. Вартамян. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2013. – 160 с.
7. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М. : Оникс, 2003. – 606 с.
8. Иванов, В. Б. Перспективы исследований иранских языков в РФ / В. Б. Иванов // Россия – Иран: диалог культур : сб. Междунар. науч. конф., 8 апр. 2016 года. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2017. – С. 93–101.
9. Как назревала исламская революция // Персия. – 2001. – № 1 (4). – С. 21–24.
10. Калининкова, Е. Феномен Салмана Рушди / Е. Калининкова // ААС. – 1997. – № 2. – С. 58–63.
11. Каменева, М. Персидский язык как фактор культурной интеграции / М. Каменева // Персия. – 2001. – № 1(4). – С. 18–20.
12. Каменева, М. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран / М. Каменева. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoj-respublike-iran> (дата обращения: 12.03.2019). – Загл. с экрана.
13. Кляшторина, В. Б. Традиции культуры и пути модернизации / В. Б. Кляшторина // ААС. – 1994. – № 8–9. – С. 54–60.
14. Кляшторина, В. Б. Иран 1960–1980-х гг.: от культурного плюрализма к исламизации духов-

ных ценностей / В. Б. Кляшторина. – М. : Наука, 1990. – 205 с.

15. Кляшторина, В. Б. Этапы эволюции современной персидской поэзии / В. Б. Кляшторина // ААС. – 2004. – № 3. – С. 71–77.

16. Кляшторина, В. Б. Вклад Ирана в развитие мирового диалога культур / В. Б. Кляшторина // Персия. – 2000. – № 3. – С. 7–11.

17. Конрад, Н. И. Запад и Восток / Н. И. Конрад. – М. : Наука, 1972. – 496 с.

18. Мамедова, Н. Опыт исламского правления / Н. Мамедова // ААС. – 1999. – № 2. – С. 4–11.

19. Миронов, А. Перспективы подготовки канонического текста «Шах-наме» Фирдоуси / А. Миронов // Иран сегодня. – 2003. – № 1. – С. 19–21.

20. На фундаменте исламских ценностей : интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Исламской республики Иран в России Н. Изади // ААС. – 1993. – № 7. – С. 13–16.

21. Неделя иранской культуры пройдет в РФ в 2018 году. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://tass.ru/kultura/5008003> (дата обращения: 02.03.2019). – Загл. с экрана.

22. Первый Международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов. Тезисы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/243623166> (дата обращения: 25.02.2019). – Загл. с экрана.

23. Рерих, Ю. Н. Расцвет ориентализма / Ю. Н. Рерих // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. – Самара : Агни, 1999. – 368 с.

24. Россия – Иран. Диалог культур : сб. Междунар. науч. конф., 8 апреля 2016 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/210966828> (дата обращения: 18.02.2019). – Загл. с экрана.

25. Тимофеева, И. Роль ислама в общественно-политической жизни стран зарубежного Востока / И. Тимофеева // Мировая экономика и международные отношения. – 1982. – № 5. – С. 49–57.

26. Федина, А. 14-летняя иранка борется за приз Венецианского кинофестиваля / А. Федина // Известия. – 2003. – 26 июля.

27. Хатами, М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. Выступление во Флорентийском университете (08.05.1999) / М. Хатами. – М. : Гуманитарий : Акад. гуманит. исслед., 2001. – 99 с.

28. Хатами, М. Иранистика – это окно, открытое для того, чтобы слышать, знать и говорить. Это окно должно быть еще шире открыто перед миром / М. Хатами // Иран сегодня. – 2003. – № 1. – С. 2–7.

29. Хатами, М. Ислам, диалог и гражданское общество / М. Хатами. – М. : РОССПЭН, 2001. – 237 с.

30. Хатами, С. М. Диалог цивилизаций – путь к взаимопониманию и сотрудничеству / С. М. Хатами // Персия. – 2000. – № 3. – С. 2–6.

31. Харрази, Сейед Садег. Диалог цивилизаций: необходимость современного мира / С. С. Харрази // Иран: диалог цивилизаций : материалы конф. – М. : Муравей, 2003. – С. 5–9.

32. Хомяков, А. С. Записки о всемирной истории / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений. – Изд. 3-е, доп. – М. : Наука, 1900. – Т. 5. – 640 с.

33. Чэнь, Кайкэ. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии / Кайкэ Чэнь. – М., 2002. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/konfutsianstvo-i-kultura-predpriyatiya-v-sovremennoi-vostochnoi-azii> (дата обращения: 04.04.2019). – Загл. с экрана.

34. Шахов, А. Три корифея кинематографа / А. Шахов // ААС. – 1999. – № 2. – С. 63–68.

35. Шахов, А. Новое иранское кино в Москве / А. Шахов // Персия. – 2000. – № 3. – С. 30–33.

36. Этемад, Ракшан Бани. На наш кинематограф повлиял Тарковский / Ракшан Бани Этемад // Известия. – 2002. – 2 июня.

37. Юсин, М. Иранская молодежь бросает вызов духовному лидеру Исламской республики / М. Юсин // Известия. – 2003. – 17 июня.

38. Яковец, Ю. В. Диалог между цивилизациями: исторический опыт и перспективы / Ю. В. Яковец // Персия. – 2002. – № 3 (8). – С. 8–12.

REFERENCES

1. Ayatolla Mokhammad Ali Tasikhiri. Salman Rushdi – terrorist. On zaslužhil smert [Salman Ruchdi Is a Terrorist. He Deserves to Die]. *Izvestiya* [News], 2003, October 21.

2. Avdeev G. G. Zapiski diplomata. Dom na Vesal-e Shirazi [Notes of Diplomat. House on Vesal-e Shirazi]. *Aziya i Afrika segodnya (AAS)* [Asia and Africa Today], 1999, no. 11, pp. 51–55.

3. Babasyan N. Ayatolly obyavili dzhikhad Internetu [Ayatollahs Announce Jihad to the Internet]. *Izvestiya* [News], 2003, March 14.

4. Vartanyan E.G. Osobennosti srednevekovoy turetskoy literatury [Features of Medieval Turkish Literature]. *Mir Vostoka* [World of the East], 2002, pp. 141–147.

5. Vartanyan E.G. *Istoriya turetskoy literatury* [History of Turkish Literature]. Krasnodar, Izd-vo KubGU, 2018. 332 p.

6. Vartanyan E.G. *Integratsionnye protsessy v kulturakh stran Zapada i Vostoka* [Integration Processes in the Cultures of the Countries of the West and East]. Krasnodar, Izd-vo KubGU, 2013. 160 p.

7. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, Oniks Publ., 2003. 606 p.

8. Ivanov V.B. *Perspektivy issledovaniy iranskikh yazykov v RF* [Perspectives of Iranian Language Studies in the Russian Federation]. *Rossiya – Iran: dialog kultur: sb. Mezhdunar. nauch. konf., 8 apr. 2016 goda* [Russia – Iran: Dialogue of Cultures. Proceedings of International Scientific Conference, April 8, 2016]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUP, 2017, pp. 93-101.

9. *Kak nazrevala islamskaya revolyutsiya* [How the Islamic Revolution Was Brewing]. *Persiya* [Persia], 2001, no. 1 (4), pp. 21-24.

10. Kalinnikova E. *Fenomen Salmana Rushdi* [The Phenomenon of Salman Rushdie]. *AAS* [Asia and Africa Today], 1997, no. 2, pp. 58-63.

11. Kameneva M. *Persidskiy yazyk kak faktor kulturnoy integratsii* [Persian Language as a Factor of Cultural Integration]. *Persiya* [Persia], 2001, no. 1 (4), pp. 18-20.

12. Kameneva M. *O transformatsii ponyatiya «kultura» v Islamskoy Respublike Iran* [On the Transformation of the Concept of “Culture” in the Islamic Republic of Iran]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran> (accessed 12 March 2019).

13. Klyashtorina V.B. *Traditsii kultury i puti modernizatsii* [Cultural Traditions and Ways of Modernization]. *AAS* [Asia and Africa Today], 1994, no. 8-9, pp. 54-60.

14. Klyashtorina V.B. *Iran 1960–1980-kh gg.: ot kulturnogo plyuralizma k islamizatsii dukhovnykh tsennostey* [Iran of the 1960s – 1980s: From Cultural Pluralism to the Islamization of Spiritual Values]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 205 p.

15. Klyashtorina V.B. *Etapy evolyutsii sovremennoy persidskoy poezii* [Stages of the Evolution of Modern Persian Poetry]. *AAS* [Asia and Africa Today], 2004, no. 3, pp. 71-77.

16. Klyashtorina V.B. *Vklad Irana v razvitie mirovogo dialoga kultur* [Irans Contribution to the Development of the Global Dialogue of Cultures]. *Persia*, 2000, no. 3, pp. 7-11.

17. Konrad N.I. *Zapad i Vostok* [East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 496 p.

18. Mamedova N. *Opyt islamskogo pravleniya* [Islamic Government Experience]. *AAS* [Asia and Africa Today], 1999, no. 2, pp. 4-11.

19. Mironov A. *Perspektivy podgotovki kanonicheskogo teksta «Shakh-name» Firdousi* [Prospects for the Preparation of the Canonical Text “Shah-Name” by Ferdowsi]. *Iran segodnya* [Iran Today], 2003, no. 1, pp. 19-21.

20. *Na fundamente islamskikh tsennostey: intervyyu Chrezvychaynogo i Polnomochnogo posla*

Islamskoy respubliki Iran v Rossii N. Izadi [On the Foundation of Islamic Values: Interview of the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Islamic Republic of Iran to Russia N. Izadi]. *AAS* [Asia and Africa Today], 1993, no. 7, pp. 13-16.

21. *Nedelya iranskoy kultury proydet v RF v 2018 godu* [Iranian Culture Week Will Be Held in the Russian Federation in 2018]. URL: <http://tass.ru/kultura/5008003> (accessed 2 March 2019).

22. *Pervyy Mezhdunarodnyy kongress Evraziyskoy assotsiatsii iranistov. Tezisy* [First International Congress of the Eurasian Association of Iranists. Abstracts]. URL: <https://publications.hse.ru/books/243623166> (accessed 25 February 2019).

23. Rerikh Yu.N. *Rastsvet orientalizma* [Orientalism Flourishes]. Rerikh Yu.N. *Tibet i Tsentralnaya Aziya* [Tibet and Central Asia]. Samara, Agni Publ., 1999. 368 p.

24. *Rossiya – Iran. Dialog kultur: sb. Mezhdunar. nauch. konf., 8 aprelya 2016 goda* [Russia – Iran. Dialogue of Cultures. Proceedings of International Scientific Conference, April 8, 2016]. URL: <https://publications.hse.ru/books/210966828> (accessed 18 February 2019).

25. Timofeeva I. *Rol islama v obshchestvenno-politicheskoy zhizni stran zarubezhnogo Vostoka* [The Role of Islam in the Social and Political Life of the Countries of Foreign East]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1982, no. 5, pp. 49-57.

26. Fedina A. *14-letnyaya iranka boretsya za priz Venetsianskogo kinofestivalya* [14-Year-Old Iranian Woman Fights for the Prize of the Venice Film Festival]. *Izvestiya* [News], 2003, July 26.

27. Khatami M. *V cheloveke sosredotocheny dusha Vostoka i razum Zapada. Vystuplenie vo Florentiyskom universitete (08.05.1999)* [The Soul of the East and the Mind of the West Are Concentrated in Man. Performance at the University of Florence (May 8, 1999)]. Moscow, Gumanitarniy Publ., Akademiya gumanitarnykh issledovaniy, 2001. 99 p.

28. Khatami M. *Iranistika – eto okno, otkrytoe dlya togo, chtoby slyshat, znat i govorit. Eto okno dolzhno byt eshche shire otkryto pered mirom* [Iranian Studies Is a Window Open to Hear, Know and Speak. This Window Should Be Even Wider Open to the World]. *Iran segodnya* [Iran Today], 2003, no. 1, pp. 2-7.

29. Khatami M. *Islam, dialog i grazhdanskoe obshchestvo* [Islam, Dialogue and Civil Society]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 237 p.

30. Khatami S.M. *Dialog tsivilizatsiy – put k vzaimoponimaniyu i sotrudnichestvu* [Dialogue of Civilizations – A Path to Mutual Understanding and Cooperation]. *Persiya* [Persia], 2000, no. 3, pp. 2-6.

31. Kharrazi Seyed Sadeg. Dialog tsivilizatsiy: neobkhodimost sovremennogo mira [Dialogue of Civilizations: The Need for the Modern World]. *Iran: dialog tsivilizatsiy: materialy konf.* [Iran: Dialogue of Civilizations. Proceedings of the Conference]. Moscow, Muravey Publ., 2003, pp. 5-9.

32. Khomyakov A.S. Zapiski o vsemirnoy istorii [Notes on World History]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, Nauka Publ., 1900, vol. 5. 640 p.

33. Chen Kayke. *Konfutsianstvo i «kultura predpriyatiya» v sovremennoy Vostochnoy Azii* [Confucianism and the “Enterprise Culture” in Modern East Asia]. Moscow, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/konfutsianstvo-i-kultura-predpriyatiya-v-sovremennoi-vostochnoi-azii> (accessed 4 April 2019).

34. Shakhov A. Tri korifeya kinematografa [Three Luminaries of Cinema]. *AAS* [Asia and Africa Today], 1999, no. 2, pp. 63-68.

35. Shakhov A. Novoe iranskoe kino v Moskve [New Iranian Cinema in Moscow]. *Persiya* [Persia], 2000, no. 3, pp. 30-33.

36. Etemad Rakshan Bani. Na nash kinematograf povliyal Tarkovskiy [Our Cinema Was Influenced by Tarkovsky]. *Izvestiya* [News], 2002, June 2.

37. Yusin M. Iranskaya molodezh brosaet vyzov dukhovnomu lideru Islamskoy respubliki [Iranian Youths Challenge the Spiritual Leader of the Islamic Republic]. *Izvestiya* [News], 2003, June 17.

38. Yakovets Yu.V. Dialog mezhdru tsivilizatsiyami: istoricheskiy opyt i perspektivy [Dialogue Between Civilizations: Historical Experience and Prospects]. *Persiya* [Persia], 2002, no. 3 (8), pp. 8-12.

Information About the Author

Egnara G. Vartanyan, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, vartaneg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

Информация об авторе

Эгнара Гайковна Вартаньян, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, vartaneg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.8>

UDC 930.272
LBC 63.3

Submitted: 29.07.2020
Accepted: 28.08.2020

TWO DOCUMENTS FROM THE RUSSIAN ARCHIVE OF JAN SAPIEHA OF 1608–1611 OF POSHEKHONSKY AND UGLICHSKY COUNTIES

Igor O. Tyumentsev

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Nina E. Tumentseva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The authors analyze previously unknown documents of the Russian archive of Jan Sapieha dating back to 1608–1611. *Methods and materials.* In the course of the study such methods as archaeography, paleography, historical and linguistic source studies were applied. The published materials complement significantly the fund of documents of the period and fill the existing “gaps” in available accumulated information in the preserved and previously published materials of the reconstructed archive fund, clarifying the chronology of events in Poshekhonsky and Uglichsky counties in the period from autumn 1608 till spring 1609 and expanding the scientific understanding of clerical practice in the Time of Troubles. *Analysis.* Two published newly found petitions of the mayors son of the boyar poshekhonets to False Dmitry II and Podorozhny, the only one of its kind that has come down to us, show that the possibilities of studying the archive of Jan Sapieha are far from exhausted. *Results.* As a result of the multifaceted analysis of the newly found materials, the informative value of the reconstructed archive was expanded, firstly, in terms of researching events that took place in lands that were located at a considerable distance from Sapezhin camps near Trinity and did not always fall into the field of view of the secretaries of the mercenary army leader; secondly, in the aspect of studying the genealogy of princes; thirdly, for the study of clerical documentation, including historical facts of changes in the order of promotion in the civil service of representatives of shabby families of service people during the Time of Troubles and the stages of development of business writing in terms of linguistic and documentary parameters of sources.

Key words: history of Russia, Time of Troubles, Source Studies, archaeography, reconstruction of the Russian Archive of Jan Sapieha.

Citation. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A., Tumentseva N.E. Two Documents from the Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611 of Poshekhonsky and Uglichsky Counties. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 89-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.8>

ДВА ДОКУМЕНТА РУССКОГО АРХИВА ЯНА САПЕГИ 1608–1611 гг.
ИЗ ПОШЕХОНСКОГО И УГЛИЧСКОГО УЕЗДОВ

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Алексеевна Тупикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Нина Егоровна Тюменцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Авторы проанализировали неизвестные ранее документы русского архива Яна Сапеги 1608–1611 годов. *Методы и материалы.* Используются *методы* археографии, палеографии, исторического и лингвистического источниковедения. Публикуемые *материалы* восполняют «лакуны» реконструированного архивного фонда, уточняя сведения о хронологии событий в Пошехонье и Угличском уезде осенью 1608 г. – весной 1609 г. и расширяя научные представления о делопроизводственной практике эпохи Смутного времени. *Анализ.* Два публикуемых новонайденных документа – челобитная городского сына боярского пошехонца Лжедмитрию II и подорожная кн. И.Ф. Мышинского – единственный такого рода акт из дошедших до нас материалов архива Я. Сапеги. Новые находки неизвестных до настоящего времени документов показывают, что возможности изучения архива Яна Сапеги далеко не исчерпаны. *Результаты.* В результате многоаспектного анализа новонайденных материалов расширена информативная ценность реконструированного архива, во-первых, в плане исследования событий, происходивших в землях, которые находились на значительном удалении от сапежинских лагерей у Троицы и не всегда попадали в поле зрения секретарей предводителя наемного войска; во-вторых, в аспекте изучения родословных князей; в-третьих, для исследования делопроизводственной документации, в том числе исторических фактов изменения порядка продвижения по государственной службе представителей захудалых родов служилых людей в период Смутного времени и этапов развития делового письма с точки зрения лингводокументоведческих параметров источников. *Вклад авторов.* И.О. Тюменцев дал первичную расшифровку документов, их историческое, археографическое и источниковедческое описание, Н.А. Тупикова уточнила прочтение и воспроизведение текстов, представила лингвоисторический и лингводокументоведческий анализ, Н.Е. Тюменцева соотнесла бумаги с разделобразующими фрагментами и ранее опубликованными документами архива, осуществила техническое оформление статьи.

Ключевые слова: история России, Смутное время, источниковедение, археография, реконструкция русского архива Яна Сапеги.

Цитирование. Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Два документа русского архива Яна Сапеги 1608–1611 гг. из Пошехонского и Угличского уездов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 89–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.8>

Введение. Архивные данные, вводимые в научный оборот, позволяют существенно расширить и уточнить представления об исторической, историографической, источниковедческой базе исследований, направленных на дальнейшее изучение важнейших этапов развития страны. Этим обусловлена необходимость подробного рассмотрения новонайденных материалов в составе русского архи-

ва Яна Сапеги – единственного дошедшего до нас повстанческого документального комплекса Смуты начала XVII столетия. Деловые бумаги этого периода детализируют и «оживляют» исследуемые факты прошлого, дают убедительное представление о широте делопроизводства и устойчивых формах использования русского языка в различных жанрах, формировании норм и устойчивых приемов,

которые соблюдались при составлении и оформлении того или иного текста, содержат сведения о специфике приказного изложения, тяготеющего к письменной разновидности языка, отличной от устной и не являющейся «зеркальным отражением» народно-разговорной стихии как органической основы общения, принятого в административной сфере.

Методы и материал. Архив Яна Петра Сапеги, одного из главных командиров наемного войска Лжедмитрия II, накапливался в походной канцелярии «воровского» полковника, а затем гетмана с лета 1608 г. по сентябрь 1611 г., потом был вывезен в Речь Посполитую [16]. В течение последующих четырех столетий документы оказались разделены по разным коллекциям, которые отложились в библиотеках и архивах России, Польши, Украины, Швеции.

В 2005 г. авторам этой публикации удалось составить и опубликовать подробный каталог выявленных и еще не найденных материалов «Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг.: опыт реконструкции и источниковедческого анализа» [13], который используется как своеобразный путеводитель для дальнейших целенаправленных разысканий. Результатом этой работы явилась подготовка первого издания «Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг. Тексты, переводы, комментарии» [14], в котором продемонстрирована перспективность избранной методики. Некоторые известные по разным источникам и упоминаемые в каталоге бумаги были отысканы и проанализированы в наших последующих публикациях [18]. За прошедшие после первого издания архива Я. Сапеги восемь лет в Польше, Швеции и на Украине были найдены новые и неучтенные в наших изданиях сапежинские документы [17], которые войдут во второе издание реконструированного архива, пополнив выделенные нами разделы и фонды.

Два публикуемых ниже документа (см. Приложение) принадлежат к выделенному нами «Разделу № 3»: *Письма, отписки и челобитные из Замосковья и Поморья* и включаются в два очень малочисленных «фонда»: 3.7. *Челобитные и отписки служилых людей и духовенства из Пошехонья*; 3.11. *Письма, отписки и челобитные наемни-*

ков, воевод и жителей из Углича и Угличского уезда. Публикуемые материалы распределены нами по выделенным «разделам» и «фондам» опубликованного архива. Во избежание нарушения нумерации, данной источникам в первом издании, используется следующая методика: новонайденному документу присваивается номер предыдущего с добавлением буквенных литер «а», «б» и т. д., что позволяет сохранить и использовать прежнюю нумерацию. Исходя из этого, приводимые ниже документы получают помимо № 1 и № 2 соответственно № 263а и № 313а, которые обозначаются в круглых скобках. Благодаря этому исследователи получают возможность включить данные источники в основной массив опубликованных нами сапежинских бумаг и рассматривать их в составе комплекса.

Анализ:

1. *Пошехонский уезд* находился на значительном удалении от сапежинских лагерей у Троицы и редко попадал в поле зрения секретарей Я. Сапеги. Неслучайно в «Дневнике» Я. Сапеги этот город ни разу не упоминался [6]. До недавнего времени в сапежинском архиве нам был известен только один документ указанного фонда – челобитная игумена Андриановой пустыни Вассиана, в котором рассказывается о ситуации в городе во время властвования тушинцев (№ 264). Публикуемый новонайденный документ (№ 1) – Челобитная городского сына боярского И.В. Исакова Лжедмитрию II с просьбой освободить его деревеньку от сбора «царских кормов» по причине ее крайнего разорения отрядами белозерского и кирилловского ополчений – относится ко времени непродолжительного присутствия тушинцев в Пошехонье, то есть к ноябрю 1608 года.

Примечательно, что пошехонец И.В. Исаков ссылался в своей челобитной царю (так современники называли Лжедмитрия II) на разорения от белозерских мужиков и кирилловских слуг, а не на декабрьские 1608 г. действия местных повстанцев и отрядов ополчения из Галича, Вологды и Устюжны Железнопольской [11]. Видимо, столкновения с белозерскими мужиками и кирилловскими слугами произошли в ноябре 1608 г., когда тушинцы предприняли из Пошехонья наступление на Белоозеро и Кирилло-Белозерский монастырь.

По этой причине документ, на наш взгляд, можно датировать ноябрем 1608 года. Его ценность заключается в том, что в нем содержатся прямые указания на тушинские поборы и грабежи во владениях городского сына боярского. Иначе говоря, тушинцы не только захватывали царские дворцовые и черные села и деревни в «залог» до тех пор, пока монарх с ними не расплатится, что являлось обычной практикой в Речи Посполитой, но они также беззастенчиво грабили села и деревни служилых людей – главной опоры царской власти, в то время как их владельцы были вынуждены погибать на «воровской» службе [11]. Дополнительную информацию на этот счет можно почерпнуть из материалов угличского и ярославского фондов реконструированного нами сапежинского архива (№ 314, 337, 352).

Хотя лишь две челобитные, авторами которых являются пошехонцы, находятся в нашем распоряжении, данные источники тем не менее позволяют с большей точностью восстановить хронологию событий в этом уезде осенью 1608 г. – весной 1609 г. и являются важными свидетельствами того, что установленный в Пошехонье антинародный режим ничем не отличался от тушинских порядков в других уездах Замосковья и Поморья [10].

Челобитная сына боярского И.В. Исакова Лжедмитрию II относится к обширной группе текстов приказного делопроизводства, в жанровом отношении объединяемых известной общностью тематики и единообразного оформления. Стандартный характер имеют вступление и заключение (начальная и заключительная клаузулы), для основной части характерна определенная свобода изложения. Обращение к Лжедмитрию II начинается с устойчивых формул титулования «*Царю государю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси*», челобитья «*биет челом*», трафаретного самоуничтожения «*холоп государь*» и с указания челобитчика «*Ивашка Василев сынъ Исаков*», включающего уменьшительную форму имени уничижительной направленности. В основной части выделяются три смысловых отрезка: описание обстоятельств дела (*По твоему, государь, государьскому указу велена, государь, в Пешехоне на тебе, на государя, корм збирати*); собственно просьба, где выделяются обра-

ние с титулованием «царской особы» (*Милосердаи, государь, царь и великий князь Дмитрей Ивановичь всеа Руси, смилуися, пожалуи*), уничтожение челобитчика (*меня, холопа своего, с меня холопа своего*) и изложение собственно просьбы (*не вели взяти корму з деревни Милева да деревни против ея*). Завершается основная часть формулированием основания просьбы с элементами скрытой жалобы на произвол отрядов белозерского и кирилловского ополчений: *я холоп твои государевъ, розорен без остатку от твоих государевых изменников от белозерских мужиков от кириловских слуг, с выражением верноподданнического самоуничтожения: чтоб я, холоп твои в конец не погиб и твои бы царьской службы вперед не оста[ви]л*. Заключение представляет стандартизированную формулу, выраженную побудительной конструкцией с глаголами *смилуатися, пожаловати* после титулования «самозванца»: «*Царь государь, смилуися, пожалуи*». Таким образом, композиционно-содержательная характеристика челобитной, целевая и модальная направленность отдельных ее клаузул обнаруживают зависимость специфики источника от назначения документа, который раскрывает произвол сапежинцев во владениях сынов боярских, служивших «воровскому» режиму.

Лингвистикоисторический анализ показывает, что текст написан четким неровным почерком. Правописная выучка писавшего проявилась в различении «е» и «ять», противопоставлении «ук» и «у» как самостоятельных букв, в реализации графического варианта новой для данной эпохи буквы «я», связанного с бывшей «а-йотированной», в дифференциации «ерь» и «ерь» по наклону мачты («ерь» – наклон мачты вправо: *царь, государь*; «ерь» – наклон мачты прямо: *сынъ* или слабо влево: *государевъ*); в употреблении выносного «р-лежащего» без покрытия [15, с. 175]. Имеются также черты индивидуального почерка, в частности, разные варианты литеры «а»: ее начертание то ближе к греческому графическому варианту (*указу, Исаков, велена*), то напоминает один из графических вариантов другой буквы – «юс-малый» (*всеа, збирати*) [3, с. 46]; выделяются написание «ы» с растяжкой (*государевых, службы, бы*),

разные начерки «е» и др. В целом можно сказать, что, несмотря на соблюдение свойственного формуляру челобитной стандарта и регламентированного употребления приказных формул, изложение сути дела отличается свободной последовательностью смысловых частей и отсутствием ярких региональных речевых особенностей.

II. *Угличский уезд* гораздо чаще попадал в поле зрения секретарей Яна Сапеги, о чем говорят упоминания Углича и его округи в «Дневнике» командира наемников, а также четыре ранее найденные отписки разных лиц тушинскому гетману и одно перехваченное тушинцами донесение земских воевод царю В. Шуйскому. В «Дневнике» Я. Сапеги упоминаются, по крайней мере, еще два послания, которые пока не отысканы. Имеются в виду повинная грамота угличан Лжедмитрию II (29 октября 1608 г.) и письмо полковника Я. Микулинского Сапеге (30 июня 1609 г.) о взятии им Углича [6, с. 72–73, 136–137].

Приводимый в данной статье второй документ будет являться шестым из опубликованных нами в составе указанного архивного «фонда» (№ 2/313а). Он представляет собой подорожную кн. И.Ф. Мышинского – единственный такого рода акт из выявленных в составе архива Я.П. Сапеги. Выдавший ее – глава местной тушинской администрации пан Ян Очковский (Осковский) – был хорошо известен как доверенный человек гетмана Я. Сапеги. Лицо, получившее право на беспрепятственный проезд от Углича до Троице-Сергиева монастыря, обозначено в документе как «князь Мышинский».

Появление в официальном документе сапегинской канцелярии имени князя Ивана Федоровича Мышинского требует дополнительного комментария. В делопроизводственной документации известны рязанские помещики Мышенковы и князья Мышецкие [8]. Судя по всему, в интересующем нас тексте речь идет о представителе рода князей Мышецких, которые по поздним родословным преданиям считались Рюриковичами и возводились то к князьям Черниговским (одной из ветвей князей Тарусских, имевших владения по реке Мышаге в верховьях Оки), то к князьям Смоленским. Однако в родословных книгах и росписях XV–XVI вв. князья Мышец-

кие отсутствуют [2]. Не подали они своей родословной росписи и в конце XVII в. в Палату Родословных дел в связи с отменой местничества. Родословные росписи этих князей появляются только в конце XVIII в., поэтому их достоверность вызывает серьезные сомнения.

Обращение к делопроизводственной документации Разрядного приказа (боярским спискам, разрядным книгам) обнаруживает, что князья Мышецкие не появлялись в Государевом дворе до Смуты и служили городовыми детьми боярскими [1]. Их возвышение началось как раз в тушинский период Смуты и достигло апогея при первых Романовых, когда они попали в Государев двор. Участие в церковном расколе на стороне староверов привело к их падению и, видимо, явилось причиной того, что их родословная не была подана, как сказано нами выше, в палату Родословных дел [2; 5].

Таким образом, обнаруженные исторические факты и историографические сведения дают основание считать, что публикуемая подорожная является ярким документальным свидетельством того, что Смута, сокрушившая сложившийся порядок государственной службы на Руси, открыла карьерные возможности для самых захудалых родов служилых людей, которые в буквальном смысле слова могли попасть «из грязи в князи». Сам документ дает толчок дальнейшему историческому изучению родословной князей Мышецких (или Мышинских) и может быть отнесен к ценным источниковым материалам.

В лингводокументоведческом плане текст представляет собой официальную бумагу – подорожную грамоту, удостоверяющую право на беспрепятственный и обеспеченный всем необходимым проезд указанному лицу (см.: *подорожная* – «проездное свидетельство» [12, с. 518]; *подорожная* – «документ для проезда куда-л.». Словарь XI–XVII вв.: *подорожная* и *подорожна*, *подорожная грамота* [4, с.112]). Будучи ярким примером приказного делопроизводства начала XVII в., документ содержит приметы правописной выучки писца-профессионала, соблюдавшего сложившиеся правила приказного изложения, и включает черты индивидуального письма. Лингвоисторический анализ показывает, что текст написан хорошо

читаемым крупным четким почерком. Обращают на себя внимание часто воспроизводимые в памятниках письменности начертания букв, которые становятся не только принадлежностью почерка, но и самой системы графики данного времени. Так, начертания разных букв, которые в скорописи могут совпадать, в индивидуальном почерке данного писца четко противопоставлены: это касается, например, устойчивых различий написания «и» и «е», «н» и «и», «н» и «к», «д» и «в», «б» и «ять», «б» и «ерь», «г» и «ч», «л» и «ч» и др. Писец последовательно использовал «ук» и «у» как самостоятельные буквы, которые по происхождению являются графическими вариантами диграфа «оу»; в написании прослеживается основной различительный признак буквы «ерь» (отворот мачты влево) и соотношенность «ерь» и «ерь» по высоте: «ерь» неизменно сохраняет высокую мачту, а «ерь» – равную высоте низких букв; при начертании «ерь» допускается несколько вариантов [3, с. 50–51]: в три приема (когда петля образована пересечением мачты, нижней горизонтали и дуги, соединяющей середину мачты с серединой горизонтали), в два приема (без соединения мачты с горизонталью) и в один прием (когда петля образована с помощью мачты и дуги, близко к современному «ь»). В рукописи последовательно реализуется графический вариант новой для данной эпохи буквы «я», развившийся в скорописи из «а-йотированного» [3, с. 46]; выделяется фигурное начертание прописной буквы «к». Соблюдение писцом сложившихся правописных норм выражалось также в следовании такому правилу скорописного письма, как выносное «р-лежащее» без покрытия, что освобождает некоторые буквы от определенного элемента их начертания и знаменует определенный этап истории выносных букв. Ряд перечисленных особенностей, которые характерны, по мнению исследователей, для переходного периода от одной системы графем к другой [3, с. 57], являются ценным свидетельством фиксации в данном источнике динамики языковых процессов и различных этапов эволюции системы русского делового письма.

Структурно-содержательная характеристика подорожной грамоты позволяет выделить в формуляре документа начальный и ко-

нечный протокол, основную часть. Зачин содержит дату выдачи: *Лета 7117 ноября в 27 день*, основание выдачи: *по государеву цареву и великаго князя Дмитрея Ивановичя всеа Русии указу*, титулование лица, поручившего выдачу документа: *его мости Петръ Павлович Сопеги старосты Киевскаго и Усвятыкаго и Керепецкаго[о]*, название доверенного лица, выдавшего подорожную и удостоверившего права и условия проезда: *пан Ян Очковски*. Целевая установка грамоты реализуется в основной части текста с помощью субъектного, предикатного, объектного и обстоятельственных компонентов, тема-рематической организации высказывания. В препозицию выносятся тема, определяющая жанр документа, выражающая маршрут следования от начального до конечного пункта (*От Углича до Троицы*), а также указывающая на остановки (*ямы*), где обязаны были в качестве повинности предоставлять все необходимое для нужд проезжающего (в XV–XVII вв. *ям* от тюркск. *jam* – «селение» [12, с. 804]). Рема – предписание – выражена предикатным компонентом – глагольной формой прошедшего времени в составе придаточного оборота (*чтоб есте давали*), а также субъектными, объектными, обстоятельственными распространителями. Субъектом предписания выступают лица, которым надлежало обеспечивать беспрепятственный проезд: *ямъщиком; всем людемъ; че, хто ни буди*; объектом предписания является лицо – обладатель подорожной грамоты (*Иван Федорович Мышинский*). Важную структурно-содержательную роль в рематической части предписания, удостоверившего право на беспрепятственный проезд и предоставление всего необходимого указанному лицу, играют обстоятельственные уточнители с семантикой пространства (*езде*), времени (*не издержав ни часу*), образа действия (*безо меня*) и объектные распространители со значением неизменных в количественно-качественном отношении величин (*девет подвод с санми, с хомуты, з проводники*). Финальная часть подорожной представляет собой трафаретную фразу рукоприкладства с использованием устойчивого оборота заверения, при написании которого встретились типичные ошибки, свойственные писцам, когда их внимание опере-

жало процесс письма: наблюдается наложение двух типов ненамеренных (бессознательных) искажений [9, с. 60–62, 74–77]: ошибки письма (пропуск слога «*ри*») и ошибки «внутреннего диктанта» (ассимиляция, уподобление буквы от стоящей в следующем слоге – перескок с буквы «*о*» в слоге «*ло*» на другую – «*и*», находящуюся в последующем слоге «*жи*»): *К сеи подорожной пан Ян Очковский печат свою п[ри]лижил*. Крепа (рукоприкладство) доверенного лица, выдавшего подорожную, дана по-польски (*Jan Oskowsky*) с указанием на собственноручную подпись заверителя (*reka swą*).

Несмотря на допущенные единичные искажения, стоит сказать о высокой выучке писца, составившего официальный документ по всем правилам жанра. В тексте нет диалектных вкраплений, свойственных московскому говору; встретились лишь единичные произносительные черты устной речи: грамматическая форма на -у Род. п. сущ. мужского рода (*ни чясу*) и указательное местоимение *те*, в польской огласовке данное как «*че*» (сравни по-польски: *ci, cie*), вероятно, воспроизведенное «со слуха» под влиянием родной речи либо речи заверителя, выдавшего подорожную. Возможно, Очковский, переметнувшийся к Сапеге, был служилым иноземцем на царской службе, как и писец в тушинской администрации, работавший под началом Очковского.

Публикация источников при воспроизведении рукописей учитывает сложившиеся правила. Сплошной текст разделяется нами на слова, которые передаются буква в букву, сокращенные написания слов раскрываются, выносные буквы вводятся в строку в круглых скобках, пропущенные элементы приводятся в квадратных скобках и включаются в соответствии с правилами эдиционного восполнения, предопределяемого и «подсказываемого» написанным [7, с. 15]. Воспроизведение осуществляется современной графикой и буквами старой письменности «ерь» и «ерь»; имена собственные пишутся с прописной буквы; для облегчения восприятия тек-

стов используется современная пунктуация, деление на отдельные смысловые отрезки-предложения (фразы).

Результаты. Новые находки восполняют существующие лакуны в культурно-историческом, источниковедческом, археографическом и палеографическом аспектах.

Обнаруженные исторические факты дают основание с большей точностью восстановить хронологию событий на всей территории, охваченной Смутой. Содержание публикуемых документов, с одной стороны, позволяет показать истинное «лицо» тушинских властей, не гнушавшихся поборами и грабежами во владениях сынов боярских, которые выступали главной опорой царской власти, служили «воровскому» режиму и погибали на «воровской» службе; с другой стороны, выявленные сведения обнаруживают скрытые «пружины» тех процессов, которые в Смутное время привели к сокрушению сложившихся порядков государственной службы на Руси и открыли новые карьерные возможности для захудалых родов.

Рассмотренные тексты в лингвистическом плане характеризуются как свидетельства сложившихся правил и практики делового письма на Руси начала XVII в., демонстрирующие уровень индивидуальной писцовой выучки и приказного делопроизводства. Выделенные графические и языковые особенности дают основания уточнить переходные и пограничные явления в развитии русской письменной традиции, становлении жанрового формуляра и формировании состава приказных формул, что определяло тенденции регламентированного употребления языковых средств и направления стандартизации реквизитной структуры документов в преднациональный период.

Проанализированный материал показывает, что возможности в изучении русского архива Яна Сапеги далеко не исчерпаны, уже опубликованные и вновь найденные источники требуют дополнительного рассмотрения на основе многоаспектной интерпретации данных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1 (263а)

1608 год ноябрь. – Челобитная сына боярского пошехонца И.В. Исакова Лжедмитрию II с просьбой не брать кормов с его деревни, разоренной изменниками

Ц(а)рю г(осу)д(а)рю и великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю всеа Руси(и) бие(т) чело(м) холо(п) г(осу)д(а)рьв пешехоне(ц) Ива(ш)ка Васи(л)е(в) с(ы)нь Исако(в). По твоему, г(осу)д(а)рь, г(осу)д(а)рьскому указу велена, г(осу)д(а)рь, в Пешехо(н)е на тебе, на г(осу)д(а)ря, ко(р)м збирати. Ми(лосе)рда(и), г(осу)д(а)рь, ц(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмитре(и) Ивановичь всеа Руси(и), смилу(и)ся, пожалу(и), меня, холопа своево, не вели, г(осу)д(а)рь, с меня холопа свое(г) взяти ко(р)му з дере(в)ни Милева да дере(в)ни против ея два(т)ца(т) че(т)ве(р)тое (с-?) ко[и-?]то сохи, что я холо(п) тво(и) г(осу)д(а)р(е)въ, розоре(н) бе(з) остатку о(т) твои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х) и(з)мен(н)ико(в) о(т) белозе(р)ски(х) мужико(в) о(т) кирило(в)ски(х) слу(г), что(б) я, холо(п) тво(и) в коне(ц) не поги(б) и твое(и) бы ц(а)рьско(и) слу(ж)бы впре(д) не оста[ви](л). Ц(а)рь г(осу)д(а)рь, смилу(и)ся, пожалуи!

Оригинал написан на 0,5 става гусяным пером коричневыми чернилами четким почерком. Был свернут свитком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEА 50.

№ 2 (313а)

1608 года 27 ноября (7 декабря) – Подорожная пана Я. Очковского (Осковского) князю И.Ф. Мышецкому (Мышинскому) от Углича до Троице-Сергиева монастыря

Лета 7117 ноя(б)ря в 27 (днь) по г(осу)д(а)р(е)ву ц(а)р(е)ву и великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановичя всеа Руси(и) указу его мо(с)ти Петр(ь) Па(в)лови(ч) Сопеги старо(с)ты Кие(в)скаго и Усвя(т)цкаго и Керепе(т)цка(г) па(н) Я(н) Оч(ь)ко(в)ски. О(т) Углича до Троицы по ямо(м) ямъщи[ко](м), а где ямо(в) не(т) и все(м) лю(де)мъ безо мены че, хто ни бу(ди), что(б) есте давали кн(я)зю Ивану Федоровичю Мыши(н)скому деме(т) по(д)во(д) с са(н)ми и с хомуты и (з) прово(д)ники ве(з)де не и(з)де(р)жа(в) ни чясу. К сеи подоро(ж)ной па(н) Я(н) Оч(ь)ко(в)скыи печя(т) свою п[ри]лижи(л). Jan Oskowsky *reką swą*.

Оригинал. Документ написан на 0,5 става скорописью коричневыми чернилами четким почерком. Левое поле надорвано, но текст не пострадал. Было свернуто свитком. Адреса нет. Подпись и скрепа по-польски другим почерком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEА 1 (1-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. В 4 т. Т. 2–4 / сост. А. В. Антонов. – Т. 2. – М. : Памятники исторической мысли, 1998. – 608 с. ; Т. 3. – М. : Дрвлекхранилище, 2002. – 680 с. ; Т. 4. – М. : Дрвлекхранилище, 2008. – 632 с.
2. Антонов, А. В. Родословные росписи конца XVII века / А. В. Антонов. – М. : Археографический центр, 1996. – 416 с.
3. Бахтурина, Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов / Р. В. Бахтурина // Лингвистическое источниковедение. – М. : АН СССР, 1963. – С. 35–57.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 18 / гл. ред. А. С. Герд. – М. ; СПб. : Наука, 2011. – 773 с.
5. Боярский список 1610–1611 гг. / публ. В. Н. Сторожева // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1909. – Кн. 3. – Отд. 3. – С. 73–103.
6. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611 гг.) / сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников. – М. ; Варшава : Дрвлекхранилище, 2012. – 456 с. – (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. ; т. 9).
7. Котков, С. И. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками / С. И. Котков // Лингвистическое источниковедение. – М. : АН СССР, 1963. – С. 5–23.
8. Лебединский, М. Ю. Хроника князей Мышецких (от предков Рюрика до наших дней). Версия 1998 / М. Ю. Лебединский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt> (дата обращения: 03.08.2020). – Загл. с экрана.
9. Лихачев, Д. С. Текстология / Д. С. Лихачев ; отв. ред. акад. Г. В. Степанов. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Л. : Наука, 1983. – 639 с.
10. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584–1605 гг. / А. П. Павлов. – СПб. : Наука, 1992. – 280 с.
11. Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. – М. : Дрвлекхранилище, 2011. – 556 с.
12. Рогожникова, Р. П. Словарь устаревших слов русского языка / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. – М. : Дрофа, 2005. – 828 с.
13. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / авт. коллектив: И. О. Тюменцев (рук.) [и др.] ; под ред. проф. О. В. Иншакова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 340 с.
14. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / под ред. И. О. Тюменцева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2012. – 688 с.

15. Творогов, О. В. О выносных буквах в русских рукописях XV–XVII веков / О. В. Творогов // Исследования источников по истории русского языка и письменности. – М. : Наука, 1966. – С. 162–175.

16. Тюменцев, И. О. Смутное время в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – М. : Наука, 2008. – 688 с.

17. Тюменцев, И. О. Документы русского архива Яна Сапеги: находки 2013–2018 годов / И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 44–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.5>.

18. Тюменцев, И. О. Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин / И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, вып. 3. – С. 935–948. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317>.

REFERENCES

1. Antonov A.V., ed. *Akty sluzhilykh zemlevladeltsev XV – nachala XVII veka. In 4 vols. T. 2–4* [Acts of Serving Landowners of the 15th – Early 17th Century. Vols. 2–4]. Vol. 2. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 1998. 608 p.; Vol. 3. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. 680 p.; Vol. 4. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2008. 632 p.
2. Antonov A.V. *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka* [Genealogical Paintings of the Late 17th Century]. Moscow, Arkheographicheskiy tsentr Publ., 1996. 416 p.
3. Bakhturina R.V. *Vosproizvedenie skoropisnogo teksta i uchet graficheskikh variantov* [Reproduction of Cursive Text and Accounting for Graphic Variants]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie* [Linguistic Source Studies]. Moscow, AN SSSR, 1963, pp. 35–57.
4. Gerd A.S., ed. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. T. 18* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 18]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011. 773 p.
5. Storozhev V.N., ed. *Boyarskiy spisok 1610–1611 gg.* [Boyar List of 1610–1611]. *Chteniya v Obschestve istorii i drevnostey rossyyskikh*, 1909, book 3, unit 3, pp. 73–103.
6. Tyumentsev I.O., Yanitskiy M., Tupikova N.A., Plotnikov A.B., eds. *Dnevnik Yana Petra Sapiegi (1608–1611 gg.)* [Diary of Jan Peter Sapieha (1608–1611)]. Moscow, Warsaw, Drevlekhranilishche Publ., 2012. 456 p. (Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochniki XV–XVII vv. [Documents of the History of Eastern Europe. Sources of the 15th – 17th Centuries], vol. 9).

7. Kotkov S.I. O sovместnom izdanii drevnerusskikh skoropisnykh pamyatnikov lingvistami i istorikami [On the Joint Publication of Old Russian Cursive Monuments by Linguists and Historians]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie* [Linguistic Source Studies]. Moscow, AN SSSR, 1963, pp. 5-23.

8. Lebedinskiy M.Yu. *Khronika knyazey Myshetskikh (ot predkov Rurika do nashykh dney). Versiya 1998* [Chronicle of the Princes of Myshetsky (from the Ancestors of Rurik to the Present Day). Edition 1998]. URL: <http://www.lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt> (accessed 3 August 2020).

9. Likhachev D.S. *Tekstologiya* [Textology]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 639 p.

10. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya borba pri Borise Godunove 1584–1605 gg.* [The Sovereigns Court and Political Struggle Under Boris Godunov in 1584–1605]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 280 p.

11. Antonov A.V., ed. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhylogo sosloviya* [Artifacts of the History of the Russian Service Class]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2011. 556 p.

12. Rogozhnikova R.P., Karskaya T.S. *Slovar ustarevshykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Obsolete Words of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 828 p.

13. Tyumentsev I.O. et al., Inshakov O.V., ed. *Russkiy arkhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov: opyt rekonstruktsii i istochnikovedcheskogo analiza* [The Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611: Experience in Reconstruction and Source Study Analysis]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 340 p.

14. Tyumentsev I.O., ed. *Russkiy arkhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody,*

kommentarii [Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611. Texts, Translations, Comments]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2012. 688 p.

15. Tvorogov O.V. O vynosnykh bukvhakh v russkikh rukopisyakh XV–XVII vekov [About Remote Letters in Russian Manuscripts of the 15th – 17th Centuries]. *Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pismennosti* [Research of Sources on the History of the Russian Language and Writing]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 162-175.

16. Tyumentsev I.O. *Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII st.: dvizhenie Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia in the Early 17th Century: Movement of False Dmitry II]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 688 p.

17. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A., Tyumentseva N.E. Dokumenty russkogo arkhiva Yana Sapegi : nakhodki 2013–2018 godov [Documents of the Russian Archive of Jan Piotr Sapieha: Findings of 2013–2018]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 44-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.5>.

18. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A. Novye pisma i chelobitnye Smutnogo vremeni iz Troitse-Sergieva monastyrya i ego votchin [New Letters and Petitions of Smutnogo Time from the Trinity-Sergius Monastery and Its Patrimony]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 3, pp. 935-948. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317>.

Information About the Authors

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of State, Municipal Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, na_tupikova@volsu.ru, tupikova195@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Nina E. Tumentseva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Germanic and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tyumenceva.nina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0545-658X>

Информация об авторах

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и менеджмента, Волгоградский институт управле-

ния – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Наталья Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, na_tupikova@volsu.ru, tupikova195@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Нина Егоровна Тюменцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tyumenceva.nina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0545-658X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

UDC 94(470)“16”:323
LBC 63.3(2)45-3

Submitted: 25.05.2020
Accepted: 30.09.2020

GREAT PERM GOVERNANCE IN THE LATE 16th – EARLY 17th CENTURY: FROM ADMINISTRATORS TO VOIVODES¹

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Great Perm (Perm Velikaya) in the late 16th – early 17th centuries included Cherdyn, Solikamsk and Kaigorod districts. It was an important strategic region. Taxes from this region entered the royal treasury almost regularly, while the central part of the state was devastated by military operations during the Time of Troubles. The region provided communication with Siberia, its annexation and development. Historiography is dominated by the opinion that the institution of voivodeship was introduced in Great Perm in the late 16th century. *Methods and materials.* The research is based on the documents of the archive of the Solikamsk district court, which currently constitute the collection of the fund No. 122 “Acts of Solikamsk” of the Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences for the period from 1605 to 1613. The documentary complex was previously reconstructed using the principle of mutual correspondence of documents. The prosopography method was applied to study the biographies of clerks. *Analysis.* The article analyzes the argumentation of researchers on the problem when the institute of voivodeship was introduced in Great Perm. The fundamental documents of the late 16th century have been revealed. It is proved that they do not contain information about the voivodeship form of government. The list of administrators and clerks of the late 16th century – early 17th century has been restored. The beginning and end of their service are indicated. *Results.* There was no voivodeship position in Great Perm until 1609. An administrator and a clerk were appointed to the clerk hut from Moscow. The change of administration took place on average every 2 years. The institute of voivodeship was introduced in Great Perm in 1610. The first voivode of Great Perm was Ivan Ivanovich Chemodanov. The administrators who replaced him also served as voivodes. The control system in Great Perm was strengthened by 1613.

Key words: history of Russia, Time of Troubles, Great Perm, voivode, local government, voivodeship.

Citation. Rybalko N.V. Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

УДК 94(470)“16”:323
ББК 63.3(2)45-3

Дата поступления статьи: 25.05.2020
Дата принятия статьи: 30.09.2020

УПРАВЛЕНИЕ В ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА: ОТ ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ К ВОЕВОДСКОЙ ВЛАСТИ¹

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Пермь Великая в конце XVI – начале XVII в. включала Чердынский, Соликамский и Кайгородский уезды. Это был важный регион в стратегическом отношении, где занимались сбором налогов для государственной казны в сложное Смутное время, когда центральная часть государства была разорена военными действиями. Регион обеспечивал сообщение с Сибирью, ее присоединение и освоение. В историографии доминирует мнение, что институт воеводства был введен в Пермь Великую в конце XVI века. *Методы и материалы.* В основу исследования положены документы архива Соликамского уездного суда, в настоящее время составляющие коллекцию фонда № 122 «Соликамские акты» Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук за период с 1605 по 1613 год. Документальный комплекс был

предварительно реконструирован с применением принципа взаимного соответствия документов. В изучении биографий использован метод просопографии. *Анализ.* В статье проведен анализ аргументации исследователей по вопросу о времени введения института воеводства в Перми Великой, выявлены основополагающие документы конца XVI века. Доказано, что информации о воеводской форме правления они не содержат. Восстановлен поименный перечень приказных людей и подьячих начала XVII в. с указанием начала и окончания их службы по упоминаниям в актах. *Результаты.* До 1609 г. включительно в Перми Великой воеводской должности не было. В приказную избу из Москвы назначали приказного человека и подьячего. Смена администрации проходила в среднем каждые 2 года. Институт воеводства введен в Перми Великой в 1610 году. Первым воеводой указанного региона был Иван Иванович Чемоданов. Сменившие его управленцы также служили в должности воеводы. К 1613 г. система управления в Перми Великой была усилена.

Ключевые слова: история России, Смутное время, Пермь Великая, воевода, местное управление, воеводское управление.

Цитирование. Рыбалко Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 100–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

Введение. Масштабный государственный кризис начала XVII в., названный современниками Смутным временем, стал для России величайшим испытанием. Его преодоление находит отражение в памяти потомков по сей день. Особый период Смуты пришелся на правление Василия Шуйского, когда в Тушино под властью самозванца Лжедмитрия II были сформированы альтернативные органы управления и страна раскололась на две части. В таких условиях одной из ключевых задач является выяснение того, как функционировала система центрального и местного управления, обеспечивавшая реализацию политики верховной власти, а также решение всех жизненно важных вопросов на местах.

Территория Перми Великой конца XVI – начала XVII в. включала 3 уезда: Чердынский, Соликамский, Кайгородский. До 1636 г. административным центром Перми Великой являлся город Чердынь, там находилась приказная изба. Пермь Великая располагалась вдалеке от основных военных действий, охвативших преимущественно центральную, юго-западную и северо-западную части Московского государства. В то же время это был важный регион в стратегическом отношении: он обеспечивал государеву казну налоговыми поступлениями, крайне необходимыми в условиях разорения центральной части страны. Через Пермь Великую осуществлялось сообщение с постепенно включаемым в состав государства сибирским регионом. Важно знать, каким образом реализовывалось центральное управление в

отдаленном регионе в условиях нестабильной политической ситуации в стране.

Методы и материалы. В основу исследования положены документы архива Соликамского уездного суда, в настоящее время составляющие коллекцию фонда № 122 «Соликамские акты» Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Это один из немногих архивных комплексов Смуты, которому удалось избежать пожаров и остаться неразграбленным. Коллекция отражает функционирование центрального и местного управления в период с 1605 по 1735 год. Нами использованы документы начальной части комплекса, некоторые из них были опубликованы в изданиях XIX в. [2–4], многие введены в научный оборот в 2017 г. [31], а также неопубликованные документы фонда.

Документальный комплекс был предварительно реконструирован с использованием принципа взаимного соответствия документов: воссоздана информация об утраченных материалах, проведена уточняющая датировка и атрибуция сохранившихся актов, восстановлена целостность документов, листы которых были перепутаны или отделены.

Также использован метод просопографии, позволяющий на основе восстановления поименного состава местных и центральных органов управления получить представление о сроках службы, принципах назначения, обязанностях и полномочиях задействованных в управлении лиц.

Обсуждение. Ключевым моментом для изучения функционирования системы центрального и местного управления в Перми Великой в начале XVII в. является выяснение статуса лиц пермской администрации.

Протоиерей пермского кафедрального собора о. Александр Луканин в исследовании 1882 г., посвященном преимущественно церковным вопросам истории г. Соликамска, в главе VIII дал описание административного устройства г. Соликамска и его посада. Священник также опубликовал составленный им поименный список управленцев Перми Великой и Соликамска с указанием дат правления по всем имевшимся у него сведениям за XVI–XVIII вв., отметив, что до 1613 г. в документах указаны разные наименования должностных лиц Перми Великой. Так, в «рукописной летописи», «Строгановской летописи» и в грамоте Строгановым от 6 августа 1572 г. должностные лица названы воеводами, в «Соликамском летописце» и Писцовой книге 1579 г. – наместниками [18, с. 130–137]. Тем не менее со ссылкой на Соликамский летописец Берха, в котором говорится, что с 1613 г. «ведать Пермь Великую, Чердынь, Соль Камскую, Кайгородок стали воеводы, а преж чего были наместники» [37, с. 207], А. Луканин назвал управленцев Перми Великой до 1613 г. наместниками, с 1613 г. – воеводами. Впрочем, как отметил сам автор, он не слишком понимал разницу между должностью наместника и воеводы в то время [18, с. 129].

Историк-краевед, собиратель древностей, активный деятель Губернской ученой архивной комиссии А.А. Дмитриев в 1889 г., проведя систематизацию сведений по истории Пермского края конца XV – XVII в., без каких-либо добавлений заимствовал поименный список великопермских наместников и воевод с 1505 по 1613 г. у А. Луканина «во избежание вторичного напрасного труда» [10, с. 170–172]. А.А. Дмитриев не ставил задачу разобраться в терминологии, именуя управленцев Перми Великой до 1613 г. то наместниками, то воеводами.

Важным историографическим фактом является дальнейшая трансформация представлений о системе управления в Перми: в трудах М.М. Богословского (1909 г.) [5, с. 21] и М.Н. Тихомирова (1962 г.) [38, с. 457] мы

находим уже однозначное утверждение того, что в 1613 г. институт наместничества в Перми Великой был заменен на институт воеводства, хотя ссылка в обеих работах дана на один и тот же источник информации – исследование А.А. Дмитриева [10, с. 170–172]². Списки городских воевод, составленные и опубликованные А.П. Барсуковым (1902 г.), в отношении Перми начала XVII в. малоинформативны и новых сведений не дают.

Во второй половине XX в. вышло несколько академических изданий, посвященных истории Урала. Автором разделов по истории феодализма на территории Урала стал доктор исторических наук, профессор Пермского университета В.А. Оборин. В вопросе управления Пермью Великой ученый был склонен придерживаться мнения о том, что смена наместников воеводами произошла в конце XVI столетия [13, с. 50], а точнее – в 1572 г. [12, с. 167]. Формат академических изданий не дал возможности оформить ссылочный аппарат, но в авторской монографии В.А. Оборин обосновал датировку [22, с. 145, 147], указав вышеупомянутую и известную еще в XIX в. грамоту царя Ивана IV Грозного, выданную Строгановым, от 6 августа 1572 г. [11, № 120, с. 175].

Исследования В.А. Оборина являются авторитетными для современной науки. Так, статья Г.А. Бородинских «Пермь Великая» в Уральской исторической энциклопедии написана с привлечением только двух работ по истории края – В.А. Оборина и дореволюционного исследователя А.А. Дмитриева, однако в вопросах управления доминирующим стало мнение А.А. Дмитриева о существовании до 1613 г. в Перми Великой наместничьего управления [6].

В Екатеринбурге О.В. Семеновым под руководством профессора Уральского государственного университета, специалиста по Средневековому и Новому времени Урала А.Т. Шашкова было впервые проведено специальное исследование, посвященное вопросам управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в., по материалам которого в 2005 г. была защищена кандидатская диссертация [33], год спустя опубликована монография [34], а в 2017 г. вышла ее сокращенная версия в виде учебно-методи-

ческого пособия [35]. Исследователь глубоко изучил эволюцию структур власти, соподчиненность отдельных местностей Перми Великой, раскрыл особенности взаимодействия управленцев разного уровня и их функции. Внимание уделено и проблеме времени появления воеводской системы в Перми Великой, исследователь увидел существование двух крайних дат в историографии: 1572 или 1613 г. [34, с. 69]. О.В. Семенов фиксирует существование института наместничества с 1505 г., когда произошло присоединение Перми к Московскому государству, и до конца XVI в. (в ходе земской реформы 50-х гг. XVI в. институт наместничества в Перми не был ликвидирован) [35, с. 9, 13]. В дальнейшем, по мнению ученого, вместо наместников в Перми появились городские воеводы, чье управление характеризовалось расширенными полномочиями, денежным государственным жалованьем, опорой на бюрократический аппарат, профессионализмом [35, с. 14–15]. О.В. Семенов соглашается с позицией Е.В. Вершинина о возникновении съезжих изб в верхнекамских городах в промежутке между 1582 и 1592 годом. Аргументируется позиция тем, что наличие института наместничества и системы кормления фиксирует известная перепись И. Яхонтова (1579 г.) и царская грамота И.М. Елецкому (1581 г.) [34, с. 69], а следовательно, приказных людей в это время в Верхнем Прикамье не было, появились они после 1582 года. Верхняя дата обусловлена прямым указанием в грамоте, составленной в августе 1592 г.: правительство при обращении к пермскому управленцу С. Чаплину, «или хто по тебе иные приказные люди вперед будут», учитывало его новый статус [34, с. 69].

О.В. Семенов ближе всего подошел к пониманию процесса замены института наместничества воеводским управлением, однако не разделил понятия «приказный человек» и «воевода», называя воевод «приказными администраторами» и считая, что трудности по управлению местным населением и вогульские мятежи конца XVI в. могли стать основанием для появления в Перми Великой института воеводства. В приложении к своей работе О.В. Семенов привел список известных управленцев Перми, начиная с наместников. Первым воеводой значится Салтан Чаплин

(1592 г.) [34, с. 275]. Основан этот перечень на известном списке воевод А.А. Дмитриева (а точнее, А. Луканина. – *Н. Р.*) и дополнен наблюдениями и архивными разысканиями О.В. Семенова. Однако и этот поименный список нуждается в уточнении и дополнении.

Позиция В.А. Оборина, и косвенно О.В. Семенова, в вопросе появления воевод в Перми Великой получила продолжение в серии статей и кандидатской диссертации А.А. Космовской [14–16], написанных под руководством доктора исторических наук, профессора Г.Н. Чагина, ученика В.А. Оборина и его преемника в должности заведующего кафедрой в Пермском государственном университете. Это второе специальное исследование, посвященное изучению института управления в Пермском Прикамье конца XVI – XVII в., и первое, где рассмотрены непосредственно воеводы всего XVII века. А.А. Космовская отметила, что в период с 1572 по 1582 г. в Перми Великой были еще наместники, а с 1592 г., начиная с Салтана Чаплина и Никиты Васильевича Траханиотова, был введен институт воеводства [15, с. 35]. Имена первых воевод исследовательница привела со ссылкой на ту же работу А.А. Дмитриева [10, с. 170–172]. Далее, в параграфе, посвященном воеводам Пермского Прикамья конца XVI – начала XVII в., А.А. Космовская отмечает, что в 1608–1609 гг., когда Пермью Великой управляли Федор Петрович Акинфов и подьячий Наум Романов, «царские грамоты адресовались “воеводе” Акинфову» [15, с. 44]. Однако исследовательница допустила здесь сразу 3 ошибки: ссылка дана на публикацию «царской грамоты» в Актах исторических, в то время как и номер, и указанные страницы соответствуют изданию «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией...»; приведена дата 21 августа 1608 г., на самом деле грамота датирована 24 августа 1608 г.; в грамоте не используется обозначение должности Ф. Акинфова как воеводы, его должность никак не обозначена [4, № 86, с. 178–179]. А.А. Космовская называет воеводой и князя Семена Юрьевича Вяземского [15, с. 111], но это тоже ошибочно, так как в цитируемом исследовательницей документе 1606 г. его должность никак не обозначена. Серия документов 1609 г., приводимая для иллюстрации деятельности пер-

мского «воеводы» Ф.П. Акинфова [15, с. 112], также не содержит указания на его воеводскую должность. Ограничимся этими примерами. Несмотря на приведенные недостатки, в работах А.А. Космовской впервые ретроспективно сквозь XVI и XVII вв. описаны и классифицированы функции управленцев Перми Великой.

Таким образом, современные исследователи О.В. Семенов и А.А. Космовская, чьи работы охватили в целом XVI и XVII вв., позволяют увидеть ключевые тенденции эволюции системы управления в Перми Великой. Однако далеко не все документы по истории региона данного периода были введены в научный оборот, что дает возможность углубления и расширения изучения данной темы. Относительно времени появления воеводского управления в Перми Великой О.В. Семенов и А.А. Космовская в целом почти единодушны и связывают его либо с периодом между 1582 и 1592 г., либо с 1592 годом.

Анализ. Грамоты конца XVI в., известные к настоящему моменту и относящиеся к деятельности Перми Великой, опубликованы. Здесь пока нет современных архивных открытий. Можно только анализировать их содержание.

Упомянутый в указной грамоте царя Ивана IV Якову и Григорию Строгановым от 6 августа 1572 г. воевода князь И.Ю. Булгаков, вероятно, находился в Перми Великой с военным поручением – указано, что писал он из Перми «про черемисский поход» [11, № 120, с. 175], то есть усмирял известный черемисский бунт, поддержанный ханом Кучумом.

В указной грамоте Ивана IV Грозного от 10 августа 1580 г. в Пермь Великую об угодьях Чердынского Богословского монастыря должность воеводы не упоминается, а названа должность наместника [1, № 207, с. 397].

Салтан Чаплин в указной грамоте царя Федора Ивановича в Пермь Великую об уплате податей Пыскорским Преображенским монастырем от августа 1592 г. упоминается как приказный человек, глава администрации Перми Великой: «...или хто по тебе иные приказные люди вперед будут» [21, с. 239, 241]. В заголовке грамоты при публикации А. Дмитриев указал его приказчиком, но это обозначение должности не верное. Приказчик и приказный человек – не одно и то же.

Таким образом, согласимся с мнением О.В. Семенова, дополненным ссылкой на известную писцовую книгу Ивана Яхонтова 1579 г., относительно того, что в период с 1572 до 1592 г. воевод в Перми Великой еще не было, по крайней мере в документах как постоянные лица местной администрации воеводы до 1592 г. не фиксируются. Однако и в 1592 г. должности воеводы в Перми Великой еще не было: Салтан Чаплин – это первый известный нам приказный человек.

В названии при публикации указной грамоты царя Федора Ивановича в Пермь Великую, в Чердынь от 17 декабря 1593 г.³ Сарыч Шестаков, кому адресовалась грамота, назван воеводой [21, с. 241–243]. Но в тексте Сарыч Шестаков не назван никакой должностью, слово «воевода» не упоминается, а в конце есть приписка о том, чтобы отдать грамоту в монастырь на хранение «для иных наших приказных людей» [21, с. 243]. Из этого можно заключить, что в 1593 г. приказную избу Перми Великой возглавлял также приказный человек Сарыч Шестаков, не воевода.

С 1593 по 1594 г. в Перми Великой упоминается воевода Никифор Васильевич Траханиотов. Однако несложно установить, что воевода Н.В. Траханиотов вместе с воеводой Петром Горчаковым был отправлен с ратными людьми, имея конкретную военно-стратегическую цель: «строить суда на всех ратных людей», погрузить «пушечный запас» и «хлебные запасы» и «идти реками в Сибирь строить крепость в Тоборы, а затем город», «приманить пельмского князя Аблегирима и лучших его людей, от которых смута была, извести, городок его сжечь» [27, № 56, стб. 103–120]. Н.В. Траханиотов должен был удалиться в Тобольск, а 17 августа 1594 г. Н.В. Траханиотов – воевода в Сибири, в Березовом городе [27, № 54, стб. 101–102]. Сюжет про поручение воеводе Н.Ф. Траханиотову описан О.В. Семеновым [34, с. 63–64]. В то же время Пермью Великой управлял приказный человек Сарыч Шестаков.

Таким образом, в конце XVI в. в Перми Великой института воеводства еще не было. А.П. Павлов обозначил общую тенденцию применительно ко всему Московскому государству 1584–1605 гг., отметив, что «последний период явился качественно новым этапом в развитии местного управления, ко-

торый характеризовался падением роли на местах сословно-представительных органов самоуправления и усилением «приказных» начал, контроля центральной власти на местах» [24, с. 239]. По наблюдениям исследователя, в качестве управленцев во многие города Центра и Севера России, в том числе и в Пермь, в это время были посланы члены Государева двора, при этом в большинстве случаев чиновники значатся в источниках либо без указания должностей, либо с должностью «судьи». А.П. Павлов называет их «приказными администраторами» и отмечает, что чаще всего можно встретить обобщенную формулировку «приказные люди» [24, с. 239–247].

Состав пермской приказной избы и ряд вопросов, которыми занимались приказные люди, приводятся нами в диссертации [28], опубликованы в монографии и ряде статей [29; 30]. Сплошное изучение фонда соликамских актов, введение в научный оборот большого количества неопубликованных ранее документов местного управления Перми Великой 1605–1613 гг., проведенная реконструкция архива путем восстановления информации о несохранившихся документах по упоминаниям и их датировка позволяют значительно дополнить и уточнить имевшиеся ранее сведения о статусе приказных управленцев, их сроках службы и направлениях деятельности [31; 32].

Удается установить следующий состав приказной администрации в Перми Великой начала XVII века.

Приказный человек Андрей Васильев сын Безобразов. Начало службы – 1601/02 г. На его имя чердынцы написали челобитную о том, что кайгородцы с чердынского целовальника взяли «лишку» за корм служилым людям 50 рублей. Челобитная реконструируется по упоминаниям [31, с. 26, 187–189]. А.В. Безобразов значится в Боярском списке 1602–1603 гг. с пометой «в Перми» [7, с. 266]. Окончание службы – между 1 сентября 1605 г. и февралем 1606 года. А.В. Безобразов написал отписку в Новгородскую четь с жалобой на кайгородцев, что не дали «сыскати про моровое поветрие». Сведения об отписке реконструируются по упоминаниям [4, № 43, с. 98; 31, с. 27].

Приказный человек Петр Васильевич Пивов. Начало службы – 1605 г. (не позднее 4 февраля). Ему и подьячему Ивану Федоро-

ву дана грамота Б.Ф. Годунова о сборе с чердынцев, усольцев и кайгородцев сибирских хлебных запасов. Информация об указной грамоте воссоздается по упоминаниям [31, с. 21]. Окончание службы – 1606 г. (не ранее 27 марта) по отписи соликамского старосты, целовальников и земских людей о приеме у него и подьячего Ивана Федорова денег за сибирские хлебные запасы [31, с. 24, 184–185].

Подьячий Иван Федоров. Начало службы – с 1605 г. (ок. 4 января). Ему и П.В. Пивову была дана указная грамота от царя Б.Ф. Годунова о сборе с чердынцев, усольцев и кайгородцев сибирских хлебных запасов на жалованье ратным людям. Грамота не сохранилась, но многократно упоминается [31, с. 21]. 4 января 1607 г. Иван Федоров был отправлен в Москву с отпиской из Перми князя Семена Юрьевича Вяземского об устройстве соликамского яма и наделении земель «под дворы» ямских охотников с приложением поименных их перечней [31, с. 54]. Сведений о его возвращении нет, а 23 июля 1607 г. в Пермь Великую должен был приехать подьячий Леонтий Софонов [4, № 78, с. 171]. Но, очевидно, не доехал, так как в делопроизводственных документах его имя не упоминается, а следующий подьячий, Наум Романов, приехал «на подьячево на Иваново место Федорова» [40].

Приказный человек Семен Юрьевич Вяземский. Начало службы – 1606 г. (не позднее 13 апреля). В этот день ему дана указная грамота Лжедмитрия I о расследовании жалобы кайгородского земского старосты Степана Шеина на чердынских земских старост и целовальников, взявших лишние деньги с кайгородцев [31, с. 26, 187–189]. Окончание службы – 1608 г. (не ранее 22 января). Сохранилась отписка соликамского старосты И.Н. Пядышева и земских людей в Чердынь С.Ю. Вяземскому о посылке к нему денег за ратных людей. Отписка составлена 20 января, а 22 января 1608 г. была доставлена адресату [31, с. 36–37, 236–238].

Приказный человек Федор Акинфов и подьячий Наум Романов. Начало службы – 1608 г. (не позднее 22 февраля). Им 22 февраля 1608 г. в Пермь Великую была отправлена указная грамота царя В.И. Шуйского о доплатке кабальных денег с вишерских ясачных вогуличей [31, с. 100, 242–243]. Науму Рома-

нову в сентябре 1608 г. велено было дать половину годового оклада Ивана Федорова – 12 рублей с полтиной. Жалование, как демонстрируют документы, выплачивалось с началом нового года (1 сентября), и к этому моменту, вероятно, Наум Романов находился в должности подьячего Перми только полгода, поэтому и получил половинный оклад [40]. Окончание службы – 1610 г. (не ранее 29 января). 29 января 1610 г. от Ф. Акинфова и Н. Романова из Перми Великой была отправлена отписка в Вятку с уведомлением о сборе пермских ратных людей для защиты вятской земли от мятежников [4, № 158, с. 268]. После этого 30 января 1610 г. в Пермь Великую из Новгородской чети была дана грамота только на имя подьячего Наума Романова [41].

Как показывает анализ документов делопроизводства приказной избы, в начале XVII в. в Перми Великой приказные администраторы занимались сбором налогов и пошлин, судом по вопросам сбора налогов и пошлин, организацией местного самоуправления, ямской службы, кабальными делами, судебными разбирательствами по вопросам грабежей, воровства и других противозаконных действий, осуществляли хозяйственное управление Пермской землей. Военные функции носили второстепенный характер и заключались только в необходимости организовать сбор пермских ратных людей и средств для них и отправить на царскую службу в центральную часть России. Из-за отдаленного расположения региона личное участие часто заменялось отправкой хлебного и денежного сбора. То есть функции, исполняемые приказными администраторами Перми Великой, носили преимущественно хозяйственный характер. Они в корне отличались от функций воевод, к примеру, Сибири, Юга России, Среднего и Нижнего Поволжья в Смутное время начала XVII в. [8; 9; 19; 20; 25; 26; 36; 39], которые наряду с решением административно-хозяйственных вопросов должны были охранять рубежи государства от внешних врагов, возводить оборонительные сооружения, подавлять бунты мятежников, расширять границы государства путем присоединения новых территорий и проживавших там народов, участвовать в решении вопросов дипломатии и внешней политики.

Актовый материал делопроизводства пермской приказной избы за период с февраля по июнь 1610 г. отсутствует. В июле 1610 г. в Перми Великой в документах впервые фиксируется должность воеводы.

Воевода Иван Иванович Чемоданов и подьячий Пятой Филатов. Начало службы – 1610 г. (не позднее 5 июля). Сохранилась отписка из Вятки Дмитрия Пушечникова и Ивана Поздеева в Пермь Великую «Ивану Ивановичу и Пятому Филатовичу», где упомянуты государевы грамоты, пересылаемые ими 5 июля [23]. Однако в этом документе должность воеводы не указана. В настоящий момент самым ранним документом, где встречается упоминание должности воеводы в приказной избе Перми Великой, является окружная грамота бояр, окольничих и всех чинов Московского государства в Пермь Великую о сведении с престола царя В.И. Шуйского: «В Пермь Великую воеводе господину Ивану Ивановичу Чемоданову да подьячему Пятому Филатову», датированная 20 июля 1610 г. [4, № 162, с. 277]. 26 мая 1612 г. им была дана указная грамота от главы Нижегородского ополчения князя Д.Т. Пожарского о взыскании с торговых людей денег и хлебных запасов на жалованье сибирским служилым людям [2, № 337, с. 403; 30, с. 319]. И.И. Чемоданов непродолжительное время служил вторым воеводой – Петром Степановичем Нащокиным – упоминается росписной список города и острога Перми Великой «прежних воевод Ивана Чемоданова с Петром Нащокиным 121 году» (1612/13) [3, № 8, с. 7–9]. Пятой Филатов предположительно сменился вместе со своим воеводой И.И. Чемодановым.

14 января 1613 г. в Перми Великой упоминаются на службе воевода Петр Степанович Нащокин и дьяк Иван Митусов. Им была дана грамота от руководителей временного правительства – боярина и воеводы, князя Д.Т. Трубецкого, а также стольника и воеводы, князя Д.М. Пожарского о даче жалованья из пермских доходов тарским и березовским казакам, отпущенным в Сибирь [4, № 221, с. 375–376]. Воевода П.С. Нащокин умер в Перми ориентировочно осенью 1613 года. Дьяк Иван Митусов 10 февраля 1614 г. в ответ на государеву грамоту, полученную в Перми 25 декабря 1613 г., указал данный факт, отметив, что об

этом государю «писано и не единожды» [3, № 8, с. 8]. Дьяк Иван Митусов служил в Перми Великой до 9 ноября 1615 года. По государеву Михаила Федоровича указу отозван в Москву, на его место прислан новый дьяк [17, с. 388].

Результаты. Таким образом, реконструкция персонального состава приказной избы Перми Великой показывает, что смена администрации проходила в среднем каждые 2 года. При этом смена подьячих часто осуществлялась с задержкой на несколько месяцев по сравнению с назначениями приказных людей, очевидно чтобы ввести в курс дел нового администратора. Накладки по срокам пребывания выявляются только у А.В. Безобразова и П.В. Пивова. Но за период правления Б.Ф. Годунова и Лжедмитрия I уцелело сравнительно мало документов, чтобы воссоздать полную картину их деятельности. Неравномерно документация сохранилась и за период между февралем 1610 г. и началом 1613 года.

Суждение, устоявшееся в историографии, о времени складывания института воеводства в Перми Великой в конце XVI в. не находит подтверждения в источниках. Можно говорить только о прекращении действия института наместничества в это время и переходе на приказную систему управления в лице приказных людей и подьячих. Ни в одном из документов «Соликамских актов» 1605–1609 гг. должностные лица, последовательно возглавлявшие пермскую администрацию – А.В. Безобразов, П.В. Пивов, С.Ю. Вяземский, Ф.П. Акинфов, не названы воеводами. Эти управленцы уже не были наместниками, так как налоговые поступления заключались не в кормах, а в четко установленной сумме окладных сборов – «данных, оброчных и розводных денег». Они также не были городовыми приказчиками, так как происходили не из местных выборных дворян, а назначались из центра, из Москвы. В обязанность приказных администраторов входили фискальные, хозяйственные и судебные функции, участие в решении военных вопросов было минимальным в силу их низкой актуальности для региона в то время. Называть приказных людей воеводами ошибочно.

Стоит особо отметить, что названия документов в описи фонда № 122 «Чердынская воеводская изба (Соликамские акты)» Архи-

ва СпбИИ РАН [17] нуждаются в значительной корректировке. Приказные люди Перми Великой с 1605 по 1609 г. в заголовках дел ошибочно названы воеводами, что вводит в заблуждение исследователей. Кроме того, необходимо внести изменения в отношении датировки и атрибуции актов.

Институт воеводства введен в Перми Великой в 1610 году. Первым воеводой указанного региона был Иван Иванович Чемоданов. Сменившие его управленцы также служили в должности воеводы. К 1613 г. система управления в Перми Великой была усилена, вместо подьячего назначение на службу с воеводой получил дьяк. С 1613 г. должность воеводы была введена и в Соликамске – уездном городе Перми Великой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование осуществлено при поддержке РФФИ – грант № 15-31-01202(а2) «Институты государственного управления в России в Смутное время начала XVII века».

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research – Grant No. 15-31-01202 (a2) “The government system in Russia during the Time of Troubles at the beginning of the 17th century.”

² Страницы 159–163 указаны М.Н. Тихомировым ошибочно – информации о времени появления воеводства там нет.

³ В публикации ошибочно указан 1594 г. – неверный перевод между системами летосчисления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. Т. 1 : 1334–1598 гг. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 614 с.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. Т. 2 : 1598–1613 гг. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 482 с.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. Т. 3 : 1613–1645 гг. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 538 с.

4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией Императорской академии наук. В 4 т. Т. 2 :

1598–1613). – СПб. : Тип. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – 392 с.

5. Богословский, М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. В 2 т. Т. 1 : Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления / М. М. Богословский. – М. : Синодальная тип., 1909. – 321 с.

6. Бординских, Г. А. Пермь Великая / Г. А. Бординских // Уральская историческая энциклопедия. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Екатеринбург : Академкнига ; УРОРАН, 2000. – С. 419.

7. Боярские списки 1577–1607 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. – М. : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 191–318.

8. Глазьев, В. Н. Особенности управленческой структуры в городах Юга России в XVII в. / В. Н. Глазьев // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (281). – С. 115–119.

9. Глазьев, В. Н. Города-крепости российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и ее преодоление / В. Н. Глазьев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 103–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9>.

10. Дмитриев, А. А. Древняя Пермь Великая в современном научном освещении / А. А. Дмитриев // Пермская старина : сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Вып. 1 : Древности бывшей Перми Великой. – Пермь : Тип. П.Ф.Каменского, 1889. – С. 1–186.

11. Дополнения к актам историческим. В 12 т. Т. 1 : X в. – 1611 г. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1846. – 400 с. + прил.

12. История Урала с древнейших времен / отв. ред. А. А. Преображенский. – М. : Наука, 1989. – 608 с.

13. История Урала. В 2 т. Т. 1 / под ред. И. С. Капцуговича. – 2-е изд. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1976. – 396 с.

14. Космовская, А. А. Военные функции воевод в Пермском Прикамье в конце XVI – XVII веке / А. А. Космовская // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 2 (25). – С. 7–13.

15. Космовская, А. А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI – XVII в. : дис. ... канд. ист. наук / Космовская Анна Алексеевна. – Пермь, 2015. – 254 с.

16. Космовская, А. А. Источниковая база изучения работы воеводских канцелярий в Прикамье в XVII–XVIII вв. / А. А. Космовская // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 939–951.

17. Курдюмов, М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Императорской археографической

комиссии / М. Г. Курдюмов // Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 год. – Вып. 21. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1909. – С. 1–424.

18. Луканин, А. Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска / А. Луканин. – Пермь : Тип. П.Ф. Каменского, 1882. – 148 с.

19. Ляпин, Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII в. / Д. А. Ляпин. – Тула : Гриф и К, 2011. – 208 с.

20. Ляпин, Д. А. Окраина царства без царя: южные рубежи России в Смутное время / Д. А. Ляпин // *Filo Agrade*. – 2020. – № 2 (18). – С. 38–50.

21. Материалы // Пермская старина : сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае / под ред. А. А. Дмитриева. – Вып. 2 : Пермь Великая в XVII веке. – Пермь : Тип. П.Ф. Каменского, 1890. – С. 235–248.

22. Оборин, В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. / В. А. Оборин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с.

23. Отписка вятских воеводы Дмитрия Юрьевича Пушечникова и Ивана Поздеева в Пермь воеводе Ивану Ивановичу Чемоданову и подьячему Пятому Филатову с сообщением сведений о том, с кем была прислана в Пермь царская грамота о денежных доходах, полученная в Вятке 5 июля, и где ее задержали, 1610 г., после 14 июля // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (АСПБИИ РАН). – Кол. 122. – № 298. – 1 л.

24. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А. П. Павлов. – СПб. : Наука, 1992. – 280 с.

25. Рабинович, Я. Н. Первые воеводы города Саратова (1590–1608) / Я. Н. Рабинович // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». – 2013. – Т. 13, № 1. – С. 98–101.

26. Рабинович, Я. Н. Саратов в Смутное время (1606–1614) / Я. Н. Рабинович // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 228–240.

27. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. В 40 т. Т. 2. – СПб. : Тип. Братьев Пантелеевых, 1875. – 1128 стб.

28. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия : дис. ... канд. ист. наук / Рыбалко Наталия Владимировна. – Волгоград, 2001. – 512 с.

29. Рыбалко, Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского / Н. В. Рыбалко // Государство и общество в России XV – начала XX века : сб. ст. памяти Н.Е. Носова. – СПб. : Наука, 2007. – С. 277–307.

30. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века / Н. В. Рыбалко. – М. : МБА ; Квадрига, 2011. – 656 с.

31. Рыбалко, Н. В. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 гг.) : монография / Н. В. Рыбалко, Е. Г. Дмитриева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 319 с.

32. Рыбалко, Н. В. Организация Соликамского яма и ямской службы в Перми Великой в 1607 году / Н. В. Рыбалко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Международные отношения. Регионоведение. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 120–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>

33. Семенов, О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй пол. XV – первой пол. XVII вв. : дис. ... канд. ист. наук / Семенов Олег Владимирович. – Екатеринбург, 2005. – 423 с.

34. Семенов, О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. / О. В. Семенов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. – 292 с.

35. Семенов, О. В. Управление уральскими территориями во второй половине XV – первой половине XVII в. / О. В. Семенов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 56 с.

36. Симачкова, Н. Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII в. : дис. ... канд. ист. наук / Симачкова Наталья Николаевна. – Нижневартовск, 2002. – 185 с.

37. Соликамский летописец / сост. В. Н. Берх // Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. – СПб. : Воен. тип. Гл. штаба Е.И.В., 1821. – С. 203–232.

38. Тихомиров, М. Н. Россия в XVI веке / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 584 с.

39. Тюменцев, И. О. Начало Царицына: гипотезы и факты / И. О. Тюменцев // Стрежень : Научный ежегодник. – Вып. 1. – Волгоград : Издатель, 2000. – С. 132–147.

40. Указная грамота царя В.И. Шуйского в Пермь Великую [приказному человеку] Федору Петровичу Акинфому о выдаче подьячему Науму Романову жалованья из пермских денежных доходов, 14 августа 1608 г. // АСПБ ИИ РАН. – Кол. 122. – Оп. 1. – № 118. – 1 л.

41. Указная грамота царя В.И. Шуйского в Пермь Великую подьячему Науму Романову о выдаче князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому 100 р. из пермских таможенных и кабацких денег, 1610 г., 30 января // АСПБ ИИ РАН. – Кол. 122. – Оп. 1. – № 295. – 1 л.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. V 5 t. T. 1: 1334–1598 gg.* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 1. 1334–1598]. Saint Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 614 p.

2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. V 5 t. T. 2: 1598–1613 gg.* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 2. 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 482 p.

3. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. V 5 t. T. 3: 1613–1645 gg.* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 3. 1613–1645]. Saint Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 538 p.

4. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii arkheograficheskoyu ekspeditsieyu Imperatorskoy akademii nauk. V 4 t. T. 2: 1598–1613* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols. Vol. 2. 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1836. 392 p.

5. Bogoslovsky M.M. *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v XVII v. V 2 t. T. 1: Oblastnoe delenie Pomorya; Zemlevladienie i obshchestvennyy stroy; Organy samoupravleniya* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century. In 2 Vols., Vol. 1. Regional Division of Pomorye; Land Tenure and Social Order; Self-Government Bodies]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1909. 321 p.

6. Bordinskikh G.A. Perm Velikaya [Perm the Great]. *Uralskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Yekaterinburg, Akademkniga Publ., URO RAN, 2000, p. 419.

7. Boyarskie spiski 1577–1607 gg. [Boyar Lists of 1577–1607]. Stanislavskiy A.L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI – XVII vekov* [Works on the History of the Sovereigns Court in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2004, pp. 191–318.

8. Glazyev V.N. Osobennosti upravlencheskoy struktury v gorodakh Yuga Rossii v XVII v. [Features of the Management Structure in the Cities of the South of Russia in the 17th Century]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Voronezh State Pedagogical University], 2018, no. 4 (281), pp. 115–119.

9. Glazyev V.N. Goroda-kreposti rossiyskogo Chernozemya v 1604–1618 gg.: grazhdanskaya voyna i ee preodolenie [Fortress Cities of the Russian Black

Earth Region in 1604–1618: Overcoming the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9>.

10. Dmitriev A.A. Drevnyaya Perm Velikaya v sovremennom nauchnom osveshchenii [Ancient Perm Great in Modern Scientific Coverage]. *Permskaya starina: sbornik istoricheskikh statey i materialov preimushchestvenno o Permskom krae. Vyp. I: Drevnosti byvshey Permi Velikoy* [Perm Antiquity: Collection of Historical Articles and Materials Mainly About Perm Krai. Issue I. Antiquities of the Former Great Perm]. Perm, Tipografiya P.F. Kamenskogo, 1889, pp. 1-186.

11. *Dopolneniya k aktam istoricheskim. V 12 t. T. 1: X v. – 1611 g.* [Additions to Historical Acts. In 12 Vols. Vol. 1. X Century – 1611]. Saint Petersburg, Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1846. 400 p. + suppl.

12. Preobrazhenskiy A.A., ed. *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen* [History of the Urals Since Ancient Times]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 608 p.

13. Kaptugovich I.S., ed. *Istoriya Urala. V 2 t. T. 1* [History of the Urals. In 2 Vols. Vol. 1]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatelstvo, 1976. 396 p.

14. Kosmovskaya A.A. Voennye funktsii vоеvody v Permskom Prikamye v kontse XVI – XVII veke [Military Functions of the Governor in the Perm Kama Region at the End of the XVI–XVII Century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2014, iss. 2 (25), pp. 7-13.

15. Kosmovskaya A.A. *Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikamye v kontse XVI–XVII v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Provincial Administration in the Perm Kama Region in the Late 16th – 17th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Perm, 2015. 254 p.

16. Kosmovskaya A.A. Istochnikovaya baza izucheniya raboty vоеvodskikh kantselyariy v Prikamye v XVII – XVIII vv. [The Source Base for Studying the Work of the Provincial Offices in the Kama Region in the 17th – 18th Centuries]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the Archivist], 2019, no. 3, pp. 939-951.

17. Kurdyumov M.G. Opisaniye aktov, khranyashchikhsya v arkhive Imperatorskoy arkheograficheskoy komissii [Description of Acts Stored in the Archives of the Imperial Archaeographic Commission]. *Letopis zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1908 god. – Vyp. 21.* [Chronicle of the Classes of the Archaeographic Commission for 1908. Iss. 21]. Saint Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1909, pp. 1-424.

18. Lukanin A. *Tserkovno-istoricheskoe i arkheologicheskoe opisaniye goroda Solikamska*

[Church-Historical and Archaeological Description of the City of Solikamsk]. Perm, Tipografiya P.F. Kamenskogo, 1882. 148 p.

19. Lyapin D.A. *Istoriya Eletskego uezda v kontse XVI – XVII v.* [History of Yelets Uyezd in the Late 16th – 17th Centuries]. Tula, Grif and K Publ., 2011. 208 p.

20. Lyapin D.A. Okraina tsarstva bez tsarya: yuzhnye rubezhi Rossii v Smutnoe vremya [Outskirts of a Kingdom Without a Tsar: Southern Borders of Russia in the Time of Troubles]. *Filo Ariadne*, 2020, no. 2 (18), pp. 38-50.

21. Materialy [Materials]. Dmitrieva A.A., ed. *Permskaya starina: sbornik istoricheskikh statey i materialov preimushchestvenno o Permskom krae. Vyp. 2: Perm Velikaya v XVII veke* [Perm Antiquity: Collection of Historical Articles and Materials Mainly About Perm Krai. Iss. 2: Great Perm in the 17th Century]. Perm, Tipografiya P.F. Kamenskogo, 1890, pp. 235-248.

22. Oborin V.A. *Zaseleniye i osvoeniye Urala v kontse XI – nachale XVII v.* [Settlement and Development of the Urals in the Late 11th – Early 17th Centuries]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1990. 168 p.

23. Otpiska vyatskikh vоеvody Dmitriya Yuryevicha Pushechnikova i Ivana Pozdeeva v Perm vоеvode Ivanu Ivanovichu Chemodanovu i podyachemu Pyatomu Filatovu s soobshcheniem svedeniy o tom, s kem byla prislana v Perm tsarskaya gramota o denezhnykh dokhodakh, poluchennaya v Vyatke 5 iyulya, i gde ee zaderzhali, 1610 g., posle 14 iyulya [Letter of Vyatka Voivode Dmitry Yuryevich Pushechnikov and Ivan Pozdeev to Perm Voivode Ivan Ivanovich Chemodanov and Clerk Fifth Filatov with Information About Who Was Sent to Perm with the Royal Letter of Income Received in Vyatka on July 5, and Where It Was Detained, 1610, After July 14]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN (ASPBII RAN)* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122, no. 298. 11.

24. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya borba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)* [The Tsars Court and the Political Struggle Under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 280 p.

25. Rabinovich Ya.N. Pervye vоеvody goroda Saratova (1590–1608) [The First Governors of the City of Saratov (1590–1608)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relationships], 2013, vol. 13, no. 1, pp. 98-101.

26. Rabinovich Ya.N. Saratov v Smutnoe vremya (1606–1614) [Saratov in the Time of Troubles (1606–

1614)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series History. International Relationships], 2017, vol. 17, no. 2, pp. 228-240.

27. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arkheograficheskoyu komissieyu. V 40 t. T. 2* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission. In 40 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tipografiya Brat'yev Panteleevykh, 1875. 1128 col.

28. Rybalko N.V. *Rossiyskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII stoletiya: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Order Bureaucracy in the Time of Troubles in the Late 17th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 512 p.

29. Rybalko N.V. *Prikaznaya sluzhba dyakov i pod'yachikh v gorodakh perioda tsarstvovaniya Vasiliya Shuyskogo* [Order Service of Clerks in Cities During the Reign of Vasily Shuisky]. *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka: sb. st. pamyati N.E. Nosova* [State and Society in Russia in the 15th – Early 20th Century. Collection of Articles in Memory of N.E. Nosov]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 277-307.

30. Rybalko N.V. *Rossiyskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII veka* [Russian Order Bureaucracy in the Time of Troubles in the Early 17th Century]. Moscow, MBA Publ., Kvadriga Publ., 2011. 656 p.

31. Rybalko N.V., Dmitrieva E.G. *Solikamskiy arkhiv: rekonstruktsiya i istochnikovedcheskiy analiz (1605–1608 gg.): monografiya* [Solikamsk Archives: Reconstruction and Source Analysis (1605–1608). Monograph], Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 319 p.

32. Rybalko N.V. *Organizatsiya Solikamskogo yama i yamskoy sluzhby v Permi Velikoy v 1607 godu* [Organizing Solikamsk Coach Station and Coachman Service in Great Perm in 1607]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 120-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>.

33. Semenov O.V. *Stanovlenie i evolyutsiya sistemy mestnogo upravleniya na Urale vo vtoroy pol. XV – pervoy pol. XVII v.v.: dis. ... kan. ist. nauk* [Formation and Evolution of the Local Government System in the Urals in the Second Half of the 15th – First Half of the 17th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2005. 423 p.

34. Semenov O.V. *Stanovlenie i evolyutsiya sistemy mestnogo upravleniya na Urale vo vtoroy*

polovine XV – pervoy polovine XVII v. [Formation and Evolution of the Local Government System in the Urals in the Second Half of the 15th – First Half of the 17th Century]. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., 2006. 292 p.

35. Semenov O.V. *Upravlenie uralskimi territoriyami vo vtoroy polovine XV – pervoy polovine XVII v.* [Management of the Ural Territories in the Second Half of the 15th – First Half of the 17th Century]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, 2017. 56 p.

36. Simachkova N.N. *Stanovlenie voevodskoy sistemy upravleniya v Sibiri v kontse XVI – nachale XVII v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of the Voivodship System of Government in Siberia in the Late 16th – Early 17th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Nizhnevartovsk, 2002. 185 p.

37. Solikamskiy letopisets [Solikamsk Chronicler]. Berkh V.N. *Puteshestvie v goroda Cherdyn i Solikamsk dlya izyskaniya istoricheskikh drevnostey* [Travel to the Cities of Cherdyn and Solikamsk to Search for Historical Antiquities]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya Glavnogo shtaba E.I.V., 1821, pp. 203-232.

38. Tikhomirov M.N. *Rossiya v XVI veke* [Russia in the 16th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 584 p.

39. Tyumentsev I.O. *Nachalo Tsaritsyna: gipotezy i fakty* [The beginning of Tsaritsyn: Hypotheses and Facts]. *Strezhen: Nauchnyy ezhegodnik. Vyp. 1* [Annual “Strezhen”. Iss. 1]. Volgograd, Izdatel Publ., 2000, pp. 132-147.

40. *Ukaznaya gramota tsarya V.I. Shuyskogo v Perm Velikuyu [prikaznomu cheloveku] Fedoru Petrovichu Akinfov u vydache pod'yachemu Naumu Romanovu zhalovanya iz permskikh denezhnykh dokhodov, 14 avgusta 1608 g.* [Decree of Tsar V.I. Shuisky to Perm the Great [to Clerk] Fyodor Petrovich Akinfov on the Payment of Salary to Clerk Naum Romanov from Perm Monetary Income, August 14, 1608]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122, op. 1, no. 118. 11.

41. *Ukaznaya gramota tsarya V.I. Shuyskogo v Perm Velikuyu pod'yachemu Naumu Romanovu o vydache knyazyu Ivanu Mikhaylovichu Katyrevu-Rostovskomu 100 r. iz permskikh tamozhennykh i kabatskikh deneg, 1610 g., 30 yanvarya* [Decree of Tsar V.I. Shuisky to Perm the Great to Clerk Naum Romanov on the Payment of 100 Rubles to Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky from Perm Customs and Tavern Money, 1610, January 30]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122, inv. 1, no. 295. 11.

Information About the Author

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of National and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.10>

UDC 94(470)“08/16”
LBC 63.3(2)45

Submitted: 14.05.2019
Submitted: 05.12.2019

**CHURCH REFORM OF PETER I: SOURCE STUDY ASPECT
(ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE VOLOGDA ARCHBISHOPS HOUSE OF ST. SOPHIA)**

Nikita V. Bashnin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The inventory of buildings and property are an accounting document. The large-scale description of the lands and property of the spiritual patrimony of 1701–1705 carried out within the framework of the Church Reform of Peter I should be considered as a stage in the control of the state over the material welfare of the Church. *Materials.* Inventories of bishops houses and monasteries were found in the central and regional archives. A number of documents of the early 18th century were published. *Analysis.* Different census takers carried out descriptions of the patrimonies of the Vologda Bishops house in five regions of the country, which indicates applying the uyezd by uyezd principle of the description of the regions. The comparison of the texts shows that census books of the patrimonies of the Vologda Bishops house of 1701–1702 were primary in relation to the census of economy (statements) of the Vologda Bishops house in 1702–1703. An inventory of the Bishops Treasury was also made. *Results.* The comparison of three censuses (patrimony, economy, treasury) gave state documents on the basis of which it was possible to make a complete picture of the economy and property of the Vologda house of St. Sophia. In this regard, a complete secularization of Church possessions actually took place, however it was not fully formalized legally.

Key words: history of the Russian Orthodox Church, Russian North, Vologda diocese, source study, Church reform of Peter the Great, census books, patrimony, secularization.

Citation. Bashnin N.V. Church Reform of Peter I: Source Study Aspect (According to the Materials of the Vologda Archbishops House of St. Sophia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 113-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.10>

УДК 94(470)“08/16”
ББК 63.3(2)45

Дата поступления статьи: 14.05.2019
Дата принятия статьи: 05.12.2019

**ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА
СВ. СОФИИ)**

Никита Викторович Башнин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Описи строений и имущества представляют собой учетный документ. Масштабное описание земель и имущества духовных вотчинников 1701–1705 гг., проведенное в рамках церковной реформы Петра I, следует рассматривать как этап в осуществлении контроля государства за материальным благосостоянием Церкви. *Материалы.* Описи архиерейских домов и монастырей выявлены в центральных и региональных архивах. Ряд документов начала XVIII в. опубликован. *Анализ.* Разные переписчики проводили описания вотчин Вологодского архиерейского дома в пяти регионах страны, что говорит о поузедном принципе описания. Сопоставление текстов показывает, что переписные книги вотчин

Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг. были первичными по отношению к переписи хозяйства (ведомостям) Вологодского архиерейского дома 1702–1703 годов. Также была составлена опись архиерейской казны. *Результаты.* Сравнение трех переписей (вотчины, хозяйства, казны) дало государству документы, на основании которых можно было составить полное представление о хозяйстве и имуществе Вологодского дома Св. Софии. В связи с этим произошла фактически полная секуляризация церковных владений, но юридически полностью не оформленная.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Русский Север, Вологодская епархия, источниковедение, церковная реформа Петра I, переписные книги, вотчина, секуляризация.

Цитирование. Башнин Н. В. Церковная реформа Петра I: источниковедческий аспект (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 113–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.10>

Введение. Описи строений и имущества (отписные, описные, переписные книги) представляют собой особую группу источников, которые содержат сведения о духовной и материальной культуре средневекового общества и отражают имущественное положение церквей, монастырей и архиерейских кафедр. Они являются учетными документами, в которые в XVII в. часто включали не только описание икон, богослужебной утвари, книг и актов, но и сведения о вотчинных владениях духовных собственников [18, с. 7].

Дискуссия. В конце XIX в. Н.К. Никольский пришел к выводу, что после Стоглавого собора в целях контроля за церковным имуществом стали составлять монастырские описи. Ученый также отметил связь государственных кадастров и монастырских переписных книг. З.В. Дмитриева подчеркнула, что наблюдения Н.К. Никольского о решающем значении Стоглавого собора в появлении монастырских описей не противоречат тому факту, что описи составляли до 1551 г. [13, с. 78–79; 16; 19, с. 7; 31, с. 39; 32, с. 206–207]. По мнению З.В. Дмитриевой, «борьба государства за монастырское и церковное имущество началась задолго до Стоглавого собора и продолжалась до секуляризации 1764 г.» [19, с. 9]. Многие монастырские описания в XVII в. составляли по инициативе государства, например, известно четыре таких описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601, 1615, 1621, 1635 годов. С.А. Никонов показал, что первая перепись церквей и монастырей Кольского уезда, проведенная светскими властями, состоялась в 1711 г., когда воевода Кольского острога А.В. Матюшкин получил царское распоряжение об этом из Вологды [22, с. 26].

И.А. Булыгин и М.С. Черкасова обратили внимание на указы Петра I 1696 и 1697 гг. об установлении государственного контроля над деревянным, каменным и келейным строительством в архиерейских домах, монастырях и церквях [6, с. 66–68; 32, с. 118–119]. Так, в 1696/97 г. возникла переписная книга церквей Великоустюжской епархии, в которой зафиксированы денежные средства, хлеб, архивы и другие сведения о материальном благосостоянии храмов [33, с. 117–130].

Масштабное описание земель и имущества духовных вотчинников 1701–1705 гг., проведенное в рамках церковной реформы Петра I, следует рассматривать как этап в осуществлении контроля государства за материальным благосостоянием Церкви [27, с. 122–124]. По мнению И.М. Покровского, в это время государство «высвободилось из-под опеки церковной иерархии», а «старая русская жизнь... подверглась всецелой ломке». Историк полагал, что высшая иерархия потеряла государственное значение, а для Петра I важны были отдельные личности [23, с. 2]. И.М. Покровский пришел к выводу, что в результате преобразований «с государственных отпращиваний снята печать церковности и на многие церковные дела наложена печать гражданственности» [23, с. 3]. На религию и церковь Петр I, по мнению И.М. Покровского, выработал «утилитарный взгляд», они были нужны царю для «внутреннего спокойствия и материального благополучия государства» [23, с. 3].

Защита церковного имущества зафиксирована в следующих постановлениях. Согласно 24 правилу IV Вселенского Халкидонского собора (451 г.) «Единожды освященным по

изволению епископа монастырям пребывать монастырями навсегда. Принадлежащие им вещи сохранять и впредь не быть оным мирскими жилищами. Попускающие же сему быть да подлежат наказаниям по правилам» [25, с. 232]. Приведенные выше нормы повторяет 49 правило VI Вселенского Константинопольского собора (680–681 гг.) и конкретизирует наказание: «...державшие же от настоящего времени творить сие да подлежат епитимии по правилам» [25, с. 451]. Согласно 13 правилу VII Вселенского Никейского собора (787 г.) санкция за лишение монастырей собственности формулировалась следующим образом: «...сущих от священнического чина повелеваем извергати, а монахов или мирян отлучати яко осужденных от Отца, и Сына, и Святаго Духа, и да вчинятся, идеже червь не умирает, и огонь не угасает (Марк. 9:44). По неже они гласу Господню противятся, глаголющему: Не творите дому Отца моего домом купли (Иоан. 2:16)» [25, с. 691–692]. Эти нормы имелись в Кормчей 1653 г. и наверняка были известны царю и иерархам в начале XVIII века. Если предыдущие цари запрещали приобретать духовенству новые вотчины, то Петр I пошел на нарушение традиции и начал секуляризацию [1, с. 350–351; 27, с. 142].

А.А. Завьялов рассмотрел церковные и светские правовые нормы о праве церкви владеть движимым и недвижимым имуществом. Он показал, что по законам Юстиниана для отчуждения церковной и монастырской недвижимости требовалось: 1) «чтобы каждый раз на отчуждение издан был указ императора; 2) чтобы отчуждаемое имущество было возмещено другим; 3) чтобы отчуждаемое имущество употреблено было на общепользные нужды» [15, с. 19]. По мнению ученого «опыт секуляризации церковных имений не удался в Византии, как не удался он и в России в XVI в., не за отсутствием формального права на такое дело, а потому только, что не было достаточного повода к нему, а у светской власти недоставало силы и ясного понимания вещей» [15, с. 20]. Таким образом, А.А. Завьялов считает, что если «церковь существует в пределах государства», то последнее имеет право забирать церковное имущество, предоставив иные источники существования для церквей, монастырей и архиерейских кафедр [15, с. 21–22]. По

мнению ученого, деятельность Монастырского приказа при Петре I была направлена на упорядочение сбора налогов с церковных вотчин, а не на секуляризацию [15, с. 62]. Однако далее приводятся сведения о том, что из «состава церковных имений вышло» 6 407 дворов [15, с. 63].

Методы и материалы. И.А. Булыгин впервые рассмотрел комплекс документов, которые возникли в результате осуществления церковной реформы Петра I и отложились прежде всего в ф. 237 (Монастырский приказ) в РГАДА. С точки зрения исследователя «самую важную по значению и самую большую по количеству группу... представляют переписные книги, которые составлялись на владения каждого монастыря и архиерейского дома» [6, с. 33]. И.А. Булыгин составил перечень описей 1701–1705 г. [6, с. 311–325]. В него включены документы из РГАДА по истории 213 архиерейских домов, монастырей, пустынь и церквей, из Вологодской епархии упомянуты описания 11 обителей [РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 13, 14, 17, 18, 2125, 2734, 3638а, 40; Оп. 1. Ч. III. Ед. хр. 6375]. Однако не все описи монастырей и пустынь, которых к этому времени было в России около 700 [11, с. 535], были учтены в этой работе. М.С. Черкасова показала, что в Вологодской епархии переписи должны были подвергнуться 32 степенных и нестепенных монастыря, а их описи находятся не только в РГАДА, но и в ГАВО [30].

В последние десятилетия ученые исследуют и публикуют описи монастырей начала XVIII века. Н.В. Соколова проанализировала организационные принципы и практику проведения переписных работ в Нижегородском уезде [28]. А.Н. Говорова опубликовала опись Симоно-Воломского монастыря Устюжской епархии 1702 г. [12]. И.Н. Шамина осуществила серию публикаций описей вологодских монастырей начала XVIII в.: вышли в свет известные ранее описи Спасо-Иннокентиева Комельского монастыря 1701 г. [38], Григорьево-Пельшемского Лопотова 1701 г. [34] и не введенные до этого в научный оборот описи Троицкого Павлово-Обнорского монастыря 1701/02 г., [35] Успенской Семигородней пустыни 1702 г. [36], а также коломенских монастырей [37]. В 2011 г. коллективом исследо-

вателей под руководством М.С. Черкасовой были опубликованы описи начала XVIII в. Спасо-Каменного и Сямженского Евфимиева монастырей [20, с. 137–201, 248–260]. Н.В. Башнин выявил и опубликовал переписные книги Дионисиево-Глушицкого монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. [5].

И.А. Булыгину были известны описания владений трех архиерейских домов начала XVIII в.: Крутицкого (Сарский и Подонский), Белгородского и Тамбовского [6, с. 318]. А.Е. Виденеева выявила опись вотчины Ростовского архиерейского дома 1701–1702 гг., которая дошла в виде трех обширных фрагментов [10]. Публикаций описаний вотчин архиерейских домов начала XVIII в. не осуществлено.

В данной статье был применен метод текстологического анализа исследуемых источников. Кроме того, было проведено сравнение сведений из источников разного происхождения.

Анализ. В РГАДА среди материалов Монастырского приказа (ф. 237) хранятся переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах, а также приписных Антоньевой, Кохтожской пустынь и Николо-Мокрого монастыря 1701–1702 гг. [21]. Этот источник впервые в научный оборот ввел И.М. Покровский, который дает следующую ссылку: «Арх. Мин. Юст. по Мон. Прик. кн. № 53» [23, с. 7], она тождественна современному шифру «РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 53». Он отметил, что для переписи вотчин посылали «добрых» людей из царедворцев и, например, в Вологодской епархии производили перепись стольники Василий Кошелев, Андрей Вешняков, Иван Нелидов и Василий Богданович-Плохово [23, с. 7]. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, поскольку они / стольники проводили описание не в Вологодской епархии, а в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах. Разные переписчики описывали вотчины Вологодского архиерейского дома в пяти регионах страны, что говорит о поуездном принципе работ. И.М. Покровский переписные книги вотчин Вологодской кафедры 1701–1702 гг. в своем труде далее не привлекал.

В 1976 г. вышла монография Е.Н. Швейковской (Баклановой), построенная на докумен-

тальных материалах Вологодского архиерейского дома и Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVII – начала XVIII века. Она отметила, что в 1702–1703 гг. стольник В.И. Кошелев провел перепись архиерейских владений, основываясь на наказе, присланном в Вологду [2, с. 52]. Основное внимание Е.Н. Швейковская уделила переписи хозяйства Вологодской кафедры в Вологодском уезде, которая хранится в НИОР РГБ (самоназвание – «книги ведомостей» или «ведомости с перечнями по статьям») [9], а также привлекла опись вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии из РГАДА (самоназвание – «переписные книги») [2, с. 85].

Раскроем, в чем заключается различие этих источников. При составлении переписных книг вотчин Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг. внимание переписчиков было сконцентрировано на следующих объектах: населенные пункты, дворы крестьян и бобылей, мужское население этих дворов всех возрастов, церкви, их внешний вид и убранство. Программа переписи была зафиксирована в преамбуле [21, л. 74].

В переписи хозяйства (ведомостях) Вологодского архиерейского дома 1702–1703 гг. при описании сел приведены сведения о размерах домового запашки, величине денежных и натуральных сборов с крестьян, о количестве запасов в амбарах (хлеб, рыба, икра, масло), составлен перечень крестьян, которые взяли в долг хлеб с указанием поселения, имени должника и объема зерна. Переписчик зафиксировал денежный оброк, собираемый в архиерейскую казну с крестьянских мельниц и пустошей. По каждой из деревень в вотчине отмечены изменения в численности дворов от 1678 г. к 1702 г., размеры земельных угодий за каждым населенным пунктом обозначены по данным писцового описания 1628–1630 гг., а также учтено вытное обложение к 1702–1703 годам. Е.Н. Швейковская подчеркнула, что этот источник позволил выяснить «размер надела и тяжесть обложения каждого крестьянского двора» и «порайонное распространение в данной вотчине видов феодальной ренты и удельный вес (по числу отбывавших дворов) каждого из ее видов» [2, с. 53].

Для понимания обширной программы описания хозяйственных объектов в вотчинах

Вологодской кафедры приведем фрагмент преамбулы документа 1702–1703 гг.: «...домовым вотчинам, селам и деревням, что в них порознь крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам 186-го году и что в которой деревне прибыло ... по нынешней переписке [...] в селах, и в деревнях, и в пустошах по писцовым [...] и по дачам что четвертные пашни [...] и лесу, и всяких угодей, и что в которых [...] вытного тягла вытей и осмаков [...] и сколко в котором селе на архиерейской [...] пашут земли десятины и в прошлом [...] ржи и ярового [...] сотниц [...] из которые в умолоте [...] было ржи [...] ныне в житницах [...] хлеба по розписи и в тяглах [...] ржи и всяких столовых запасов, и что с которой вотчины по окладу крестьян денежных доходов, также столовых запасов, и конюшенных, и дворцовых [припа]сов во взятых бывает, и по сколку в архиерейской дом с мелниц оброчных помолных денег, и по сколку четвертей на которой мелнице [...] архиерейской расход и беспомолно мелют, также что бывает со всяких оброчных статей в приходе денежных доходов, и по сколку [...] масла коровья, грибов, груздей [...] столовых запасов, и в архи[ерейский...] почему бывает в росходе в церквах [...] на свечи, на воск, на вино [...] и домовых всяких чинов людям [...] денежного и хлебного жалованья [...] сажен в год в росходе [...] и что [...] к сенокосу [...] и полей в архиерейской дом сена коситца, и кто те сена косит, и что в нынешнем году накошено сена копен...» [9, л. 1–2].

Сравнение преамбул показывает, что перед переписчиками стояли разные задачи. При составлении переписных книг основной целью была подворная перепись населения архиерейских вотчин (с перечислением людей мужского пола всех возрастов), а значит, выяснение количества налогоплательщиков. Переписные книги церковных вотчин 1701–1702 гг. можно рассматривать как сокращенный вариант общероссийского кадастра. При составлении хозяйственной переписи (ведомостей) основной целью было выяснение источников и объемов доходов и расходов архиерейской кафедры. Проведем сравнение текстов двух источников начала XVIII в. на примере описания села Ивановского в Ракульской волости Вологодского уезда (табл. 1).

Приведенное сопоставление текстов показывает, что переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг. были первичными по отношению к переписи хозяйства (ведомостям) Вологодского архиерейского дома 1702–1703 годов. Очевидно, что сначала была проведена подворная перепись населения, а потом ее результаты сопоставили с предыдущим описанием 1678 г. по каждому населенному пункту. Приведенные выше цитаты из двух документов также показывают, что описание вотчины было сделано в традициях писцового делопроизводства XVI–XVII вв., а описание хозяйства (ведомости) представляет собой уже новый тип документа, в котором приводятся ответы на ряд поставленных вопросов, для этого привлекаются материалы семидесятилетней давности – писцовые книги 1627–1630 годов. Подобная ситуация, когда в одной книге переписывали материальные ценности и хозяйство, а в другой – вотчину, зафиксирована при описании монастырей и их владений [5; 34].

Для того чтобы проследить изменения в формуляре описания и влияние кадастровых документов на переписные книги архиерейских вотчин 1701–1702 гг., сравним, как писцы зафиксировали село Павловское в Лежском Волоке Вологодского уезда в писцовых и переписных книгах 1627–1630, 1646, 1678, 1702 гг. (табл. 2). Из таблицы 2 видно, что за 70 лет изменился формуляр описания вотчины, с 1640-х гг. не учитывались пашня, сенокос, лес. В 1678 и 1702 гг. учтены дворы и все мужское население, а также отмечены «сшедшие» люди. Формуляр переписных книг 1678 и 1702 гг. идентичен, при этом подворное сравнение показывает, что при составлении переписи 1702 г. переписная книга 1678 г. не использовалась, поскольку порядок перечисления дворов разный (табл. 2, столбцы 3 и 4). Заметим, что село Павловское в течение XVII в. превратилось из церковно-административного населенного пункта в деревню, где проживали крестьяне.

Описание погоста с двумя церквями в 1678 и 1702 гг. было отделено от деревни, которая выросла неподалеку от храмов, ниже сравним два описания храмовых комплексов (табл. 3).

Проведенное сравнение текстов описания Преображенского прихода на р. Сеянге

показало, что в 1678 г. писцы зафиксировали здания церквей и дворы причта с указанием жителей мужского пола, а в 1702 г. были описаны не только здания, но и внутренне убранство храмов (иконы, утварь, книги), а также дворы причта. Кроме того, в документе начала XVIII в. также есть сведения о храмовой собственности и церковном старосте, чего не было отмечено раньше. Замечу, что так подробно, как в 1702 г., описывали храмы во время дозоров 1610-х годов. Документов по Лежскому Волоку этого времени не известно, но выявлено описание Леонтьевского погоста в вотчине Глушицкого монастыря в дозорной книге 1615/16 г. [4, с. 1035–1036].

Для выяснения преемственности проживания сравним состав жителей деревни Павловское в Лежском Волоке Вологодского уезда по двум хронологическим срезам (табл. 4).

Из приведенного перечня дворов в деревне Павловское видно, что не менее чем в 5 случаях сохранялась семейная преемственность проживания в этом населенном пункте, но за 24 года появилось шесть дворов, очевидно, населенных вновь прибывшими людьми. Этот локальный пример показывает движение населения в вотчинах Вологодского архиерейского дома и подтверждает отмеченное в историографии явление внутривотчинной миграции и ухода за пределы вотчин зависимого населения до и после Соборного уложения 1649 г. [3; 14].

Кроме названных выше источников начало церковной реформы Петра I повлекло за собой появление описи казны Вологодского Софийского дома. Стольник В.И. Кошелев произвел перепись материальных ценностей и документов 3 июня 1701 года. Для того чтобы была понятна программа описания, приведем фрагмент преамбулы из переписной книги: «<...> стольник Василей Иванович Кошелев, приехав на Вологду в дом преосвященного Гавриила архиепископа Вологодского и Белозерского, а в нем ризницу, а в архиерейских казенных полатах приходные и расходные книги з 203-го году, также приписным монастырем и вотчинам окладные книги же, и золотые, и ефимки, и денги, и золотую, и серебряную, и оловяную, и медную посуду, и всякую казну жалованные грамоты, вкладные, и иные всякие вотчинные кре-

пости, и зделочные писма запечатал, и из печати по описным книгам, каковы подали за руками в ризнице ризничей протодьякон Стефан Автамонов, а в казне казначей монах Никандр, пересматривал, а в церквях Божиих святыя иконы окладные и неокладные, и церковные сосуды, и книги, и всякую церковную утварь переписывал <...> А серебряные церковные сосуды, а в казенных полатах серебряную же, и медную, и оловяную, и всякую посуду, и медь, и олово весил на вологодские таможенные и домовые весы» [17, л. 1]. Из этого текста видно, что переписчиков интересовали грамоты, обосновывающие право собственности, приходо-расходные книги и материальные ценности, которые хранились в архиерейском доме.

Результаты. Создание трех переписей (вотчины, хозяйства, казны) дало государству документы, на основании которых можно было составить полное представление о хозяйстве и имуществе Вологодского дома Св. Софии, поэтому согласимся с И.А. Булыгиным, который считал, что «в 1701–1705 гг. Петром I была проведена не частичная и временная, а фактически полная секуляризация церковных владений» [6, с. 20].

После составления описаний финансовую и хозяйственную деятельность Вологодской кафедры стали контролировать из Монастырского приказа во главе с И.А. Мусиным-Пушкиным [26, с. 236]. В результате этого приходо-расходные книги и другие хозяйственные документы 1702–1703 гг. пересылали в Москву, где они отложились в фонде этого учреждения в РГАДА [29, с. 199–416]. В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в коллекции Н.П. Лихачева также были выявлены три документа начала XVIII в. из архива Вологодского дома Св. Софии: 1) ведомости, составленные по памяти из Казенного приказа, о посевах и сборе хлеба в вотчинах Вологодского архиерейского дома и монастырей 1705 г. [8]; 2) ведомости о монастырях 1723 г. [7]; 3) окладная книга церковей Вологодской епархии 1724 г. (в этом источнике каждый храм идет под своим порядковым номером, но поскольку начало документа утрачено, то на л. 1 зафиксирована 46-я церковь, а последняя под номером 339 на л. 48 об.) [17].

Судя по ведомостям 1705 г., сбор хлеба контролировался «из Вологды из Казенного приказа», а память о составлении ведомостей в монастырях и архиерейской вотчине была прислана за скрепой Семена Герасимовича Брянчанинова. В ведомости 1705 г. занесены сведения о посеве, умолоте хлеба (рожь, ячмень, овес), отмечено наличие семян. Для контроля были предоставлены данные о хлебе в селах из архиерейской вотчины (в Засодимской волости – Стефановское, Григорьевское, Цыбоево; подгородных – Ананьино, Ивановское, Белое, Реброво), в монастырях (Павлове, Спасо-Каменном, Подольном, Арсеньеве Сахарусове, Успенском Песочном, Евфимьеве, Катромском, Сямском Рождества Богородицы, Глушицком), а также в пустынях (Арсеньевой на Маслене, Цывецкой, Николая Чудотворца Мокрой, Александро-Куштской, Репной, Семигородней, Спасской на Лому, Вондожской).

В литературе высказано мнение о постепенном возвращении монастырям вотчин (со ссылкой на законы 1718 и 1720 гг.) [26, с. 236]. Однако этот процесс в Вологодской епархии начался раньше. В ведомости о монастырях 1723 г. представлены данные с того момента, как к обителям вернули вотчины, а это ока-

зывается для Корнильева – 1713 г., Печенгского – 1710 г., Подольного – 1710 г., Инокентиева – 1713 г., Николаевского Озерского – 1713 г., Спасо-Нуромского – 1713 г., Дионисиево-Глушицкого – 1713 год.

Вологодскому архиерейскому дому Св. Софии вотчины вернули в 1713 году. Об этом становится известно из указа к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Иосифу от 8 июня 1713 года. Согласно этому документу «ему, архиерею, домовыми своими вотчинами <...> владеть <...> А комиссарам <...> не быть. А всякие тех вотчин с крестьян подати, также и с церковей данные, и всякие окладные и неокладные доходы собирать в его архиерейской дом по окладу сполна...» [24, № 2686]. В указе от 17 сентября 1716 г. также говорится о том, что с 1713 г. домовый вотчине на Лежском Волоке «быть в доме его архиерейском по-прежнему» [24, № 3038].

Таким образом, в результате церковной реформы Петра I возникло значительное количество документации, среди которой описания 1701–1703 гг. занимают особое место. Эти книги, по мнению Е.Н. Швейковской, подводят «итог состоянию вотчины в конце XVII в.» и служат «отправной точкой для XVIII в.» [2, с. 85].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Описание вотчин Вологодского архиерейского дома в документах 1701–1703 гг.

Table 1. Description of the patrimonies of the Vologda Bishop's house in the documents of 1701–1703

Переписные книги вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 19–23 об.)	Переписные книги (ведомости) хозяйства Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1702–1703 гг. (НИОР РГБ. Ф. 354. Ед. хр. 177. Л. 46–48 об., 103–104 об., 105)
За ним же, преосвященным архиепископом, вотчина в Вологодском же уезде в Ракулской волости на реке на Вологде село Ивановское з деревнями	Преосвященного Гавриила архиепископа <...> в вотчине в Вологодском уезде в Ракулской волости село Ивановское
–	И в нем по писцовым книгам писца Семена Коробьина да подьячево Федора Стогова 136-го и 137-го и 138-го годов четвертные пашни паханые и перелогом и хлебом поросло средние земли девяносто четей, а в дву по тому же. Около поль и по реке по Вологде [...] копен. [...] тягла и никаких податей [...] в том селе на архиерейской [...] дватцать пять десятин. [...] году посеяно было [...] в прошлом же 1701-м ярового хлеба оса посеяно было 85 четей, пшеницы посеяно было четь, ячмени посеяно было 5 четей. Ржи в ужи не 200 сотниц, в умолоте из сотницы по 3 [...] Итого 150 четей. [...] В житницах налицо всякого хлеба. Ржи 1025 четей с полуосминою. Овса 1202 чети с осминою. [...] Круп овсяных 5 четей с четвериком. Толкна четь с четвериком. Муки ржаной четь
А в нем церковь деревянная холодная во имя Иоанна Богослова, верх шатровой. В церкви Божия милосердия святых образов. Царские двери, и сень, и столбцы писаны на золоте. По правую сторону царских дверей образ Живоначальные Троицы, писан на золоте. Образ Иоанна Богослова. Венец серебряной резной. Образ <...>. Среди церкви паликадило медное маленькое. Пред Святителевым образом паликадило маленькое медное же. В олтари <...>. У царских дверей завеса крашенинная. Другая церковь теплая во имя Николая Чюдотворца деревянная же <...>. В трапезе. Образ Николая Чюдотворца в житии, писан на золоте <...>. Три лампы небольшие железа белого. Книг печатных в десть. Апостол. Псалтирь со воследованием <...>. Колоколя деревянная, на ней четыре колокола небольших, а по скаске церковного старосты Анички Никитина, весу в них десять пуд. У той церкви священник Иосиф Яковлев, родом Шуйского городка храму Воскресения Христова, священников сын, у него детей <...>	В то же село дают из домовою казны в церковь ладану по 2 фунта. Свеч восковых по 3 фунта. Церковного вина по четверте ведра
В том же селе двор архиепископль построен на приезде. На нем хоромного строения <...>	–

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

Переписные книги вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701– 1702 гг. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 19–23 об.)	Переписные книги (ведомости) хозяйства Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1702– 1703 гг. (НИОР РГБ. Ф. 354. Ед. хр. 177. Л. 46–48 об., 103–104 об., 105)
–	В том же селе в сушилах рыбы, икры, вязиги, масла коровья и семяного меду и иных столовых запасов нет. Того же села с принадлежащих деревень с крестьян денежных доходов и иных столовых запасов во взятъе никогда в то село не бывает. В том же селе никаких торжков, ярманок и оброчных мелниц нет. Про селской расход хлеба мелют того села крестьяня в домех своих по розвытке меж собою безпомолно. Ржы по 20 четей. На квас солоду ржаного и овсяного по 10 четей. [...] овсяных и толокна по 6 четей. [...] селе рыбных ловель нет. [...] оброчных статей в приходе [...]ходов в то село не бывает
Двор конюшенной, на нем хоромного строения: у ворот горница на жилом подклете, против горница же холодная, меж ими сени. На дворе же конюшном в нем четыре стойла, огорожен забором, кругом сарай. А в нем живет поселской старец Афонасий, да целовалник Васка Васильев, да повар Куска Семенов, родом того же села деревни Кишкина, крестьянской сын, на год ему дают из домовой казны на платье по рублю. В конюшне на стойле жеребец ворон, грива направо <...>. На дворе скота <...>. Живет на том дворе коровник Мануилка Никитин. На дворе скота <...>. Да в том же селе Ивановском два двора, живут в них конюхи: во дворе Васка Костянтинов, во дворе Васка же Иванов. А что поселскому старцу, и целовалнику, и конюхом, и коровнику денежного и хлебного жалованья из домовой казны дают, и где кто родился, и что у конюхов и у коровника детей и в каковы лета, и то писано в переписных домовых книгах домовыми архиерейскими людьми имянно	Того же села поселскому монаху преж сего было на год денежного жалованья 4 рубля. Целовальнику 3 рубля. Двум человеком конюхам 5 рублей 16 алтын 4 денги. Хлеба ржы 7 четей, овса то же. Коровнику 3 рубля. Хлеба ржы 4 чети, овса то же. Работнику 1 рубль
–	Про селской расход в росходе дров [...] сажень те дрова пороз[нь...] привозят в то село те же вышеписанные крестьяня. В то же село к пашне к сеннокосу подводы и работники бывают с тех же вышеписанных крестьян. Сена они косят. Для прекормления домowego скота в то же село. По берегу реки Вологды поставлено сена на тритцати на трех десятинах с полудесятиной 16 стогов, а в тех стогах 335 копен [...] возами 67. В дву полях поставлено сена на тритцати [...] десятине с полудесятиной [...]ст]огов [...] тех стогах 315 копен с [...]ями 63. К тому же селу для скотского выпуску пустоши <...>. Сена 30 копен. Лесу пашенного 2 десятины, а непашенного 3 десятины

Окончание таблицы 1

End of Table 1

<p>Переписные книги вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701– 1702 гг. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 19–23 об.)</p>	<p>Переписные книги (ведомости) хозяйства Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1702– 1703 гг. (НИОР РГБ. Ф. 354. Ед. хр. 177. Л. 46–48 об., 103–104 об., 105)</p>
<p>В том же селе Ивановском четыре анбара хлебных, а в них по скаске и по смете поселского старца Афонасия и целовалника Васки Васильева хлеба ржи пятьсот чети, овса шестьсот чети, пшеницы чети с три, ячмени чети с пяти. А тот-де вышписанной хлеб держат они про домовой расход. А болши того в том селе Ивановском никакова хлеба нет</p>	<p>–</p>
<p>–</p>	<p>К тому же селу крестьянских и бобыльских дворов порознь по переписным книгам 186-го году [...] после переписных книг 186-го году по ныне[шней] переписке столника Василья Кошелева [...] и то писано ниже сего</p>
<p>Деревня Ивашково, а в ней крестьян: во дворе Ларка Гаврилов, у него детей, Федка десяти лет, Никешка трех лет; во дворе Егорко Яковлев, у него брат Моисейко дватцати пяти лет, у Егорка сын Ивашко дватцати лет; во дворе Ивашко Савельев, у него детей, Алешка пятнатцати лет, Мишка десяти лет; во дворе Федка Григорьев, у него детей, Ивашка пятнатцати лет, Васка шти лет, Сенка дву лет; во дворе Митка Иванов; во дворе Лучка Иванов, у него сын Мишка, у Мишки сын Андрюшка пятнатцати лет; во дворе Стенка Гаврилов, у него детей, Гераска, Андрюшка даватцати лет, у Гераски сын Алешка полутрети года; во дворе Оска Никитин з братом Ларкою, у Оски сын Левка пятнатцати лет; во дворе Мишка Гаврилов, у него детей, Ларка дватцати четырех лет, Титко двенатцати лет, Ганка трех лет</p>	<p>Деревня, что было селцо Ивашково на речке на Долгуше, а в ней по переписным книгам 186-го году шесть дворов. А по нынешней переписке девять дворов. Прибыло три двора. По писцовым книгам и по дачам четвертные пашни паханые середние земли семь четей с осминой да перелогом пятнатцать четей, да лесом поросло дватцать пять четей в поле, а в дву по тому же. Сена сорок копен. Вытного окладу полторы выги</p>

Таблица 2. Описание села (деревни) Павловского в Лежском Волоке Вологодского уезда в писцовых и переписных книгах XVII – начала XVIII в.

Table 2. Description of Pavlovskoe village in Lezhsky Volok of Vologda region in census books of the 17th – early 18th century

1620 г. (по сотной грамоте 1624 г.)	1627–1630 гг.	1646 г.	1678 г.	1702 г.
Вологодцкого архиепископа в вотчине Лиской Волок, а в нем село Павловское на речке на Сеенге. А в нем во дворе архиепископль дворник да мелник Сенка Марков. Пашни паханные наездом <...>. Сена по реке <...>. Да у того же села на речке на Сеенге мельница немецкая, а в ней одне жерновы, мелет на архиепископа. Да того же села сенные покосы <...>. Лесу болшого у того села на десять верст	В Лежском Волоку вотчина Вологодского архиепископа село Павловское на речке на Сеянге, а в нем двор архиепископль. Пашни паханные наездом <...>. Сена по реке <...>. Да у того же села на речке на Сеенге мельница немецкая, а в ней одне жерновы. Да у того же села сенные покосы <...>. Леса болшаго у того села на десять верст	–	–	–
Погост на речке на Сеенге, а на погосте церковь боголепное Преображение, другая церковь теплая Никола Чюдотворец <...>. У церкви во дворе поп Иван <...>. Пашни церковные средние земли дватцать четей в поле, а в дву по тому же. Сена пятнатцать копен	Погост на реке на Сеенге, а на погосте церковь боголепное Преображение, другая церковь Николы Чюдотворца, обе древяны клетцкие <...>. У церкви служат поп Иван <...>. Пашни церковные средние земли дватцать чети в поле, а в дву по тому же. Сена пятнатцать копен	Вотчина преосвященнаго архиепископа Маркела Вологодцкого и Великопермского село Павловское на речке на Сеянге, а в нем погост Спаской, а на погосте церковь боголепное Преображение Господа нашего Исуса Христа древяна вверх клинчатая, другая церковь Николы Чюдотворца древяна клетцки. На погосте же: во дворе поп Ефрем Иванов с сыном с Любимком <...>	–	–

Окончание таблицы 2

End of Table 2

1620 г. (по сотной грамоте 1624 г.)	1627–1630 гг.	1646 г.	1678 г.	1702 г.
–	–	–	Деревня, что была селцо Павловское на речке на Сеенге, а в ней крестьян: во дворе Кондрашка Гурьев з зятем с Ывашком Потаповым, у Ивашка брат Абрашка, у Кондрашки пасынки Федка пятнатцати лет, Ивашко трех лет Ивановы дети, у Абрашки сын Алешка трех лет, у Ивашка Потапова пасынок Тимошка Иванов дватцати лет <...>	Деревня, что было селцо Павловское, на речке на Сеянге, а в ней крестьян: во дворе Борис Ильин, у него дети, Дмитрирей дватцати лет, Сергей девяти лет; во дворе Михайло Яковлев, у него сын Василей девяти лет; во дворе Сергей Карпов, у него брат Антипа дватцати лет, у Сергея детей, Яков двенатцати лет, Василей десяти лет, Андрей четырех лет <...>

Примечание. Источники: РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 2694. Л. 1; Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14727. Л. 45–47; Там же. Ед. хр. 14732. Л. 890 об.–892 об.; Там же. Ед. хр. 14733. Л. 116 об.–117; Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 53. Л. 129 об. – 130.

Note. Sources: Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), f. 281, dep. item 2694, l. 1; Ibid. f. 1209, inv. 1, dep. item 14727, l. 45–47; Ibid. dep. item 14732, l. 890 r.–892 r.; Ibid. dep. item 14733, l. 116 r.–117; Ibid. f. 237, inv. 1, part 1, dep. item 53, l. 129 r. – 130.

Таблица 3. Описание погоста в вотчине Вологодского архиерейского дома в 1678 и 1701–1702 гг.

Table 3. Description of the churchyard in the patrimony of the Vologda Bishop's house in 1678 and 1701–1702

Переписные книги Вологодского уезда 1678 г. (РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 14733. Л. 117 об.–118)	Переписные книги вотчины Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 78–82 об.)
Погост на реке на Сеянге, а на погосте церковь боголепного Преображения Господня деревянная клетчатая, да церковь Николая Чюдотворца теплая	В вотчине преосвященного архиепископа на Лежском же Волоку на речке Сеянге церковь холодная во имя благолепного Преображения Господня клинчатая. А в ней Божия милосердия святых образов. Двери царские, сень, и столбцы, и корона резные золочены. По правую сторону царских дверей месных образов. Образ Преображения Господня <...>. Пред царскими дверьми паликадило медное о двенадцати ручках, у паликадила внизу астрахакамилово яйцо, обложено медью, у яйца кисть разных шелков. В олтари <...>. Ризы отлас червчатой <...>. У царских дверей завеса крашенинная, пелена выбойчатая, на ней крест крашенинной. Завеса выбойчатая, ветха. Книг печатных в десть. Евангелие толковое. Апостол. Псалтырь со воследованием <...>. Другая церковь теплая во имя Николая Чюдотворца. А в ней Божия милосердия святых образов <...>. На монастыре же колоколя рублена в брус. На ней четыре колокола, весу в тех колоколах, по скаске той церкви попа Василия, тритцать два пуда дватцать пять фунтов. За монастырем у тех церквей святые врата рубленные, ограда бревенная, невысокая
Да на погосте же: во дворе поп Полиект Ефремов, у него детей Федка пяти лет, Васка четырех лет, да у него же племянники Ивашка Андреев десяти лет, Наумка Никитин двенадцати лет <...>	У тех же церквей: во дворе поп Василей, у него брат диакон Иван Полиектовы, родом они того же прихода, поповы дети, у них же племянник Алексей Федоров осми лет; во дворе поп Иван Полиектов, у него дети, Василей полугоду, родом тое же церкви попов сын; во дворе поп Иван Андреев, у него сын Василей, году, родом он тое же церкви попов сын <...>
–	По скаске их, попа Ивана с причетники, у тех церквей сколко пашни церковные земли и сенных покосов, того они сказать не упомянут <...>
–	Церковной староста домовый же вотчины крестьянин деревни Бродина Лука Дорофеев, написан он, староста, в переписных книгах в той же деревне Бродине. По скаске ево, старосты Луки Дорофеева, в зборе у него денег и хлеба ничего нет

Таблица 4. Состав дворов в деревне Павловское с указанием преемственности проживания по переписным книгам 1678 и 1702 гг.

Table 4. Structure of courtyards in Pavlovskoe village with indication of the continuity of residence according to census books of 1678 and 1702

№ п/п	1678 г.	1702 г.
1	Во дворе Кондрашка Гурьев з зятем с Ивашком Потаповым *, у Ивашка брат Абрашка, у Кондрашки пасынки Федка пятнатцати лет, Ивашко трех лет Ивановы дети, у Абрашки сын Алешка трех лет, у Ивашка Потапова пасынок Тимошка Иванов дватцати лет	Двор пуст Ивана Патапова , у него сын Алексей дву лет, сшел в мир безвесно в прошлом 1701-м году
2	Во дворе Ивашка Петров з детьми Ивашко, Илейка, Федька осьмнатцати лет, у Ивашка детей, Ефтюнка пяти лет, Петрунка трех лет, Васка дву лет	Во дворе Иван Петров , у него внучата, Аника Ильин, Иван Федоров девяти лет, у Аники сын Кирил трех лет
3	Во дворе Васька Обросимов , у него сын Ерофейка, у Ерофейка детей, Алешка осми лет, Гаврилко трех лет	Во дворе Яков Васильев , у него дети, Иван, Федор, у Ивана сын Исак полутора году, у Федора сын Андрей году
4	Во дворе Илейка Яковлев , у него брат Андрюшка, у Илейки детей , Бориско двенатцати лет, Федка трех лет, Гришка десяти лет, у Андрюшки детей, Ивашко семи лет, Сенка трех лет, у них же, у Илейки и у Андрюшки, племянник Ивашко Лукин четырех лет да двуюродной их брат Ивашка Леонтьев, у него детей Сенка осьмнатцати лет, Естефейка одиннатцати лет	Во дворе Борис Ильин , у него дети, Дмитрий дватцати лет, Сергей девяти лет Во дворе Григорей Ильин , у него брат Федор дватцати лет, у Григорья сын Илья семи лет Во дворе Борис Ильин , у него сын Федор четырех лет
5	Во дворе Карпунка Иванов , у него детей Сергунка , Ефремка дватцати лет, Конка пяти лет, Илейка дву лет	Во дворе Сергей Карпов , у него брата Антипа дватцати лет, у Сергея детей, Яков двенатцати лет, Василей десяти лет, Андрей четырех лет
6	Во дворе Илейка Марков, у него сын Бориска дватцати лет	–
7	Во дворе Васка Софонов, у него брат Нестерко	–
8	Во дворе Якунка Василев, у него детей, Мишка осми лет, Демка четырех лет, Ивашка дву лет	–
9	–	Во дворе Михайло Яковлев, у него сын Василей девяти лет
10	–	Двор пуст Тимофея Иванова, у него детей, Тит полутретья году, Иван полугоду, сшел в мир безвесно в прошлом 1700-м году
11	–	Во дворе Михайло Прокофьев
12	–	Во дворе Иван Лукьянов
13	–	Во дворе Иван Левонтьев, у него сын Евсей, у Евсевья дети, Семен десяти лет, Дмитрий пяти лет
14	–	Во дворе Федор Митрофанов, у него сын Алексей трех лет, у него же живет бобыль Алексей Филипов дватцати лет, безпахотной, кормитца в мире

Примечания. Источники: РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 14733. Л. 116 об.–117; Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 53. Л. 129 об. – 130. * – имена родственников или одних и тех же людей выделены полужирным шрифтом.

Notes. Sources: Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), f. 1209, dep. item 14733, l. 116 r.–117; Ibid. f. 237, inv. 1, dep. item 53, l. 129 r. – 130. * – names of relatives or the same people are given in bold.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с.
2. Бакланова, Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. / Е. Н. Бакланова. – М. : Наука, 1976. – 221 с.
3. Башнин, Н. В. «Шсел в Сибирь»: миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в. / Н. В. Башнин // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 127–145.
4. Башнин, Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты / Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2016. – 1298 с.
5. Башнин, Н. В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. / Н. В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3–4 (31–32). – С. 139–177.
6. Булыгин, И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века / И. А. Булыгин. – М. : Наука, 1977. – 327 с.
7. Ведомости о монастырях 1723 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Кол. 238. – Оп. 2. – Картон 318. – Ед. хр. 2.
8. Ведомости о посевах и сборе хлеба в вотчинах Вологодского архиерейского дома и монастырей 1705 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 238. – Оп. 2. – Картон 318. – Ед. хр. 1.
9. Ведомости о хозяйстве Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1702–1703 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 354. – Ед. хр. 177. – Л. 1–654.
10. Виденеева, А. Е. О новом источнике по истории землевладения Ростовского архиерейского дома рубежа XVII–XVIII веков / А. Е. Виденеева // Уваровские чтения II. – М. : ИВФ Антал, 1994. – С. 90–92.
11. Водарский, Я. Е. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.) / Я. Е. Водарский, Э. Г. Истомина. – М. : ИРИ РАН, 2009. – 546 с.
12. Говорова, А. Н. Житие преподобномученика Симона Воломского / А. Н. Говорова // Вестник церковной истории. – 2008. – № 4 (12). – С. 53–57.
13. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. / З. В. Дмитриева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 343 с.
14. Дмитриева, З. В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в. / З. В. Дмитриева, Н. В. Башнин // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2012. – С. 113–123.
15. Завьялов, А. А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II / А. А. Завьялов. – СПб. : Тип. А. П. Лопухина, 1900. – 400 с.
16. Никольский, Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в XV веке / Н. К. Никольский. – СПб. : Синодальная тип., 1897. – 328 с.
17. Окладная книга церквей Вологодской епархии 1724 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 238. – Оп. 2. – Картон 318. – Ед. хр. 3.
18. Опись казны Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1702 г. // Государственный архив Вологодской области. – Ф. 883. – Оп. 1. – Ед. хр. 238. – Л. 1–112 об.
19. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 380 с.
20. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты. – Вологда : Древности севера, 2011. – 495 с.
21. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 237. – Оп. 1. – Ед. хр. 53. – Л. 1–253.
22. Переписные книги Кандалакшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша XVIII века / подгот. текстов и исслед. С. А. Никонов, Л. В. Пушкина. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019. – 304 с.
23. Покровский, И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования / И. М. Покровский. – Казань : Центральная тип., 1913. – Т. 2 (XVIII в.). – 892 с.
24. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V. – 1115 с.
25. Правила святых Вселенских соборов с толкованиями. – М. : Сибирская благовонница, 2011. – 737 с.
26. Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
27. Седов, П. В. «Все-де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I / П. В. Седов // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 122–142.
28. Соколова, Н. В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в.: Опыт реконструкции (на материалах

Нижегородского уезда) / Н. В. Соколова // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. – Калининград : Рос. гос. гуманитар. ун-т им. Иммануила Канта, 2008. – С. 44–60.

29. Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2018. – 896 с.

30. Черкасова, М. С. Государственная ревизия вологодских монастырей в начале XVIII в. / М. С. Черкасова // Управление и экономика: опыт, теория, практика : материалы науч. конф. (г. Вологда, 10–11 апр. 2009 г.). – Вологда : СЗАГС, 2009. – С. 132–145.

31. Черкасова, М. С. К характеристике монастырских архивов России XVI–XVII вв. (Ч. 2) / М. С. Черкасова // Археографический ежегодник за 2004 г. – М. : Наука, 2005. – С. 30–45.

32. Черкасова, М. С. Об эволюции комплекса монастырских описных книг в XV–XVI вв. / М. С. Черкасова // VII Ушаковские чтения : сб. науч. ст. – Мурманск : МГПУ, 2011. – С. 206–218.

33. Черкасова, М. С. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: из истории практического архивоведения на севере России в конце XVII в. / М. С. Черкасова // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. – 2011. – № 12 (74) / 11. – С. 117–130.

34. Шамина, И. Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII века / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2011. – № 3–4 (23–24). – С. 30–63.

35. Шамина, И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1–2 (17–18). – С. 17–107.

36. Шамина, И. Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1–2 (45–46). – С. 99–111.

37. Шамина, И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3–4 (47–48). – С. 96–226.

38. Шамина, И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1–2 (13–14). – С. 26–99.

2. Baklanova E.N. *Krestyanskiy dvor i obshchina na Russkom Severe. Konets XVII – nachalo XVIII v.* [Peasant Yard and Community in the Russian North. Late 17th – Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 221 p.

3. Bashnin N.V. «Sshel v Sibir»: migratsiya naseleniya yarenskoy votchiny Vologodskogo arkhieyreyskogo doma v XVII v. [“Went to Siberia”: Migration of the Population of the Yarensky Patrimony of the Vologda Bishops House in the 17th Century]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2019, no. 1, pp. 127–145.

4. Bashnin N.V. *Dionisievo-Glushitskiy monastyr i ego arkhiv v XV–XVII vv.: issledovanie i teksty* [Dionysian-Glushitsky Monastery and Its Archive in 15th – 17th Centuries: Research and Texts]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkhео Publ., 2016. 1298 p.

5. Bashnin N.V. Dokumenty iz arkhiva Dionisieva Glushitskogo monastyrya: opis imushchestva i stroeniy 1701 g., perepisnye knigi votchiny 1702 g. [Documents from the Archives Dionissiev Glushitskii Monastery: An Inventory of the Property and Buildings 1701, Census Books Fiefdoms 1702]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2013, no. 3–4 (31–32), pp. 139–177.

6. Bulygin I.A. *Monastyrskie krestyane Rossii v pervoy chetverti XVIII veka* [Monastic Peasants of Russia in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 327 p.

7. Vedomosti o monastyryakh 1723 g. [Statements About Monasteries in 1723]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 238, inv. 2, cart. 318, dep. item 2.

8. Vedomosti o posevakh i sbore khleba v votchinakh Vologodskogo arkhieyreyskogo doma i monastyrey 1705 g. [Statements About Crops and Collecting Bread in Patrimony of the Vologda Bishops House and Monasteries in 1705]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 238, inv. 2, cart. 318, dep. item 1.

9. Vedomosti o khozyaystve Vologodskogo arkhieyreyskogo doma Sv. Sofii 1702–1703 gg. [Statements About the Economy of the Vologda Bishops House of St. Sofia 1702–1703]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian State Library], f. 354, dep. item 177, l. 1–654.

10. Videneeva A.E. O novom istochnike po istorii zemlevladieniya Rostovskogo arkhieyreyskogo doma rubezha XVII–XVIII vekov [About the New Source on the History of Land Ownership of the Rostov Bishops House of the Turn of 17th – 18th Centuries].

REFERENCES

1. Anisimov E.V. *Vremya petrovskikh reform* [Time of Peters Reforms]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 496 p.

Uvarovskie chteniya II [Uvarov Readings II]. Moscow, IVF Antal Publ., 1994, pp. 90-92.

11. Vodarskiy Ya.E., Istomina E.G. *Pravoslavnye monastyri Rossii i ikh rol v razvitii kultury (XI – nachalo XX v.)* [Orthodox Monasteries of Russia and Their Role in the Development of Culture (11th – Early 20th Century)]. Moscow, IRI RAN, 2009. 546 p.

12. Govorova A.N. *Zhitie prepodobnomuchenika Simona Volomskogo* [The Life of the Monk Simon Volomsky]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2008, no. 4 (12), pp. 53-57.

13. Dmitrieva Z.V. *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XVI–XVII vv.* [Tax and Inventory Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 16th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 343 p.

14. Dmitrieva Z.V., Bashnin N.V. *O migratsii naseleniya monastyrskikh votchin v XVII v.* [On the Migration of the Population of Monastic Fiefdoms in the 17th Century]. *Aktualnye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya: materialy XXXII sessii simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Current Problems of Agricultural History of Eastern Europe in the 10th – 21st Centuries: Sources and Research Methods. Proceedings of the 32nd Session of the Symposium on Agricultural History of Eastern Europe]. Ryazan, Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet im. S.A. Esenina, 2012, pp. 113-123.

15. Zavyalov A.A. *Vopros o tserkovnykh imenyakh pri imperatritse Ekaterine II* [Question of Church Estates Under Empress Catherine II]. Saint Petersburg, Tipografiya A. P. Lopukhina, 1900. 400 p.

16. Nikolskiy N.K. *Opisanie rukopisey Kirillo-Belozerskogo monastyrya, sostavlennoe v XV veke* [Description of Manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery Compiled in the 15th Century]. Saint Petersburg, Sinodalnaya tipografiya, 1897. 328 p.

17. Okladnaya kniga tserkvey Vologodskoy eparkhii 1724 g. [Salary Book of Churches of the Vologda Diocese 1724]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 238, inv. 2, cart. 318, dep. item 3.

18. Opis kazny Vologodskogo arkhieyskogo doma Sv. Sofii 1702 g. [Inventory of the Treasury of the Vologda Bishops House of St. Sofia 1702]. *Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti* [State Archive of Vologda Region], f. 883, inv. 1, dep. item 238. l. 1-112r.

19. *Opis stroeniy i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1601 goda: Kommentirovannoe izdanie* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601: Commented Edition]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998. 380 p.

20. *Perepisnye knigi vologodskikh monastyrey XVI–XVIII vv.: Issledovanie i teksty* [Inventory Books of Vologda Monasteries of 16th – 18th Centuries: Research and Texts]. Vologda, Drevnosti severa Publ., 2011. 495 p.

21. *Perepisnye knigi votchin Vologodskogo arkhieyskogo doma Sv. Sofii 1701–1702 gg.* [Inventory Books of the Patrimonies of the Vologda Bishops House of St. Sofia of 1701–1702]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 237, inv. 1, dep. item 53, l. 1-253.

22. *Perepisnye knigi Kandalakshskogo Prechistskogo monastyrya i tserkvi Ioanna Predtechi sela Kandalaksha XVIII veka* [Census Books of Kandalaksha Prechistensky Monastery and the Church of John the Baptist of Village Kandalaksha of 18th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2019. 304 p.

23. Pokrovskiy I.M. *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely. Opyt tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya* [The Russian Diocese in the 16th – 19th Centuries, Their Discovery, Composition and Limits. Experience of Church Historical, Statistical and Geographical Research]. Kazan, Tsentralnaya tipografiya, 1913, vol. 2 (XVIII c.). 892 p.

24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g.* [Full Corpus of Russian Imperial Acts]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830, vol. 5. 1115 p.

25. *Pravila svyatykh Vselenskikh soborov s tolkovaniyami* [Rules of Saint Oecumenical Councils with Explanations]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa Publ., 2011. 737 p.

26. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodox: Markers of History]. Moscow, Politizdat, 1989. 719 p.

27. Sedov P.V. «Vse-de nyne gosudarevo»: traditsii i novatsii v tserkovnoy reforme Petra I [All Is Now to Tsar: Tradition and Innovation in Peters I Reform]. *Fenomen reform na zapade i vostoche Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): sb. st* [Phenomenon of Reforms in the West and East of Europe at the Beginning of the Modern Age (16th – 18th Centuries). Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. pp. 122-142.

28. Sokolova N.V. *Opisanie tserkovno-monastyrskikh vladeniy v protsesse sekulyarizatsii nachala XVIII v.: Opyt rekonstruktsii (na materialakh Nizhegorodskogo uezda)* [Description of Church and Monastery Lands During Secularization in the Early 18th Century: Experience of Reconstruction on Materials of Nizhny Novgorod Uyezd]. *Severo-Zapad v agrarnoy*

istorii Rossii: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr. [North-West in the Agrarian History of Russia. Interuniversity Issue-Related Collection of Scientific Works]. Kaliningrad, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet im. Immanuila Kanta, 2008, pp. 44-60.

29. Bashnin N.V., ed. *Khozyaystvennyye knigi Vologodskogo arkhieyreyskogo doma Svyatoy Sofii XVII – nachala XVIII v.* [Economy Books of Vologda Archbishop House of St Sofiya of the 17th – Early 18th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2018. 896 p.

30. Cherkasova M.S. Gosudarstvennaya reviziya vologodskikh monastyrey v nachale XVIII v. [State Control of Vologda Monasteries in the Early 18th Century]. *Upravlenie i ekonomika: opyt, teoriya, praktika: materialy nauch. konf. (g. Vologda, 10–11 apr. 2009 g.)* [Management and Economy: Experience, Theory, Practice. Proceedings of the Scientific Conference (Vologda, April 10–11, 2009)]. Vologda, SZAGS, 2009, pp. 132-145.

31. Cherkasova M.S. K kharakteristike monastyrskikh arkhivov Rossii XVI–XVII vv. (Ch. 2) [Toward the Characteristic of Monastery Archives in Russia in the 16th – 17th Centuries]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2004 g.* [Archaeographic Yearbook for 2004]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 30-45.

32. Cherkasova M.S. Ob evolyutsii kompleksa monastyrskikh opisnykh knig v XV–XVI vv. [About the Evolution of the Complex of Monastery Inventory Books in the 15th – 16th Centuries]. *VII Ushakovskie chteniya: sb. nauch. st.* [Ushakov Readings. Collection of Scientific Articles]. Murmansk, 2011, pp. 206-218.

33. Cherkasova M.S. Perepisnaya kniga Ustyuzhskoyeparkhii 1696/97 g.: iz istorii prakticheskogo

arkhivovedeniya na severe Rossii v kontse XVII v. [Inventory Book of Ustug Eparchy 1696/97: About History of Practical Archive in Russian North in the End of 17th Century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Istoriografiya, istochnikovedenie, metody istoricheskikh issledovaniy*, 2011, no. 12 (74)/11, pp. 117-130.

34. Shamina I.N. Dokumenty po istorii Grigorieva Pelshemskogo monastyrya XVII – nachala XVIII veka [Documents by History of Grigoriev Pelshemskii Monastery in 17th – Early 18th Century]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2011, no. 3-4 (23-24), pp. 30-63.

35. Shamina I.N. Opis imushchestva vologodskogo Pavlova Obnorskogo monastyrya 1701–1702 godov [Inventory Book of Vologda Pavlov Obnorskii Monastery 1701–1702]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2010, no. 1-2 (17-18), pp. 17-107.

36. Shamina I.N. Perepisnaya kniga Uspenskoj Semigorodney pustyni Vologodskogo uezda 1702 g. [Inventory Book of Uspenskaya Semigorodnyaya Pustyn in Vologda Region 1702]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2017, no. 1-2 (45-46), pp. 99-111.

37. Shamina I.N. Perepisnye knigi kolomenskikh Spaso-Preobrazhenskogo, Golutvina, Bobreneva i Brusenskogo monastyrey 1701 g. [Census Books of the Kolomna Spaso-Preobrazhensky, Golutvin, Bobrenev and Brusensk Monasteries of 1701]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2017, no. 3-4 (47-48), pp. 96-226.

38. Shamina, I. N. Prepodobnyy Innokentiy Komelskiy i osnovannyi im monastyr [St. Innokentii of Komela and His Monastery]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2009, no. 1-2 (13-14), pp. 26-99.

Information About the Author

Nikita V. Bashnin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science, Petrozavodakaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

Информация об авторе

Никита Викторович Башнин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.11>

UDC 94(47.5)
LBC 63.3(235.55)

Submitted: 03.03.2019
Accepted: 29.05.2019

POLICE REFORM OF 1862 IN THE URALS

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russian Federation

Abstract. Introduction. The object of this study is the police reform of 1862. The subject is the course of its implementation in the Ural region. The purpose of the article is to analyze the transformations carried out in the general police of the Ural provinces in the 1860s. The geographical scope of the study is limited to Vyatka, Orenburg, and Perm provinces. *Methods and materials.* The modernization theory was chosen as an average level methodology. The methods of the research are historical-genetic, historical-comparative and historical-systemic. Besides, the discursive approach was chosen to understand the sources of the research better. *Analysis.* By the law of 1862, city police was united with county police under the authority of a single leader called county police officer. Only Vyatka, Orenburg, Perm, Ufa and Yekaterinburg retained independent city police. The police staff introduced by the law of 1862 was insufficient, primarily due to the liquidation of the police of the Ministry of Finance and the police of the Military Ministry in factory districts and mines. The real process of strengthening the Ural police lasted for years or even decades. The Mining Department tried to maintain some degree of control over the police in the region. *Results.* It was concluded that in the confrontation with the Mining Department for the full control over the police of the region, the provincial authorities managed to win an almost complete victory. At the same time the provincial authorities underestimated the need to professionalize the police, often giving preference to Cossack units.

Key words: Great reforms, Vyatka province, Orenburg province, Perm province, police history.

Citation. Ryazanov S.M. Police Reform of 1862 in the Urals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 131-140. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.11>

УДК 94(47.5)
ББК 63.3(235.55)

Дата поступления статьи: 03.03.2019
Дата принятия статьи: 29.05.2019

ПОЛИЦЕЙСКАЯ РЕФОРМА 1862 г. НА УРАЛЕ

Сергей Михайлович Рязанов

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Объектом настоящего исследования является полицейская реформа 1862 г., а предметом – ход ее реализации в уральском регионе. Цель статьи – анализ преобразований, проводимых в общей полиции уральских губерний в 60-е гг. XIX века. *Методы и материалы.* В качестве методологии среднего уровня выбрана теория модернизации. Для достижения поставленной цели использованы историко-генетический, историко-компаративистский и историко-системный метод, а также дискурсивный подход для лучшего понимания источников исследования. *Анализ.* В ходе исследования выяснено, что введенные по закону от 25 декабря 1862 г. штаты полиции оказались недостаточными, прежде всего в связи с ликвидацией полиции Министерства финансов и Военного министерства в заводских округах и на приисках. *Результаты.* Сделан вывод о том, что в противостоянии с Горным департаментом за полный контроль над полицией региона губернской власти удалось одержать почти полную победу.

Ключевые слова: Великие реформы, Вятская губерния, Оренбургская губерния, Пермская губерния, история полиции.

Цитирование. Рязанов С. М. Полицейская реформа 1862 г. на Урале // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 131–140. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.11>

Введение. 19 февраля 1861 г. Александром II был выпущен Манифест «О Всемилоштивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». 8 марта 1861 г. от крепостной зависимости было освобождено горнозаводское население Урала и ряда других регионов. Данные нормативные акты, изменившие социально-правовой статус более трети населения Российской империи, потребовали дальнейших преобразований. И следующей реформой стала не земская или судебная, а полицейская. Данная «малая» реформа и составляет объект настоящего исследования.

Современные исследователи оценивают реформу 1862 г. достаточно позитивно. «Временные правила подвели черту под существованием выборного начала уездной полиции... – отмечал Ю.П. Тот. – В соответствии с указом 1862 г. выборный принцип распространялся только на заседателей полицейского управления и низших полицейских служащих... Исправника, его помощника и станových приставов назначал губернатор» [29, с. 19]. А.Ю. Закиматова в качестве результата преобразований видела «специализацию полицейской деятельности, ликвидацию раздробленности в организации органов полиции, поднятие ее авторитета в глазах населения» и т. д. [3, с. 21].

Однако представляется, что для лучшего понимания реформы следует обратиться к более детальному анализу ее практической реализации на местах. Географически исследование охватывает Уральский регион, который на момент начала преобразований состоял из трех губерний: Вятской, Пермской и Оренбургской. В 1865 г. из Оренбургской была выделена Уфимская губерния. Целью данной статьи является анализ преобразований, проводимых в общей и горной полиции Урала в 1860-е годы.

Число преступлений было в рассматриваемый период невелико. Например, в Вятской губернии в 1864 г. по официальным данным было совершено всего 2 162 преступных деяния при общей численности жителей бо-

лее 2,2 млн [25, с. 128, 217]. Конечно, учитывая несовершенство криминальной статистики тех лет и огромную долю латентных правонарушений, вряд ли эта цифра отражала действительное положение вещей. В то же время официальная статистика демонстрировала объективную тенденцию к небывалому росту преступности, ведь всего 6 лет назад, в 1858 г., в губернии регистрировалось почти в 2 раза меньше криминальных деяний – 1 267 [24, с. 321]. Причины этого «скачка» крылись как в ускорении темпов модернизации российского общества, вызванных отменой крепостного права, так и в недочетах самой полицейской реформы, о которых пойдет речь ниже. К этому стоит добавить, что, несмотря на «Великие реформы» 1864 г. и последующие, на протяжении всего имперского периода полиция продолжала выполнять множество административных функций, что в изменившихся социально-экономических условиях также вело к увеличению ее работы.

Методы и материалы. В качестве методологии среднего уровня использована теория модернизации. В рамках этой теории существует множество вариаций, но к российским реалиям 60-х гг. XIX в. более всего адаптирована концепция Б.Н. Миронова, обозначившая началом модернизации в России 30-е гг. XIX в. и рассматривающая «Великие реформы» как «мощный толчок» для придания многомерности и глубины этому процессу [6, с. 17]. Для того чтобы смягчить нивелирующее влияние теории модернизации, в статье были использованы отдельные положения цивилизационного подхода, признающего историческое своеобразие России.

Основную опору исследования составили традиционные методы исторической науки. Историко-генетический метод служил для описания изменений, происходящих в общей полиции Урала в 1860-е годы. Историко-компаративистский метод необходим в первую очередь для сравнения ситуации в Вятской, Оренбургской и Пермской губерниях в указанных хронологических рамках. И, наконец, историко-системный подход позволил рассмот-

реть представленные события как часть целостного процесса модернизации России.

Несмотря на то что реализация реформы 1862 г. во всех уральских губерниях, кроме Пермской, в той или иной степени уже проанализирована в монографических трудах [28; 31], в настоящей статье удалось получить новые наблюдения, основываясь на архивной делопроизводственной документации, прежде всего из фонда Департамента полиции исполнительной. При работе с делопроизводственными материалами историк обычно ограничивается внутренней и внешней критикой источника. Однако французская исследовательница С. Регнард предложила взглянуть на полицейские документы под иным углом. В своей работе «Рост города и полицейская реформа в Марселе (1855–1908)» она заметила, что на протяжении более полувека через все донесения полиции красной нитью проходит идея кризиса и неспособности нести обязанности в настоящих условиях. Хотя ситуация, даже в самых бойких местах Урала, была несравнима с Марселем, рапорты местных руководителей полиции и губернаторов буквально проникнуты тем, что С. Регнард называет «кризисным дискурсом» [33]. Из рапортов полицейских руководителей и отношений губернаторов складывается устойчивое ощущение, что реформа 1862 г. обернулась для Урала настоящей кадровой (!) катастрофой, от которой она в дальнейшем так и не смогла до конца оправиться. По всей видимости, к российскому полицейскому делопроизводству также применимы слова С. Регнарда: «...Оставив за скобками вопрос его реальности, кризис представляется, прежде всего, дискурсом, развиваемым различными противоборствующими сторонами, чтобы усилить свои собственные позиции, придать больше веса своим аргументам или ускорить реформы» [33, р. 263]. Таким образом, для лучшего понимания полицейской документации представляется разумным осуществлять его не только при помощи методов «традиционного источниковедения», но и учитывая наличие в текстах определенного дискурса.

Анализ. По указу 1862 г. и приложенным к нему штатам городская полиция во всех губерниях упразднялась. Города и уезды оказывались под началом одного руководителя –

уездного исправника, назначаемого губернатором. Упразднение выборности исправников давно осознавалось руководством страны, в частности, сенатор Ф.П. Ключарев ратовал за это еще в 1817 г. [30, с. 89]. Собственную городскую полицию, возглавляемую полицмейстером, сохранили на Урале только губернские центры (Вятка, Пермь, Уфа), а также Оренбург, на тот момент имевший статус уездного города одноименной губернии [2, с. 543]. При этом полученные в результате преобразований штаты городской полиции сразу же не устроили местные власти. Согласно реформе 1862 г. во всех без исключения уездах, «по общему учреждению управляемых», вводилась должность помощника исправника, тогда как должность помощника полицмейстера учреждалась лишь в наиболее крупных городах. Ни один из уральских городов такого статуса удостоен не был. В связи с этим вятский губернатор В.Н. Струков уже летом 1863 г. предложил «в видах значительного населения города Вятки и обширного затем делопроизводства» ввести в городе должность помощника полицмейстера, упразднив для этого должность помощника вятского уездного исправника [13, л. 19–19 об.]. Данное предложение прямо противоречило как «букве», так и «духу» «Временных правил», направленных на усиление уездной полиции, а потому, несмотря на отсутствие каких-либо дополнительных затрат со стороны государства, не могло быть реализовано центральными властями. Однако сам характер просьбы со всей очевидностью говорит о том, что для Урала реформа полиции «опережала время», если даже в одном из наиболее близких к европейской части России уездов не было необходимости в должности помощника исправника. В том же 1863 г. с просьбой учреждения должности помощника полицмейстера и третьего частного пристава в г. Перми, в Министерство внутренних дел обратился пермский губернатор. Поводом послужило присоединение на основании закона от 25 декабря 1862 г. к г. Перми Мотовилихи и ряда других близлежащих селений, что увеличило население губернского центра до 20 тыс. чел. [18, л. 63 об.]. В то же время оренбургские власти сначала удовлетворялись существующими городскими штатами. С просьбой перевести Оренбургское го-

родское полицейское управление в 1-й разряд с установлением городе должности помощника полицмейстера оренбургский гражданский губернатор обратился к генерал-губернатору лишь в начале 1867 г., после превращения Оренбурга в губернский центр и резкого возрастания населения города [16, л. 73]. Практическая реализация усиления городской полиции Урала в связи с недостаточностью средств казны затянулась на десятилетия. Например, в г. Перми просимые должности помощника полицмейстера и третьего городского пристава были введены только 27 января 1903 г. [8], когда население города увеличилось более чем вдвое, а объем делопроизводства, вероятно, возрос еще в большей пропорции по отношению к 1863 году. В связи с этим неминуемо встает вопрос: действительно ли так необходимы были эти должности в 1863 г., если пермская полиция смогла просуществовать без них, пусть и с неизбежными издержками, почти 40 лет?

Тем не менее не подлежит сомнению, что реформа, направленная на усиление уездной полиции, прежде всего ее чиновничьего состава, одновременно вызвала ослабление городских полицейских команд. Так, даже поначалу в несколько выбивающемся из общего «кризисного дискурса» отношении начальника Вятской губернии в конце указываются негативные моменты. «С уничтожением пожарных команд... комплект бывших при полициях служителей уменьшился более нежели наполовину, – сообщал губернатор 25 июня 1865 г., – так что во многих городах Вятской губернии состав полицейских команд остался при 3-х служителях, из коих один постоянно должен быть при полиции, двое же остальных... ни в каком случае, не в состоянии исполнять исправно все ежедневные... полицейские труды...» [1, л. 50].

Один из крупнейших городов Урала – Екатеринбург – не упоминался в нормативно-закрепленном перечне населенных пунктов, имеющих собственные полицейские управления. Дело в том, что, хотя до реформы Екатеринбург и имел не городническое управление, а городскую полицию во главе с полицмейстером, подчинялась она не пермскому губернатору, а главному начальнику горных заводов хребта Уральского [4]. Уже 15 марта 1863 г.

пермский военный губернатор А.Г. Лошкарев обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву с просьбой передать г. Екатеринбург в ведение общей полиции. В качестве аргументов военный губернатор приводил как то, что «общим принятым ныне правительством направлением... от местного Горного управления отходит администрация и судебная часть...», так и желание самих жителей г. Екатеринбурга перейти в подчинение МВД. «...Горное ведомство не может иметь более надобности оставить в своем ведении полицию г. Екатеринбурга, имеющего население не горнозаводское, в то время как даже горнозаводские округа... передаются общей полиции» [19, л. 2–3 об.], – отмечал абсурдность ситуации военный губернатор. Однако, как видно из письма начальника горных заводов хребта Уральского, Горное ведомство явно «имело такую надобность» и полагало, что передаче МВД подлежат лишь горные и заводские округа, на Екатеринбург же «Временные правила» не распространяются [11]. Вызвано это было тем, что, принимая «Временные правила», законодатель не учел особенностей устройства полиции Уральского региона, а также не мог предвидеть асинхронности реформ общей и горной полиции. Этим не преминул воспользоваться Горный департамент в попытках частично или даже полностью сохранить свою полицейскую власть в изменившихся условиях. Тем не менее на совещании по вопросу о пересмотре горного устава возобладали «центростремительные» тенденции: Комиссия решила передать г. Екатеринбург в ведение общей полиции, «полагая, однако, небесполезным, чтобы город сей по значительности своего населения и предстоящего ему, при развитии на новых началах горного дела, значения, причислен был к разряду уездных городов, коим... представлено иметь отдельную от уездной полицию» [12].

Таким образом, городская полиция в Екатеринбурге была учреждена на новых началах уже с 1 июля 1863 г., то есть всего через месяц после преобразования уездной полиции Пермской губернии [20]. Уже менее чем через год екатеринбургский полицмейстер предложил пермскому военному губернатору А.Г. Лашкареву перевести полицию Екатеринбург из 3-го во 2-й разряд и учредить долж-

ность помощника полицмейстера, так как в Екатеринбурге постоянно проживало 25 тыс. чел., а количество входящих бумаг с освобождением горнозаводского населения увеличилось до 33 тыс. в год [22, л. 90 об. – 91]. Данная просьба также была удовлетворена лишь через 40 лет. Должность екатеринбургского помощника полицмейстера законодательно была утверждена одновременно с пермским – в 1903 г. [8].

В бывших же горнозаводских районах Урала процесс передачи дел от горной к общей полиции фактически затянулся на десятилетия и сопровождался острейшей межведомственной борьбой. Так, даже в конце 1869 г. троицкий уездный исправник доносил оренбургскому губернатору о том, что, несмотря на ликвидацию горной полиции, в силу выхода в марте 1861 г. горнозаводского населения из крепостной зависимости, а затем и «де-юре» – с изданием «Устава горного» (1868 г.), горная полиция продолжала существовать «де-факто» на прежних, дореформенных началах. Причем, поражался полицейский чиновник, функционировали не только «казенные горные исправники», но и «коштные», которые содержались на средства заводладельцев и всецело от них зависели. Данные лица не являлись, по сути, чиновниками, проводили дознания и даже следствия, совершенно не ставя в известность полицию общую, которой с 1863 г. теоретически должны были перейти полицейские функции на приисках [26, л. 7–12].

Однако гораздо хуже сложилась ситуация в тех местностях Урала, где закон о ликвидации горной полиции исполнялся, чем там, где его реализация фактически саботировалась горным начальством. «...Находящиеся в Пермской губернии золотые прииски, за упразднением горнозаводской полиции и недостаточностью обыкновенных средств уездной полиции для надзора за сими приисками, раскинутыми на больших необитаемых пространствах... в настоящее время остаются без всякого надзора...», – констатировал пермский военный губернатор А.Г. Лошкарев 11 апреля 1864 года. В качестве временного решения проблемы он приказал верхотурскому и екатеринбургскому исправникам немедленно «нанять потребное число людей для надзора за

приисками» на средства Горного департамента, а остальным исправникам, в чьих уездах велась золотодобыча, определить необходимые штаты стражи [21, л. 76–77]. Тем не менее, воспользовавшись острым недовольством золотопромышленников, главный начальник хребта Уральского предложил восстановить горную полицию на прежних началах. «Я известился, что дело это – отголосок исконного антагонизма горного и гражданского ведомства в Пермской губернии...» [23, л. 95], – сообщал пермский губернатор директору Департамента полиции исполнительной. Окончательно проблема была решена только к середине 90-х гг. XIX в., с устройством в Пермской и Оренбургской губерниях 6 горно-полицейских округов во главе с горными исправниками. Финансирование исправников, по-прежнему, происходило по сметам Горного департамента, однако при этом они назначались губернаторами, каковым и подчинялись [5, с. 103–104].

Меньшим «антагонизмом», чем в Пермской и Оренбургской губерниях, отличались взаимоотношения губернского и горного начальства в Вятском Предуралье. Весной 1863 г. главный начальник горных заводов хребта Уральского обратился к вятскому губернатору с просьбой на основании «Положения о населении казенных горных заводов» от 8 марта 1861 г. сохранить в «многолюдных заводских селениях» особые горные полиции. Губернатор, найдя эти соображения «основательными», направил их к министру внутренних дел «на распоряжение» [14]. Однако действительное устройство полиции в «многолюдном заводском селении», которым в конечном счете был признан лишь Воткинский завод, затянулось на несколько лет. В ноябре 1865 г. в нем был учрежден полицейский пристав на средства МВД [7]. Иным образом был решен вопрос о полицейском надзоре за бывшим Златоустовским горным округом Оренбургской губернии. Несмотря на назначение в Златоустовский завод особого полицейского чиновника, общей полиции не удалось добиться эффективной работы. В конечном счете завод было решено преобразовать в уездный город с предоставлением всех положенных по штату чиновников [17, л. 35].

В Вятской губернии располагался также Ижевский заводской округ, подчинявшийся

ся не финансовому, а военному ведомству. 28 ноября 1866 г. ижевские оружейники были освобождены от крепостной зависимости и переведены в разряд сельских обывателей. С ликвидацией округа губернатор перевел в завод квартиру пристава 2-го стана, а также просил министра внутренних дел учредить в заводе должность заводского пристава 3-го разряда, по аналогии с Воткинском [10, л. 73–74 об.]. Однако самостоятельная полиция во главе с приставом была учреждена в Ижевском заводе только в 1873 г. [9].

Последняя проблема, на которой позволяет остановиться краткий объем статьи, – полицейская стража, на возможность учреждения которой в некоторых губерниях указывалось в законе от 25 декабря 1862 года. В Оренбургской губернии данный вопрос даже не поднимался, очевидно в связи с наличием казачьих подразделений. Видимо, необходимость профессионализации нижнего состава полиции и отделения полицейской деятельности от военной не в полной мере осознавалась местной властью. Еще с большей очевидностью это прослеживается при обсуждении вопроса об устройстве полицейской стражи в Пермской губернии в мае 1864 года. Какого-либо единства относительно начал, на которых она должна быть основана среди руководителей пермской полиции не было. Одни уездные исправники хотели по-прежнему иметь часть отряда Оренбургского казачьего войска, другие – как сохранить казаков, так и увеличить число «исполнительных чиновников», третьи – учредить полицейскую стражу из отставных нижних чинов, а четвертые – предлагали учредить новые должности полицейских чиновников и «конную стражу из местных обывателей разного сословия» [22, л. 81 об.]. При этом за вольнонаемный путь формирования сил полиции выступили лишь 4 уездных исправника из 12. И даже сам пермский военный губернатор В.А. Лошкарев считал, что «в сем отношении предпочтение следует отдать казачьим отрядам» [22]. За учреждение полицейской стражи выступили в ноябре 1863 г. и власти вятской губернии. По мнению губернатора, конная стража нужна была в размере 80 чел., сосредоточенная преимущественно в Малмыжском, Елабужском и Сара-

пульском уездах для раскрытия «по горячим следам» дел о конокрадстве, которое было в данных местностях особенно распространено. Кроме того, через Малмыжский и Сарапульский уезд проходил Сибирский тракт, что вызывало необходимость в преследовании бродяг, предупреждении ночных грабежей и разбоев [15]. Тем не менее полицейская стража на вольнонаемных началах в 1870 г. была учреждена лишь в одной Уральской губернии – Пермской. В Вятской губернии стражники появились только в начале XX в. [27].

Результаты. Подводя итог, стоит отметить, что ключевой проблемой в реализации реформы было то, что законодатель не учел специфики Урала, связанной с существующей здесь горной полицией Министерства финансов. Без учета ее ликвидации предложенные штаты общей полиции оказались априори недостаточны. С неизбежностью затребованное местной властью усиление вызывало дополнительные финансовые расходы, на что центральная власть шла с большой неохотой. В свою очередь, Горный департамент намеренно саботировал реформу, надеясь сохранить свою прежнюю полицейскую власть в новых условиях. Однако почти на всей территории Урала губернской власти удалось одержать верх уже в первой половине 60-х гг. XIX века. Исключение составили лишь южноуральские прииски. Стоит признать, что позиция Горного ведомства была не такой уж заведомо проигрышной и ретроградной, как может показаться на первый взгляд. Например, в США раздробленность полицейских сил между различными ведомствами сохранилась вплоть до настоящего времени, и это не мешало полиции ответить на вызовы как индустриального, так и постиндустриального общества [32, р. 43–56].

Желание местных властей усилить полицию только в городах и крупных заводах, на которое центр реагировал с большим опозданием, однозначно свидетельствовало о слабости модернизационных тенденций на остальной территории. Даже сами руководители полиции в первой половине 1860-х гг. в большинстве своем не видели смысла в ее профессионализации и предлагали бороться с преступностью «по старинке» – казачьими разъездами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выписка из отношения начальника Вятской губернии министру внутренних дел о ревизии уездных учреждений в городах Сакрапуле, Елабуге, Малмыже Уржуме и Нолинске : [не ранее 25 июня 1865 г.] // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 95. – Л. 50.
2. Высочайше утвержденное приложение к 1-й статье Временных правил об устройстве полиции. 25 дек. 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 37. – Ч. 3. – СПб. : Тип. 2-го отделения собственной Его императорского величества канцелярии, 1865. – С. 543–544.
3. Закиматова, А. Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Закиматова Анна Юрьевна. – СПб., 2006. – 27 с.
4. Логинов, О. 200 лет МВД России / О. Логинов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.all-crime.ru/z-200let/z-200let-04-ural.htm> (дата обращения: 09.01.2019). – Загл. с экрана.
5. Лучинин, А. В. Горная полиция в России XIX – начала XX в. : дис. ... канд. юрид. наук / Лучинин Александр Васильевич. – Н. Новгород, 2000. – 196 с.
6. Миронов, Б. Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации / Б. Н. Миронов // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4. – С. 16–26.
7. Об определении в Воткинский горный завод Вятской губернии особого полицейского чиновника : Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 1 нояб. 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 40. – Ч. 2. – СПб. : Тип. 2-го отделения собственной Его императорского величества канцелярии, 1867. – С. 121–122.
8. Об усилении полиции в городах Перми и Екатеринбурге : Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 янв. 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. 23. – Ч. 1. – СПб. : Гос. тип., 1905. – С. 50.
9. Об устройстве полиции на Ижевском заводе : Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 13 фев. 1873 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 48. – Ч. 1. – СПб. : Тип. 2-го отделения собственной Его императорского величества канцелярии, 1876. – С. 236.
10. Отношение вятского губернатора министру внутренних дел об устройстве полиции в Ижевском заводе. 9 апр. 1867 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 95. – Л. 73–76.
11. Отношение главного начальника горных заводов хребта Уральского пермскому военному губернатору об отсутствии оснований к передаче в ведение земской полиции г. Екатеринбурга. 8 марта 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 4–5.
12. Отношение министра финансов министру внутренних дел о передаче г. Екатеринбурга в ведение общей полиции. 3 июня 1863 // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 25–26.
13. Отношение начальника Вятской губернии министру внутренних дел о назначении помощника вятскому полицмейстеру и об упразднении должности помощника вятского исправника. 27 июня 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 95. – Л. 19–20.
14. Отношение начальника Вятской губернии министру внутренних дел о сохранении полиции в многолюдных заводских селениях в прежнем виде. 9 июля 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 95. – Л. 15–16.
15. Отношение начальника Вятской губернии министру внутренних дел об учреждении в Вятской губернии конной стражи. 15 нояб. 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 95. – Л. 26–27 об.
16. Отношение оренбургского генерал-губернатора министру внутренних дел об отнесении полиции г. Оренбурга к 1 разряду. 26 июля 1870 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 112. – Л. 73–74 об.
17. Отношение оренбургского гражданского губернатора министру внутренних дел о назначении в Златоустовский завод особого полицейского чиновника. 22 июня 1864 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 112. – Л. 35–36 об.
18. Отношение пермского военного губернатора министру внутренних дел о введении в г. Перми должности помощника полицмейстера и частного пристава. 1 дек. 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 63–64 об.
19. Отношение пермского военного губернатора министру внутренних дел о передаче полиции г. Екатеринбурга из министерства финансов в ведение министерства внутренних дел. 15 марта 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 2–3 об.
20. Отношение пермского военного губернатора министру внутренних дел о преобразовании Екатеринбургской городской полиции с 1 июля 1863 г. 10 июля 1863 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 43–44.
21. Отношение пермского военного губернатора министру внутренних дел об усилении полиции на золотых приисках Пермской губернии. 11 апр. 1864 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 74–77.
22. Отношение пермского военного губернатора министру внутренних дел об учреждении конной полицейской стражи, и с представлением Статистичес-

кой карты Верхотурского уезда. 6 мая 1864 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 79–93.

23. Отношение пермского губернатора директору Департамента полиции исполнительной о действиях главного начальника горных заводов хребта Уральского. 3 апр. 1865 г. // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 115. – Л. 95–95 об.

24. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. – Вятка : Тип. губернского правления, 1860. – 358 с.

25. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. – Вятка : Тип. губернского правления, 1866. – 294 с.

26. Рапорт троицкого уездного исправника оренбургскому губернатору о переустройстве полиции на золотых приисках. 18 нояб. 1869 г. // Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 7–14 об.

27. Сергеев, А. В. Охрана правопорядка на промышленных предприятиях Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (на примере Вятской губернии) [Электронный ресурс] / А. В. Сергеев // Полицейская и следственная деятельность. – 2018. – № 3. – С. 42–47. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2018.3.27210>.

28. Сичинский, Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия / Е. П. Сичинский. – М. : Изд-во А.И. Осипенко, 2005. – 266 с.

29. Тот, Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Тот Юрий Викторович. – СПб., 2003. – 38 с.

30. Тот, Ю. В. Сенатор Ф.П. Ключарев и его записка «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления» / Ю. В. Тот // Российская история. – 2017. – № 1. – С. 80–90.

31. Трушков, Д. А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. / Д. А. Трушков. – Киров : ВСЭИ, 2003. – 171 с.

32. Berg, B. L. Law Enforcement: An Introduction to the Police and Society / B. L. Berg. – Boston : Allyn & Bacon, 1992. – 160 p.

33. Regnard C. Urban Growth and Police Reform in Marceille (1855–1908) / C. Regnard // Urban History. – 2016. – Vol. 43, iss. 2. – P. 249–265. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0963926815000292>.

REFERENCES

1. Vypiska iz otnosheniya nachalnika Vyatskoy gubernii ministru vnutrennikh del o revizii uездnykh uchrezhdeniy v gorodakh Sakrapule, Elabuge, Malmyzhe Urzhume i Nolinske [The Reference of the Head of the Vyatka Province to the Minister of Internal Affairs About the Audit of County Institutions in the Cities of Sakrapul,

Elabuga, Malmyzh Urzhum and Nolinsk. Not Earlier Than June 25, 1865]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dalee – RGIА)* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 95, l. 50.

2. Vysochayshe utverzhdennoe prilozhenie k 1-y statye Vremennykh pravil ob ustroystve politsii. 25 dek. 1862 g. [The Highest Approved Annex to the First Article of the Provisional Rules of the Police Organization, Dec. 25, 1862]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], col. 2, vol. 37, pt. 3. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go otdeleniya sobstvennoy Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1865, pp. 543–544.

3. Zakimatova A.Yu. *Pravovoe regulirovanie sluzhby v organakh politsii Rossiyskoy imperii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of Service in the Police of the Russian Empire. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2006. 27 p.

4. Loginov O. *200 let MVD Rossii* [200 Years of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. URL: <http://www.all-crime.ru/z-200let/z-200let-04-ural.htm> (accessed 9 January 2019).

5. Luchinin A.V. *Gornaya politsiya v Rossii XIX – nachala XX v.: dis. ... kand yurid. nauk* [Mountain Police in Russia of 19th – Early 20th Century. Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2000. 196 p.

6. Mironov B.N. *Spornye voprosy imperskoy, sovetkoy i postsovetkoy modernizatsii* [Controversial Issues of Imperial, Soviet and Post-Soviet Modernization]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Herald], 2017, no. 4, pp. 16–26.

7. Ob opredelenii v Votkinskiy gornyy zavod Vyatskoy gubernii osobogo politseyskogo chinovnika: Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 1 noyab. 1865 g. [About Sending a Special Police Officer to the Votkinsk Mining Plant of Vyatka Province. The Highest Approved Opinion of the State Council of November 1, 1865]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], col. 2, vol. 40, pt. 2. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go otdeleniya sobstvennoy Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1867, pp. 121–122.

8. Ob usilenii politsii v gorodakh Permi i Ekaterinburge: Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 27 yanv. 1903 g. [About Strengthening of the Police in the Cities of Perm and Yekaterinburg. The Highest Approved Opinion of the State Council of January 27, 1903]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], col. 3, vol. 23, pt. 1. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1905, p. 50.

9. Ob ustroystve politsii na Izhevskom zavode: Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 13 fev. 1873 g. [About the Structure of the Police at the Izhevsk Plant. The Highest Approved

Opinion of the State Council of February 13, 1873]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], col. 2, vol. 48, pt. 1. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go otdeleniya sobstvennoy Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1876, p. 236.

10. Otnoshenie vyatskogo gubernatora ministru vnutrennikh del ob ustroystve politzii v Izhevskom zavode. 9 apr. 1867 g. [The Reference of the Vyatka Governor to the Minister of Internal Affairs About the Structure of the Police in the Izhevsk Plant. April 9, 1867]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 95, l. 73-76.

11. Otnoshenie glavnogo nachalnika gornykh zavodov Khrebtu Uralskogo permskomu voennomu gubernatoru ob otsutstvii osnovaniy k peredache v vedenie zemskoy politzii g. Ekaterinburga. 8 marta 1863 g. [Reference of the Mountain Plants Chief of the Ural Ridge to the Perm Military Governor About the Absence of Grounds for Transfer of Yekaterinburg to the Regional Police. 8 March 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 4-5.

12. Otnoshenie ministra finansov ministru vnutrennikh del o peredache g. Ekaterinburga v vedenie obshchey politzii. 3 iyunya 1863 g. [Reference of the Minister of Finance to the Minister of Internal Affairs About the Transfer of Yekaterinburg to the General Police. June 3, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 25-26.

13. Otnoshenie nachalnika Vyatskoy gubernii ministru vnutrennikh del o naznachenii pomoshchnika vyatskomu politzmeisteru i ob uprazhnenii dolzhnosti pomoshchnika vyatskogo ispravnika. 27 iyunya 1863 g. [Reference of the Head of Vyatka Province to the Minister of Internal Affairs About the Appointment of an Assistant to the Vyatka Police Chief and the Abolition of the Post of Assistant to the Vyatka Country Police Officer. June 27, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 95, l. 19-20.

14. Otnoshenie nachalnika vyatskoy gubernii ministru vnutrennikh del o sokhraneniі politzii v mnogolyudnykh zavodskikh seleniyakh v prezhnem vide. 9 iyulya 1863 g. [Reference of the Head of Vyatka Province to the Minister of Internal Affairs About the Preservation of Police in Populated Factory Villages as They Were. July 9, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 95, l. 15-16.

15. Otnoshenie nachalnika Vyatskoy gubernii ministru vnutrennikh del ob uchrezhdenii v Vyatskoy gubernii konnoy strazhi. 15 noyab. 1863 g. [Reference of the Head of Vyatka Province to the Minister of Internal Affairs About the Establishment of a Mounted Guard in Vyatka Province. November 15, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 95, l. 26-27 r.

16. Otnoshenie orenburgskogo general-gubernatora ministru vnutrennikh del ob otnesenii

politzii g. Orenburga k 1 razryadu. 26 iyulya 1870 g. [Reference of the Orenburg Governor-General to the Minister of Internal Affairs About the Classification of the Orenburg Police to the 1st Category. July 26, 1870]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 112, l. 73-74 r.

17. Otnoshenie orenburgskogo grazhdanskogo gubernatora ministru vnutrennikh del o naznachenii v Zlatoustovskiy zavod osobogo politseyskogo chinovnika. 22 iyunya 1864 g. [Reference of the Orenburg Civil Governor to the Minister of Internal Affairs About the Appointment of a Special Police Officer to the Zlatoust Plant. June 22, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 112, l. 35-36 r.

18. Otnoshenie permskogo voennogo gubernatora ministru vnutrennikh del o vvedenii v g. Permi dolzhnosti pomoshchnika politzmeystera i chastnogo pristava. 1 dek. 1863 g. [Reference of the Perm Military Governor to the Minister of Internal Affairs About the Introduction of the Posts of an Assistant of the Police Chief and a Police Chief in Perm. December 1, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 63-64 r.

19. Otnoshenie permskogo voennogo gubernatora ministru vnutrennikh del o peredache politzii g. Ekaterinburga iz ministerstva finansov v vedenie ministerstva vnutrennikh del. 15 marta 1863 g. [Reference of the Perm Military Governor to the Minister of Internal Affairs about the Transfer of the Police of Yekaterinburg from the Ministry of Finance to the Ministry of Internal Affairs. March 15, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 2-3 r.

20. Otnoshenie permskogo voennogo gubernatora ministru vnutrennikh del o preobrazovanii Ekaterinburgskoy gorodskoy politzii s 1 iyulya 1863 g. 10 iyulya 1863 g. [Reference of the Perm Military Governor to the Minister of Internal Affairs About the Transformation of the Yekaterinburg City Police Since July 1, 1863. July 10, 1863]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 43-44.

21. Otnoshenie permskogo voennogo gubernatora ministru vnutrennikh del ob usilenii politzii na zolotykh priiskakh Permskoy gubernii. 11 apr. 1864 g. [The Reference of the Perm Military Governor to the Minister of the Internal Affairs About the Police Strengthening in the Gold Mines of the Perm Province. April 11, 1864]. *RGIA* [RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 74-77.

22. Otnoshenie permskogo voennogo gubernatora ministru vnutrennikh del ob uchrezhdenii konnoy politseyskoy strazhi, i s predstavleniem Statisticheskoy karty Verkhotur'skogo uezda. 6 maya 1864 g. [Reference of the Perm Military Governor to the Minister of Internal Affairs About the Establishment of

a Mounted Police Guard, and with the Presentation of the Statistical Map of Verkhotursk Uyezd. May 6, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 79-93.

23. Otnoshenie permskogo gubernatora direktoru Departamenta politzii ispolnitelnoy o deystviyakh glavnogo nachalnika gornyx zavodov khrebtu Uralskogo. 3 apr. 1865 g. [Reference of the Perm Governor to the Director of the Executive Police Department About the Actions of the Mountain Plants Chief of the Ural Ridge. April 3, 1865]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1286, inv. 53, d. 115, l. 95-95 r.

24. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1860 god* [Memorial Book of Vyatka Province for 1860]. Vyatka, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1860. 358 p.

25. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1866 i 1867 gody* [Memorial Book of Vyatka Province for 1866 and 1867]. Vyatka, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1866. 294 p.

26. Raport troitskogo uezdnogo ispravnika orenburgskomu gubernatoru o pereustroytve politzii na zolotykh priiskakh. 18 noyab. 1869 g. [Report of the Troitsky Country Police Officer to the Orenburg Governor About the Reorganization of the Police in the Gold Mines. November 18, 1869]. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archive of Orenburg Region], f. 11, inv. 1, d. 29, l. 7-14 r.

27. Sergeev A.V. Okhrana pravoporyadka na promyshlennykh predpriyatiyakh Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Vyatskoy gubernii) [Law and Order Protection in Industrial

Enterprises of the Russian Empire at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries (on the Example of Vyatka Province)]. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activity], 2018, no. 3, pp. 42-47. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2018.3.27210>.

28. Sichinskiy E.P. *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержaviya* [Police of the Southern Ural During the Autocracy Crisis]. Moscow, Izd-vo A.I. Osipenko, 2005. 266 p.

29. Tot Yu.V. *Reforma uezdnoy politzii v pravitelstvennoy politike Rossii v XIX veke: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Reform of the Uyezd Police in the Government Policy of Russia in the 19th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 38 p.

30. Tot Yu.V. Senator F.P. Klyucharev i ego zapiska «O luchshem ustroystve grazhdanskogo v guberniyakh upravleniya» [Senator F.P. Klyucharyov and His Note “On the Best Civilian Government Organization in the Provinces”]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2017, no. 1, pp. 80-90.

31. Trushkov D.A. *Administratsiya i politsiya Vyatskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Administration and Police of Vyatka Province of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kirov, VSEI Publ., 2003. 171 p.

32. Berg B.L. *Law Enforcement: An Introduction to the Police and Society*. Boston, Allyn & Bacon, 1992. 160 p.

33. Regnard C. Urban Growth and Police Reform in Marceille (1855–1908). *Urban History*, 2016, vol. 43, iss. 2, pp. 249-265. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0963926815000292>.

Information About the Author

Sergey M. Ryazanov, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Karpinskogo St, 125, 614012 Perm, Russian Federation, s_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Информация об авторе

Сергей Михайлович Рязанов, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт ФСИН России, ул. Карпинского, 125, 614012 г. Пермь, Российская Федерация, s_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>

UDC 930.26(470.4):340.624

LBC 63.48(235.4)-52

Submitted: 25.08.2020

Accepted: 25.10.2020

PALEOPATHOLOGY OF SKULLS
FROM GOLDEN HORDE SETTLEMENT SHARENIY BUGOR¹

Evgeny V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper is devoted to the examination of craniological materials of the late middle age originating from the Shareniy Bugor archaeological complex. *Methods and materials.* A complete series which includes 33 individual remains is now kept by the Research Institute and the Museum of Anthropology of Moscow State University. The access to scientific information on the series has been opened for the first time. The series consists of 24 male skulls, 4 female brain capsules, two childrens and 3 adolescent craniums. *Analysis.* The standard assessment program of pathological conditions on postcranial skeleton and skull bones developed by A.P. Buzhilova (1995, 1998) was applied in the course of examination of the anthropological material. *Results.* A wide range of cranium anomalies, various dentition diseases, endocrine disease markers, signs of exposure to low temperatures, episodic stress traces and numerous injuries were recorded as a result of the examination of the bone material. *Conclusions.* The series under consideration does not meet the paleopopulation criteria, i.e. cannot be a prototype of a really existing group of medieval urban population. Signs of unintentional artificial deformity of the occipital type were recorded on the skulls of the studied sample. The identified stress markers indicate that the urban population of the Volga Delta was exposed to the pressure of negative factors due to the natural and social environment including cold temperatures, hunger, war, etc. The population group originating from Shareniy Bugor settlement probably specialized in living in the river area, which led to a specific diet and the appearance of cases of diseases typical for people spending a long time in a cold water environment. Extremely high rates of injuries, including combat near-death and lethal ones, wounds to the skull facial area characterize the studied part of the population as a group that actively participated in hostilities. A series of skulls originating from Shareniy Bugor settlement probably belongs to a specific social stratum or the handicraft part of the population of the Golden Horde city of Khadzhi-Tarkhan which was engaged in river fishing and whose appearance (hairstyle and constantly worn headdress) was very different from most townspeople; they probably actively defended the city during the raids of enemies.

Key words: Golden Horde, Middle Ages, Lower Volga region, skulls, Shareniy Bugor, Khadzhi-Tarkhan, paleopathology.

Citation. Pererva E.V. Paleopathology of Skulls from Golden Horde Settlement Shareniy Bugor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 141-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>

**ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ ЧЕРЕПОВ
ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА ШАРЕНЬ БУГОР¹****Евгений Владимирович Перерва**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Работа посвящена изучению краниологических материалов эпохи позднего средневековья, происходящих из археологического комплекса Шареный Бугор. *Методы и материалы.* В научный оборот впервые вводится полная серия, хранящаяся в НИИ и Музее антропологии МГУ, которая насчитывает 33 индивида и состоит из 24 мужских черепов, 4 женских мозговых капсул, двух детских и трех подростковых краниумов. В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний, разработанная А.П. Бужиловой (1995, 1998). *Анализ.* В результате проведенного исследования был зафиксирован широкий спектр аномалий на черепной коробке, следы заболеваний зубочелюстной системы, маркеры эндокринных нарушений, признаки воздействия на организм низких температур, следы эпизодического стресса и множество травм. *Результаты.* Рассматриваемая группа не соответствует критериям палеопопуляции, то есть не может являться прообразом реально существующей группы средневекового городского населения. На черепах исследуемой выборки зафиксированы признаки непреднамеренной искусственной деформации затылочного типа. Выявленные маркеры стресса указывают на то, что городское населения дельты Волги было подвержено воздействию негативных факторов окружающей и социальной среды: холод, голод, война и др. Группа населения, происходящая из городища Шареный Бугор, вероятно, специализировалась на жизни в прибрежной зоне, что обусловило специфическую диету и появление случаев заболеваний, характерных для людей, длительное время проводящих в водной среде. Крайне высокие показатели травматизма, в том числе распространение боевых повреждений, предсмертных и летальных ранений, травм лицевого отдела черепа, характеризуют исследуемую часть населения как группу, активно принимавшую участие в боевых действиях. Серия черепов, происходящая из городища Шареный Бугор, вероятно, принадлежит специфической социальной группе или ремесленной части населения золотоордынского города Хаджи-Тархан, которая занималась речным промыслом, внешним обликом (прическа или постоянно носимый головной убор) сильно отличалась от большинства горожан и принимала активное участие в защите города при набегах врагов.

Ключевые слова: Золотая Орда, эпоха средневековья, Нижнее Поволжье, черепа, Шареный Бугор, Хаджи-Тархан, палеопатология.

Цитирование. Перерва Е. В. Палеопатология черепов из золотоордынского городища Шареный Бугор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 141–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>

Введение. Работа посвящена изучению краниологических материалов эпохи позднего средневековья, происходящих из археологического комплекса Шареный Бугор, с помощью методики палеопатологического анализа костных останков.

В антропологической литературе серия черепов из могильника Шареный Бугор уже не раз оказывалась в центре внимания отечественных исследователей [11; 14; 28; 29]. Однако в предыдущих работах подробно изучалась только серия мужских черепов, в то время как коллекция, находящаяся в хранилище НИИ и Музея антропологии МГУ, насчитывает 33 индивида и включает в себя дет-

ские, подростковые и женские мозговые коробки. Анализ патологических изменений на черепах ранее вообще не проводился.

Прежде чем переходить к собственно исследованию, первоначально остановимся на истории изучения антропологических материалов городища Шареный Бугор.

Так, у Г.Ф. Дебеца черепа из Шареного Бугра составили основу серии городских кладбищ эпохи Золотой Орды Нижнего Поволжья. Оценивая эту группу, Г.Ф. Дебеч пришел к выводу, что население золотоордынских городищ отличается большой пестротой в краниологическом плане [11, с. 269]. Поддерживая мнение Т.А. Трофимовой, автор указыва-

ет на то, что в серии преобладает брахикранный европеоидный краниологический комплекс с небольшой примесью монголоидного туранского типа. Не исключает Г.Ф. Дебец и участие в формировании населения золотоордынских городов Нижнего Поволжья европеоидного длинноголового (средиземноморского) комплекса [11, с. 272].

Т.А. Трофимовой в фундаментальном труде «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» была изучена серия 24 мужских черепов из городища Шареный Бугор под Астраханью [29, с. 6]. В результате анализа выборки автор сделал вывод о том, что население золотоордынского времени, происходящее из Шареного Бугра, по своему морфологическому составу было достаточно неоднородно и является метисной группой, состоящей в основном из брахикефалов европеоидного облика с некоторой примесью монголоидности [29, с. 12, 22].

Комплексное изучение коллекции из Шареного Бугра с использованием методов статистического анализа было проведено С.Г. Комаровым. Исследователь соглашается с Т.А. Трофимовой, что исследуемая группа характеризуется преимущественно европеоидным обликом, в то же время указывает на преобладание в серии черт расы среднеазиатского междуречья. Также С.Г. Комаров выявляет присутствие в серии монголоидного компонента. В отличие от Т.А. Трофимовой, исследователь указывает на морфологическую однородность исследуемой серии, объясняя это наличием элементов только двух больших рас. По мнению С.Г. Комарова, жители городища Шареный Бугор по физическому облику близки синхронному оседлому и кочевому населению сопредельных территорий [14, с. 114].

Таким образом, краниологический облик индивидов мужского пола, останки которых были найдены на территории Шареного Бугра, в целом антропологами определен. Теперь обратимся с археологическим данным, чтобы разобраться, что представляет собой археологический комплекс Шареный Бугор.

По указанию Т.А. Трофимовой, серия является выборкой черепов, которая была получена в результате археологических работ Лесгафта и Воробьева в 1874 г. на «Шаринном

Бугре и Стрелецкой слободе» под Астраханью [29, с. 5]. Сегодня «Шареный бугор» находится на правом берегу Волги, на северной окраине города Астрахань [4, с. 133].

Большая часть исследователей отождествляет городище Шареный Бугор с золотоордынским городом Хаджи-Тархан [7, с. 230; 9; 10; 17; 18; 19, с. 213; 22].

Археологическое изучение города началось еще в XIX веке. В XX в. полномасштабные исследовательские раскопки на территории Шареного Бугра были проведены А.М. Мандельштамом [7, с. 231]. В 1984 г. археологические работы на окраине городища осуществлялись силами Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника под руководством В.В. Плахова [21].

В настоящее время городище почти полностью разрушено, частью смыто Волгой, а то, что сохранилось, застроено современными сооружениями. Поэтому на сегодня для изучения доступна лишь небольшая часть памятника, которая представлена останками загородных усадеб и мелкими земледельческо-рыболовно-скотоводческими поселениями [22, с. 143].

По мнению исследователей, Хаджи Тархан возник к 30-м годам XIII в. [4, с. 135; 10]. Город являлся крупным торговым, экономическим и политическим центром, имел собственный монетный двор. Одним из основных видов деятельности была поставка в другие части света рыбы, прежде всего ценных осетровых пород, соли, продуктов животноводства. Основной религией населения Хаджи Тархана и его округа был, вероятнее всего, ислам, что следует из анализа обряда захоронения и погребальных комплексов [9, с. 17].

Материалы и методы. Для изучения были доступны черепные коробки 33 индивидов из Шареного Бугра (рис. 1). Из них 24 принадлежало мужчинам, 4 мозговые капсулы были женскими, 2 черепа детских и 3 краниума подростковых. Кости посткраниального скелета для изучения доступны не были. Исследование палеоантропологического материала осуществлялось на базе хранилища НИИ и Музея антропологии МГУ [2, с. 144].

В процессе работы применялась стандартная программа оценки встречаемости

патологических состояний на костных останках, разработанная А.П. Бужиловой [5; 6]. В связи с малочисленностью и случайностью выборки учитывались лишь некоторые основные палеодемографические показатели [24]. При фиксации дискретно-варьирующих признаков на черепной коробке использовались программы и рекомендации отечественных и зарубежных исследователей [16; 35; 50].

Анализ и описание материалов исследования. *Половозрастные особенности группы.* Прежде всего, следует указать на искусственный характер и случайность исследуемой серии. В изучаемой группе отсутствуют индивиды в возрасте до 5 лет. Детская выборка представлена двумя черепами 5–6 и 7 лет. Мозговые коробки трех подростков принадлежали индивидам в возрасте от 12 до 15 лет. Женщины из могильника Шареный Бугор чаще всего умирали в молодом возрасте (15–30 лет). В связи с этим средний возраст смерти у них сравнительно невысок – 27,5 лет (табл. 1).

Наибольшее количество умерших мужчин в группе приходится на возраст 30–35 лет. Показатель среднего возраста смерти у них находится на уровне 37,3 лет. Возраст дожития взрослого населения достигает значения в 35,9 лет. Индивиды старше 50 лет выявлены только среди мужчин, и их количество составляет 12,1 % от общей численности выборки (табл. 1).

Непреднамеренные искусственные деформации. На половине черепных коробок взрослых и у 60 % неполовозрелых индивидов фиксируется непреднамеренная искусственная деформация бешикового (колыбельного) типа (табл. 3). На двух черепах наряду со следами модификации головы наблюдается левосторонняя асимметрия, а в трех случаях – правосторонняя асимметрия затылочной области.

Дискретно-варьирующие признаки. Анализ генетически детерминированных маркеров стресса в серии показал высокую частоту встречаемости различного рода аномалий. Однако в зубной системе их выявлено сравнительно немного, зафиксирована лишь гиподонтия третьего моляра у мужчины 25–35 лет (инв. № 1801).

Чаще всего у мужчин и женщин Шареного Бугра встречаются шовные кости, кото-

рые локализуются в затылочном шве – 43 %, родничковые кости – 32 %, а также пальцевидные вдавления со стороны эндокрана – 43 % (табл. 2). Только у мужчин обнаружены такие генетически детерминированные признаки, как метопический шов, зародышевые швы и остеомы (табл. 2).

В исследуемой серии также встречаются и другие аномалии: теменные отверстия, двусоставные затылочные мышелки, надглазничные и подглазничные отверстия, отверстия на барабанном кольце, которые из-за малочисленности случаев выделены в раздел «другие» (табл. 2).

Патология зубочелюстной системы. Частота встречаемости кариеса в исследуемой группе находится на уровне 14 % (табл. 3). Зафиксировано три случая у мужчин и один у женщин. Данное заболевание характерно исключительно для взрослых индивидов. Кариозные заболевания зубов обнаружены на первых или вторых молярах верхней челюсти. В трех случаях наблюдается так называемый пришеечный тип кариозной болезни.

Показатели встречаемости воспалительных процессов околозубного пространства в виде абсцессов и периапикальных отверстий достигают значения в 36 % (табл. 3). Они в одинаковой степени характерны как для мужчин, так и для женщин. Наблюдается возрастная динамика в повышении частоты встречаемости абсцессов, которые достигают своего пика распространения у индивидов 35–45 лет (табл. 4). Аналогичная возрастная динамика имеется при фиксации таких отклонений зубочелюстной системы, как пародонтоз и прижизненная утрата зубов, которые, в отличие от абсцессов, несколько чаще встречаются у мужчин.

Чаще всего в исследуемой группе фиксируется зубной камень – 86 % (табл. 3). Степень развития минерализованных отложений находится на уровне 1–2 баллов. Данное патологическое отклонение в одинаковой степени характерно для индивидов всех возрастов.

Патологическая стертость зубов характерна как для мужчин, так и для женщин, и в целом частота фиксации сильной изношенности эмали до дентина достигает 32 %. Кроме этого, практически у всех взрослых индивидов наблюдаются признаки развития дефор-

мирующего артроза нижнечелюстного сустава, что может указывать либо на специфическую диету, либо на использование зубной системы в трудовом процессе.

Признаки холодового стресса. Яркой особенностью исследуемой серии из грунтового могильника Шареный Бугор является широкое распространение маркеров воздействия низких температур. Данное состояние костной ткани встречается на черепных коробках практически всех мужчин – 96 % и у трех из четырех женщин (табл. 3). К тому же васкулярная реакция имеет четкую возрастную зависимость, начинает встречаться у индивидов 25 лет и достигает пика своего распространения в зрелом возрасте (табл. 4).

Обратим внимание еще на одну особенность. На 31 черепной коробке, у всех подростков, у ребенка 7 лет, у 24 мужчин и 3 женщин, обнаружены следы специфической реакции костной ткани, которая локализуется по всей окружности черепа на месте волосяного покрова: верхняя часть лобной кости – на уровне лобных бугров, теменные кости – до границы нижней височной линии, на затылочной кости – в некоторых случаях до верхней, а в ряде случаев до нижней выйной линии (рис. 2, 1, 2).

В настоящий момент аналогий данным отклонениям в научной литературе нами не найдено. Вероятно, наблюдаемые изменения на поверхности костей мозгового отдела черепа могут быть связаны с использованием специфической прически частью населения Хаджи-Тархана (выбрасывание волос или же наоборот стягивание волос в тугий пучок) или же с ношением какого-то головного убора.

Признаки эндокринных нарушений. Следы внутреннего лобного гиперостоза были обнаружены на черепных коробках 5 индивидов – четырех мужчин и одной женщины. Наблюдается четкая возрастная направленность в проявлении данного отклонения, которое чаще встречается у индивидов старше 35 лет.

У мужчин 50–60 лет (инв. № 6493 и 1791) зафиксирован тип «А» по И. Гершковичу и др. [40]. У мужчины 25–35 лет (инв. № 1801/12) обнаружены костные образования размером до 15 мм в диаметре – тип «В». У молодого мужчины 25–30 лет (инв. № 1796/16) и женщины 30–40 лет (инв. № 1798/8) наблюдались

массивные образования размером 20–30 мм по обоим сторонам от лобного синуса. Таким образом, у двух индивидов выявлен тип «С» по И. Гершковичу и др. [40].

Экзостоз наружного слухового прохода. У мужчин 30–35 лет (инв. № 1802/13) и 50–60 лет (инв. № 1797/25) зафиксировано двустороннее сужение ушного канала. У обоих индивидов экзостоз ушного канала проявляется билатерально (рис. 2, 3, 4). Характер развития патологии по схеме градации стеноза слухового прохода, предложенной в работе А. Мариескуррены с соавт. [47], достигает первой степени (5–25 %).

Маркеры эпизодического стресса и обмена веществ. Встречаемость эмалевого гипоплазии в серии находится на уровне 29 %. Данное патологическое отклонение в одинаковой степени характерно как для мужчин, так и для женщин. Один случай эмалевого недостаточности был выявлен на зубах подростка 12–15 лет. Чаще всего горизонтально ориентированные линии нехватки эмали наблюдаются в группе индивидов в возрасте 25–35 лет. И только один мужчина с эмалевого гипоплазией дожил до 40–45 лет.

С практически аналогичной частотой фиксируется в исследуемой серии «*cibra orbitalia*» орбит у взрослого населения. А поротический гиперостоз костей свода черепа обнаружен только три раза, у двух мужчин и одной женщины (табл. 3).

В большей степени характер воздействия стресса отражают частоты встречаемости маркеров нехватки микроэлементов в серии детей и подростков. Так, у всех 5 индивидов наблюдается поротический гиперостоз орбит (рис. 2, 5). В двух случаях, у ребенка 6 лет (инв. № 1807/8) и у подростка 12–13 лет (инв. № 1792), поротический гиперостоз выявлен и на костях свода черепа в затылочной области.

Кроме этого, у обоих детей и у всех подростков наблюдается разреженность костной ткани в виде пороза, что прослеживается на скуловых и верхнечелюстных костях, на альвеолярных отростках верхней и нижней челюсти, вокруг слухового прохода на височных костях, на твердом небе. Данные отклонения в совокупности со следами поротического гиперостоза могут свидетельствовать о развитии

серьезных заболеваний, связанных с нехваткой витаминов или микроэлементов.

Травмы. Несмотря на малочисленность серии, более чем у половины исследованных черепных коробок взрослых индивидов были обнаружены различного рода травматические повреждения (табл. 5). Подробное их описание в данной работе не приводится, так как эта ситуация заслуживает отдельного исследования. Практически все выявленные травмы костей свода черепа можно считать насильственными. В подавляющем большинстве случаев они отмечены на черепах мужчин. Только одно повреждение свода черепа было обнаружено у подростка 12–13 лет (инв. № 1792). На его черепной коробке зафиксированы три дефекта. Все ранения располагаются на левой теменной кости на одной линии. Первое находится в 32 мм от антропологической точки брегма и в 7 мм от сагиттального шва, имеет треугольную форму, вершиной направлен к лобной кости и закругленным основанием к затылочной, размер повреждения 5 мм в длину и 3 мм в основании в ширину, глубина проникновения в кость 1 мм. Второй дефект расположен в 64 мм от брегмы и в 3 мм от сагиттального шва. Повреждение имеет аналогичную форму, что и первое ранение, только развернуто основанием к лобной кости. Третье ранение расположено параллельно второму, имеет форму полукруга размером 9 × 6 мм, расположено в 66 мм от точки брегма и в 12 мм от сагиттального шва, длинной осью ориентировано по направлению стреловидного шва и основанием расположено к дефекту № 2. Третье ранение имеет проникающее отверстие со стороны внутренней поверхности черепа в виде небольшой щели. Плоскость кости в виде полукруглой вершины дефекта скошена в полость черепа к основанию. Следов воспалительного процесса не зафиксировано. Вероятно, данные дефекты имеют предсмертный или смертельный характер. Повреждения были нанесены предметом с острым краем, вероятно чеканом или кончиком клевца. Удары наносились сверху и спереди человеком, у которого оружие находилось в правой руке (рис. 3, 1).

Отметим еще один дефект, выявленный на черепной коробке мужчины 25–35 лет (инв. № 1815), у которого зафиксировано отсутствие затылочных мышцелков. Судя по сле-

дам в области повреждения, голова могла быть отсечена в результате удара оружием с острым режущим краем (рис. 3, 2).

Большая часть ранений у мужчин из Шареного Бугра однотипна. Это компрессионные вдавленные переломы, которые были получены в результате ударов оружием с заостренным концом, приводящие к незначительным по размеру дефектам, но наносящие серьезные повреждения и в 4 случаях имеющие летальный характер. Иная природа повреждения наблюдается у мужчины 40–50 лет (инв. № 1812), у которого на правой половине черепной коробки обнаружен предсмертный дефект подквадратной формы размером 62 × 62 мм, затрагивающий теменную и височную кости (рис. 3, 3). Также у мужчин зафиксированы три рубленых ранения (рис. 3, 4, 5).

У 6 индивидов – 5 мужчин и у подростка – травмы на черепах имеют множественный характер. Это либо комплекс дефектов на костях свода черепа, либо с ними сочетаются травмы лицевого отдела черепа.

В 10 случаях на черепах мужчин из городища Шареный Бугор фиксируются травмы лица, которые характеризуются переломами и деформацией носовых костей, сошника и лобных отростков верхней челюсти (табл. 5, рис. 3, 6). Все повреждения лицевого отдела черепа носят на себе следы успешного заживления.

Обсуждение. Перед рассмотрением результатов исследования серии, происходящей из городища Шареный Бугор, остановимся на нескольких важных аспектах.

Прежде всего, отметим, что совершенно неизвестен археологический контекст рассматриваемого палеоантропологического материала. Происходит ли он из некрополя городища или был собран в результате раскопок городской черты? Эта неопределенность существенным образом ограничивает возможность интерпретации полученных результатов.

Кроме этого, рассматриваемая группа не соответствует критериям палеопопуляции, то есть не может являться прообразом реально существующей группы средневекового городского населения, прежде всего из-за малочисленности серии. В связи с этим было принято решение не проводить анализ половозрастных особенностей изучаемой группы на фоне других городских синхронных выборок с терри-

тории Нижнего Поволжья, так как выявленные палеодемографические особенности отражают случайный характер и демонстрируют неполноту информации по таким критериям, как средний возраст смерти в женской группе, показатели детской смертности, количество индивидов, доживших до возраста старше 50 лет, и многим другим.

Тем не менее исследованные краниологические материалы позволили выявить некоторые особенности, которые, вероятно, были характерны для части городского населения золотоордынского Хаджи-Тархана.

Исследуемая золотоордынская серия Шареного Бугра характеризуется высокими частотами встречаемости дискретно-варирующих признаков и широким их разнообразием. Выборка по сочетанию краниоскопических признаков имеет сходство с монголоидными и смешанными монголоидно-европеидными популяциями, и прежде всего с синхронными группами, из могильников Вакуровский и Маячный бугор [3, с. 64].

В серии из Шареного Бугра обнаружены черепа с непреднамеренной искусственной деформацией. Частота ее встречаемости достигает показателя 51,5 % от общей численности группы. Фиксируется она у взрослых индивидов, у детей и подростков. Тип деформации затылочный или колыбельный. Подобная модификация головы возникает при длительном лежании ребенка на спине. Объясняется это использованием колыбелей по типу «бешик». Так, у некоторых Северокавказских народов дети находились в колыбели до 3–5 лет. Вынимали ребенка из люльки редко, даже при кормлении грудью [1]. Затылочная деформация, как и колыбель «бешик», распространена достаточно широко в Старом Свете от Азиатских степей до Южной Европы. На Востоке колыбель «бешик» вошла в быт у целого ряда тюркоязычных народов. Распространена она и на Ближнем Востоке у народов южной ветви большой европеидной расы, а также на территории Южной Европы и Кавказе [13, с. 37]. Колыбельная деформация отмечается практически во всех Нижневолжских городских сериях (Водянское городище, Царевское городище и его округа, могильники Красноярского городища), а также в кочевых группах золотоордынского времени

(табл. 6). Данное обстоятельство позволяет включить серию из городища Шареный Бугор в круг средневекового золотоордынского населения (табл. 6).

На фоне Нижневолжских городских серий выборка из Хаджи-Тархана характеризуется самыми низкими частотами встречаемости кариеса (табл. 6). В то же время показатели таких патологических отклонений зубочелюстной системы, как зубной камень и пародонтоз, во всех городищах находится на высоком уровне.

О том, что существенное значение для городского золотоордынского населения играют углеводсодержащие продукты и прежде всего хлеб, известно из письменных источников и археологических данных. Так, Шереф ад-Дин Йезди, описывая захват Ашдархана Тимуром, в числе добычи, полученной из Хаджи-Тархана, упоминает хлеб и деньги [27, с. 184–185]. На сельских поселениях дельты Волги золотоордынского времени очень часто встречаются зерновые ямы, а на поселениях Багаевка и в урочище «Мартышкино» найдены жернова [18, с. 52]. Поэтому проявление кариеса у городского населения Золотой Орды – вполне естественное состояние.

Заниженные частоты встречаемости кариеса в серии, происходящей из Шареного Бугра, требуют объяснения. С одной стороны, возможно, в данном случае существенную роль мог сыграть эффект малочисленности серии, с другой – такая ситуация может быть связана с некоторой спецификой питания населения, проживавшего в городище Шареный Бугор.

Так, хорошо известно, что золотоордынские города, в особенности находящиеся в дельте Волги, не могли долго обходиться без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи. Л.Ф. Недашковский указывает, что при раскопках Хаджи-Тархана найдено наибольшее количество костных остатков осетровых (478 костей, 29,1 % всех остеологических материалов), карповых и частичковых (421 кость, 25,6 %) рыб, за которыми следуют мелкий рогатый скот (325 костей, 19,8 %), лошадь и сайгак [18, с. 25]. В связи с этим, скорее всего, основой диеты населения Хаджи-Тархана была рыба и производные мясомолочного комплекса. Эта специализация в

рационе и отразилась на состоянии зубочелюстной системы, которая характеризуется низкой частотой встречаемости кариеса, абсцессов и широким распространением зубного камня и пародонтоза.

Удовлетворительное состояние зубочелюстной системы, несмотря на отсутствие следов даже примитивной гигиены ротовой полости (признаков использования твердых зубочисток), еще не является доказательством благополучия жизни людей в Хаджи-Тархане. О воздействии негативных факторов окружающей среды на население города, а также о периодах социально-экономической напряженности свидетельствуют и письменные источники, и маркеры стресса, выявленные в серии Шареного Бугра.

В исследуемой группе зафиксированы маркеры развития анемий «*сгiبرا orbitalia*», которые даже на фоне синхронных городских серий Нижнего Поволжья имеют завышенные значения (табл. 6).

О систематически возникающих ситуациях, которые приводят к нехватке микроэлементов, указывают случаи фиксации разреженности костной ткани на костях лицевого отдела черепа, обнаруженные на останках детей и подростков. Следует упомянуть, что пороз костей свода и лицевого отдела черепа является наиболее часто встречаемым патологическим отклонением, которое наблюдается на костных останках неполовозрелых индивидов, происходящих из некрополей золотоордынских городищ, достигая значения в 64 % [20, с. 91]. Большинство современных палеопатологов соотносят наличие разреженности костной ткани в виде пороза на костях черепа с хронической нехваткой витамина С в организме [34; 42–44; 48]. Основные причины, по которым могли развиваться подобного рода отклонения, следующие: длительные сезонные голодовки, воздействие негативных факторов окружающей среды, например холода, недостаточное и некачественное питание, осложнения в связи с развитием других заболеваний.

Территория Волжской дельты – это зона резко континентального климата и рискованного земледелия. Как указывает Е.М. Пигарев, ссылаясь на источники XVIII–XIX вв., населенные пункты Астраханской области в периоды весеннего половодья или слабomорозной зимы

становятся труднодоступными, а иногда прекращается сухопутное сообщение с населенными пунктами [8, с. 43, 52], и, как считает исследователь, в золотоордынскую эпоху ситуация не могла быть лучше вышеописанной [22, с. 138]. Имеются сведения и о том, что в нижневолжском регионе засухи и оледенения возникали каждые 2–3 года, приводя к падежу скота и неурожаям, а следовательно – к голоду [25, с. 27–37]. Т.Ф. Хайдаров, ссылаясь на письменные источники, указывает, что в период с 1350 по 1390 г. в Золотой Орде было 30 голодных лет [31]. Судя по русским летописям, на 1346 г. приходится распространение мора «на город Орначь и Хозторкань... бысть мор ишени на всех тамо живущих, яко на не бе кому их погребати» [23, с. 57]. Все вышеуказанные сведения доказывают серьезное стрессовое давление на городское население дельты Волги.

У 29 % взрослых индивидов серии из Шареного Бугра обнаружено присутствие еще одного маркера эпизодического стресса – эмалевой гипоплазии, который отражает перенесенные человеком в детстве тяжелые периоды жизни в виде хронических заболеваний лихорадочного характера или стресса, связанного с переходом от грудного вскармливания к обычной пище или появившегося в результате голода (табл. 3, 6). Данный признак на зубах в исследуемой группе чаще встречается у молодых индивидов. Вероятность дожить до зрелого возраста у людей из Шареного Бугра, имеющих эмалевую гипоплазию, была крайне мала – 8 % (табл. 4), что подтверждает предположение о сильном стрессовом прессе для исследованной группы, даже несмотря на то обстоятельство, что по сравнению с другими золотоордынскими сериями Нижнего Поволжья частоты встречаемости эмалевой недостаточности самые низкие.

Специализация большей части населения Шареного Бугра на речных промыслах, возможно, является причиной фиксации у двух индивидов из исследуемой серии экзостоза наружного слухового прохода. Сегодня данные патологические отклонения в научной литературе принято считать признаком, который маркирует популяции, живущие или обитающие в прибрежной зоне, повседневная жизнь которых связана с систематическим нахождением в холодной воде [38; 45]. Экзостоз ушного канала в основном характерен для

взрослых мужчин, что соответствует выявленным случаям из Шареного Бугра [6; 32; 46]. Основными причинами развития экзостозов в ушном канале являются длительное нахождение в холодной воде или ныряние в холодную воду, специфика трудовой деятельности, особенности питания и состояние иммунной системы [6; 33; 49].

Вполне возможно, специализация в рыболовстве, а также жизнь в речной зоне могла спровоцировать и проявление в серии высоких частот встречаемости васкуляризации костной ткани, которая возникает вследствие пребывания на открытом воздухе при влажном и прохладном климате [6]. В серии, происходящей из городища Шареный Бугор, выявляются самые высокие значения этого состояния костной ткани на фоне синхронных оседлых групп золотоордынского времени Нижнего Поволжья (табл. 6). При изучении распространения данного признака в сериях кочевников раннего железного века, раннего и позднего средневековья, во всех случаях без исключения данная патология достоверно чаще выявляется у мужчин, увеличиваясь с возрастом. В серии, происходящей с территории Шареного Бугра, такая зависимость не столь очевидна. Несмотря на то что женских черепов в группе небольшое количество, маркер воздействия холодного и влажного воздуха на организм присутствует и у них (табл. 3).

Существенной особенностью исследуемой серии является то, что практически на всех изученных черепных капсулах обнаружены следы острой васкулярной реакции, захватывающей всю часть свода черепа, на которой обычно находится волосная покров. Объяснение причин возникновения поротических изменений у 31 индивида независимо от возраста и пола нуждается в дальнейшем поиске. В данном случае возможны варианты использования специфических причесок, которые комбинировались с выбриванием волос на большей части свода черепа, или ношение особенных головных уборов. Массовое распространение данного патологического состояния на костях свода черепа существенным образом выделяет серию, происходящую из Шареного Бугра, от всех остальных средневековых оседлых групп Нижнего Поволжья.

Еще одной яркой чертой исследуемой группы является высокий процент встречаемо-

сти такого патологического отклонения, как внутренний лобный гиперостоз (далее – ВЛГ). Причины его развития до сих пор точно не определены. Тем не менее большая часть врачей и палеопатологов сходятся во мнении, что ВЛГ имеет эндокринную природу происхождения [37; 40; 41] и в настоящее время чаще встречается у женщин старше 40 лет [36; 39]. То, что у группы взрослого населения, происходящего из Хаджи-Тархана, ВЛГ присутствует у людей в возрасте 35–45 лет, в целом не вызывает каких-либо вопросов. В то же время из 5 зафиксированных случаев – 4 обнаружены на черепных коробках мужчин. Данная ситуация не характерна для городского средневекового населения Нижнего Поволжья, да и частоты встречаемости намного выше, чем в синхронных группах. Доминирование внутреннего лобного гиперостоза у мужчин из Шареного Бугра сближает эту серию с кочевниками раннего железного века и кочевым населением хазарского времени Нижнего Поволжья. По мнению ряда исследователей, кочевники в округе городища Шареный Бугор, несомненно, обитали, и именно в Нижнем Поволжье происходит срастание двух жизненных укладов – скотоводческого и оседлого, где, очевидно, были наиболее благоприятные условия для сосуществования кочевой степи и городов с их аграрной периферией [18, с. 60; 30, с. 216]. Тем не менее однозначно говорить о том, что исследуемая группа могла быть частью кочевого общества, оказавшейся каким-то образом в городской среде, преждевременно.

На специфический образ жизни или особенность в специализации серии из городища Шареный Бугор указывает и ряд других критериев.

Так, в исследованной группе отмечается практически полное отсутствие на черепках признаков воспалительных процессов и, соответственно, маркеров распространения в группе инфекций. Единственный случай был обнаружен на внутренней поверхности костей свода черепа у подростка 12–13 лет (инв. № 1792). Однозначно судить о причине возникновения субэпидуральных воспалительных процессов затруднительно, так как на черепной коробке зафиксирован целый комплекс травматических повреждений, правда предсмертного характера.

Группа из Шареного Бугра отличается крайне высоким уровнем травматизма в се-

рии – 64,3 %. Практически все травмы были зафиксированы у мужчин. Ранения, полученные непосредственно перед смертью, были выявлены у 6 индивидов, что составляет 33,3 % от общего количества травм. Все травмы костей свода черепа – насильственные и возникли в результате ударов рубящим или дробящим оружием (топором, саблей, кевцем, булавой). На возможную специализацию данной группы может указывать еще один аспект – это высокий уровень лицевого травматизма. Все травмы носа были обнаружены только у мужчин.

Реконструировать обстоятельства получения большей части боевых ранений не представляется возможным из-за отсутствия археологического контекста. Являлись ли индивиды исследуемой группы профессиональными воинами или защитниками города и при каких условиях ими были получены боевые ранения – сказать сложно. Вполне вероятно, что летальные повреждения отражают трагические события разрушения Хаджи-Тархана Тимуром зимой 797 г.х. (1395–1396 гг.). Так, о разрушении и сожжении города сообщают восточные авторы XV и XVII вв. [12, с. 82; 15, с. 47; 26, с. 466].

Результаты. Рассмотренная группа не соответствует критериям палеопопуляции, то есть не может являться прообразом реально существующей группы средневекового городского населения.

Исследуемая золотоордынская серия Шареного Бугра характеризуется высокими частотами встречаемости дискретно-варирующих признаков и широким их разнообразием, что может быть следствием генетической близости индивидов.

На изученных черепах зафиксированы признаки преднамеренной искусственной деформации затылочного типа, возникающей в результате использования в быту колыбели «бешик». Широкое применение этой колыбели включает серию из городища Шареный Бугор в круг средневекового золотоордынского населения.

Для исследуемой выборки характерно распространение маркеров стресса, свидетельствующих о том, что городское населения дельты Волги было подвержено воздействию негативных факторов окружающей и социальной среды: холод, бедная на витамины диета, голод и др.

Для половозрелого населения было характерно распространение признаков нехватки микроэлементов в организме, вероятно возникающих в холодные и голодные зимы или в период затяжной весны.

Группа населения, происходящая из городища Шареный Бугор, специализировалась на жизни в речной зоне, что обусловило специфическую диету и появление случаев заболеваний, характерных для людей, длительное время проводящих в водной среде.

Высокая степень распространения маркеров воздействия низких температур на организм человека, наличие у мужчин, женщин и детей острой васкулярной реакции на костях свода черепа, высокий уровень встречаемости признаков эндокринных нарушений в группе, а также крайне высокие показатели травматизма, в том числе распространение боевых повреждений, предсмертных и летальных ранений, травм лицевого отдела черепа, – все это выделяет исследуемую серию на фоне синхронных городских групп Нижнего Поволжья.

Вполне вероятно, перед нами социальная прослойка или ремесленная часть населения золотоордынского города Хаджи-Тархан, которая занималась речным промыслом, обладала специфическим внешним обликом (прическа или постоянно носимый головной убор), а также принимала активное участие в защите города при набегах врагов.

Благодарности. Выражаем благодарность доктору исторических наук, академику РАН, директору научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ А.П. Бужиловой за научное консультирование и возможность работы в фондах института и с оборудованием, приобретенным по Программе развития МГУ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках научно-го проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the scientific project No. 0633-2020-0004 “Development of the method of virtual 3D reconstruction of historical objects”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Половозрастные особенности серии черепов, происходящих с городища Шареный Бугор

Table 1. Sex and age characteristics of the series of skulls originating from Shareniy Bugor settlement

Возраст	Шареный Бугор		
	♂/24	♀/4	S/33
Новорожденные	0	0	0
2–12 месяцев	0	0	0
2–4	0	0	0
5–9	0	0	2
10–14	0	0	3
15–19	0	1	1
20–24	3	0	3
25–29	3	2	5
30–34	6	0	5
35–39	2	1	3
40–44	4	0	5
45–49	2	0	2
50 +	4	0	4
Средний возраст смерти (A)	37,3	27,5	32,0
	35,9		
Процент индивидов данного пола (PSR)	85,7	14,3	–
C50+	16,7	0	12,1
Процент детской смертности (PCD)	(5)15,2		

Таблица 2. Частоты встречаемости некоторых дискретно-варьирующих признаков на черепях Шареного Бугра

Table 2. Frequencies of occurrence of some discretely varying features on skulls of Shareniy Bugor

Дискретные признаки	Взрослые индивиды			Мужчины			Женщины		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%
Гиподонтия 3 м	28	1	4	24	1	4	4	0	0
Метопический шов	28	2	7	24	2	8	4	0	0
Сохранение зародышевых швов	28	3	11	24	3	13	4	0	0
Остеомы	28	4	14	24	4	17	4	0	0
Шовные кости	28	12	43	24	10	42	4	2	50
Родничковые кости	28	9	32	24	8	33	4	1	25
Пальцевидные вдавления	28	12	43	24	9	38	4	3	75
Другие	28	19	68	24	16	67	4	3	75

Таблица 3. Частоты встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса на черепах из городища Шареный Бугор

Table 3. Frequencies of pathological abnormalities and stress markers on skulls from Shareniy Bugar settlement

Патологические отклонения	Взрослые	Дети/ подростки	Мужчины	Женщины
	N	N	N	N
s	28	5	24	4
Деформация черепа	14 (50 %)	3 (60 %)	11 (46 %)	3 (75 %)
Интерпроксимальные желобки	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Кариес	4 (14 %)	0 (0 %)	3 (13 %)	1 (25 %)
Абсцесс	10 (36 %)	0 (0 %)	9 (38 %)	1 (25 %)
Зубной камень	24 (86 %)	4 (80 %)	20 (83 %)	4 (100 %)
Эмалевая гипоплазия	8 (29 %)	1 (20 %)	7 (29 %)	1 (25 %)
Прижизненная утрата зубов	12 (43 %)	0 (0 %)	11 (46 %)	1 (25 %)
Пародонтоз	21 (75 %)	0 (0 %)	20 (83 %)	1 (25 %)
Сколы эмали	7 (25 %)	0 (0 %)	6 (25 %)	1 (25 %)
Патологическая стертость зубов	9 (32,1 %)	0 (0 %)	8 (33,3 %)	1 (25 %)
Дегенер. изм. нижнечелюстного сустава	26 (93 %)	0 (0 %)	23 (96 %)	3 (75 %)
Васкулярная реакция костной ткани	26 (93 %)	0 (0 %)	23 (96 %)	3 (75 %)
Поротический гиперостоз орбит	7 (25 %)	5 (100 %)	5 (21 %)	2 (50 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	3 (11 %)	2 (40 %)	2 (8 %)	1 (25 %)
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа	0 (0 %)	5 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Острый васкулярный процесс	27 (96,4 %)	4 (80 %)	24 (100 %)	3 (75 %)
Ушной экзостоз	2 (7,1 %)	0 (0 %)	2 (8,3 %)	0 (0 %)
Внутренний лобный гиперостоз	5 (18 %)	0 (0 %)	4 (17 %)	1 (25 %)
Воспалительные процессы на черепной коробке	0 (0 %)	1 (20 %)	0 (0 %)	0 (0 %)

Таблица 4. Возрастные зависимости встречаемости патологических состояний и маркеров стресса в серии из городища Шареный Бугор

Table 4. Age dependences in the occurrence of pathological conditions and stress markers in the series from Shareniy Bugar settlement

Признаки/возраста	Infantilis II	Uvenis	Adultus	Maturus
	N	N	N	N
s	2	3	15	13
Кариес	0 (0 %)	0 (0 %)	2 (13 %)	2 (15 %)
Абсцесс	0 (0 %)	0 (0 %)	3 (20 %)	7 (54 %)
Зубной камень	2 (100 %)	2 (67 %)	15 (100 %)	9 (69 %)
Эмалевая гипоплазия	0 (0 %)	1 (33 %)	7 (47 %)	1 (8 %)
Потеря зуба	0 (0 %)	0 (0 %)	3 (20 %)	9 (69 %)
Пародонтоз	0 (0 %)	0 (0 %)	9 (60 %)	12 (92 %)
Сколы эмали	0 (0 %)	0 (0 %)	6 (40 %)	1 (8 %)
Патологическая стертость зубов	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	6 (46,2 %)
Интерпроксимальные желобки	0 (0 %)	0 (8 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Дегенер. изм. нижнечелюстного сустава	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (87 %)	13 (100 %)
Васкулярная реакция	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (87 %)	13 (100 %)
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	2 (100 %)	3 (100 %)	4 (27 %)	3 (23 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	1 (50 %)	1 (33 %)	2 (13 %)	1 (8 %)
Пороз костей черепа	2 (100 %)	3 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Внутренний лобный гиперостоз	0 (0 %)	0 (0 %)	2 (13 %)	3 (23 %)
Пальцевидные вдавления на черепе	2 (100 %)	2 (67 %)	7 (47 %)	5 (38 %)
Воспалительные процессы на черепной коробке	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Ушной экзостоз	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (6,7 %)	1 (8 %)
Травмы свода черепа	0 (0 %)	1 (33 %)	2 (13 %)	4 (31 %)
Травмы лицевого отдела черепа	0 (0 %)	0 (0 %)	4 (27 %)	6 (46 %)

Таблица 5. Травматические повреждения в серии, происходящей с территории Шареного Бугра

Table 5. Traumatic injuries in the series originating from the territory of Shareniy Bugar

Тип и локализация травм	Взрослые			Мужчины		
	S	N	%	S	n	%
Свод черепа	28	7	25	24	7	29,2
Травмы носа	28	10	35,7	24	10	37,5
Комплексные дефекты (более 1 травмы у 1 человека)	28	6	21,4	24	6	25
Рубленые ранения черепа	28	3	10,7	24	3	12,5
Вдавленные (компрессионные) переломы костей свода черепа	28	6	21,4	24	6	25
Смертельные ранения	28	6	21,4	24	6	25
Прижизненные травмы	28	11	39,3	24	11	45,8
Индивидов с травмами всего	28	17	60,7	24	17	70,8

Таблица 6. Частоты встречаемости некоторых патологических отклонений и маркеров стресса в городских средневековых сериях Нижнего Поволжья, %

Table 6. Frequencies of occurrence of some pathological deviations and stress markers in the urban medieval series of the Lower Volga region

Признаки	Локализация					
	Шареный бугор	Маячный бугор	Вакуровский бугор	Водянское городище	Царевское городище	Новохарьковский могильник
Деформация черепа	50	27	20	15	56	–
Кариес	14	33	25	46	33	15,5
Зубной камень	86	91	90	94	95	–
Пародонтоз	75	53	55	72	69	–
Эмалевая гипоплазия	29	43	61	51	44	55,1
Сколы эмали	25	16	35	38	32	12,1
Деформирующий артроз нижнечел. сустава	93	70	55	32	77	–
Васкулярная реакция	93	23	29	59	61	22,4
Cribra orbitalia	25	13	12	13	19	8,6
ПГКСЧ	11	0,5	10	16	6,5	–
ВЛГ	18	2	7,8	6	5,6	–
Ушной экзостоз	7,1	0	0	0	0	–
Травматизм	57,1	24	22,7	28	26,2	10,3

Рис. 1. Расположение археологического памятника Шареный Бугор

Fig. 1. Location of Shareniy Bugor archaeological site

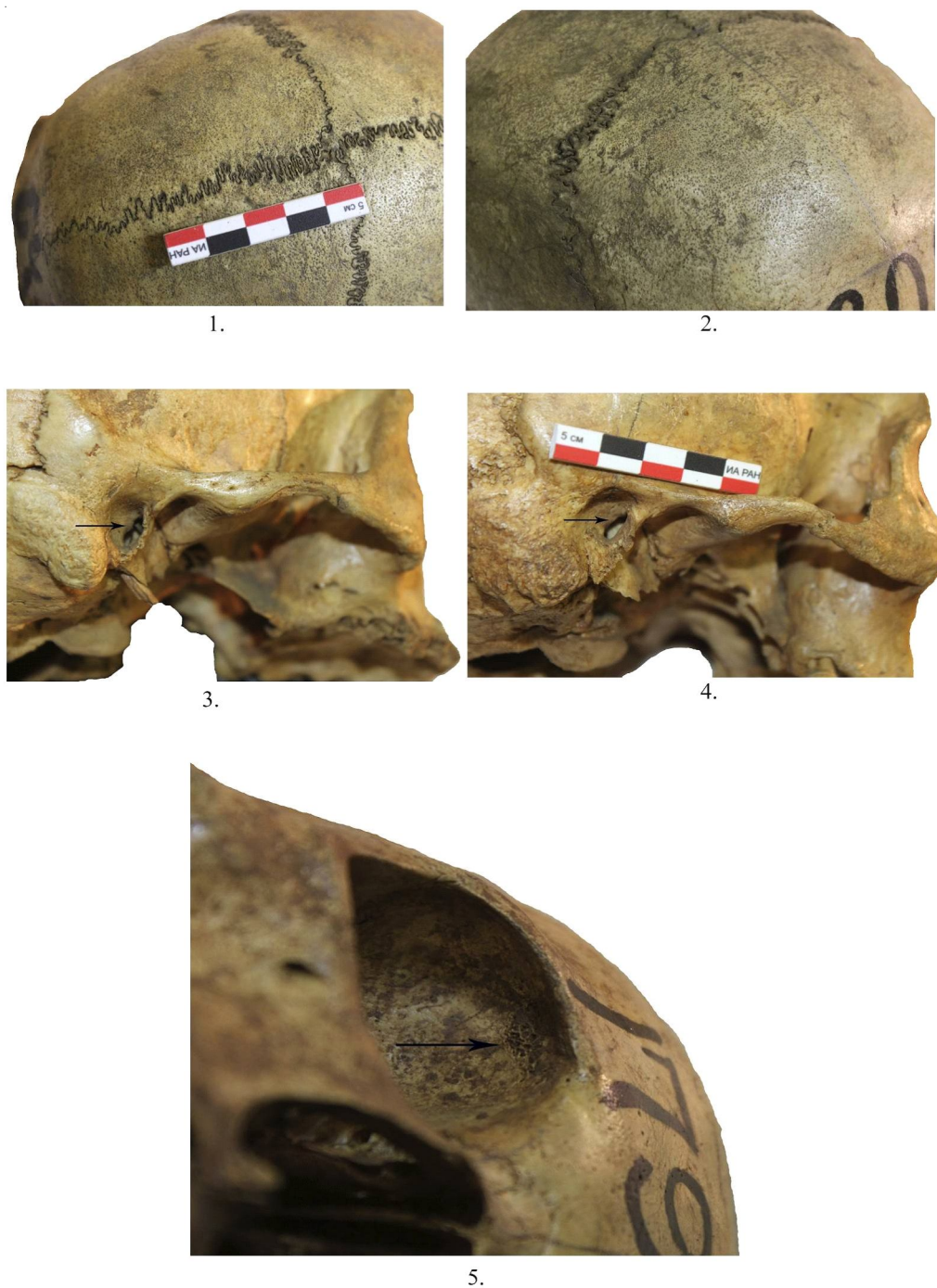

Рис. 2. Патологические отклонения на черепках из Шареного Бугра:

- 1 – острая васкулярная реакция на черепной коробке мужчины 25–35 лет (инв. № 6490);
- 2 – острая васкулярная реакция на черепной коробке мужчины 20–30 лет (инв. № 1806);
- 3 – сужение слухового прохода на черепной коробке мужчины 50–60 лет (инв. № 1797/25);
- 4 – экзостоз наружного слухового прохода у мужчины 30–35 лет (инв. № 1802/13);
- 5 – поротический гиперостоз орбиты (cribra orbitalia) у ребенка 6 лет (инв. № 1807/8)

Fig. 2. Pathological abnormalities on skulls from Sharenii Bugar:

- 1 – acute vascular reaction on the cranium of a 25–35-year-old male (No. 6490);
- 2 – acute vascular reaction on the cranium of a 20–30-year-old male (No. 1806);
- 3 – narrowing of the auditory passage on the cranium of a 50–60-year-old male (No. 1797/25);
- 4 – exostosis of the external auditory passage in a 30–35-year-old male (No. 1802/13);
- 5 – porotic hyperostosis of the orbit (cribra orbitalia) in a 6-year-old child (No. 1807/8)

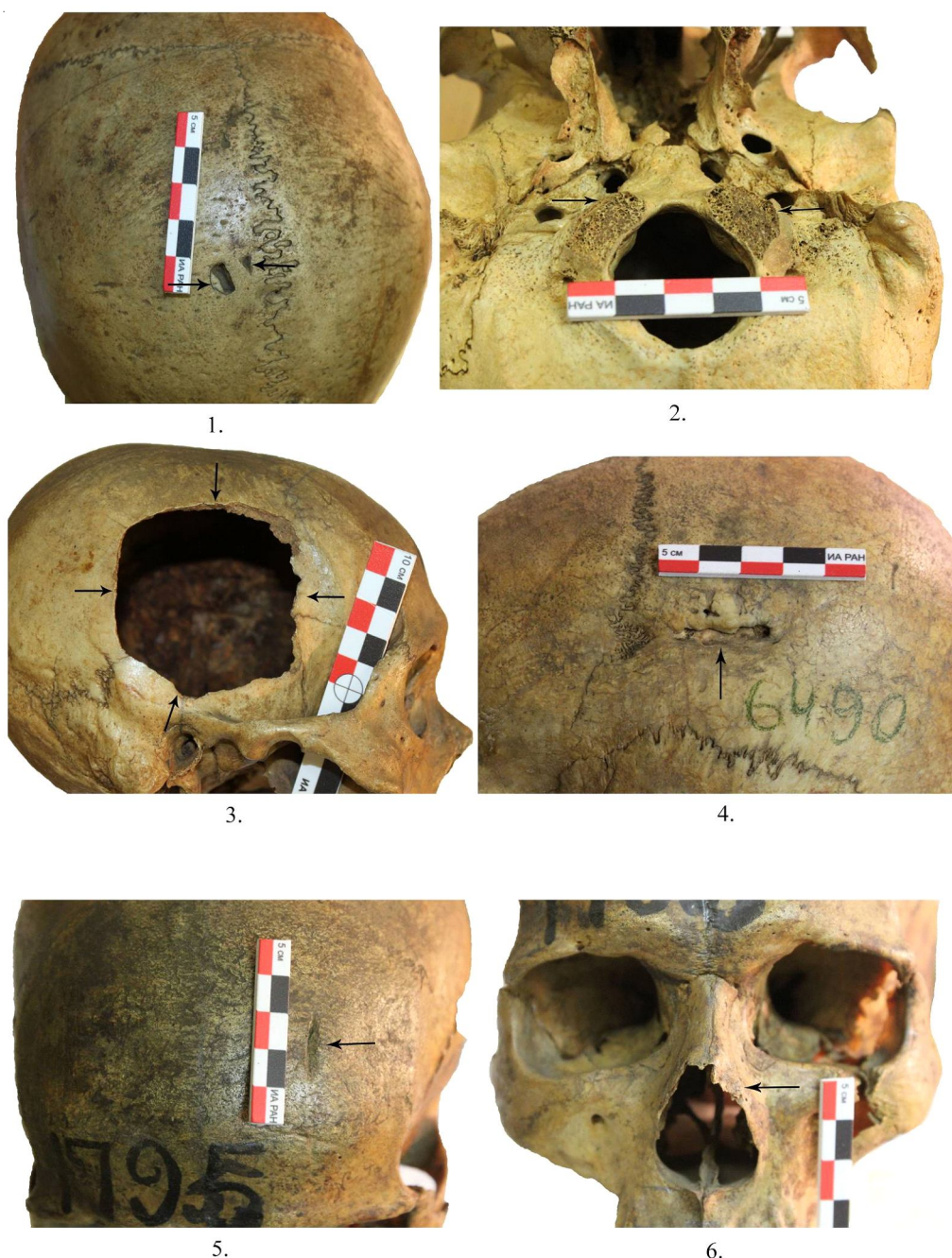

Рис. 3. Травмы на черепах из Шареного Бугра:

- 1 – травмы черепа у подростка 12–13 лет (инв. № 1792);
 2 – травма заглазничных мыщелков на черепной коробке мужчины 25–35 лет (инв. № 1815);
 3 – предсмертное ранение черепа в виде обширного компрессионного перелома у мужчины 40–50 лет (инв. № 1812);
 4 – следы заживления рубленой травмы у мужчины 25–35 лет (инв. № 6490);
 5 – след от травмы, полученной от удара предметом с острым режущим краем, у мужчины 35–45 лет (инв. № 1795);
 6 – травма носа у мужчины (инв. № 1795)

Fig. 3. Injuries on skulls from Shareniy Bugor:

- 1 – injuries to the skull in a 12–13-year-old adolescent (No. 1792);
 2 – injury of the occipital condyles on the cranium of a 25–35-year-old male (No. 1815);
 3 – near-death wound to the skull in the form of an extensive compression fracture in a 40–50-year-old male (No. 1812);
 4 – traces of healing of a chopped injury in a 25–35-year-old male (No. 6490);
 5 – trace from an injury from a blow with an object with a sharp cutting edge in a 35–45-year-old male (No. 1795);
 6 – injury to the nose in a male (No. 1795)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон, С. М. Рождение и детство киргизского ребенка / С. М. Абрамзон // СМАЭ. – 1949. – Вып. XII. – С. 78–139.
2. Алексеева, Т. И. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ / Т. И. Алексеева, С. Г. Ефимова, Р. Б. Эренбург. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 224 с.
3. Балабанова, М. А. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени : монография / М. А. Балабанова, Е. В. Перерва, Е. Г. Зубарева. – Волгоград : Волгогр. акад. гос. службы, 2011. – 180 с.
4. Блохин, В. Г. Археология золотоордынских родов Нижнего Поволжья / В. Г. Блохин, Л. В. Яворская. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 268 с.
5. Бужилова, А. П. Древнее население (палеопатологические исследования) / А. П. Бужилова. – М. : Изд-во ИА РАН, 1995. – 189 с.
6. Бужилова, А. П. Палеопатология в биореологических реконструкциях / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М. : Старый Сад, 1998. – С. 87–147.
7. Васильев, Д. В. Где находилась и как называлась татарская Астрахань? (О фальсификациях истории происхождения города) / Д. В. Васильев // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44). – С. 228–236.
8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. В 17 т. Т. V, ч. 5. – СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1852. – 219 с.
9. Гузейров, Р. А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гузейров Ришат Арифиллович. – Казань, 2004. – 19 с.
10. Гузейров, Р. А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа : рукопись дис. канд. ист. наук / Гузейров Ришат Арифиллович. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – 231 с.
11. Дебец, Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 4. – 392 с.
12. История Татарии в документах и материалах. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 503 с.
13. Касимова, Р. М. О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа / Р. М. Касимова – Баку : Элм, 1980. – С. 8–41.
14. Комаров, С. Г. Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии / С. Г. Комаров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 104–115.
15. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных : (География) / Махмуд ибн Вали ; введ., пер., примеч., указ. Б. А. Ахмедова; АН УзССР, Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни. – Ташкент : Фан, 1977. – 167 с.
16. Мовсесян, А. А. Программа и методика исследования аномалий черепа / А. А. Мовсесян, Н. Н. Мамонова, Ю. Г. Рычков // Вестник антропологии. – 1975. – Вып. 51. – С. 127–150.
17. Недашковский, Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л. Ф. Недашковский. – М. : Восточная литература, 2010. – 351 с.
18. Недашковский, Л. Ф. Золотоордынский город Нижнего Поволжья и его округа: городища Селитренное и Шареный Бугор, общая характеристика : учеб. пособие / Л. Ф. Недашковский. – Казань : Казан. ун-т, 2017. – 103 с.
19. Пачкалов, А. В. Золотоордынские города Нижнего Поволжья в конце XIV в. / А. В. Пачкалов // Золотоордынское наследие : материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» : сб. ст. / Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Республики Татарстан. – М. : ИА РАН, 2009. – С. 210–218. – (Сер. «Золотоордынское наследие»).
20. Перерва, Е. В. Проявление патологических состояний на костных останках детей и подростков с территории Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам городов золотоордынского времени) / Е. В. Перерва // Вестник московского университета. Серия XXIII «Антропология». – 2019. – № 2. – С. 84–99.
21. Пигарев, Е. М. Городище «Шареный Бугор» (город Хаджи-Тархан) и его округа / Е. М. Пигарев // Поволжская археология. – 2018. – № 2 (24). – С. 134–149.
22. Плахов, В. В. Текстовый отчет по раскопкам усадьбы XIV в. на городище Хаджи-Тархан Астраханской области, 1984 / В. В. Плахов // Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 11416; 11416/а.
23. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. IX. – СПб., 1862. – 497 с.
24. Реконструкции демографических процессов в прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) / Д. В. Богатенков, А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2008. – № 6. – С. 196–213.
25. Судьба степей / В. Г. Мордокович, А. М. Гилляров, А. А. Тишков, С. В. Баландин. – Новосибирск : Мангазея, 1997. – 300 с.

26. Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Тизенгаузен. – Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1884. – 579 с.
27. Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Тизенгаузен. – Т. II. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 303 с.
28. Трофимова, Т. А. Краниологический очерк татар Золотой Орды / Т. А. Трофимова // Антропологический журнал. – 1936. – № 2. – С. 166–189.
29. Трофимова, Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Т. А. Трофимова // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – Т. 7. – 262 с.
30. Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 274 с.
31. Хайдаров, Т. Ф. Природно-экологический кризис в Золотой Орде (XIV–XV вв.): неизбежность или запрограммированный процесс? / Т. Ф. Хайдаров // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. – С. 159–163.
32. Agelarakis, A. Auditory exostoses, intracranial skeleton-muscular changes and maritime activities in classical period Thasos island / F. Agelarakis, Y. C. Serpanos // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. – 2010. – Vol. 10, No. 2. – P. 45–57.
33. Aufderheide, A. C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A. C. Aufderheide, C. R. Martin. – United Kingdom : Cambridge University Press, 1998. – 478 p.
34. Brickley, M. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy / M. Brickley, R. Ives // Am. Journal of Physical Anthropology. – 2006. – No. 129. – P. 163–172.
35. Brothwell, D. R. Digging up Bones / D. R. Brothwell. – London : Trustees of British Museum, 1972. – 316 p.
36. Caughey, J. E. The etiology of hyperostosis crani! (Metabolic craniopathy) / J. E. Caughey // The Journal of Bone and Joint Surgery. – 1958. – Vol. 40, No. 4. – P. 701–721.
37. Full Penetrance of Morgagni–Stewart–Morel Syndrome in a 75-Year-Old Woman: Case Report and Review of the Literature / F. Attanasio [et al.] // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2013. – Febr., No. 98(2). – P. 453–457.
38. Godde, K. An Examination of Proposed Causes of Auditory Exostoses / K. Godde // Intern. Journal of Osteoarchaeology. – 2010. – Vol. 20. – P. 486–490.
39. Hawkins, T. D. Incidence of hyperostosis frontalis interna in patients at a general hospital and at a mental hospital / T. D. Hawkins, L. Martin // Journal of Neurol. Neurosurg. Psychiat. – 1965. – No. 28. – P. 171–174.
40. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective / I. Hershkovitz, Ch. Greenwald, B. M. Rothschild, B. Latier, O. Dutour, L. M. Jellema, S. Wish-Baratz // American Journal of Anthropology. – 1999. – No. 109. – P. 303–325.
41. Intracranial Volume, Cranial Thickness, and Hyperostosis Frontalis Interna in the Elderly / H. May [et al.] // American journal of human biology. – 2012. – No. 24. – P. 812–819.
42. Maat, G. J. R. Scurvy in Adults and Youngsters: the Dutch Experience A Review of the History and Pathology of a Disregarded Disease / G. J. R. Maat // Int. Journal. Osteoarchaeol. – 2004. – No. 14. – P. 77–81.
43. Mays, S. A Likely Case of Scurvy from Early Bronze Age Britain / S.A. May // Int. Journal. Osteoarchaeol. – 2008. – No. 18. – P. 178–187.
44. Melikian, M. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy / M. Melikian, T. Waldron // Int. Journal. Osteoarchaeol. – 2003. – No. 7. – P. 207–212.
45. Novak, M. Navigare necesse est. Possible reconstruction of a maritime-activities related occupation based on the presence of auditory exostoses in an individual from the Roman period city of Iader / M. Novak, T. Alihodžić, M. Šlaus // Anthropological review. – 2013. – Vol. 76(1). – P. 83–94.
46. Okumura, M. Auditory Exostoses as an Aquatic Activity Marker: A comparison of Coastal and Inland Skeletal Remains From Tropical and Subtropical Regions of Brazil / M. Okumura, C. Boyadjian, S. Eggers // Amer. Journal of Physical Anthropology. – 2007. – No. 132. – P. 558–567.
47. Prevalence of exostoses surfers of the Basque coast / F. Mariezkurrena, J. Gymeiz Suárez, I. Luqui Albisua, J. C. Veja Orte, J. Algaba Guimerá // Acta Otorrinolaringol. Esp. – 2004. – № 55. – P. 364–368.
48. Sinnott, C. A. A Bioarchaeological and historical analysis of scurvy in eighteenth and nineteenth century England. PhD Diss. / C. A. Sinnott. – Cranfield University, 2013. – 279 p.
49. Standen, V. Una hipótesis ambiental para un marcador óseo: La exostosis auditiva externa en las poblaciones humanas prehistóricas del desierto del norte de Chile / V. Standen, B. T. Arriaza, C. M. Santoro // Chungara. – 1995, Julio – Diciembre. – Vol. 27, No. 2. – P. 99–116.
50. Ubelaker, D. H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation / D. H. Ubelaker. – Chicago : Adline Publishing company, 1978. – 116 p.

REFERENCES

1. Abramzon S.M. Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka [Birth and Childhood of a Kyrgyz Child]. *SMAE*

[Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1949, iss. XII, pp. 78-139.

2. Alekseeva T.I., Efimova S.G., Erenburg R.B. *Kraniologicheskie i osteologicheskie kolleksii Instituta i Muzeya antropologii MGU* [Craniological and Osteological Collections of the Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1986. 224 p.

3. Balabanova M.A., Pererva E.V., Zubareva E.G. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni: monografiya* [Anthropology of Krasnoyarsk Settlement of the Golden Horde Time. Monograph]. Volgograd, Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2011. 180 p.

4. Blokhin V.G., Yavorskaia L.V. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzhya*. [Archaeology of the Golden Horde Settlements of the Lower Volga Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 268 p.

5. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie issledovaniya)* [Ancient Population (Paleopathological Research)] Moscow, Izd-vo IA RAN, 1995. 189 p.

6. Buzhilova A.P. *Paleopatologiya v bioreologicheskikh rekonstruktsiyakh* [Paleopathology in Biorheological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Biological Research Technique]. Moscow, Staryy Sad Publ., 1998, pp. 87-147.

7. Vasilyev D.V. *Gde nakhodilas i kak nazyvalas tatarskaya Astrakhan? (O falsifikatsiyakh istorii proiskhozhdeniya goroda)* [Where Was Tatar Astrakhan Located and What Was Its Name? (About Falsification of the History of the Origin of the City)]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Research], 2012, no. 4 (44), pp. 228-236.

8. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. Astrakhanskaya guberniya. V 17 t. T. V, ch. 5* [Military Statistical Review of the Russian Empire. Astrakhan Province. In 17 Vols. Vol. V, Pt. 5]. Saint Petersburg, Tipografiya Departamenta Generalnogo Shtaba, 1852. 219 p.

9. Guzeyrov R.A. *Zolotoordynskiy gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruga: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Golden Horde Settlement of Khadzhi Tarkhan and Its Districts. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan, 2004. 19 p.

10. Guzeyrov R.A. *Zolotoordynskiy gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruga: rukopis dis. kand. ist. nauk* [The Golden Horde Settlement of Khadzhi Tarkhan and Its Districts. Cand. hist. sci. diss. manuscript]. Kazan, 2004. 231 p.

11. Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy instituta*

etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya [Works of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New Series]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948, vol. 4. 392 p.

12. *Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh* [History of Tartary in Documents and Materials]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izd-vo, 1937. 503 p.

13. Kasimova R.M. *O vliyaniy razlichnykh tipov kolybeli na antropologicheskie priznaki v rannem detskom vozraste v svyazi s izucheniem etnogeneza azerbaydzhanskogo naroda* [About the Influence of Different Types of Cradle on Anthropological Signs in Early Childhood in Connection with the Study of the Ethnogenesis of the Azerbaijani People]. Baku, Elm Publ., 1980, pp. 8-41.

14. Komarov S.G. *Naselenie zolotoordynskogo goroda Khadzhi-Tarkhana po dannym kraniologii* [Population of the Golden Horde City of Hadji-Tarkhan According to Craniology Data]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 3 (30), pp. 104-115.

15. Makhmud ibn Vali. *More tayn otnositelno doblestey blagorodnykh (Geografiya)* [A Sea of Secrets Regarding the Valor of the Noble (Geography)]. Tashkent, Fan Publ., 1977. 167 p.

16. Movsesyan A.A., Mamontova N.N., Rychkov Yu.G. *Programma i metodika issledovaniya anomalii cherepa* [Program and Methodology for the Study of Skull Anomalies]. *Vestnik Antropologii* [Anthropological Issues], 1975, iss. 51, pp. 127-150.

17. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhya i ikh okruga* [Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Districts]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010. 351 p.

18. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskiy gorod Nizhnego Povolzhya i ego okruga: gorodishcha Selitrennoe i Sharenyy Bugor, obshchaya kharakteristika: ucheb. posobie* [The Golden Horde Settlement of the Lower Volga Region and Its Districts: Settlements of Selitrennoe and Sharenyy Bugor, General Characteristics. Study Guide]. Kazan, Kazanskiy universitet, 2017. 103 p.

19. Pachkalov A.V. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhya v kontse XIV v.* [Golden Horde Settlements of the Lower Volga Region in the Late 14th Century]. *Zolotoordynskoe nasledie: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Politicheskaya i sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy (XIII–XV vv.)»: sb. st.* [Golden Horde Heritage. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13rd – 15th Centuries)”]. Collection of Articles]. Moscow, IA RAN, 2009, pp. 210-218. (Ser. «Zolotoordynskoe nasledie» [Series “Golden Horde Heritage”]).

20. Pererva E.V. Proyavlenie patologicheskikh sostoyaniy na kostnykh ostankakh detey i podrostkov s territorii Nizhnego Povolzhya (po antropologicheskim materialam gorodov zolotoordynskogo vremeni) [The Manifestation of Pathological Conditions on the Bone Remains of Children and Adolescents from the Territory of the Lower Volga Region (According to Anthropological Materials of the Cities of the Golden Horde Time)]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya XXIII «Antropologiya»* [Moscow University Bulletin. Series XXIII "Anthropology"], 2019, no. 2, pp. 84-99.

21. Pigarev E.M. Gorodishche «Shareniy Bugor» (gorod Khadzhi-Tarkhan) i ego okruga [Settlement "Shareniy Bugor" (The City of Khadzhi-Tarkhan) and Its Districts]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Archeology], 2018, no. 2 (24), pp. 134-149.

22. Plakhov V.V. Tekstovoy otchet po raskopkam usadby XIV v. na gorodishche Khadzhi-Tarkhan Astrakhanskoy oblasti, 1984 [Text Report on the Excavation of the Estate of the 14th Century at the Settlement of Khadzhi-Tarkhan of Astrakhan region, 1984]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], f.R-1, d. 11416, 11416/a.

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. V 43 t. T. IX* [Complete Collection of Russian Chronicles. In 43 Vols. Vol. IX]. Saint Petersburg, 1862. 497 p.

24. Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B. Rekonstruktsii demograficheskikh protsessov v prikaspiyskom Dagestane epokhi bronzy (po materialam raskopok arkheologicheskogo kompleksa Velikent v 1995–1998 gg.) [Reconstruction of Demographic Processes in the Caspian Dagestan of the Bronze Age (Based on Materials from the Excavations of the Velikent Archaeological Complex in 1995–1998)]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Studies in Archeology], 2008, no. 6, pp. 196-213.

25. Mordkovich V.G., Gilyarov A.M., Tishkov A.A., Balandin S.V. *Sudba stepey* [The Fate of the Steppes]. Novosibirsk, Mangazeya Publ., 1997. 300 p.

26. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 1. *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Extracts from Arabic Writings]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1884. 579 p.

27. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. 303 p.

28. Trofimova T.A. Kraniologicheskii ocherk tatar Zolotoy Ordy [Craniological Sketch of the Tatars

of the Golden Horde]. *Antropologicheskii zhurnal* [Anthropological Journal], 1936, no. 2, pp. 166-189.

29. Trofimova T.A. Etnogenez tatar Povolzhya v svete dannykh antropologii [Ethnogenesis of the Volga Tatars in the Light of Anthropological Data]. *Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya* [Works of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949, vol. 7. 262 p.

30. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe Ruled by the Golden Horde Khans. Archaeological Sites]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1966. 274 p.

31. Khaydarov T.F. Prirodno-ekologicheskii krizis v Zolotoy Orde (XIV–XV vv.): neizbezhnost ili zaprogrammirovannyi protsess? [Natural and Ecological Crisis in the Golden Horde (14th – 15th Centuries): Inevitability or a Programmed Process?]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Proceedings of the 5th International Scientific Conference]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, pp. 159-163.

32. Agelarakis A., Serpanos Y.C. Auditory Exostoses, Infracranial Skeleton-Muscular Changes and Maritime Activities in Classical Period Thasos Island. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2010, vol. 10, no. 2, pp. 45-57.

33. Aufderheide A.C., Martin C.R. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998. 478 p.

34. Brickley M., Ives R. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy. *American Journal of Physical Anthropology*, 2006, no. 129, pp. 163-172.

35. Brothwell D.R. *Digging Up Bones*. London, Trustees of British Museum, 1972. 316 p.

36. Caughey J.E. The Etiology of Hyperostosis crani! (Metabolic Craniopathy). *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 1958, vol. 40, no. 4, pp. 701-721.

37. Attanasio F. et al. Full Penetrance of Morgagni – Stewart – Morel Syndrome in a 75-Year-Old Woman: Case Report and Review of the Literature. *J. Clin. Endocrinol. Metab*, 2013, February, no. 98 (2), pp. 453-457.

38. Godde K. An Examination of Proposed Causes of Auditory Exostoses. *Intern. Journal of Osteoarchaeology*, 2010, vol. 20, pp. 486-490.

39. Hawkins T.D., Martin L. Incidence of Hyperostosis Frontalis Interna in Patients at a General Hospital and at a Mental Hospital. *Journal of Neurol. Neurosurg. Psychiat*, 1965, no. 28, pp. 171-174.

40. Hershkovitz I., Greenwald Ch., Rothschild B.M., Latier B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Anthropology*, 1999, no. 109, pp. 303-325.
41. May H., Mali Y., Dar G., Abbas J., Hershkovitz I., Peled N. Intracranial Volume, Cranial Thickness, and Hyperostosis Frontalis Interna in the Elderly. *American Journal of Human Biology*, 2012, no. 24, pp. 812-819.
42. Maat G.J.R. Scurvy in Adults and Youngsters: The Dutch Experience A Review of the History and Pathology of a Disregarded Disease. *Int. Journal. Osteoarchaeol.*, 2004, no. 14, pp. 77-81.
43. Mays S. A Likely Case of Scurvy from Early Bronze Age Britain. *Int. Journal. Osteoarchaeol.*, 2008, no.18, pp. 178-187.
44. Melikian M., Waldron T. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy. *Int. Journal. Osteoarchaeol.*, 2003, no. 7, pp. 207-212.
45. Novak M., Alihodžić T., Šlaus M. Navigare Necessesse Est. Possible Reconstruction of a Maritime-Activities Related Occupation Based on the Presence of Auditory Exostoses in an Individual from the Roman Period City of Iader. *Anthropological review*, 2013, vol. 76(1), pp. 83-94.
46. Okumura M., Boyadjian C., Eggers S. Auditory Exostoses as an Aquatic Activity Marker: A comparison of Coastal and Inland Skeletal Remains from Tropical and Subtropical Regions of Brazil. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, 2007, no. 132, pp. 558-567.
47. Mariezkurrena F., Gómez Suárez J., Luqui Albusua I., Vea Orte J.C., Algaba Guimerá J. Prevalence of Exostoses Surfers of the Basque Coast. *Acta Otorrinolaringol. Esp.*, 2004, no. 55, pp. 364-368.
48. Sinnott C.A. A *Bioarchaeological and Historical Analysis of Scurvy in Eighteenth and Nineteenth Century England*. PhD Diss. Cranfield University, 2013. 279 p.
49. Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M. Una hipótesis ambiental para un marcador óseo: La exostosis auditiva externa en las poblaciones humanas prehistóricas del desierto del norte de Chile. *Chungara*, 1995, Julio – Diciembre, vol. 27, no. 2, pp. 99-116.
50. Ubelaker D.H. *Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago, Adline Publishing company, 1978. 116 p.

Information About the Author

Evgeny V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.13>

UDC 94(470)“16/18”
LBC 63.5(2)

Submitted: 04.04.2019
Accepted: 13.05.2019

CASES OF PEASANTS IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 20s OF THE 17th CENTURY¹

Denis A. Lyapin

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. Introduction. Among the materials of the Belgorod Stol of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), there is an extensive set of documents related to disputes over peasants who fled to the South of Russia from uyezds of other regions of the state. These are “cases of peasants” which were created in the 1620s. They are an important episode of the overall picture of the economic development of Southern Russia in the 17th century. These documents are of great interest for the study of the Russian peasantry. **Methods.** The author uses the problem-historical method and traditional methods of working with historical sources. The focus of the article is an attempt to comprehend this vast complex of records management materials. These important materials are connected with the peasant issue in uyezds of Southern Russia in the 1620s. The question is how peasants, who did not have freedom, could move to the South. Unfortunately, this topic was hardly a subject of study in historiography. However, historian Novoselsky showed the importance of studying “cases of peasants”. In the course of the article, the author shows that peasants did not have legal grounds for the resettlement to the southern outskirts. In the last two decades of the 16th century, peasants were attached to the land. This is a well-known and proven fact. However, in the Time of Troubles, many peasant families fled to the South. It was a time of anarchy. In the 1620s, the flight of peasants continued and was numerous. This triggered the emergence of “cases of peasants”. The author has studied 58 cases of this kind. **Results.** The study of these documents shows that the governmental policy regarding the flight of peasants was not harsh. The state allowed the possibility of the flight of peasants. The authorities did not consider landowners who accepted fugitives to be lawbreakers. The rules prohibiting the transfer of peasants began to act only if a landowner found his peasant and filed a lawsuit about his return.

Key words: peasants, landlords, serfdom, “cases of peasants”, economic development of the South of Russia, St. George’s Day.

Citation. Lyapin D.A. Cases of Peasants in the South of Russia in the 20s of the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 162-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.13>

УДК 94(470)“16/18”
ББК 63.5(2)

Дата поступления статьи: 04.04.2019
Дата принятия статьи: 13.05.2019

ДЕЛА О КРЕСТЬЯНАХ НА ЮГЕ РОССИИ В 20-е ГОДЫ XVII ВЕКА¹

Денис Александрович Ляпин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Среди материалов Белгородского стола Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранился обширный комплекс документов, связанных со спорами о крестьянах, бежавших на Юг России из других регионов государства. Эти так называемые дела о крестьянстве относятся к 1620-м гг. и представляют важный эпизод общей картины хозяйственного освоения южной окраины. В центре внимания статьи – попытка осмысления имеющихся делопроизводственных материалов, связанных по своей сути с крестьянским вопросом в южнорусских уездах в первой половине XVII века. Эта тема почти не была предметом изучения, несмотря на то что А.А. Новосельский в специальной работе (опубликованной в 1963 г.) показал важность изучения дел «о крестьянстве». В представленном исследовании автор показывает участие крестьян в хозяйственном освоении Юга России в условиях, когда крестьяне уже были официально прикреплены к земле. В Смутное время многие крестьянские семьи бежали на Юг, а в 1620-е гг. эти побегии продолжились с большим размахом, что и вызвало появление многочисленных спорных дел о крестьянах. Автором было изучено 58 спорных дел подобного рода. Исследование этих документов свидетельствует о том, что политика правительства в отношении беглых не была жесткой. Государство допускало возможность бегства крестьян и не считало помещиков, принимавших беглецов, нарушителями закона. В итоге «дела о крестьянстве» свидетельствуют об участии крестьянского населения в хозяйственном освоении региона Юга России и отражают специфику правительственной политики в отношении беглых.

Ключевые слова: крестьяне, помещики, крепостное право, дела «о крестьянстве», хозяйственное освоение Юга России, Юрьев день.

Цитирование. Ляпин Д. А. Дела о крестьянах на Юге России в 20-е годы XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 162–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.13>

Введение. Участие крестьян в освоении южной окраины Российского государства в конце XVI – XVII в. относится к числу слабоизученных проблем, поскольку источников, объективно отражающих историю крестьянства этого региона, не много. В этой связи большое значение приобретают документы, связанные с частными вопросами, среди которых особое место занимают спорные дела о крестьянах, получившие большое распространение в 1620-е годы. Рассмотрению этих документов посвящена наша статья.

Изучая социальную историю Юга России, историки сконцентрировали свое внимание на исследовании мелкого помещичьего землевладения, и в этом отношении сегодня достигнуты большие успехи [6; 8; 15; 17; 19; 34–36]. Однако вопрос об участии крестьян в освоении Юга в таких работах всегда относился к разряду косвенной проблематики. Следует отметить, что советские ученые, изучавшие Смутное время как «Крестьянскую войну», предполагали значительным количество беглых крестьян и холопов на Юге в конце XVI в. (см.: [18, с. 30–32]). Именно в крестьянах они видели главную социальную составляющую развернувшегося здесь движения против царя Василия Шуйского в 1606–1607 гг. [10; 30; 33]. Современные историки отказались от трактовки Смуты как «Крестьянской войны», и

вопрос о численности крестьян в регионе остается открытым.

Среди специальных работ, наиболее близких нашей теме, статья А.А. Новосельского о роли крестьян в хозяйственном освоении Юга России [27]. В этой работе ученый первым обратил внимание на важность изучения дел «о крестьянстве» 1620-х гг. как исторического источника, показал значимость этого вида документов для понимания особенностей хозяйственного освоения региона в XVII веке.

В книге о «городских восстаниях» в России в первой половине XVII в. (1975) Е.В. Чистякова посвятила отдельный параграф борьбе крестьян южной окраины против «угнетения со стороны помещиков» [34, с. 113]. Однако ею остался не востребован обширный комплекс дел «о крестьянстве» 1620-х годов, несмотря на обстоятельную статью А.А. Новосельского. Исследовательница сделала акцент на изучении записей крестьян в служилые люди, что получило большое распространение в 1630-е гг., и интерпретировала это как крестьянский протест против закрепощения [34, с. 113–125].

Крестьянство южных уездов косвенно затрагивалось в исследованиях ученых, работавших в русле различных вопросов социально-экономической истории Юга России. Осо-

бенно следует отметить труды ученых воронежской и тамбовской научных школ, а также книги американских историков Б. Дэвиса и К. Стивенс-Белкиной [8; 9; 15; 17; 19–21; 25; 26; 28; 34; 36; 37].

Методы и материалы. Методология работы связана прежде всего с применением типологического и сравнительного методов. Типологический метод позволил выявить общее и особенное в изучении спорных дел о крестьянстве. С его помощью мы проанализировали и структурировали комплекс сохранившихся документальных материалов. Это помогло нам понять специфику составления подобного рода дел, их общий характер и особенности. Применение сравнительного метода позволило выявить общие и отличительные черты в изученных документах.

Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой собранного нами архивного материала, мы применяли совокупность частных аналитических методик, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, а также метод допущения. В результате удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

Важное место в исследовании занимает работа с источниками. Нами был изучен комплекс спорных дел о крестьянах, которые велись между помещиками (дела «о крестьянстве») в 1620-е годы. Эти документы сохранились в материалах Белгородского стола Разрядного приказа [31; 32]. К сожалению, они не составляют единый комплекс, а напротив, разбросаны в столбцах среди прочих делопроизводственных актов, географически связанных с Югом России. Самый ранний изученный нами документ датируется весной 1620 г., самый поздний – осенью 1629 года. Сохранность документов хорошая или удовлетворительная, но в любом случае она вполне позволяет понять их смысл и изложенный ход событий. Всего нами было изучено 58 спорных дел о крестьянах, которые происходили в различных уездах Юга России. Из них 15 дел связаны с бегством в Елецкий уезд, 13 – в Курский, а остальные касаются Воронежа, Ливен, Лебедяни, Белгорода, Крома и Камарицкой волости.

Анализ. Спорные дела о крестьянах отражают часть общей картины хозяйственного освоения региона, и их изучение необходимо представлять в контексте хозяйственного освоения южнорусской окраины первой половины XVII века.

Присоединение обширных земель Юга России (территория большей части современного Центрального Черноземья) началось в середине XVI в., когда первые русские крепости выдвинулись за Оку [16, с. 80–81]. В последней трети этого столетия, в правление Федора Ивановича (1584–1598) и Бориса Годунова (1598–1605), начинается интенсивный этап строительства крепостей и хозяйственное освоение их округи. Были построены Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (1596, сегодня – Старый Оскол), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599) [16; 26].

Хозяйственное освоение округи крепостей было особенно существенным в Ельце, Курске и Ливнах, где оно вскоре привело к образованию уездов, сложившихся здесь, по видимому, уже в начале XVII в. [13; 22; 23; 28]. К 1613 г. появился и Воронежский уезд [9], а в 1615 г. оформились уезды большинства остальных крепостей. Таким образом, с 1586 по 1604 г. интенсивно распаивались земли, развивалась поместная система, осваивались богатые природные ресурсы южной окраины государства [17; 23]. Однако крестьян среди поселенцев на первом этапе развития региона было немного, если судить по сохранившимся данным [1; 2; 14]. Это неудивительно, ведь последние десятилетия XVI в. были временем отмены крестьянского выхода и прикрепления крестьян к земле конкретного помещика или вотчинника [3–5; 7, с. 228; 10, с. 310–358; 26; 28; 35, с. 99]. Правда, как установил С.Б. Веселовский, вплоть до 1649 г. правительство официально признавало отмену норм Юрьева дня временной (почти 75 лет), крестьяне и землевладельцы могли предполагать, что выход рано или поздно будет разрешен вновь [7, с. 227–229]. Таким образом, несмотря на существование указа о запрете крестьянского выхода, сам процесс прикрепления крестьян к земле растянулся на большой срок и был связан с различными нюансами общественно-экономического развития страны.

Первые известные нам массовые документы, в которых упоминается о крестьянах Юга России, относятся к 1615–1622 гг. [21]. Логично предположить, что в условиях запрета крестьянского выхода основная часть крестьян переселилась в этот регион в годы Смутного времени, пользуясь безвластием и делопроизводственным хаосом. С 1620 г. в крепостях Юга России начинаются массовые разбирательства по поводу беглых [31, л. 92–288], которых правительство обязывало возвращать прежним владельцам «в правду и безволожитно» [31, л. 94]. Тем не менее в материалах смотра 1622 г. (десятня) количество упоминаемых в Елецком уезде крестьян составило 1 256 человек, а число землевладельцев – 820, включая помещстных казаков. Численность помещиков, не имевших крестьян, составила 193 человека, или 23 % от общего числа детей боярских [23]. Однако такая ситуация была далеко не везде: в соседнем Ливенском уезде в 1615 г. только 154 помещика из 727 владели хотя бы одним крестьянином, что составило 21,18 %, еще меньший показатель был характерен для Воронежского уезда [17; 25; 29].

Таким образом, мы видим, что после Смутного времени крестьянское население распространилось в некоторых южных уездах. Поскольку юридических оснований для их переселения не было, то единственное возможное объяснение заключается в том, что крестьяне пришли на эти земли, воспользовавшись отсутствием четкого контроля со стороны центральной власти. После 1618 г. крестьяне продолжили переселяться на Юг, но теперь правительству Михаила Федоровича Романова предстояло бороться с этим явлением.

Казалось бы, новое правительство должно было руководствоваться принятым при Василии Шуйском Уложением о крестьянах от 9 марта 1607 г., в котором запрещались все способы крестьянского перехода (кроме вступления девушки в брак) [18, с. 126]. Однако, как мы увидим, это было не так. Рассмотрим несколько наиболее показательных примеров спорных дел о крестьянстве.

В 1616 г. от помещика Белевского уезда Ивана Страхова сбежали крестьяне и поселились в Елецком уезде у помещика Тимофея

Рогачева и у его матери – вдовы Марии Семеновны Пашковой [31, л. 693–694]. В 1620 г. И. Страхов обнаружил своих крестьян и потребовал их возвращения. Т. Рогачев не препятствовал этому, однако не отдал двух крестьянских лошадей, а также отказался платить подати за крестьян [31, л. 693]. И. Страхов требовал от Т. Рогачева вернуть крестьянам лошадей и выплатить рубль податей за прошлый год (когда крестьяне жили на его земле). Елецким властям надлежало провести очную ставку и «иски всякие сыскивать накрепко, да по суду своему и по сыску меж ними управу учинить в правду и по нынешнему указу безволожитно» [31, л. 694]. Итог этого дела остался неизвестным.

В 1623 г. от орловского помещика Савелия Богдановича Хардикова бежали крестьяне. Они поселились в Курском уезде в поместьях братьев Тита и Исая Черных [32, л. 15]. В своей челобитной С.Б. Хардилов писал, что «бежали из твоего государева жалования из моего поместица» две крестьянские семьи «с животы» (то есть с имуществом). Обнаружив своих беглых, орловский помещик подал челобитную в Орел, а потом и в Москву в Разрядный приказ, откуда в Курск пришло распоряжение провести следствие и суд. В практике решения подобного рода дел воеводе рекомендовалось провести очную ставку [32, л. 16]. Показательно, что братья Черных не препятствовали возвращению крестьян к прежнему владельцу и даже не стремились обособить свои права на их труд.

В 1621 г. из Мценского уезда от помещика Данила Ивановича Беклемишева бежали две крестьянские семьи, а «бегаючи» пришли в Ливенский уезд, в деревню Синегубову, и поселились на земле Онуфрия Ачкасова и Степана Лесина [32, л. 236–237]. Д.И. Беклемишев вскоре обнаружил своих крестьян и подал челобитную в Разрядный приказ об их возвращении. В 1622 г. воеводе Ливен князю Михаилу Сергеевичу Козловскому было приказано послать приставов и арестовать беглых, однако помещики «тех крестьян ухоронили». Тогда Д.И. Беклемишев вновь написал челобитную в Москву, где повторил свою просьбу, и вновь помещики «ухоронили» крестьян и приставы вернулись ни с чем. Третий раз Разрядный приказ требовал от воеводы

Ливен (теперь им был Федор Васильевич Бутурлин) принять решительные действия, чтобы найти крестьян и провести очную ставку между беглецами и помещиком Д.И. Беклемишевым [32, л. 237].

На примере этого дела видим, что помещик обычно находил своих крестьян в том же году, в котором они бежали, или же на следующий год. Конечно, принять меры по поиску надлежало сразу, чтобы найти беглых «по горячим следам», ведь со временем их поиск только усложнялся.

Если стороны начинали тяжбу с привлечением свидетелей, спорные дела о крестьянах разрастались в документальный комплекс объемом в 40–60 листов. Рассмотрим для примера одно такое дело [32, л. 109–149]. В 1626 г. в Курском уезде начался очередной спор о беглых крестьянах. Помещик Белевского уезда Поликарп Полтев жаловался на курского сына боярского Ерофея Конева, что тот не отдает ему беглых крестьян («Мишутку Тарова с женой да с детьми да со всеми животы») [32, л. 109].

На основании иска и указа из Москвы воевода Василий Тавбеев начал проводить следствие и устроил очную ставку. По словам истца, крестьяне бежали на третьей неделе Великого поста 1626 г. и сразу же поселились у Е. Конева. Однако ответчик уверял, что крестьяне пришли к нему уже давно, задолго до этого [32, л. 112]. Тогда воевода провел процедуру крестного целования, в ходе которого ответчик «взял крест целовать себе на душу» [32, л. 113].

После этого П. Полтев стал утверждать, что крестьянин «давал явки в Белеве», то есть накануне побега посещал различные явочные места, и прежде всего кабак (посетители кабака фиксировались в кабацких книгах), а также сослался на своих соседей-помещиков [32, л. 114]. Однако Е. Конев отвечал, что явки еще надо изучить, а сам П. Полтев родом из Серпейска, он и соседи – «одного города уроженцы и скажут по нему» [32, л. 115].

Затем ответчик заявил, что П. Полтев на самом деле ищет крестьян своего покойного отца, которые разбежались, когда его убили татары, а сам истец оказался «в татарском полоне тому лет с четырнадцать». В это время поместье принадлежало другим людям,

но, когда П. Полтев вернулся из плена, земли ему вернули уже без крестьян. Трудно сказать, откуда взялись такие подробные сведения у ответчика, но они существенно затянули следствие, так как начались обыски и опрос свидетелей.

Пока шло следствие, Е. Конев принес воеводе выписки из писцовых и отказных книг, которые П. Полтев называл «послушеством», то есть записями, основанными на неточных данных, записанных со слов [32, л. 129]. Окончание этого дела остается неясным, тем не менее оно хорошо отражает суть таких конфликтов.

Дела подобного рода однотипны, и их полное описание не входит в задачу нашей статьи, но на основании изученных материалов можно сделать некоторые важные наблюдения.

Результаты. Прежде всего, отметим, что все изученные нами документы не отражают процесс поиска и обнаружения помещиком своего беглого крестьянина. Каждое дело о «крестьянстве» начинается с того, что помещик подает челобитную, где указывает, что обнаружил беглеца и просит обязать воеводу оказать ему всяческую помощь в аресте и отправке крестьянина назад. Затем воевода по указу из Разрядного приказа отправлял приставов за беглецами и проводил очную ставку.

Если землевладелец, у которого проживал крестьянин, не соглашался его вернуть, начиналась тяжба с привлечением свидетелей, обыском и допросами. Здесь очная ставка устраивалась уже между спорящими помещиками и сопровождалась привлечением всех возможных свидетельств. Каким образом находил помещик своего беглого крестьянина, остается непонятным, потому что государство не интересовалось этим процессом и никак его не регулировало (во всяком случае, если судить по сохранившимся делам «о крестьянстве»).

У нас нет документальных свидетельств о том, что помещик, на земле которого проживал беглый крестьянин, получал наказание (см. также: [3; 4]). Значит, нормы «Уложения о крестьянах» Василия Шуйского 1607 г. в данном случае не действовали, ведь, согласно этому закону, помещик, принявший беглого крестьянина, платил штраф («не принимай чужого»), а старосты и свя-

щенники были обязаны докладывать властям, «нет ли где пришлых вновь» [18, с. 126]. Показательно, что курянин Ерофей Конев в споре о крестьянах в 1626 г. утверждал, что крестьяне «живут за ним» уже давно, то есть он не отрицал того факта, что принял беглых, но указывал только, что беглые не принадлежат истцу [32, л. 112].

Даже если один помещик подговорил крестьян бежать с земель другого, в челобитной пострадавшего звучит только просьба вернуть крестьян, но нет речи о наказании того, кто подталкивал их к бегству [31, л. 615]. Так, в 1622 г. елецкому воеводе было приказано разобраться в спорном деле по поводу беглых крестьян Ивана Страхова, проживавших в деревне Хмелинец у помещика Романа Гнездилова. Воевода должен был «сыскать тех крестьян» и «поставить перед собою с Иваном Страховым с очи на очи во крестьянстве их, и списки писать по суду своему и по сыску меж ними в правду им безволокитно» [32, л. 690]. Видим, что участие елецкого помещика Гнездилова, принявшего к себе крестьян, совсем не предполагается в этом деле, даже в качестве свидетеля.

Спорные дела о крестьянах показывают, что нормы, запрещавшие свободный выход крестьян, начинали действовать только тогда, когда помещик искал и находил беглеца. Это можно понять, ведь в противном случае московские приказы оказались бы завалены жалобами на сбежавших крестьян и просьбами о содействии в их поимке. Чтобы избежать этого, государство начинало вмешиваться в отношения землевладельца и беглого крестьянина только на последнем этапе, когда беглец был уже обнаружен. Если же его найти не удавалось, то государство оставалось безучастно к этой проблеме. Во всяком случае, такую логику мы видим на основании изученных нами документов.

Таким образом, подводя итог, отметим, что дела «о крестьянстве» указывают на распространившееся бегство крестьянских семей в южные уезды и отражают процесс участия крестьян в хозяйственном освоении окраины. Отмена права перехода крестьян в последние десятилетия XVI в. еще не гарантировала окончательное и полное прикрепление их к земле (на это обратил справедливое внима-

ние В.А. Аракчеев [3–5]). Показательно в этой связи и то, что крестьяне в условиях запрета выхода могли быть записаны в служилые люди как в конце XVI в., так и на всем протяжении первой половины XVII в. (оставив вместо себя на помещичьей пашне своего родственника) [11; 12; 14; 36, р. 56–75; 37]. Следовательно, государство допускало возможность ухода крестьянина от землевладельца, и крестьяне еще не воспринимались обязанными вечно жить на землях одного землевладельца.

Довольно мягкая политика правительства в отношении к беглым в южные уезды в 1620-е гг. способствовала хозяйственному развитию этого региона, связанному как с ростом мелкого помещичьего землевладения, так и с расширением крупных земельных владений [24]. Однако следует отметить, что в 1630-е гг. бегства крестьян уменьшались, что привело к катастрофической нехватке крестьянских дворов и росту однодворческого землевладения. В итоге численность помещиков-однодворцев уже в 1648 г. в некоторых южных уездах составила 80 % [19; 34]. Данная проблема может быть рассмотрена уже в рамках следующего исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001 мол_a_вед.

The reported study was funded by RFBR, project no. 8-39-20001 мол_a_вед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анпилов, Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. / Г. Н. Анпилов. – М. : Изд-во МГУ, 1967. – 541 с.
2. Анпилов, Г. Н. Рязанская писцовая и приправочная книга конца XVI века / Г. Н. Анпилов. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 272 с.
3. Аракчеев, В. А. Проблема «урочных лет» в русском государстве в конце XVI–XVII вв. / В. А. Аракчеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 85. – С. 31–37.
4. Аракчеев, В. А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI – начале XVII в. / В. А. Аракчеев // Вопросы истории. – 2009. – № 1. – С. 106–117.

5. Аракчеев, В. А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века / В. А. Аракчеев. – М. : Древлехранилище, 2014. – 506 с.
6. Важинский, В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке / В. М. Важинский. – Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1974. – 237 с.
7. Веселовский, С. Б. Отмена Юрьева дня // Московское государство: XV–XVII вв. / С. Б. Веселовский. – М. : АИРО – XXI, 2008. – 384 с.
8. Глазьев, В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – 307 с.
9. Глазьев, В. Н. Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в. / В. Н. Глазьев // Столица и провинция: история взаимоотношений : материалы Шестой региональной науч. конф., г. Воронеж, 3 февр. 2012 г. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2012. – С. 7–11.
10. Греков, Б. Д. Крестьяне на Руси / Б. Д. Греков. – Т. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 469 с.
11. Десятня детей боярских Козлова 1637 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 6-е. – Д. 2.
12. Десятня разборная ельчан 1604 г. // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 86.
13. Десятня разборная ельчан 1622 г. // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 4. – Д. 87.
14. Документы о строительстве Ельца и заселении его окрестностей // РГАДА. – 1593. – Ф. 141. – Д. 1.
15. Загоровский, В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968. – 304 с.
16. Загоровский, В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
17. Камараули, Е. В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // История: Факты и символы. – 2018. – № 3 (16). – С. 97–105.
18. Козляков, В. Н. Василий Шуйский / В. Н. Козляков. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 301 с.
19. Ляпин, Д. А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев / Д. А. Ляпин // История в подробностях. – 2010. – № 6. – С. 11–16.
20. Ляпин, Д. А. Колонизация Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII веков / Д. А. Ляпин // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XXI вв.: тематический сборник научных трудов. – Вып. 4. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. – С. 7–23.
21. Ляпин, Д. А. О крестьянском населении на южной окраине России в конце XVI – начале XVII вв. / Д. А. Ляпин // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права : материалы науч. конф., г. Липецк, 12–13 апр. 2011 г. – Липецк : Изд-во ЛГПУ, 2011. – С. 28–31.
22. Ляпин, Д. А. От крепостей к городам: повседневные и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. / Д. А. Ляпин // История: Факты и символы. – 2016. – № 2. – С. 9–16.
23. Ляпин, Д. А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков / Д. А. Ляпин, Н. А. Жиров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова : материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 21–23 ноября 2013 г. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 283–288.
24. Ляпин, Д. А. Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII в. / Д. А. Ляпин // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 5–7.
25. Мацук, М. А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году / М. А. Мацук. – Сыктывкар : Изд-во Ин-та языка, литературы и истории РАН. Коми научный центр, 2001. – Ч. 1. – 253 с.
26. Мизис, Ю. А. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии / Ю. А. Мизис, С. Г. Кашенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. – 2011. – № 1. – С. 9–16.
27. Новосельский, А. А. Дела «о крестьянстве» как источник для изучения истории закрепощения свободного сельского населения на Юге России в XVII в. / А. А. Новосельский // Археографический ежегодник за 1962 г. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 147–154.
28. Петрухинцев, Н. Н. Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в. / Н. Н. Петрухинцев // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 23–40.
29. Платежная книга Елецкого уезда 1615 г. // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 232.
30. Смирнов, И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607 / И. И. Смирнов. – М. : Госполитиздат, 1951. – 592 с.
31. Столбцы Белгородского стола // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 9.
32. Столбцы Белгородского стола // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 16.
33. Фирсов, Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в. / Н. Н. Фирсов. – М. : Гос. изд-во, 1927. – 126 с.

34. Чистякова, Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века / Е. В. Чистякова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1975. – 246 с.

35. Шевченко, М. М. История крепостного права в России / М. М. Шевченко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1981. – 256 с.

36. Davies, L. B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649 / L. B. Davies. – New York : Palgrave MacMillan, 2004. – 309 p.

37. Stevens Belkin, C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia / C. Stevens Belkin. – Northern Illinois : Northern Illinois University Press, 1995. – 240 p.

REFERENCES

1. Anpilogov G.N. *Novye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII vv.* [New Documents on Russia of the Late 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo MGU, 1967. 541 p.

2. Anpilogov G.N. *Ryazanskaya pistsovaya i pripravochnaya kniga kontsa XVI veka* [Ryazan Cadastre and Reference Book of the Late 16th Century]. Moscow, Izd-vo MGU, 1982. 272 p.

3. Arakcheev V.A. Problema «urochnykh let» v rusском gosudarstve v kontse XVI–XVII vv. [The Problem of “Statute of Limitation” in the Russian State at the End of the XVI–XVII Centuries]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of the Herzen Russian State Pedagogical University], 2008, no. 85, pp. 31-37.

4. Arakcheev V.A. Zakreposhchenie krestyan v Rossii v kontse XVI – nachale XVII v. [The Enslavement of Peasants in Russia at the End of the XVI – Beginning of the XVII Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2009, no. 1, pp. 106-117.

5. Arakcheev V.A. *Vlast i «zemlya». Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglovykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and “Land”. Government Policy Regarding the Estates of the Second Half of the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries in Russia]. Moscow, Drevlekhранилище Publ., 2014. 506 p.

6. Vzhinskiy V.M. *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke* [Land Tenure and Folding of the Community of Odnodvortsy in the XVII Century]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 1974. 237 p.

7. Veselovskiy S.B. Otmena Yuryeva dnya [Cancellation of St. Georges Day]. *Moskovskoe gosudarstvo: XVI-XVII vv.* [Moscow: XV–XVII Centuries]. Moscow, AIRO – XXI Publ., 2008. 384 p.

8. Glazyev V.N. *Vlast i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodeistvie ugovnoy*

prestupnosti [Power and Society in the South of Russia in the XVII Century: Counteraction of Criminal Criminality]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2001. 307 p.

9. Glazyev V.N. *Zaselenie gorodov-krepostey Tsentralnogo Chernozemya v kontekste sotsialnoy politiki rossiyskogo pravitelstva v kontse XVI v.* [The Settlement of the Fortified Cities of the Central Black Soil Region in the Context of the Social Policy of the Russian Government at the End of the 16th Century]. *Stolitsa i provintsiya: istoriya vzaimootnosheniy: materialy Shestoy regionalnoy nauch. konf., g. Voronezh, 3 fevr. 2012 g.* [Capital and Province: History of Mutual Relations. Proceedings of the Sixth Regional Scientific Conference. Voronezh, February 3, 2012]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2012, pp. 7-11.

10. Grekov B.D. *Krestyane na Rusi* [Peasants in Russia]. Vol. II. Moscow, Izd-vo AN SSR, 1954. 469 p.

11. Desyatnya detey boyarskikh Kozlova 1637 g. [Desyatnya of Boyar Children of Kozlov of 1637]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 6-e, d. 2.

12. Desyatnya razbornaya elchan 1604 g. [Desyatnya of Yelets of 1604]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 1, d. 86.

13. Desyatnya razbornaya elchan 1622 g. [Desyatnya of Yelets of 1622]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 4, d. 87.

14. Dokumenty o stroitelstve Eltsa i zaselenii ego okrestnostey [Documents on the Construction of Yelets and the Settlement of Its Surroundings]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], 1593, f. 141, d. 1.

15. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1968. 304 p.

16. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentralnogo Chernozemya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the Entry of the Central Black Soil Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1991. 272 p.

17. Kamarauli E.V. Formirovanie poselencheskoy struktury v yuzhnykh uezdakh Rossii v pervoy polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda) [Formation of the Settlement Structure in the Southern Districts of Russia in the First Half of XVII c. (On the Example of Voronezh District)]. *Istoriya: Fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 3 (16), pp. 97-105.

18. Kozlyakov V.N. *Vasiliy Shuyskiy* [Vasily Shuisky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 301 p.

19. Lyapin D.A. Iz pomeschchikov v krestyane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krestyan-odnodvortsev [From Landowners to Peasants: The Origin of the Estate of State Peasants-Odnodvortsy]. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2010, no. 6, pp. 11-16.

20. Lyapin D. A. Kolonizatsiya Tsentralnogo Chernozemya v kontse XVI – nachale XVII vekov [Colonization of the Central Chernozem Region at the End of the XVI – Beginning of the XVII Centuries]. *Aktualnye voprosy istorii rossyskoy provintsii XVI–XXI vv.: tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov* [Actual Questions of the History of the Russian Province of the XVI–XXI Centuries: Thematic Collection of Scientific Papers]. Iss. 4. Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2009, pp. 7-23.

21. Lyapin D.A. O krestyanskom naselenii na yuzhnoy okraine Rossii v kontse XVI – nachale XVII vv. [About the Peasant Population on the Southern Outskirts of Russia at the End of the XVI – Beginning of the XVII Centuries]. *Krestyanstvo i vlast v Rossii (IX – nachalo XX vv.): k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava: materialy nauch. konf., g. Lipetsk, 12–13 apr. 2011 g.* [Peasantry and Power in Russia (IX – the beginning of the XX centuries): to the 150th anniversary of the abolition of serfdom. Proceedings of the Scientific Conference. Lipetsk, April 12–13, 2011]. Lipetsk, Izd-vo LGPU, 2011, pp. 28-31.

22. Lyapin D.A. Ot krepostey k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naseleniya yuzhnorusskoy kreposti kontsa XVI v. [From Fortresses to Cities: Everyday Life and Behavioral Models of the Population of the South Russian Fortress, Late 16th Century]. *Istoriya: Fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2016, no. 2, pp. 9-16.

23. Lyapin D.A., Zhirov N.A. Chislennost i razmeshchenie naseleniya Livenskogo i Eletskego uezdov v kontse XVI – nachale XVII vekov [The Number and Distribution of the Population of Livensky and Yeletsky Counties (Uezd) in the Late XVI – Early XVII Centuries]. *Rus, Rossiya: Srednevekovye i Novoe vremya. Vyp. 3. Chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova : materialy Mezhdunar. nauch. konf., g. Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g.* [Russia, Russia: The Middle Ages and Modern Times. Iss. 3. Readings in Memory of Academician of RAS L.V. Milov. Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 21–23, 2013]. Moscow, Izd-vo MGU, 2013, pp. 283-288.

24. Lyapin D.A. Chastnye vladeniya krupnykh votchinnikov v gorodakh Yuga Rossi v seredine XVII v. [Private Possession of Large Patrimony in the Cities of South Russia in the Middle of the XVII Century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»* [Proceedings of the Saratov University. Series History. International Relationships], 2015, vol. 15, no. 4, pp. 5-7.

25. Matsuk M.A. *Gorod Livny i Livenskiy uezd v 1615/16 godu* [The City of Livny and Livny Uyezd in 1615/16]. Syktyvkar, Izd-vo In-ta yazyka,

literatury i istorii RAN. Komi nauchnyy tsentr, 2001, pt. 1. 253 p.

26. Mizis Yu.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The Russian Historiography on the Problem of the Russias South Frontier Formation in the 500s – 750s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2, Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2011, no. 1, pp. 9-16.

27. Novoselskiy A.A. Dela «o krestyanstve» kak istochnik dlya izucheniya istorii zakreposhcheniya svobodnogo selskogo naseleniya na Yuge Rossii v XVII v. [“Peasantry Cases” as a Source for Studying the History of the Enslavement of the Free Rural Population in Southern Russia in the 17th Century]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 g.* [Archeographic Yearbook for 1962]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, pp. 147-154.

28. Petrukhintsev N.N. Prichiny zakreposhcheniya krestyan v Rossii v kontse XVI v. [The Reasons for the Enslavement of Peasants in Russia at the End of the XVI Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2004, no. 7, pp. 23-40.

29. Platezhnaya kniga Eletskego uezda 1615 g. [Payment Book of Yelets Uezd in 1615]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 232.

30. Smirnov I.I. *Vosstanie Bolotnikova. 1606–1607* [Bolotnikovs Uprising of 1606–1607]. Moscow, Gospolitizdat, 1951. 592 p.

31. Stolbtsy Belgorodskogo stola [Columns of Belgorod Stol]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 12, d. 9.

32. Stolbtsy Belgorodskogo stola [Columns of Belgorod Stol]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 1, d. 16.

33. Firsov N.N. *Krestyanskaya revolyutsiya na Rusi v XVII v.* [The Peasant Revolution in Russia in the 17th Century]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo, 1927. 126 p.

34. Chistyakova E.V. *Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoy polovine XVII veka* [Urban Uprisings in Russia in the First Half of the XVII Century]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1975. 246 p.

35. Shevchenko M.M. *Istoriya krepostnogo prava v Rossii* [The History of Serfdom in Russia]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1981. 256 p.

36. Davies L.B. *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649.* New York, Palgrave MacMillan, 2004. 309 p.

37. Stevens Belkin C. *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia.* Northern Illinois, Northern Illinois University Press, 1995. 240 p.

Information About the Author

Denis A. Lyapin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Информация об авторе

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.14>

UDC 9(с)(470.45)
LBC 63.3(2)

Submitted: 13.06.2019
Accepted: 24.12.2019

**MEDICAL CULTURE OF VOLGA PROTESTANT COMMUNITIES
(SECOND HALF OF 18th – EARLY 20th CENTURIES):
RELIGIOUS AND ETHICAL ASPECTS**

Olga S. Kitsenko

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Roman N. Kitsenko

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Irina K. Cheremushnikova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The authors proceed from the understanding that medical culture is a complex of factors contributing to the preservation of health, and these positions analyze the culture of the German Protestant communities (Lutherans, Herguthers, Mennonites) inhabiting the Povolzhye (Volga region) in the second half of 18th – early 20th centuries. The study of cultural contexts of health, including religious ethical norms, is key to analyzing health and well-being of a population. **Methods and materials.** Materials for the study were statutes of Protestant communities, data of zemstvo medical statistics, publications in central and local periodicals, as well as eyewitness accounts of visitors of German colonies. The comparison of ethical standards contained in the statutes and recorded by witnesses with data on morbidity and mortality allow us to estimate the role of religious and ethical views in the medical culture of Volga Protestants. **Analysis and results.** The authors have found that the conditions for maintaining health in German colonies, including the availability of high-quality medical care, were directly related to the labour ethics of Protestantism and the high level of dwellers welfare. Labour ethics determined importance to keep fit, influenced nutritional culture and the perception of medical care. The total literacy of colonists contributed to the spread of advanced medical practices among them (for example, vaccination). Protestant virtues of diligence and order became the basis for the development of hygienic skills – an important factor in the prevention of infectious diseases. The ideals of marital fidelity and family values promoted health maintenance. Self-government characteristic of Protestant communities made it possible to quickly respond to the challenges posed by threats to health.

Key words: medical culture, cultural contexts of health, Protestantism, Protestant ethics, Volga Germans.

Citation. Kitsenko O.S., Kitsenko R.N., Cheremushnikova I.K. Medical Culture of Volga Protestant Communities (Second Half of 18th – Early 20th Centuries): Religious and Ethical Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 172-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.14>

УДК 9(с)(470.45)
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 13.06.2019
Дата принятия статьи: 24.12.2019

**МЕДИЦИНСКАЯ КУЛЬТУРА ПОВОЛЖСКИХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX В.):
РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Ольга Сергеевна Киценко

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Роман Николаевич Киценко

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Кабдрахимовна Черемушникова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Авторы исходят из понимания медицинской культуры как комплекса культурных факторов, способствующих сохранению здоровья, и с этих позиций анализируют культуру немецких протестантских общин (лютеран, гернгутеров, меннонитов), населявших Поволжье во второй половине XVIII – начале XX века. Изучение культурных контекстов здоровья, в том числе религиозно-этических норм, имеет ключевое значение для анализа здоровья и благополучия населения, а также создания эффективных моделей здравоохранения. *Методы и материалы.* Материалами для исследования послужили уставы протестантских общин, данные земской медицинской статистики, публикации в центральных и местных периодических изданиях, а также свидетельства очевидцев, посещавших немецкие колонии. Методологическую базу исследования составили историко-системный и историко-сравнительный методы: сопоставление этических норм, содержащихся в уставах и зафиксированных очевидцами, с данными о заболеваемости и смертности позволило оценить роль религиозно-этических воззрений в медицинской культуре поволжских протестантов. *Анализ и результаты.* Авторами установлено, что условия для сохранения здоровья в немецких колониях, в том числе доступность качественной медицинской помощи, были напрямую связаны с трудовой этикой протестантизма и высоким уровнем благосостояния поселян. Трудовая этика обусловила важность поддержания хорошей физической формы, повлияла на культуру питания и восприятие медицинской помощи. Всеобщая грамотность колонистов способствовала распространению среди них передовых медицинских практик (например, вакцинации). Протестантские добродетели трудолюбия и порядка стали основой развития гигиенических навыков – важного фактора профилактики инфекционных заболеваний. Сохранению здоровья способствовали идеалы супружеской верности и семейных ценностей. Самоуправление, характерное для протестантских общин, позволяло быстро реагировать на вызовы, связанные с угрозами здоровью. *Вклад авторов.* Анализ данных земской медицинской статистики и отчетов земских врачей о заболеваемости в поволжских протестантских общинах проведен кандидатом исторических наук, доцентом О.С. Киценко. Исследование религиозно-этических норм, отразившихся в общинных уставах и свидетельствах современников, принадлежит кандидату философских наук, доценту Р.Н. Киценко. Общее редактирование и рассмотрение исследуемого вопроса через призму культурных контекстов здоровья осуществлено доктором философских наук, профессором И.К. Черемушниковой.

Ключевые слова: медицинская культура, культурные контексты здоровья, протестантизм, протестантская этика, немцы Поволжья.

Цитирование. Киценко О. С., Киценко Р. Н., Черемушникова И. К. Медицинская культура поволжских протестантских общин (вторая половина XVIII – начало XX в.): религиозно-этические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 172–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.14>

Введение. На протяжении многих столетий Поволжье являлось регионом, отличавшимся культурным многообразием, которое было представлено очагами русской, татарской, украинской, калмыцкой, чувашской и других культур. Со второй половины XVIII в. началось проникновение в Поволжье немецких колонистов. Возможность сравнения различных культур, существовавших в сходных природных, экономических и политических условиях, определила исследовательский интерес историков, культурологов, антропологов. В последнее время проблемой, вызвавшей внимание ученых, стала медицинская культура немецких общин – совокупность

бытовавших у них норм, ценностей, традиций, форм организации жизни, влиявших на сохранение здоровья. Медицинская культура колонистов-протестантов, проживавших преимущественно в окружении православного русского крестьянства, представляет интерес не только со стороны медицинских практик, но и с точки зрения культурных контекстов сохранения здоровья.

Обращение к культурным контекстам здоровья является актуальной исследовательской проблемой, находящейся на грани взаимодействия медицины и гуманитарных наук. Понимание медицинской культуры (*medicine-related culture*) как широкого спектра факто-

ров, влияющих на здоровье, наметилось в западных историко-медицинских изысканиях еще во второй половине 1960-х гг. и в последующем нашло поддержку у исследователей [34; 36]. В настоящее время проблеме культурных контекстов здоровья посвящен ряд экспертных докладов Всемирной организации здравоохранения, в которых декларируется стратегия перехода от сугубо биомедицинского исследования здоровья к анализу культурных ценностей и практик [7; 15]. В приведенных экспертами материалах, в частности, обозначена связь между религиозными воззрениями и здоровьем: воздействие религиозно-этических норм на культуру питания, отношения между врачом и пациентом, восприятие информации о состоянии здоровья. Кроме того, влияние религиозных воззрений на отношение к здоровью и вопросам медицинской практики анализируется сегодня в рамках специальных медицинских и демографических исследований [27; 33; 35], которые позволяют приблизиться к адекватной оценке религиозно-этических норм как существенного культурного фактора, воздействующего на здоровье, и учитывать его при создании / реформировании систем здравоохранения.

В опубликованных исследованиях о медицинской культуре поволжских протестантских общин главное внимание сосредоточено на социальной направленности и частных вопросах здравоохранения в немецких колониях, вне поля зрения осталась связь медицинской культуры переселенцев с их религиозными воззрениями [1; 21; 31]. Между тем именно религия явилась фактором, определявшим все стороны жизни колонистов, в том числе их отношение к телесному здоровью, гигиеническим нормам, восприятию медицинской помощи. Выявление религиозно-этических аспектов медицинской культуры поволжских колонистов и стало целью данной работы.

Методы, материалы. Материалами для исследования послужили уставы протестантских общин, данные земской медицинской статистики, публикации в центральных и местных периодических изданиях, а также свидетельства очевидцев, посещавших немецкие колонии. Методологической базой исследования являются историко-системный и историко-сравнительный методы: сопостав-

ление этических норм, содержащихся в уставах и зафиксированных очевидцами, с данными о заболеваемости и смертности позволило оценить роль религиозно-этических воззрений в медицинской культуре поволжских протестантов.

Анализ. В 1764 г. первая сотня немецких поселенцев-лютеран основала в Саратовском уезде поселок «Немецкая слободка», в том же году появились первые лютеранские колонии в Камышинском уезде (колония Норка). В 1765 г. на южной окраине г. Царицына гернгутерами была основана колония Сарепта. В течение второй половины XVIII – XIX в. в Саратовской губернии немцы-лютеране заселили 7 волостей Камышинского уезда, а также основали несколько деревень в Саратовском и Аткарском уездах. В Самарской губернии лютеране обосновались в Николаевском и Новоузенском уездах. Также в Новоузенском уезде (Александртальская волость) в середине XIX в. были основаны 10 поселений меннонитов.

Особенности хозяйственного уклада и культурных традиций поволжских протестантских общин вызвали всплеск исследовательского интереса во второй половине XIX – начале XX в. в связи с социально-экономической модернизацией страны [12–14]. В дальнейшем научный поиск продолжался в рамках исторического краеведения: главными центрами изучения истории немецких колонистов стали региональные краеведческие музеи и университетские центры, а также музей-заповедник «Старая Сарепта» (г. Волгоград).

Отличительной характеристикой поволжских протестантских общин являлся *высокий уровень благосостояния* поселян – на фоне бедности подавляющей части местного населения. «Богатство и благоустройство наших немецких колоний – факт общепризнанный», – писал публицист А.А. Клаус [12, с. 267]. Очевидцы, посещавшие колонии на рубеже XIX–XX вв., отмечали высокое качество жилищ, одежды, утвари и продуктов питания. Уровень благосостояния отчасти был обусловлен экономическими привилегиями, предоставленными колонистам российским правительством, однако успеху немецких колоний способствовали и типичные для протестантов рациональные методы хозяйствования: при-

верженность к экономии и упорному труду. «Русское правительство помогало им щедрою рукою, – писали К. Победоносцев и И. Бабст, – но и при этих вспоможениях только неослабное терпение и постоянное трудолюбие могло удержать их на пустынном месте...» [26, с. 79]. Трудовая этика протестантизма была впервые проанализирована М. Вебером в его классическом труде «Протестантская этика и дух капитализма», однако и сегодня исследователи связывают экономические успехи ряда стран северной Европы с их исторической принадлежностью к протестантскому миру [28].

Приверженность к труду явилась характерной чертой поволжских колонистов. Так, принятая у них тщательная обработка земли отмечена у русских крестьян поговоркой: «Пашет, как немец» [14, с. 58]. Исследователь хозяйства меннонитов Новоузенского уезда Т.И. Колесников отмечал, что каждодневный труд, стремление к порядку и рациональная постановка хозяйства определяли благосостояние общин: в начале XX в. в меннонитских селениях насчитывалось в среднем 9,4 головы рабочего скота на семью, тогда как в среднем по уезду эти показатели составляли 2,4 головы [13, с. 36]. В лютеранских колониях Камышинского уезда по земской переписи 1886 г. на семью приходилось в среднем 4–5 голов рабочего скота (волово и лошадей), а в соседних русских селах эти показатели составляли 1,7–2,7 [22, с. 88, 203, 241]. Частые засухи и присутствие степных грызунов-вредителей были факторами неурожаев, поэтому население колоний осваивало ремесла (столярное, плотницкое, производство молотильных камней), приносящие постоянный доход. В колонии Сарепта получили развитие 20 различных ремесел, тогда как в соседнем Царицыне не было представлено ни одного из них [24, с. 429]. Сарептяне одними из первых в Саратовской губернии стали использовать паровые машины.

Материальный достаток обеспечивал благоприятные условия для поддержания здоровья: наличие просторных жилищ, широких улиц, водопровода и т. д. В жилых домах гернгутеров было несколько комнат, отапливаемые мансарды, каменные или деревянные флигели [16, с. 62]. Чистые, просторные дома, состоящие из 2–3 комнат и кухни, были у новоузенских меннонитов [14, с. 55].

Благосостояние общинников обусловило и такой важный фактор здоровья, как достаточное и разнообразное питание. Овощи, плоды и мясные продукты в большом количестве заготавливались впрок: «Картофель – главная пища немцев во все времена года, так же как и разные овощи, которые имеются у них круглую зиму; под них отводятся огороды и даже часть полей... Осенью они режут свиней, делают колбасу, а остальную свинину солят, а также коптят» [22, с. 287]. Важную роль в питании колонистов играли молочные продукты. Выходец из лютеранской колонии Шиллинг (Сосновка) земский врач П.К. Галлер вспоминал: «В молоке колонисты вообще не стесняются, так как молочный скот есть почти во всяком дворе...» [4]. Т.И. Колесников отмечал: «У каждого меннонита за столом можно встретить сыр, чухонское масло, ветчину, колбасу, сосиски, солонину» [13, с. 38]. Продукты животноводства были, как правило, высокого качества и охотно покупались местным населением. Приусадебное хозяйство меннонитов отличалось разнообразием овощных и плодовых культур. В меньшей степени садоводство и огородничество было развито у лютеран Камышинского уезда, однако почти повсеместно возделывались и заготавливались на зиму картофель, капуста, огурцы, арбузы и яблоки.

Доступность медицинской помощи и сегодня является главной целью всех существующих в мире моделей здравоохранения. Протестантская трудовая этика и связанная с ней экономическая состоятельность немецких общин позволили создать одну из самых ранних доступных и социально направленных моделей медицинского обеспечения. Заметим, что такой помощью не могли воспользоваться российские крестьяне в силу недостатка средств. Земские медики, работавшие в российской деревне во второй половине XIX в., считали бедность главным фактором заболеваемости, поскольку с ней во многом был связан и низкий уровень гигиены, и отсутствие возможности обращения к врачу [11, с. 166].

Зажиточные протестантские общины могли позволить себе медицинское обеспечение и содержание квалифицированного медицинского персонала. Так, в 1806 г. прихожанами лютеранской общины церкви Св. Марии

г. Саратова была основана *первая в городе* аптека. В колонии Норка Камышинского уезда в 1834 г., задолго до Земской реформы, начал действовать фельдшерский пункт [22, с. 241]. В Сарепте дипломированный доктор Иоганн Вир работал с начала основания поселения, прибыв из Германии вместе с первыми гернгутерами. Почти сразу здесь появилась аптека, которая в дальнейшем приобрела популярность среди жителей соседних уездов. Часть лекарственных средств была позаимствована сарептскими аптекарями у местного населения. Исследователь края А.Н. Минх в начале XX в. писал: «Рецептура в малом местечке с небольшим числом жителей вокруг оно не могла быть значительна, но при всем том Сарептская аптека всегда славилась по своему устройству, запасу и добротности медикаментов, не уступавших аптекам губернских городов» [22, с. 316]. В дальнейшем общинными врачами работали К. Зайдель, К. Ян, Й. Эжк, Ф. Лангерфельд. В 1856 г. в Сарепте появилась общинная больница, обеспечившая стационарную помощь.

Другим важным фактором, определявшим медицинскую культуру поселян, стало образование. Для протестантов школа являлась средством воспитания истинных христиан, которые, только будучи грамотными, могли читать Святое Писание и тем самым обрести истинную веру. Однако идеологи Реформации высоко ценили и светское образование, рассматривая его как средство достижения мира и порядка в обществе, как подготовку «к подобающему христианину выполнению своих обязанностей» [19, с. 178]. М. Вебер отмечал, что среди немецких гимназистов в конце XIX в. преобладали учащиеся протестантского вероисповедания – даже в тех землях, население которых было преимущественно католическим [2, с. 108–109].

Стремление к образованию было типично и для поволжских протестантов. В большинстве колоний Камышинского уезда общинные школы открывались почти сразу с основанием поселений: в с. Норка приходская школа была открыта в 1764 г., с. Линево Озеро (Гуссенбах) – в 1773 г., с. Розенберг – в 1822 г. [22, с. 241]. В 1786 г. в Саратове прихожанами общины Святой Марии была открыта школа

для мальчиков и девочек, а в 1866 г. – Александро-Марьинское высшее училище [18, с. 75]. В Камышинском уезде на рубеже веков немцы-лютеране составляли 40 % населения, при этом грамотных мужчин в уезде было 32 %, а женщин – 26 % – больше, чем где-либо в Саратовской губернии [22, с. 153]. Это было связано с установленным в общинах обязательным посещением школы всеми детьми. В меннонитских селах Новоузенского уезда в 1900 г. было 92 % грамотных, тогда как в соседней Воскресенской волости – 26 % [13, с. 51]. В местных школах преподавались немецкий язык, арифметика, география. Однако нацеленное на воспитание рационального хозяина-земледелца, какого-либо продолжения меннонитское начальное образование, как правило, не предусматривало. Лютеранские общины, напротив, требовали расширения программы школьного образования.

Наиболее прогрессивной была система школьного образования у гернгутеров. В Сарепте вскоре после основания поселения появились 2 школы – для мальчиков (1772) и для девочек (1773). В 1780 г. в школе для мальчиков выделено 2 класса – начальный и старший. В младшем классе преподавались основы грамоты и арифметики, в старшем – история, география, латинский и русский языки. В 1793 г. был открыт 3-й класс, в котором обучали основам химии, ботаники, физики, механики. Учебными пособиями служили: аптечная лаборатория, библиотека, гербарий, местные заводы и производства [22, с. 311]. Часть выпускников сарептских школ продолжали обучение в немецких университетах. Такой основательный поход к образованию вкупе с экономическими интересами колонистов способствовал появлению среди сарептян лиц, занимавшихся научной деятельностью. Исследователи насчитали 29 ученых – выходцев из Сарепты (число общинников в которой на протяжении всего времени существования не превышало 500 человек!). Среди них врачи: Иоганн Вир (1768–1782), Иоганн Найц (1766–1816), Иосиф Гамель (1788–1862), Леопольд Глич (1827–1891), Франц Лангерфельд (1831–1870), а также аптекари: Карл Вундерлих (1808–1855) и Хуго Кристоф (1831–1894) [3, с. 124–127].

Порицание увеселительных мероприятий, характерное для большинства протестантских деноминаций, делало чтение одной из допустимых и потому распространенных форм досуга. Несомненно, основную часть общинных и частных библиотек составляли книги религиозного содержания. Однако знание немецкого языка позволяло колонистам знакомиться с зарубежными научно-популярными и периодическими изданиями. Так, исследователями установлено, что общинниками Сарепты выписывались обзоры научных обществ, газеты и журналы, которыми они обменивались между собой [23, с. 60]. В 1858 г. прихожанами церкви Св. Марии был открыт книжный магазин в Саратове [18, с. 42]. В Камышинском уезде по инициативе гласных-немцев с 1904 г. была организована выписка газет и журналов на немецком языке за счет земства [10, с. 90].

Почти всеобщая грамотность способствовала проникновению в среду колонистов санитарно-гигиенических знаний, формированию позитивного восприятия медицинских манипуляций. Показательным является отношение протестантов к оспопрививанию. Отчеты земских врачей 1871 г. по Камышинскому уезду свидетельствовали, что немцы-колонисты охотно прививали своих детей и даже следили за своевременностью вакцинации, тогда как в русских селах оспа часто не прививалась вследствие предрассудков. Медицинский осмотр призывников немецких сел 1891 г. из Камышинского уезда выявил: привитых – 67 %, переболевших оспой – 0,6 %, 32,5 % – без следов оспы, из русских сел было привитых – 34 %, переболевших – 21 %, 45 % – не имели следов оспы. Осмотр школьников в том же году показал, что в русских селах переболело оспой 14 %, привито – 52 %, без следов оспы – 34 %, в немецких селах эти цифры составили соответственно 1 %, 93 % и 6 % [5, с. 114–115]. Отметим, что речь идет о поселениях преимущественно лютеранского вероисповедания. Немногочисленные католики, также населявшие уезд, в своем отношении к достижениям научной медицины мало чем отличались от русского крестьянства, настороженно относившегося к медицинским манипуляциям. Обозреватель газеты «Саратовский дневник» так описывал отношение коло-

нистов-католиков к болезням и медицине: «...Немцы-католики на болезни, которые вообще бывают следствием собственной нашей неосторожности, наших ошибок и промахов, смотрят как на проявление силы и власти божьей, всякое противодействие которому преступно и невозможно. Следующих мер к излечению не принимают, о врачебных средствах не хотят и слышать. Лечение почитают пустой и грешной забавой; докторов и фельдшеров принимают за бездельников» [30, с. 1–2].

Забота о телесном здоровье как залого поддержания трудоспособности, важной для протестантов, вероятно во многом определила и позитивное восприятие медицинской помощи, в том числе открытий и новшеств научной медицины. Обозреватель издания «Балтийский ежемесячник» в 1865 г. отмечал: «Состояние здоровья в целом в колониях лучше, эпидемии, а именно холера, у них проявляются далеко не так сильно, как в других местах; и оспа свирепствует у них меньше, так как они не пытаются обходить прививки, как это делают простые русские. Дети у колонистов растут намного лучше, чем у их соседей, из-за разумного ухода» [24, с. 428]. Авторы отмечали физическую силу колонистов, выносливость, свежий цвет лица и здоровые зубы. Однако в начале XX в. земские медики стали фиксировать ухудшение здоровья колонистов из-за распространения сарпинкового промысла [25, с. 95]. Изготовление сарпинки (хлопчатобумажной окрашенной ткани, пользовавшейся спросом на российском рынке) предполагало работу в закрытых, запыленных помещениях. Заболевания дыхательных путей (в том числе туберкулез) стали типичным явлением в немецких колониях.

Согласно протестантской этике, главными нравственными качествами христианина были трудолюбие и дисциплинированность. Проявлением этих добродетелей были *порядок и чистота* жилищ, одежды и утвари, развитие гигиенических навыков. Показательно, что Устав Евангелическо-лютеранской церкви предписывал пасторам быть не только нравственным примером, демонстрировавшим отказ от праздности и невоздержанности, но и представлять образец порядка в управлении домом [29, с. 81].

Безупречную чистоту усадеб (и даже помещений для скота), широкие ухоженные улицы, наличие водопровода описывали очевидцы, посещавшие меннонитские поселения: «В комнатах ни соринки, ни мухи, ни какого бы то ни было насекомого» [13, с. 26]. Свидетели эпидемии тифа в Камышинском уезде зимой 1882 г. отмечали, что она охватила поселения немцев-католиков, но не наблюдалась в лютеранских: «Свив здесь прочные гнезда и захватывая по временам другие католические же селения, они («тифозные горячки». – *Авт.*) ни на короткий срок не покидают избранных ими мест, оставляя в то же время совершенно нетронутыми лютеранские селения, хотя последние смежны с первыми и находятся с ними в постоянных сношениях... Что же тому за причина? Ответ: крайнее невежество здешних немцев-католиков и грязная их жизнь... Комнатный воздух не обновляется, наполнен смрадом, происходящим от разного рода выделений и отделений как людей, так и животных (ягнят, собак, поросят), находящихся в одной с хозяевами комнате, равно от гниения овощей и разного рода сора, также от сырости и курения доморощенного табака. Полы редко моются... Котлы и корыта, назначенные для стирки белья, употребляются для варки пищи и размешивания теста. Белье сменяется редко, стирается кое-как... Тюфяки, перины, подушки не проветриваются, наволочки, солома – не переменяются или сменяются чрезвычайно редко» [30, с. 1–2]. Дабы не заподозрить обозревателя газеты в предвзятости, отметим, что в конце обзора он отмечает «необыкновенное рвение» местных католических священников в приобщении своих прихожан к просвещению и порядку.

Высокий уровень гигиены жилищ стал отличительной чертой протестантских поселений. У сарептских гернгутеров вскоре после основания колонии, в 1767 г., был построен общественный деревянный водопровод, снабжавший поселян чистой водой. В дальнейшем он перестраивался, были разработаны строгие правила пользования водопроводом, предупреждавшие его загрязнение [1, с. 47]. В 1863 г. водопровод состоял из 2 деревянных труб протяженностью 340 и 1 300 саженей (725 и 2 773 метров. – *Авт.*). Он доставлял в Сарепту 1 тыс. ведер ключевой воды в

час, обеспечивая гигиенические, промышленные и сельскохозяйственные нужды. Также здесь была собственная мыловарня. На рубеже XIX–XX вв., когда Сарепта вошла в ведение земских медиков, земская статистика фиксировала здесь наименьшую смертность от инфекционных заболеваний [32, с. 52].

А.Н. Минх описал санитарно-гигиенические нормы, распространенные в лютеранской колонии Розенберг (Камышинский уезд, Иловлинская волость): «...Стены внутри и печи вымазывают глиной и белят; каждую субботу и перед каждым праздником, иногда в середине недели, комнаты, окна, переднюю и крыльцо чистят и моют. Немцы спят в постелях, как взрослые, так и дети, на полу никогда не ложатся, и палатей у них нет. Бань у колонистов нет; белье же меняют еженедельно перед каждым воскресеньем» [22, с. 287]. Летом колонисты еженедельно (по субботам) очищали дворы и улицу перед домом. Подобные гигиенические традиции зафиксировал и П.К. Галлер. Его родная колония Шиллинг в доземский период не была обеспечена медицинской помощью, функции врачевания здесь выполняли местные повитухи. Тем не менее серьезных эпидемий не наблюдалось: «Повидимому, заболеваемость была незначительная; я только помню, что чаще всего болели лихорадкой...» [4].

Тщательное соблюдение личной гигиены (купание, частая стирка белья) было характерно и для меннонитов. Анализируя ежегодный бюджет средней меннонитской семьи (двое родителей и семеро детей), И.М. Красноперов отмечал существенный расход на закупку мыла в количестве 1,5 пудов (24 кг. – *Авт.*) [14, с. 63].

Трудовая этика протестантизма сказалась на формировании у протестантов важного фактора сохранения здоровья, который сегодня принято называть «здоровый образ жизни». Поддержание хорошей физической формы было необходимо для обеспечения трудоспособности. Кроме того, отдельные постулаты, выдвинутые идеологами Реформации, оказались по сути «здоровьесберегающими технологиями». В первую очередь это относилось к культуре питания. Утверждая спасение только верой, М. Лютер обозначил несущественность соблюдения поста для при-

ближения к этой цели [20, с. 129]. В дальнейшем обычай поста в большинстве протестантских деноминаций стал рассматриваться как необязательный (пост мог соблюдаться индивидуально по обету или по желанию верующего), что, вероятно, способствовало формированию приверженности к калорийному и разнообразному питанию. М. Вебер отмечал, что выражение «любит хорошо поесть» было справедливым по отношению к немецким протестантам в конце XIX в. [2, с. 66]. Такая культура питания была особенно важной в случаях угрозы инфекционных заболеваний, выполняющая как профилактическую, так и реабилитационную функции.

Образцом подобной культуры питания считались кулинарные традиции поволжских протестантских общин. Разнообразной и калорийной была кухня новоузенских меннонитов [14, с. 63]. Кухня сарептских гернгутеров включала мясные, рыбные, овощные блюда, а также бобовые, пряности и выпечку. Горячая пища подавалась трижды в день, а обед состоял обычно из 4–5 горячих и холодных блюд [16, с. 64].

Отметим, что, в отличие от протестантов, православное русское крестьянство строго следовало обычаю поста, даже при угрозе жизни и здоровью. Земские медики на рубеже XIX–XX вв. считали православный пост фактором, негативно влиявшим на здоровье русских крестьян, особенно в условиях частых эпидемий. Так, в заметках об эпидемии сыпного тифа в Петровском уезде Саратовской губернии земский врач Н.Е. Кушев сетовал: «Многие больные в силу религиозных убеждений отказывались от молока и другой скоромной пищи, никакие убеждения со стороны медицинского персонала не действовали» [17, с. 527]. Также отмечалось губительное действие постной пищи на детское здоровье: врачи обращались к епархиальному начальству с просьбой обязать священников «поучать матерей не кормить детей постной пищей» [8, с. 102].

Согласно протестантской идее скромности и умеренности, пища должна была быть достаточной и в то же время – простой, не изысканной и не чрезмерной. В Уставе общины гернгутеров (1821 г.) провозглашались «умеренность в питании» и отстранение от

«излишеств, тщеславия и злоупотребления временными благами» [9, с. 60]. Подобные диетические ограничения способствовали сохранению здоровья общинников.

Жесткие ограничения действовали в отношении алкоголя, который ассоциировался с проявлением праздности и неподобающего христианину поведения. У меннонитов и гернгутеров алкогольные напитки были под строгим запретом, а в лютеранских общинах порицалось неумеренное употребление: «Пьяных обыкновенно не бывало, кроме разве какого-нибудь парня молодого, который меры не знал еще. Вообще, могу сказать, что у колонистов в то время, если и бывали люди пьяные, то на улицах их все-таки никто не видал: ни разу я не видел пьяного, валяющегося на улице, под забором, или орущего песни на улице. Если человек был пьян, то его немедленно укладывали в постель: сопротивление или появление в пьяном виде на улице на посмешище мальчишкам влекло за собой денежный штраф или даже при повторении – порку. Такой человек из-за насмешек долго не мог показаться на людях» [4].

Критика М. Лютером монашества и системы отпущения грехов способствовала своеобразному переносу идеи аскезы на мирскую жизнь и таким образом положила начало нравственным нормам протестантизма. Идеалы благочестия, супружеской верности, семейных ценностей получили наибольшее развитие в пуританизме и пиетизме, повлиявших, в свою очередь, на другие протестантские деноминации. Так, у меннонитов и гернгутеров внебрачные связи были под строжайшим запретом. Положение в лютеранских общинах отразил П.К. Галлер: «Внебрачных рождений бывает не более одного в несколько лет, и кумушки обыкновенно наперечет знают все такие случаи, имевшие место на их веку» [4]. Регламентация личной жизни и порицание внебрачных связей выполняли важную здоровьесберегающую функцию. В конце XIX в. земскими врачами Саратовской губернии среди немцев-колонистов фиксировалась низкая заболеваемость сифилисом – 0,39 % (среди русских – 1,62 %, украинцев – 0,99 %, мордвы – 0,56 %) [6, с. 61]. Устав Евангелическо-лютеранской церкви допускал возможность расторжения обручения и брака в случае «неизлечи-

мой прилипчивой болезни» у одной из сторон [29, с. 66].

В заключение отметим еще один важный фактор, определявший медицинскую культуру поволжских поселенцев. Этим фактором было *самоуправление церковной общины*, позволявшее реализовывать инициативы, направленные на решение наиболее важных для всех общинников вопросов, в том числе касающихся охраны здоровья. В лютеранских общинах старосты должны были сообщать проповеднику сведения обо всех больных прихожанах еженедельно, а в случае эпидемий – немедленно. Главной целью этого информирования было последующее получение больными духовного наставления, однако эти сведения были важны и для организации поддержки семьи больного со стороны общины. Согласно Уставу Евангелическо-лютеранской церкви, проповедник был обязан и учением, и примером внушать прихожанам, «сколь важны и угодны перед Богом дела Христианской любви, к числу которых преимущественно принадлежит попечение о больных» [29, с. 82]. Самоуправляющаяся община могла быстро реагировать на вызовы, связанные с угрозой здоровью прихожан. Прежде всего это касалось борьбы с эпидемиями. Так, во время эпидемии чумы в Нижнем Поволжье в 1806–1823 гг. руководством сарептской общины был учрежден строгий карантин. В ответ на угрозу холеры в 1847–1848 гг. прихожане церкви Св. Марии в Саратове преобразовали церковную школу в больницу, где больным оказывалась вся доступная на тот момент медицинская помощь и уход, а в 1888 г. при церкви создано Общество милосердия, среди благотворительных инициатив которого было обеспечение неимущих медицинской помощью [18, с. 28, 34]. В дальнейшем Общество оказывало помощь саратовскому отделению Красного Креста, земским больничным учреждениям.

Результаты. Сопоставив религиозно-этические нормы, существовавшие у поволжских колонистов, с данными медицинской статистики и свидетельствами современников, можно констатировать, что ценности протестантизма играли существенную роль в медицинской культуре общинников. Протестантская этика во многом определила экономическое благосостояние колонистов, развитую ин-

фраструктуру и высокий уровень санитарии. Реализуя идеалы скромности, экономии и рационального хозяйствования, немецкие колонисты получили материальные возможности для организации медицинского обеспечения и квалифицированной помощи. Приверженность к труду обусловила заботу о поддержании физического здоровья (здоровый образ жизни), позитивное восприятие медицинских манипуляций и развитие гигиенических навыков.

Под влиянием идей Реформации у поволжских колонистов сложилась рациональная культура питания, предполагавшая, с одной стороны, употребление калорийной и разнообразной пищи, а с другой – диетические ограничения во избежание переедания. Строгая регламентация семейно-брачных отношений фактически выполняла функцию профилактического средства против венерических заболеваний.

Уровень образования, который и сегодня считается одним из важных культурных факторов сохранения здоровья, в протестантских общинах был достаточно высоким. Всеобщая грамотность, изначально нацеленная на чтение религиозных текстов, стала основой распространения периодических изданий, научно-популярной литературы, через которую могли транслироваться медицинские знания и практики. Школьные программы в колониях лютеран и гернгутеров позволяли выпускникам школ продолжать образование, в том числе медицинское, и даже вести научную деятельность.

Организация медицинской помощи являлась непосредственной функцией самоуправляющихся общин, которые могли корректировать эту помощь, обеспечивая ее эффективность и охват всех членов общины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова, Л. И. Медицинская культура немцев Поволжья (на примере Сарепты) / Л. И. Белова, И. В. Чернышева, И. К. Черемушникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (68), ч. 1. – С. 46–48.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–271.

3. Водолажский, И. С. Научная деятельность гернгутеров Сарепты (к. XVIII – н. XX вв.): специфика, динамика и мотивация развития / И. С. Водолажский, А. Е. Иващенко, А. В. Курышев // Сарепта: историко-этнографический вестник. – Вып. 4, ч. 1. – Волгоград: [б. и.], 2011. – С. 118–130.
4. Галлер, П. К. Воспоминания (быт немцев-колонистов в 60-х гг. XIX столетия) / П. К. Галлер // Немцы Поволжья. – Саратов, 1927. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Haller.htm> (дата обращения: 07.06.2019). – Загл. с экрана.
5. Галлер, П. К. Оспопрививание в Камышинском уезде за последние 25 лет / П. К. Галлер // Саратовский санитарный обзор. – 1891 (архивная подшивка). – № 5. – С. 109–115.
6. Губернские съезды и совещания земских врачей и представителей земских управ Саратовской губернии в 1876–1894 гг. (Свод постановлений). – Саратов: Тип. губернского земства, 1903. – 88 с.
7. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе / Всемирная организация здравоохранения. – Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения, Европейское региональное бюро, сор., 2015. – 157 с.
8. Земско-медицинский сборник. Материалы по изучению земской медицины в России за первое 25-летие (1865–1890). – Т. 3. – М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1894. – 381 с.
9. Из устава Евангелической братской общины в Сарепте. 1821 год // История Сарепты в документах. Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. – Вып. 8 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 59–61.
10. Киценко, О. С. Социально-культурная деятельность земских учреждений Саратовской губернии (1866–1917): дис. ... канд. ист. наук / Киценко Ольга Сергеевна. – Волгоград, 2005. – 195 с.
11. Киценко, О. С. Становление земской санитарной организации во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Саратовской губернии) / О. С. Киценко, Р. Н. Киценко // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2015. – Вып. 2 (29). – С. 162–172.
12. Клаус, А. Духовенство и школа в наших немецких колониях / А. Клаус // Вестник Европы. – 1869. – С. 235–274.
13. Колесников, Т. И. Культурное хозяйство в «некультурном крае»: хозяйство меннонитов параллельно с очерком хозяйственно-бытовой картины Новоузенского уезда / Т. И. Колесников. – Саратов: Тип. губернского земства, 1908. – 54 с.
14. Красноперов, И. М. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде / И. М. Красноперов // Русская мысль. – 1883. – № 10. – С. 53–68.
15. Культура имеет значение: учет культурных контекстов здоровья при выработке политики / Всемирная организация здравоохранения, 2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/348246/xxxxx_World-Health-Organisation_Context-of-Health-TEXT-RUSSIAN_WEB-AW.pdf?ua=1 (дата обращения: 06.06.2019). – Загл. с экрана.
16. Курышев, А. В. Сарепта: история успеха / А. В. Курышев. – Волгоград: Издатель, 2012. – 176 с.
17. Кушев, Н. Е. Очерк эпидемии сыпного тифа в западном (Мало-Сердобинском) участке Петровского уезда / Н. Е. Кушев // Саратовский санитарный обзор. – 1891 (архивная подшивка). – № 16. – С. 495–535.
18. Лиценбергер, О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935) / О. А. Лиценбергер. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 104 с.
19. Лютер, М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Лютер М. Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – С. 164–184.
20. Лютер, М. Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа // Лютер М. Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – С. 120–130.
21. Медведев, В. Н. Иоганн Иоахим Вир / В. Н. Медведев // Немцы Поволжья. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://wolgadeutsche.net/sarepta/Medwedew_Wier.pdf (дата обращения: 07.06.2019). – Загл. с экрана.
22. Минх, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / А. Н. Минх. – Волгоград: ВАГС, 2010. – 568 с.
23. Насонова, О. В. Библиотека Сарепты: страницы истории (1774–1927) / О. В. Насонова // Сарепта. Историко-этнографический вестник. – 2012. – Вып. 5. – С. 57–64.
24. Немецкие колонии в Самарской и Саратовской губерниях // Балтийский ежемесячник. – Т. 12. – Рига: Изд-во Н. Кюммельса, 1865. – С. 427–456.
25. Петров, А. В. Земская санитарная статистика в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Саратовской губернии) / А. В. Петров, О. С. Киценко // История науки и техники. – 2017. – № 6. – С. 88–99.
26. Победоносцев, К. П. Письмо о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма / К. Победоносцев, И. Бабст // История Сарепты в документах. Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. – Вып. 8 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 70–89.

27. Рамонов, А. В. Католичество или протестантизм? Здоровье и благополучие пожилых людей различного вероисповедания в европейских странах / А. В. Рамонов // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 124–134.

28. Сироткин, П. Ф. К вопросу о взаимосвязи между удовлетворенностью трудом человека и его религиозными воззрениями / П. Ф. Сироткин // Вопросы культурологии. – 2014. – № 12. – С. 93–96.

29. Устав Евангелическо-лютеранской церкви 1832 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 11, ч. 1. – СПб.: Гос. тип., 1896. – С. 54–168.

30. Хроника // Саратовский дневник. – 1882. – № 23. – С. 1–2.

31. Черемушникова, И. К. В поисках совершенной модели здравоохранения: традиции и новаторство в медицине немцев Нижнего Поволжья / И. К. Черемушникова, И. В. Чернышева, Л. И. Белова // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 617–620.

32. Эпидемический листок // Саратовский санитарный обзор. – 1891 (архивная подшивка). – № 3 (февр.). – С. 52.

33. Birkhäuser, M. Ethical issues in human reproduction: Protestant perspectives in the light of European Protestant and Reformed Churches / M. Birkhäuser // *Gynecol Endocrinol.* – 2013. – № 29 (11). – P. 955–959. – DOI: 10.3109/09513590.2013.825716.

34. Lindeman, M. Medicine and society in Early Modern Europe / M. Lindeman. – Cambridge: University press, 1999. – 249 p.

35. Pauls, M. Bioethics for clinicians: 28. Protestant bioethics / M. Pauls, R. Hutchinson // *Canadian Medical Association Journal.* – 2002. – № 166 (3). – P. 339–343.

36. Pelling, M. Life, Death and the Elderly: Historical Perspectives. / M. Pelling, R. M. Smith. – London: Routledge, 1991. – 272 p.

REFERENCES

1. Belova L.I., Chernysheva I.V., Cheremushnikova I.K. Meditsinskaya kultura nemtsev Povolzhya (na primere Sarepty) [The Medical Culture of Germans of the Volga Region (On the Example of Sarepta)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Judicial Sciences, Cultural Studies and Art History. The Questions of Theory and Practice], 2016, no. 6 (68), pt. 1, pp. 46–48.

2. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 44–271.

3. Vodolazhskiy I.S., Ivashchenko A.E., Kuryshv A.V. Nauchnaya deyatel'nost' gerntuterov Sarepty (k. XVIII – n. XX vv.): spetsifika, dinamika i motivatsiya razvitiya [The Scientific Activities of the Herrnhuters of Sarepta (At the End XVIII – Beginning of XX Centuries): Specificity, Dynamics and Motivation of Development]. *Sarepta: istoriko-etnograficheskiy vestnik* [Sarepta: Historical Ethnographic Bulletin]. Iss. 4, pt. 1. Volgograd, [s. n.], 2011, pp. 118–130.

4. Galler P.K. Vospominaniya (byt nemtsevkolonistov v 60-kh gg. XIX stoletiya) [Memories (Life of German Colonists in the 60s of the XIX Century)]. *Nemtsy Povolzhya* [Germans of the Volga Region]. Saratov, 1927. URL: <http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Haller.htm> (accessed 7 June 2019).

5. Galler P.K. Ospoprivivanie v Kamyshinskom uезде za poslednie 25 let [Vaccination in the Kamyshin District Over the Past 25 Years]. *Saratovskiy sanitarnyy obzor* [Saratov Sanitary Review], 1891 (archive file), no. 5, pp. 109–115.

6. *Gubernskie syezdy i soveshchaniya zemskikh vrachey i predstaviteley zemskikh uprav Saratovskoy gubernii v 1876–1894 gg. (Svod postanovleniy)* [Provincial Congresses and Meetings of Zemstvo Doctors and Representatives of Zemstvo Governments of the Saratov Province in 1876–1894 (Resolution Code)]. Saratov, Tipografiya gubernskogo zemstva, 1903. 88 p.

7. *Doklad o sostoyanii zdравookhraneniya v Evrope* [The European Health Report]. Copenhagen, World Health Organization, Regional Office for Europe, 2015. 157 p.

8. *Zemsko-meditsinskiy sbornik. Materialy po izucheniyu zemskoy meditsiny v Rossii za pervoe 25-letie (1865–1890)* [Zemsko-Medical Collection. Materials on the Study of Zemstvo Medicine in Russia for the First 25 Years (1865–1890)]. Vol. 3. Moscow, Tipografiya D.I. Inozemtseva, 1894. 381 p.

9. Iz ustava Evangelicheskoy bratskoy obshchiny v Sarepte. 1821 god [From the Statute of the Evangelical Fraternal Community in Sarepta. 1821]. *Istoriya Sarepty v dokumentakh. Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [History of Sarepta in Documents. Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Research]. Iss. 8. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2009, pp. 59–61.

10. Kitsenko O.S. *Sotsialno-kulturnaya deyatel'nost' zemskikh uchrezhdeniy Saratovskoy gubernii (1866–1917): dis. kand. ist. nauk* [Socio-Cultural Activities of the Zemstvo Institutions of the Saratov Province (1866–1917). Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2005. 195 p.

11. Kitsenko O.S., Kitsenko R.N. Stanovlenie zemskoy sanitarnoy organizatsii vo vtoroy polovine

XIX – nachale XX veka (na materialakh Saratovskoy gubernii) [Formation of the Zemstvo Sanitary Organization in the Second Half of the XIX – Early XX Century (On the Materials of the Saratov Province)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»* [Bulletin of Perm University. Series “History”], 2015, iss. 2 (29), pp. 162-172.

12. Klaus A. Dukhovenstvo i shkola v nashikh nemetskikh koloniyakh [Clergy and School in Our German Colonies]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1869, pp. 235-274.

13. Kolesnikov T.I. *Kulturnoe khozyaystvo v «nekulturnom krae»: khozyaystvo mennonitov parallelno s ocherkom khozyaystvenno-bytovoy kartiny Novouzenskogo uyezda* [Cultural Management in the “Uncivilized Land”: The Mennonite Household in Parallel with the Sketch of the Household Picture of Novouzensky Uyezd]. Saratov, Tipografiya gubernskogo zemstva, 1908. 54 p.

14. Krasnoperov I.M. Mennonitskoe khozyaystvo v Samarskom uезде [Mennonite Economy in Samara Uyezd]. *Russkaya mysl* [Russian Thought], 1883, no. 10, pp. 53-68.

15. *Kultura imeet znachenie: uchet kulturnykh kontekstov zdorovya pri vyработke politiki* [Culture Matters: The Consideration of Cultural Contexts of Health in Policy Making]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/348246/xxxxx_World-Health-Organisation_Context-of-Health_TEXT-RUSSIAN_WEB-AW.pdf?ua=1 (accessed 6 June 2019).

16. Kuryshv A.V. *Sarepta: istoriya uspekha* [Sarepta: A Success Story]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 176 p.

17. Kushev N.E. Ocherk epidemii synpogo tifa v zapadnom (Malo-Serdobinskom) uchastke Petrovskogo uyezda [Sketch of the Epidemic of Typhus in the Western (Maloserdobinsky) Section of Petrovsky Uyezd]. *Saratovskiy sanitarnyy obzor* [Saratov Sanitary Survey], 1891 (archive file), no. 16, pp. 495-535.

18. Litsenberger O.A. *Evangelicheskolyuteranskaya tserkov Svyatoy Marii v Saratove (1770–1935)* [Evangelical Lutheran Church of St. Mary in Saratov (1770–1935)]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1995. 104 p.

19. Lyuter M. K sovetnikam vsekh gorodov zemli nemetskoj. O tom, chto im nadlezhit uchrezhdai podderzhivat khristianskie shkoly [To Councillors of all the Cities of the German Land. On the Issue That They Should Establish and Maintain Christian Schools]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie Publ., 1994, pp. 164-184.

20. Lyuter M. Otkrytoe uveshchevanie ko vsem khristianam vozderzhatsya ot smuty i myatezha [Open

Exhortation to All Christians to Refrain from Turmoil and Rebellion]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie Publ., 1994, pp. 120-130

21. Medvedev V.N. Iogann Ioakhim Vir [Johann Joachim Vir]. *Nemtsy Povolzhya* [Germans of the Volga Region]. URL: http://wolgadeutsche.net/sarepta/Medwedew_Wier.pdf (accessed 7 June 2019).

22. Minkh A.N. *Istoriko-geograficheskiy slovar Saratovskoy gubernii: Yuzhnye uезdy Tsaritsynskiy i Kamyshinskiy. Sovremennaya versiya* [Historical and Geographical Dictionary of the Saratov Province: Southern Counties Tsaritsyn and Kamyshinsky. Modern Version]. Volgograd, VAGS, 2010. 568 p.

23. Nasonova O.V. Biblioteka Sarepty: stranitsy istorii (1774–1927) [Sarepta Library: Pages of History (1774–1927)]. *Sarepta. Istoriko-etnograficheskiy vestnik* [Sarepta. Historical and Ethnographic Herald], 2012, iss. 5, pp. 57-64.

24. Nemetskie kolonii v Samarskoj i Saratovskoj guberniyakh [German Colonies in Samara and Saratov Gubernias]. *Baltiiskiy ezhemesyachnik* [Baltic Monthly]. Vol. 12. Riga, Izd-vo N. Kyummelsa, 1865, pp. 427-456.

25. Petrov A.V., Kitsenko O.S. *Zemskaya sanitarnaya statistika v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Saratovskoy gubernii)* [Zemstvo Sanitary Statistics in the Late XIX – Early XX Centuries (On the Materials of the Saratov Province)]. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology], 2017, no. 6, pp. 88-99.

26. Pobedonostsev K.P., Babst I. Pismo o puteshestvii Gosudarya Naslednika Tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma [A Letter on the Journey of the Tsarevich in Russia from St. Petersburg to the Crimea]. *Istoriya Sarepty v dokumentakh. Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [History of Sarepta in Documents. Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Research]. Iss. 8. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2009, pp. 70-89.

27. Ramonov A.V. Katolichestvo ili protestantizm? Zdorovye i blagopoluchie pozhilykh lyudej razlichnogo veroispovedaniya v evropeyskikh stranakh [Catholicism or Protestantism? Health and Well-Being of Elderly People of Different Religions in European Countries]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2014, vol. 1, no. 4, pp. 124-134.

28. Sirotkin P.F. K voprosu o vzaimosvyazi mezhdudovletvorennostyu trudom cheloveka i ego religioznymi vozzreniyami [On the Question of the Relationship Between Job Satisfaction of a Person and His Religious Beliefs]. *Voprosy kulturologii* [Issues of Cultural Studies], 2014, no. 12, pp. 93-96.

29. Ustav Evangelicheskoy-lyuteranskoj tserkvi 1832 g. [Charter of the Evangelical Lutheran Church in 1832]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 11, pt. 1. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1896, pp. 54-168.

30. Khronika [Chronicle]. *Saratovskiy dnevnik* [Saratov Diary], 1882, no. 23, pp. 1-2.

31. Cheremushnikova I.K., Chernysheva I.V., Belova L.I. V poiskakh sovershennoy modeli zdravookhraneniya: traditsii i novatorstvo v meditsine nemtsev Nizhnego Povolzhya [In Search of a Perfect Health Care Model: Traditions and Innovations in German Medicine in the Lower Volga]. *Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza* [Medical Bulletin of the North Caucasus], 2016, vol. 11, no. 4, pp. 617-620.

32. Epidemicheskii listok [Epidemic Sheet]. *Saratovskiy sanitarnyy obzor* [Saratov Sanitary Review], 1891 (archive file), no. 3 (February), p. 52.

33. Birkhäuser M. Ethical Issues in Human Reproduction: Protestant Perspectives in the Light of European Protestant and Reformed Churches. *Gynecol Endocrinol*, 2013, no. 29 (11), pp. 955-959. DOI: 10.3109/09513590.2013.825716.

34. Lindeman M. *Medicine and Society in Early Modern Europe*. Cambridge, University press, 1999. 249 p.

35. Pauls M., Hutchinson R. Bioethics for Clinicians: 28. Protestant Bioethics. *Canadian Medical Association Journal*, 2002, no. 166 (3), pp. 339-343.

36. Pelling M., Smith R. M. *Life, Death and the Elderly: Historical Perspectives*. London, Routledge, 1991. 272 p.

Information About the Authors

Olga S. Kitsenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, History and Cultural Science Department, Volgograd State Medical University, Pavshikh bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, olga_kicenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-2238>

Roman N. Kitsenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, History and Cultural Science Department, Volgograd State Medical University, Pavshikh bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, krn27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-0512>

Irina K. Cheremushnikova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, History and Cultural Science Department, Volgograd State Medical University, Pavshikh bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, inhabitus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7211-0503>

Информация об авторах

Ольга Сергеевна Киценко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, olga_kicenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-2238>

Роман Николаевич Киценко, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, krn27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-0512>

Ирина Кабдрахимовна Черемушниковна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, inhabitus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7211-0503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.15>

UDC 94(47).072.3
LBC 63.3

Submitted: 01.04.2019
Accepted: 28.05.2019

DON COSSACKS AND THE BATTLE OF RASSEVAT ON SEPTEMBER 4, 1809¹

Andrey V. Venkov

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Russian-Turkish war of 1806–1812 was the longest military conflict between Russia and Turkey. In the hope to force the Turks to peace, Russian troops crossed the Danube several times and fought for key fortresses on its banks. One of the battles on the right Bank of the Danube in 1809 was won practically by the Don Cossacks alone. In this battle Russian troops were led by such famous military leaders as Bagration, Miloradovich, Platov. After this battle Miloradovich and Platov were promoted to “full generals” (general in chief). *Methods and materials.* This battle is also interesting because the state archive of Rostov region has a very detailed collection of documents about it. Of all the documents relating to this war, the greatest number refers to the battle of September 4, 1809, because after it Don ataman Platov received his highest rank. The purpose of this study is to identify reasons for such an unusual victory. *Analysis and results.* The author investigates the course of the battle in detail using archival materials. The study shows that Russian forces were twice as superior to Turkish ones; during the battle, the command made a number of mistakes, which did not allow to completely surround the Turkish troops. High awards received by the command for this battle did not quite correspond to the level of success. The Russian commanders had friends at court and this partly affected the awards.

Key words: Cossacks, battle, Russian-Turkish war, awards, blockade, maneuver.

Citation. Venkov A. V. Don Cossacks and the Battle of Rassevat on September 4, 1809. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 185-196. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.15>

УДК 94(47).072.3
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 01.04.2019
Дата принятия статьи: 28.05.2019

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И СРАЖЕНИЕ У РАССЕВАТА 4 СЕНТЯБРЯ 1809 ГОДА¹

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. была самым продолжительным военным конфликтом между Россией и Турцией. Чтобы принудить турок к миру, русские войска несколько раз переходили Дунай и вели бои за ключевые крепости на его берегах. Одно из сражений на правом берегу Дуная в 1809 г. было выиграно практически одними донскими казаками. Русскими войсками в этом бою руководили такие известные военачальники, как Багратион, Милорадович, Платов, за что последние были произведены в «полные-генералы» (генерал-аншефы). Сражение у Рассевата интересно еще и тем, что в Государственном архиве Ростовской области есть достаточно подробная подборка документов о нем. Из всех материалов, касающихся данной войны, наибольшее их количество относится именно к сражению 4 сентября 1809 г., поскольку за него донской атаман Платов получил свой высший чин. Цель данной работы – выявить причины столь необычной победы. В статье на основе архивных материалов детально изучен ход сражения. Исследование показало, что русские силы вдвое превосходили турецкие; в ходе сражения командование совершило ряд ошибок, не позволивших полностью окружить турецкие войска. Высокие награды, полученные командованием за этот бой, не совсем соответствовали уровню успеха. Здесь сказались придворные связи русских командующих.

Ключевые слова: казаки, сражение, Русско-турецкая война, награды, окружение, маневр.

Цитирование. Венков А. В. Донские казаки и сражение у Рассевата 4 сентября 1809 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 185–196. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.15>

Введение. Как считали военные историки, Русско-турецкая война 1806–1812 гг. была самой продолжительной из всех войн, которые Россия вела против Турции [9, с. 238]. Одновременно в ходе этого затянувшегося конфликта Россия воевала с наполеоновской Францией, Швецией, Персией и даже Австрией.

Мы обратили внимание на сражение при Рассевате, потому что оно было выиграно в основном казаками, за что командир корпуса М.И. Платов получил чин генерала от кавалерии. Вместе с ним «полным генералом» стал еще один из героев тех войн – Милорадович. Примечательно, что именно по этому сражению в ГАРО (фонд 46 – Войсковой штаб Войска Донского) имеется впечатляющая подборка оригинальных документов, связанная, видимо, с указанным обстоятельством производства М.И. Платова в «полные генералы». Интересно и то, что данный бой был отражен в мемуарной литературе, и есть возможность сравнить, как события описывались одним и тем же лицом непосредственно в день боя (или через несколько дней) и через несколько десятилетий.

Цель данного исследования состоит в выявлении причин столь необычной победы, одержанной, как утверждали очевидцы, одной иррегулярной конницей, а кроме того – выяснить, почему победа, за которую два русских генерала получили предельно высокие для них чины, не привела к победоносному завершению войны. Для достижения этой цели мы ставим задачи: сравнить силы противоборствующих сторон; рассмотреть непосредственно ход сражения; выявить наиболее важные факторы победоносного исхода боя.

Методы и материалы. Данное историческое исследование опирается на большое количество работ по истории Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., как дореволюционных, так и советского периода. Однако роль казаков в них специально не рассматривалась. Из последних исследований большой интерес вызывают диссертации: А.И. Сапожникова «Граф Матвей Иванович Платов: (Опыт научной биографии)» (1995 г.) [17] и С.Г. Вос-

кобойникова «Участие донских казаков в русско-турецкой войне 1806–1812 гг.» (2006 г.) [3]. Однако работы, посвященной непосредственно сражению при Рассевате в 1809 г., нет.

В основу исследования легли воспоминания генералов Ланжерона, А.К. Денисова, опубликованные сборники документов и документы, хранящиеся в ГАРО.

Материалы изучались с опорой на принципы историзма и объективности, что является традиционным для исследований такого рода. Естественно, были применены специально-исторические методы: антропологический, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический

Анализ. В течение всего 1808 г. тянулось заключенное между Россией и Турцией перемирие. Александр I был недоволен его условиями. Благодаря окончанию войны с Францией он увеличил численность войск на турецком фронте до 80 тысяч человек. Вместе с новыми войсками на Дунай подошли несколько полков донских казаков во главе с М.И. Платовым. Генерал Ланжерон, участник той войны, вспоминал, что командующий армией фельдмаршал А.А. Прозоровский Платова любил и ему покровительствовал [13, с. 571]. Платов был назначен начальником авангарда армии, затем получил в свое командование отдельный корпус.

Тем временем в Турции произошел очередной государственный переворот, и новое правительство решило разорвать перемирие с Россией.

Чтобы заставить турок подписать выгодный для России мир, решено было перейти Дунай. Поэтому все силы сперва бросили на отвоевание Добруджи, территории между Дунаем и морем, а затем предполагали удар на Силистрию – ключевую турецкую крепость на Дунае. Опыт предыдущих войн показывал – впереди, при вступлении в Болгарию, армию ожидают трудности. В Болгарии начинались горы и леса, широкая река в тылу, трудности доставки припасов и оружия. Главным для русских войск на этом этапе стало взятие ключевой турецкой крепости Силистрии. По-

том можно было идти на Варну и, взяв ее, получать припасы из России морем. Операция по форсированию Дуная была рискованной. Фридрих II еще во время предыдущей войны России с Турцией в 1768–1774 гг. рекомендовал – лучше преследовать разбитых турок на левом – валашском – берегу Дуная, а не переправляться за Дунай перед боеспособной армией [18, с. 59]. И главнокомандующий А.А. Прозоровский, поклонник Фридриха II, долго колебался, но все же переправил войска за Дунай в его нижнем течении. Здесь Прозоровский умер. Скончался в лагере за Дунаем у Мачина 9 августа 1809 года.

Командующим российской армией на Дунае был назначен генерал П.И. Багратион. 11 августа Багратион принял командование и, помня, что «минута драгоценна», продолжил операцию.

Генерал Ланжерон считал: «Новый план кампании был превосходно разработан, и все операции были ведены энергично и умно» [12, с. 683]. Багратион же писал 19 августа: «Я стараюсь отыскать общий план военных операций покойного главнокомандующего на нынешнюю кампанию, но в бумагах его я ничего не нашел... Таким образом, общий план его мне вовсе неизвестен» [1, с. 368–369]. Так что «энергично и умно» Багратион, видимо, действовал по наитию.

В течение короткого времени русские войска заняли территорию Северной Добруджи, заняли или осадили крепости Мачин, Гирсово, Кюстенджи, что привело к определенному распылению войск. 30 августа корпус Милорадовича, двигавшийся вверх по правому берегу Дуная, вышел к селению Черноводы и обнаружил впереди в селении Рассеват турецкие войска, прикрывавшие дорогу на Силистрию. Главнокомандующий генерал Багратион принял решение собрать часть своих войск в кулак при Черноводах и атаковать турок в Рассевате.

Милорадович подошел к Черноводам и развернул свои войска незаметно для турок. 30 августа произошел кавалерийский бой, в котором участвовали до тысячи турецких всадников и два казачьих полка из корпуса Милорадовича под командованием генерала П. Иловайского. Тем не менее расположение самого русского корпуса турками раскрыто не было.

1 сентября к войскам Милорадовича подошел казачий отряд генерала А.К. Денисова 6-го из корпуса М.И. Платова и «донес обо всем нужном, равно и о том повелении от атамана Платова – чтобы не соединяться с его корпусом, а быть несколько отдельно от него» [5, с. 175].

В тот же вечер казаки Денисова 6-го и Иловайского «с час времени» вели перестрелку с турками, после чего противники разошлись по своим лагерям.

Силы противника выяснены не были, но казаки знали «по прежним донесениям и показаниям пленных, что в сих местах находился один паша, имеющий от 4-х до 5-ти тысяч войска» [5, с. 176].

После этого, как вспоминал Ланжерон, Милорадович «возымел желание немедленно атаковать, со своими 4.000 чел., Хозрефа-пашу. Желание это было в высшей степени неосторожным, но он никогда ни в чем не сомневался, в особенности после того, как ему один раз посчастливилось разбить сераскира, который был гораздо слабее, чем его считали... Багратион не только запретил ему предпринять такое рискованное движение, но и вообще предпринимать что-либо без его разрешения» [12, с. 691]. Однако, поскольку между Багратионом и Милорадовичем еще со времен Итальянского похода Суворова шло негласное соревнование (и Багратион стал опережать), главнокомандующий, не в шутку встревоженный, поспешил к месту развивающихся событий. С собой Багратион взял лишь корпус М.И. Платова.

100 верст от Кюстенджи войска Багратиона прошли по 30-градусной жаре [15, с. 212] и 2 сентября в Черноводах соединились с войсками Милорадовича.

Разведка доносила, что у турецкого командующего Хозрефа 15 тысяч войска. Поэтому, прибыв 31 августа в Корасан, Багратион приказал графу П. Строганову, командовавшему платовским авангардом, разведать расположение турок. Граф Строганов перешел Троянов Вал, установил, что турки точно стоят в Рассевате, но количество их невелико, до 15 тысяч не дотягивает.

Багратион решил, что войск Милорадовича и Платова достаточно, чтобы разбить турок, и не стал привлекать дополнительные силы [12, с. 691].

Меж собравшимися у Черновод генералами, как уже указывалось, существовали сложные взаимоотношения.

Генерал Ланжерон, французский эмигрант, человек не чуждый литературному творчеству, прекрасный инженер, оставил воспоминания об этой войне и о героях ее. Будучи человеком нелицеприятным, он часто подмечал слабости своих сослуживцев. Из его мемуаров можно почерпнуть информацию об отношениях меж указанными нами героями. Много места там уделено казакам, особенно последовавшему производству Платова в «полные генералы»: «Платов, будучи старше Милорадовича, был мало польщен своим повышением, он хорошо понимал, что эта милость должна больше радовать самого Багратиона, который возвел его в этот чин. Несмотря на то что он был генерал-лейтенантом моложе меня и многих других генералов, прослуживших с большей пользой, чем он, никто не был шокирован, увидав Платова генеральным гетманом всех казаков, имея всего 60 лет от роду. Он был уже генерал-майором, когда мы были только полковниками, и потерял свое старшинство при Павле I, который держал его в продолжение трех лет в строгом тюремном заключении или в суровой ссылке... Благодаря его службе, совершенно изолированной от регулярной, он редко имел сношения с нами, что и было причиной его неспособности, хорошо всем известной, командовать корпусами или армиями, составленными из регулярных войск, но, тем не менее, обстоятельства эти не возбуждали ни боязни, ни зависти со стороны его сослуживцев» [12, с. 696]. То есть, по мнению Ланжерона, Платов свой чин получил заслуженно, но командовать корпусом или армией был не способен.

В целом же Платов Ланжерону не понравился. Отдавая Платову должное, что тот всегда был своего рода эталоном казака в армии, Ланжерон указывал на платовский возраст, якобы тому было уже под 60 лет (в действительности – 57) и поэтому он уже не имел прежней энергии. Еще Ланжерону казалось, будто казаки не любят Платова за то, что он в свое время считался любимцем Потемкина, да и в описываемый период был моден при дворе. Но особенно автор мемуаров подчер-

кивал, что Платов относился к регулярным войскам с глубочайшим презрением.

Платову Ланжерон противопоставлял командовавшего авангардом Милорадовича генерала П.В. Иловайского 2-го, который, по мнению Ланжерона, был не только храбрец, но и очень опытный генерал, способный командовать отдельным корпусом. Позже, в 1810 г. Иловайский погиб, и Ланжерон, описывая смерть генерала, охарактеризовал его так: «Он обладал красивой наружностью и благородной осанкой; сидя на великолепном белом коне, таком же гордом и величественном, как его всадник, герой мчался впереди своих подчиненных, внушая к себе уверенность и уважение всей армии... Россия в его лице лишилась прекрасного генерала. Тем не менее, среди казаков он не пользовался любовью, так как был слишком европеец для них; он говорил по-французски, читал хорошие военные книги и любил регулярные войска» [14, с. 169, 173].

Таким образом, Ланжерону был неприятен М.И. Платов, который, в свою очередь, не любил и презирал регулярные войска, но очень нравился П.В. Иловайский, оказывающий регулярным войскам всякие почести. Впрочем, по мнению Ланжерона, простые казаки не питали любви ни к Платову, ни к Иловайскому.

Кроме того, Ланжерон отмечал: «Багратион, чувствуя себя смущенным, опередив по службе Платова (Платов был уже генерал-майором, когда кн. Багратион был только произведен в офицеры), не сумел поставить себя по отношению к нему» [12, с. 684].

Действительно, переписка Багратиона и Платова «пропитана» доверительностью и некой совещательностью. В письме Багратиона М.И. Платову из лагеря «при устье Мачинского гирла» от 16 августа 1809 г. автор жалуется своему адресату на покойного фельдмаршала («и вам вязал руки, и армию разбросал так, что нигде нет в куче нанести неприятелю удар»), на инженерную часть («Вышло, что по части инженерной ни фашинов, ни пионеров нет налицо. Я должен беситься и целый день сим заниматься») и далеко не в уставных выражениях говорит о будущих совместных действиях («И совокупно могу сойтись с вами, тогда вы подвинетесь к Троянс-

кому валу; и буде до того Гирсов не отдастся, я им займусь, или какие обстоятельства случатся, мы с вами так и поступим» [6, с. 355].

Непростыми были отношения и между казачьими генералами. Притчей во языцех на Дону стало противостояние между М.И. Платовым, представителем «черкасни» – жителей донской казачьей столицы, и А.К. Денисовым, представителем влиятельного провинциального «пятиизбянского» рода (казаки Денисовы, происходившие из станицы Пятиизбянской, во 2-й половине XVIII в. активно боролись за влияние на Войско; генерал Ф.П. Денисов стал первым графом из донских казаков). Эти взаимоотношения проявились и в ходе сражения.

1 сентября примчавшийся к месту боя князь Багратион сам произвел разведку местности и обнаружил, что «Рассоват это большая деревня, расположенная в 5 верстах от Троянова Вала, на склоне двух гор, разделенных оврагом. Возвышенности эти господствуют над деревней и рекой, вдоль которой, на протяжении 2 верст, тянется узкая дорога в Силистрию. Далее, дорога эта проходит мимо озера и пересекает сильно болотистый ручей, через который был перекинут очень плохой мост... На горе и в долине турки возвели ретраншементы, которые не имели между собой связи и были открыты с флангов... Позиция турок была очень неудачна, она не имела ни обстрела, ни удобного пути отступления» [12, с. 692].

Проведя рекогносцировку, Багратион написал диспозицию: корпусу Милорадовича атаковать Рассеват в лоб, а корпусу Платова обойти турок и отрезать им дорогу отступления на Силистрию. Оба корпуса имели под ружьем не более 12 000 человек.

Вызывает удивление тот факт, что турки, имея всего 7 000 вооруженных солдат и жителей и 14 орудий, не наступали и не отступали. Они словно ожидали, когда русские придут и их разобьют. Как показали последующие события, они даже не охранялись. Командовали ими, судя из русского приказа о награждениях, сераскир Хозрев-Мегмет-паша и аяны Илин-оглу, Яур Гасан и Тулум-оглу [11, с. 72].

Ланжерон удивлялся беспечности турецкого командования: «Если бы Хозрев имел на Трояновом Валу хоть только 2 пикета, выс-

тавленных в 6–7 верстах от его лагеря, то он мог быть своевременно уведомлен о движении и силах Багратиона, так как с валов видна была местность на протяжении 50 верст. Воистину можно сказать, что военачальник, ведущий войну против турок, часто может приобрести славу и честь дешевым способом» [12, с. 693].

Русские войска выступили в полдень 3 сентября из Черноводов. Корпус Милорадовича прошел дефиле, отделяющее Троянов Вал от Черноводов, и сделал привал на берегу Дуная, казаки, входившие в этот корпус, остались позади, на валу. Платов наступал левее Милорадовича, он тоже сделал привал, но позади вала. Пока войска отдыхали, была установлена связь корпусов Платова и Милорадовича. Далее войска двинулись с прежней осторожностью. Турецких передовых постов они не встретили. Милорадович шел справа, Платов – слева, его авангард пошел отрезать туркам путь отступления [15, с. 202].

В 3 часа утра 4 сентября наступление началось. Милорадович наступал, выстроив войска в две линии пехоты и кавалерии. Первой линией командовал граф Цукато, второй – полковник Уманец. Павел Иловайский шел впереди с авангардом (полки Иловайского 2-го и Иловайского 11-го).

Корпус Платова наступал пятью колоннами. В составе корпуса числились полки: Атаманский, Барабанщикова 2-го, Денисова 6-го, Ефремова 3-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Кутейникова 2-го, Сысова 3-го, 1-я и 2-я Донские конно-артиллерийские роты. В диспозиции значилось: «Корпус генерал-лейтенанта Платова сентября 4 дня пополуночи в начале 2-го часа выступает для атаки неприятеля следующим порядком»: впереди шли платовские казаки (Ланжерон написал – «массы казаков»). Граф Павел Строганов командовал этим казачьим авангардом (полками Атаманским, Кутейникова 2-го, Ефремова 3-го и Барабанщикова 2-го). Затем шли 3 егерских батальона с 6 орудиями Донской конной артиллерии и Чугуевский уланский полк, этой колонной командовал генерал-майор князь Трубецкой. За ними шла колонна князя Репнинского – Новгородский и Украинский мушкетерские полки и 6 орудий. Далее с драгунами (Дерптский и Стародубовский полки) и с 6 донскими конными ору-

диями шел граф фон дер Пален. Замыкала движение колонна генерал-майора Бахметьева – Архангелогородский и Воронежский мушкетерские полки и 6 орудий. Предполагалось, что, «когда приказано будет», пехотные колонны развернутся в три каре [4, л. 1]. Особняком двигался еще один казачий отряд: «Бригады генерал-майоров Денисова 6-го, Иловайского 5-го, дабы пресечь неприятеля в случае [его] ретирады к Силистрии, следуют слева по особой дороге» [4, л. 1 об., 11]. Таким образом, Денисов 6-й и Иловайский 5-й с четырьмя полками казаков (полки Денисова 6-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Сысоева 3-го) составляли как бы шестую колонну, двигавшуюся левее корпуса Платова с целью отрезать турок от Силистрии.

Сам Денисов в своих мемуарах отрицает, что имел такое задание: «Я явился в команду войскового атамана, Платова, который приказал мне следовать отдельно, на небольшую дистанцию, с левого флангу» [5, с. 177]. Во время движения присланный от Платова князь Мадатов указал Денисову место, где остановиться: «...Место, более возвышенное, но кустарниками не заросшее и на которое, по крутости онаго, с трудом казаки могли въезжать. Я видел, что и сие место весьма неудобное, но повиновался начальнику моему, взошел и остановился в боевом порядке. Атаман потребовал от меня Сысоев полк, тогда я остался с тремя полками и получил словесное приказание от атамана, а после и прямо от главнокомандующего, чтобы наблюдал слева, куда мною и были уже две партии посланы, да и сам я с занятого мною высокого места на большую дистанцию мог все видеть» [5, с. 178]. Таким образом, А.К. Денисову оставили три полка и поручили не обходить турок, а наблюдать влево – прикрывать операцию слева. «Вторично войскового атамана мне приказал – наблюдать движение его бунчуга, и тогда, когда я увижу его в движении, то, по направлению онаго, спешил бы с полками на неприятеля» [5, с. 178]. То есть Платов взмахами бунчука, конского хвоста на древке, указывал Денисову направление движения непосредственно в ходе боя.

Прежде чем достигнуть Рассеватских возвышенностей, корпусу Платова пришлось в темноте перейти ряд оврагов. Конница, освещая

дорогу, выдвинулась влево (Чугуевский уланский полк, которым командовал Лисаневич) и вправо (драгуны графа Павла фон дер Палена).

Планировалось, что, выйдя на место, казачий авангард сместится на крайний правый фланг. Егеря составят центральное каре и станут острием клина, за ними построятся драгуны. Слева и справа уступом за егерским каре станут в такие же каре колонны Репнинского и Бахметьева. Чугуевские уланы должны были составить оконечность левого фланга [4, л. 2].

Вплотную подойти к лагерю все же не удалось. Из рапорта графа Строганова явствует, что казаки авангарда «заняли на рассвете высоты, окружающие Розовато, и открыли неприятеля в большом количестве» [4, л. 23]. Сражение началось в 6 часов утра. Открыла его турецкая конница, вышедшая из лагеря. Турки атаковали передовых казаков Платова. Более того, в 1,5 верстах от лагеря в глубоком овраге часть турецкой конницы, выступившая заранее, успела стать скрытно. Этот отряд предназначался для удара русским во фланг и в тыл, когда они минуют овраг.

Из рапорта Кутейникова 2-го следует, что он с тремя полками столкнулся с неприятелем и «удерживал оного произведением с ним сильной перестрелки» [4, л. 25].

Платов, следовавший впереди своего корпуса, построил боевой порядок, даже спешил часть казаков. Граф Цукато, пройдя с первой линией Милорадовича возвышенности, сомкнулся с Платовым флангами и выслал на поддержку спешенным казакам стрелков 6-го егерского полка. Эти части выдавили турок с высот и заставили отступить в лагерь. Вторая линия корпуса Милорадовича достигла того самого глубокого оврага, где пряталась турецкая конница.

Милорадович развернул против конных турок Сибирский гренадерский полк и белорусских гусар и, считая свой правый фланг и тыл достаточно прикрытыми, не останавливаясь повел остальные войска на деревню Рассеват. Заняв возвышенности, он открыл артиллерийский огонь, который скоро заставил турецкую артиллерию замолчать.

Дело на правом фланге решилось одной конницей. А.И. Михайловский-Данилевский писал, что турки вышли из города толпами и

напали на Милорадовича, который «прогнал их казаками» [15, с. 202].

Здесь отличился Иловайский 12-й, который, «начальствуя охотниками из казаков, на правом нашем крыле, атаковал ими появившуюся из окрестностей конную толпу турков, отбросил ее, врезался в пехоту, выгнал ее из окопов и взял пушку. Вслед за тем, произведя еще одну атаку на собравшуюся пехоту и конницу, Иловайский разбил их и овладел двумя орудиями» [10, с. 61].

В то же самое время подошли пехотные колонны Платова и открыли сильную канонаду. Репнинский повел свой Новгородский полк влево, «чтобы, – как считал Ланжерон, – дожидаться ген. Денисьева, удалившегося еще более влево со своими казаками» [12, с. 693], а генерал Бахметьев со своими полками, наоборот, стал сдвигаться правее, в сторону корпуса Милорадовича. Видимо, русские генералы старались создать единую боевую линию от войск Милорадовича до отряда Денисова 6-го. Русская артиллерия, выбив огнем турок с их позиций, заняла их сама и начала обстреливать деревню.

Выставленные русскими батареи «действовали не более получаса» [15, с. 203]. Турки заколебались. Платов подал сигнал к общей атаке. Генерал-майоры Кутейников и Строганов с казаками корпусного авангарда бросились в атаку и опрокинули турок [7, с. 102].

Мы помним, что Денисов 6-й должен был следить за движением платовского бунчука, и генерал-майор Лисаневич, командир чугуевских улан, рапортовал: «И по выставленному у господина генерал-лейтенанта и кавалера Платова знамю по приказанию Вашего сиятельства повел полк в атаку...» [4, л. 15].

Согласно рапорту Кутейникова 2-го, он дождался, когда Платов подвел и устроил свой корпус, а затем ударил со своей бригадой туркам в центр их построения и во фланг [4, л. 25]. Судя по рапорту Ефремова 3-го, в центр ударил его полк [4, л. 26]. Кутейников и Барабанщиков ударили по флангам. Несмотря на сильное сопротивление, турок опрокинули, гнали до речки и загнали в эту речку. Полк Барабанщикова 2-го первым прорвался на мост и выскочил на другой берег [4, л. 27]. Другие полки бригады Кутейникова преследовали бегущее

его через речку неприятеля вброд – «переправились по следам его» [4, л. 25 об.].

Атаманский полк, стоявший левее бригады Кутейникова, произвел «на неприятельскую конницу сильный удар в дротики, опрокинул и гнал по возвышенности». Через речку он переправился в трех верстах от моста [4, л. 24].

Каре Репнинского, которое двигалось в сторону отряда Денисова, столкнулось с турецким отрядом, который, как показалось Репнинскому, стал обходить его левый фланг. Командир Украинского полка Кушников занял господствующую высоту и установил там батарею. «Неприятель, бывши поражен во всех пунктах легкой кавалерией, устранился также сим быстрым движением пехоты», – рапортовал генерал-майор Репнинский [4, л. 6–6 об.].

Действительно, турки были «поражены во всех пунктах» легкой кавалерией – казаками. Командир Дерптского драгунского полка фон дер Пален рапортовал, что получил приказ «подкрепить казачьи полки» уже после того, как турецкие конница и пехота, «скопясь в одну толпу, начали ретироваться по горе к стороне Силистрии» [4, л. 16].

Турки бросились уходить по двум дорогам, на Силистрию и Кузгун. Турецкая конница уходила по Силистрийской дороге. Пешие турки отступали вдоль Дуная. К 9 часам утра сражение было выиграно.

«Турки бежали со всех сторон по дороге в Силистрию, бросив свои ретраншементы и орудия, – вспоминал Ланжерон. – Если бы ген. Денисьев отошел еще левее, и Платов, отрядив два каре для поддержки его, послал бы их занять дефиле, находящееся позади турецкого лагеря, то ни один бы турок не спасся, а если бы Емин-оглы, который участвовал в деле, был бы взят, то Силистрия осталась бы без защитников» [12, с. 694]. Но маневр не был совершен – возможность упущена.

Естественно, вопросы вызывают действия А.К. Денисова 6-го. Согласно рапорту Денисова 6-го, он дождался удара по туркам русского правого фланга и сам перешел в наступление. «Я пустил вперед из полков охотников на лучших лошадях при офицерах – [полка] имени моего есаул Болдырев, [полка] Иловайского 5-го – капитан Мельников, – и вслед за оными командировал подполковника Иловайского 10-го с полком его имени» [4, л. 17].

Турки, стоявшие против Денисова, были опрокинуты и побежали. Сам Денисов 6-й и Иловайский 5-й «с остальными казаками, составя лаву, гнались, чем наносили неприятелю страх; при первом же от Ризовато болоте принял я в команду 4 эскадрона Чугуевского уланского полка...» [4, л. 17].

В своих мемуарах Денисов 6-й рисует более сложную картину: «Армия наша была вблизи от меня и в виду моем; началась атака пальбою из пушек. При сем случае турки, видя, что я на высоте и не имею удобства скоро сойти с оной и им вредить, стали – конные и пешие – сближаться к моим полкам, открыли стрельбу из ружей и ранили более 10-ти казаков, из которых некоторые от тяжелых ран скоро и померли. Наша армия пошла вперед, на неприятеля, и турки, не дожидаясь приближения оной, побежали: вся пехота вверх по Дунаю, по самому берегу, а конница – по разным направлениям. Тогда я, хотя и не мог видеть атаманского бунчуга, пустился с горы, но, по крутизне оной, с большим затруднением, так что казаки большею частью принуждены были сойти с лошадей и пешие спускались. Тогда предстояла мне другая гора, на которую не только невозможно было поспешно въезжать, но лошади с большим затруднением и шагом всходили. Взойдя на гору, я увидел, что неприятель опередил мои полки и многие казаки врассыпную преследуют онаго. Тогда я приказал и полковнику Осипу Иловайскому также врассыпную преследовать неприятеля, а сам, с моим полком и с полком генерал-майора Николая Иловайского, спешил догнать неприятельскую пехоту, заскакал ей наперед, но, по неудобности местоположения, не мог оной атаковать ни с флангов, ни с тылу, а спереду без артиллерии не мог остановить, о чем и донес тотчас атаману Платову и предлагал, что ежели угодно принудить сию турецкую пехоту к сдаче или побить, то чтобы прислал две пушки и несколько драгун, а сам я продолжал идти во фланг турок и не отставал от них; тут еще ко мне присоединились, при одном штаб-офицере, два или четыре эскадрона (хорошо не припомню) Чугуевских казаков» [5, с. 178]. Таким образом, Денисов 6-й не успел перехватить бегущую турецкую конницу, разминувшись с ней, но пытался перехватить пехоту.

Согласно рапорту князя Трубецкого, он действительно послал прикрывавший его каре Чугуевский полк на помощь казакам [4, л. 13], а командир Чугуевского полка Лисаневич подтверждает, что 4 эскадрона командирского батальона полка направил в распоряжение Денисова. Согласно рапорту самого Денисова, сначала он пытался остановить уходящую вдоль Дуная меж болот турецкую пехоту – «заезжал им вперед, производил стрельбу» [4, л. 17]. Потом, когда к указанным болотам подошел Иловайский 2-й из отряда Милорадовича, а к Денисову подошли чугуевцы, он со своими казаками и чугуевскими уланами «составил линию перед болотом» [4, л. 17 об.], то есть перекрыл туркам дорогу. Центр событий переместился к Дунаю. Как рапортовал Денисов, турецкая «конница, вышедшая на высоты, была почти вся истреблена, пехота же продолжала держаться берега» [4, л. 17 об.].

Участь турецкой конницы и впрямь была незавидной. «Казаки, гусары и драгуны вскоре настигли неприятеля и довершили поражение его», – писал Михайловский-Данилевский [15, с. 204]. «Вскоре» означало, что Милорадович и Платов преследовали турок конницей до 5 часов пополудни 20 верст. Сам Милорадович сражение под Рассеватом назвал в насмешку «охотой с борзыми».

«Преследование турок породило какой-то спорт, где каждый, имевший лучшую лошадь, гнался в одиночку и рубил своего врага. Такая охота длилась до вечера, на протяжении 20 верст, когда лошади не в состоянии были двигаться дальше. В конце дня произошел довольно курьезный эпизод. Со склона довольно крутого холма было видно, как турки слезли с измученных лошадей и тащили их под уздцы, уходя от наших казаков, которые, в свою очередь, сделали то же и преследовали их таким же образом» [12, с. 695]. В Чугуевском уланском полку (в тех эскадронах, что не были командированы к Денисову) во время преследования «на скаку» пало 4 лошади [4, л. 21]. В полку Кутейникова 2-го казаки «от чрезвычайной скачки» бросили 12 лошадей – запалили [4, л. 30].

Затем преследовали казаки графа Строганова и Иловайского 11-го. Строганов докладывал, что гнал турок не 20, а 30 верст [4, л. 23]. То же самое доложил командующий

Атаманским полком Балабин [4, л. 24]. Ефремов 3-й версты не считал, доложил, что преследовали, «доколь совершенно казачьи лошади пришли в усталость» [4, л. 26]. Кутейников 2-й рапортовал, что паша едва спасся на переменных лошадях, почти все турецкие знамена были отбиты [4, л. 30]. Строганов дошел до Силистрии, вместе с ним на 7 верст к Силистрии подходили чугуевские уланы (шефский батальон) [4, л. 21]. Иловайский вышел к Кузгуну, появился под городом на рассвете 5-го, турки разбежались, в городе было взято 4 орудия и 13 зарядных ящиков.

Другие источники указывают, что эти подвиги совершил Иловайский 12-й: «По окончании сражения, когда разбитые турки спасались бегством по лесам и болотам, он преследовал их 30 верст и возвратился к армии с пленными и пятью отбитыми знаменами. На другой день он обратился за бежавшими к Кузгуну и захватил еще 4 орудия, 13 зарядных ящиков и запасы хлеба. Сии подвиги были награждены орденом Св. Анны 2 класса» [10, с. 61]. Согласно послужным спискам, под Кузгуну были казаки трех полков – Ефремова 3-го, Иловайского 2-го и Иловайского 11-го.

Турецкий лагерь был занят пехотой, первым в ретраншемент вошел князь Трубецкой с 7-м егерским полком. Трубецкой доносил, что полк вошел в город двумя колоннами во главе с полковниками Паскевичем и Лаптевым и в городе проявил «бескорыстие» [4, л. 13 об.], то есть не грабил. Архангелогородский полк был послан ловить турок, прятавшихся в дунайских камышах, и захватить лодки, на которых турки могли бы перебраться на другую сторону реки.

Попытки спастись в лодках действительно были, но донская казачья артиллерия пресекла все эти попытки, разбив точными выстрелами 4 лодки. Тех турок, которые пытались спастись вплавь, преследовали казаки Атаманского полка и полка Иловайского 11-го.

А.И. Михайловский-Данилевский подтвердил: «Охотники Атаманского и Иловайского 11-го полков переплыли на лошадях через Дунай и перекололи много турков» [15, с. 204].

Это событие вошло в учебное пособие для казачьих детей. Описывалось, как турки на парусных лодках бежали на ту сторону Дуная, а сотник Яновский на лошадях пресле-

довал их вплавь. Турок догнали, перекололи, захватили лодки и на них вернулись обратно [8, с. 254].

Со своей стороны полковник Карпов 2-й представил к награде двух есаулов (Золотарева 7-го и Стрюкова 2-го), сотника (Кирпичева 2-го) и четверых урядников (Михаила Богатырева, Даниила Кирпичева, Петра Волошиновского и Якова Гарчукова) своей Донской конно-артиллерийской роты, которые огнем потопили турецкие лодки [4, л. 31].

Часть беглецов пыталась спрятаться в топях на правом берегу Дуная. Их ловили по болотам и камышам до вечера. Казаки и егеря перебили здесь множество турок и 150 взяли в плен.

Большая часть трофеев тоже была взята казаками. Из рапортов участников видно, что сам подполковник Сысоев 3-й захватил белое знамя (белое знамя считалось личным знаменем командующего) и отвез его Платову.

В сражении турки потеряли 30 знамен (из них 1 сераскера), 14 орудий, русскими взято 1 000 пленных, в том числе 48 офицеров. Из 1 000 пленных примерно 400 умерло в тот же вечер от ран. Убитых турок сначала не посчитали. Впоследствии доносили, что турок погибло от 2 500 до 3 000 человек.

Генерал Ланжерон в своих мемуарах детально указал потери русских войск: «Наша потеря заключалась: убитыми 7 казачьих офицеров, в числе их подполковник Ефремов, и 50 казаков. Ранено 20 офицеров и 150 казаков. Пехота не имела никаких потерь и не дала более 100 оружейных залпов» [12, с. 695–696].

А.К. Денисов 6-й в своих мемуарах писал: «На другой день узнал я, что атаман Платов в том, что мало неприятелей побито и взято в плен, винит меня и очень недоволен. Я нарочито был у главнокомандующего, чтобы раскрыть, в чем меня винят, и объяснить ему нужное в оправдание свое. Он в одобрение мне ничего не сказал, но весьма милостиво принял» [5, с. 179–180]. Действительно, главнокомандующий князь Багратион вряд ли считал это сражение судьбоносным, чтобы из-за него начинать расследование – кто и почему упустил турок.

Свою оценку сражению дал генерал Ланжерон: «На самом деле, это была про-

стая стычка, но наделавшая столько шуму в Петербурге, что было даровано столько же наград и даже более значительных, чем за кампанию 1807 и 1808 гг. против Наполеона» [12, с. 696].

Видимо, такая реакция в Петербурге объясняется связями героев баталии в придворных кругах, увлечением Багратиона Великой Княжной Екатериной Павловной. «Чтобы положить ему конец, Вел. княжну в апр. 1809 г. выдали замуж за принца Георга Ольденбургского. Но так как Б. не хотел примириться с этим фактом, то его произвели в генералы от инфантерии и направили в Молдавию. Прибыв сюда, Б. повел военные действия с обычною своею суворовскою быстротою и решительностью» [2, с. 330].

Князь Багратион был награжден орденом Святого Андрея Первозванного и получил 50 тысяч рублей [15, с. 205], генерал-лейтенанты Платов и Милорадович за это сражение были произведены в генерал-аншефы. Платов стал генералом от кавалерии, Милорадович – генералом от инфантерии.

Описывая подвиги Платова, Багратион не скупился на похвалы. Он писал, что Платов «украсил седую главу свою венцом славы, везде был впереди... пылая неограниченным рвением в исполнении предлежащей ему цели, сам с легким войском преследовал неприятеля» [1, с. 373]. Впрочем, вряд ли единственной причиной выдвижения М.И. Платова был рапорт Багратиона. Известно, что М.И. Платов долгие годы состоял в теплой дружеской переписке с Великой Княгиней Марией Федоровной, матерью Александра I, вдовой императора Павла [16].

Рядовые, участвовавшие в сражении, получили по 1 рублю [15, с. 205].

В дополнение к ордену Багратион получил право заключить мир с границей по Дунаю и требовать 20 миллионов пиастров за военные издержки.

Впоследствии были обвинения, что туркам дали бежать, эти беглецы усилили гарнизон Силистрии – и взять город русским войскам не удалось. В итоге перед приближением зимы русские войска вынуждены были вернуться за Дунай, что, по мнению очевидцев событий, продлило войну еще на несколько лет.

Результаты:

1. Имея превосходство в силах и небрежного, плохо охраняющегося противника, русские командиры упустили возможность «плотно» окружить врага более глубоким обходом пехоты, перекрыть ему путь отступления на Силистрию. Перекрыть и удерживать дорогу одной конницей довольно трудно.

2. В отсутствии указанного маневра, видимо, проявилось пренебрежительное отношение к пехоте, присущее М.И. Платову.

3. Полученные русскими командующими войсками награды и производства не соответствовали уровню военного успеха и были обусловлены, скорее, придворными связями.

4. Сражение показало превосходство казачьей конницы над турецкой кавалерией.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2020 год (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

The reported study was carried out as part of the implementation of the state task of The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) for 2020 (project no. 0256-2014-0012, state registration no. 01211354248).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, Е. В. Генерал Багратион. Жизнь и война / Е. В. Анисимов. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 832 с.
2. Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. – Т. 4 : [Б – Бомба]. – СПб. : Т-во И. Сытина, 1911, [обл. 1910]. – 319–640, 5 с. : ил., карт.; 43 л. ил., карт.
3. Воскобойников, С. Г. Участие донских казаков в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Воскобойников Сергей Георгиевич. – Ростов н/Д, 2006. – 265 с.
4. Дело о разгроме турецкого корпуса 4 сентября 1809 г. при укреплении Рассевато // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 109. – 39 л.
5. Денисов, А. К. Записки донского атамана / А. К. Денисов. – СПб. : ВИРД, 1999. – 256 с.
6. Донская казачья энциклопедия Владимира Сидорова. – Т. 1 : А–Б / В. С. Сидоров. – Ростов н/Д : Гефест, 1994. – 512 с.
7. Донские казаки : крат. сб. рассказов из жизни донцов, о их храбрости, находчивости в бою,

преданности долгу и проч. / сост. и изд. А. Пивоваров. – Новочеркасск, 1892. – [6], 282, VIII с.

8. Картины былого Тихого Дона. В 2 т. Т. 1. – М. : Граница, 1992. – 256 с.

9. Керсновский, А. А. История русской армии. В 4 т. Т. 1 : От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг. / А. А. Керсновский. – М. : Голос, 1992. – 304 с.

10. Корягин, С. В. Иловайские / С. В. Корягин // Донская генеалогия и семейная история донского казачества. – Вып. 17. – М. : Русаки, 2001. – 120 с.

11. Корягин, С. В. Русско-турецкая война. 1806–1812. Период 1806–1809 / С. В. Корягин // Донская генеалогия и семейная история донского казачества. – Вып. 113. – М. : Древлекхранилище, 2014. – 256 с.

12. Ланжерон, А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / А. Ф. Ланжерон // Русская старина. – 1908. – Т. 134, кн. 4–6. Апрель–июнь. – С. 225–240, 661–969.

13. Ланжерон, А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / А. Ф. Ланжерон // Русская старина. – 1909. – Т. 138, кн. 4–6. Апрель–июнь. – С. 535–590.

14. Ланжерон, А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / А. Ф. Ланжерон // Русская старина. – 1909. – Т. 139, кн. 7–8. Июль–август. – С. 164–206.

15. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года. В 2 ч. Ч. 1 : с картою театра войны и 30-ю планами. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1843. – [4], VIII, 280 с., 14 л. карт, план.

16. На всегдашнюю память будущих времен. Письма атамана Платова к императрице Марии Федоровне // Источник. – 1993. – № 4. – С. 63–74.

17. Сапожников, А. И. Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сапожников Александр Иванович. – СПб., 1995. – 17 с.

18. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. XV / С. М. Соловьев ; отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Соцэкгиз, 1966. – 703 с.

1806–1812. Cand. hist. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 265 p.

4. Delo o razgrome turetskogo korpusa 4 sentyabrya 1809 g. pri ukreplenii Rassevato [The Case of the Defeat of the Turkish Corps September 4, 1809 Near the Fortress of Rassevato]. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO) [State Archive of Rostov Region], f. 46, inv. 1, d. 109. 391.

5. Denisov A.K. Zapiski donskogo atamana [Notes of the Don Ataman]. Saint Petersburg, WIRD, 1999. 256 p.

6. Donskaya kazachya ehntsiklopediya Vladimira Sidorova [Don Cossack Encyclopedia of Vladimir Sidorov]. Vol. 1: A-B. Rostov-on-Don, Gefest Publ., 1994. 512 p.

7. Donskie kazaki : krat. sb. rasskazov iz voen. zhizni dontsov, o ikh khrabrosti, nakhodchivosti v boyu, predannosti dolgu i proch. [Don Cossacks. A Short Collection of Stories from the Military Life of Donets, Their Courage, Resourcefulness in Battle, Devotion to Duty, and so On]. Novocheerkassk, 1892. [6], 282, VIII p.

8. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. V 2 t. T. 1 [Paintings of Former Quiet Flows the Don. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Granitsa Publ., 1992. 256 p.

9. Kersnovskij A.A. Istoriya russkoy armii. V 4 t. T. 1: Ot Narvy do Parizha 1700–1814 gg. [History of the Russian Army. In 4 Vols. Vol. 1. From Narva to Paris. 1700–1814]. Moscow, Golos Publ., 1992. 304 p.

10. Koryagin S.V. Ilovayskie. Donskaya genealogiya i semeynaya istoriya donskogo kazachestva [Ilovaisky. Don Genealogy and Family History of the Don Cossacks]. Iss. 17. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.

11. Koryagin S.V. Russko-turetskaya voyna. 1806–1812. Period 1806–1809 [Russian-Turkish War. 1806–1812. The Period 1806–1809]. Donskaya genealogiya i semeynaya istoriya donskogo kazachestva [Don Genealogy and Family History of the Don Cossacks]. Iss. 113. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2014. 256 p.

12. Langeron A.F. Zapiski grafa Lanzherona. Voyna s Turtsiey 1806–1812 gg. [Notes of Count Langeron. The War with Turkey in 1806–1812]. Russkaya starina [Russian Antiquity], 1908, vol. 134, book 4-6. April–June, pp. 225-240, 661-696.

13. Langeron A.F. Zapiski grafa Lanzherona. Voyna s Turtsiey 1806–1812 gg. [Notes of Count Langeron. War with Turkey 1806–1812]. Russkaya starina [Russian Antiquity], 1909, vol. 138, book 4-6. April–June, pp. 535-590.

14. Langeron A.F. Zapiski grafa Lanzherona. Voyna s Turtsiey 1806–1812 gg. [Notes of Count Langeron. The War with Turkey in 1806–1812]. Russkaya starina [Russian Antiquity], 1909, vol. 139, book 7-8. July–August, pp. 164-206.

REFERENCES

1. Anisimov E. *General Bagration. Zhizn i voyna* [General Bagration. Life and War]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 832 p.

2. Novitskiy V.F. et al., ed. *Voennaya ehntsiklopediya: v 18 t.* [Military Encyclopedia. In 18 Vols.]. Vol. 4: [B – Bomba]. Saint Petersburg, Tovarishchestvo Sytina, 1911, pp. 319-640.

3. Voskoboynikov S.G. *Uchastie donskikh kazakov v russko-turetskoy voyne 1806–1812 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Participation of the Don Cossacks in the Russian-Turkish War of

15. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. *Opisanie turetskoy voyny v tsarstvovanie imperatora Aleksandra, s 1806 do 1812 goda. V 2 ch. Ch. 1: s kartoyu teatra voyny i 30-yu planami* [Description of the Turkish War in the Reign of Emperor Alexander, from 1806 to 1812. In 2 Pts. Pt. 1: With a Map of the Theater of War and 30 Plans]. Saint Petersburg, Tipografiya Shtaba otdelnogo korpusa vnutrenney strazhi, 1843. [4], VIII, 280 p., 14 l. map, plan.

16. Na vsegdashnyuyu pamyat budushchikh vremen. Pisma atamana Platova k imperatritse Marii Fedorovne [For the Everlasting Memory of

Future Times. Letters of Ataman Platov to Empress Maria Fedorovna]. *Istochnik* [Source], 1993, no. 4, pp. 63-74.

17. Sapozhnikov A.I. *Graf Matvey Ivanovich Platov. Opyt nauchnoy biografii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Count Matvei Ivanovich Platov. Experience in Scientific Biography. Cand. hist. sci. abs. diss.: 07.00.02]. Saint Petersburg, 1995. 17 p.

18. Soloviev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. V 15 kn. Kn. XV* [History of Russia from the Earliest Times. In 15 Books. Book XV]. Moscow, Sotsekgiz, 1966. 703 p.

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Laboratory of Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

UDC 94(470.6)“19/20”:316.72

LBC 71.061.2+63.3(2)6-283.31

Submitted: 26.01.2020

Accepted: 28.05.2020

**TRADITIONAL AND MODERN FORMS OF THE COSSACK CULTURE
IN THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES.
REVIVAL, TRANSFORMATION, AND CULTURAL CONSTRUCTION¹**

Olga V. Rvacheva

Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Pierre G. F. Labrunie

School of Advanced Studies in the Social Sciences,
Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies, Paris, France

Abstract. *Introduction.* The paper deals with studying the formation of culture elements during the Cossacks revival process in the late 20th – early 21st centuries. The cultural pattern of a community is always changing. Cultural practices and traditions of the past get integrated into the modern social conditions, while new values and rituals assume the character of traditional ones. The topicality of the subject derives from the fact that the Cossack culture was subject to a dramatic transformation in the 20th century, while many elements of the culture were wiped out. The transmission of the cultural tradition was interrupted. The Cossacks revival in the late 20th century supposed a return to traditional historical forms. However, this task proved difficult because of the break in the transmission of the ethnic culture. The formation of the present-day Cossack cultural system supposed the selection of some elements of culture from the past and their integration into the new conditions as well as the creation of new forms of culture that would contribute to the cultural identification of the Cossacks. *Methods and materials.* Historiography has predominantly described the traditional forms of the Cossack culture. The issues of cultural construction were touched upon only occasionally. This paper applies the historical and chronological, historical-genetic methods as well as the conception of socio-cultural construction. *Analysis.* During the Cossacks revival process its participants demonstrated a sharp increase of interest in the traditional forms of culture. The attempts at their integration into the present-day conditions led to the deformation of cultural forms. They lost their authenticity and transformed themselves into secondary forms of culture, thus cultural patterns of the modern Cossacks got changed. At the same time, new cultural traditions and norms were “invented”. Their function was to fix Cossacks identity and to show that the Cossacks do exist in the social life of the country. The adaptation of the traditions and historical elements of the Cossack socio-cultural system had its peculiarities. The traditions and elements were taken from different epochs and formed an arbitrary composition of different cultural phenomena. Traditions played an important role in the Cossacks revival process because they acted as cultural identification markers for the Cossack community. For that reason even new cultural practices were given the appearance of traditions. *Results.* In the late 20th – early 21st centuries the restoration of the Cossack culture was actually its construction. A number of trends can be traced in the process. They developed concurrently and contributed to the creation of new cultural milieu.

Key words: Cossacks, revival, culture, holidays, rituals, traditions, transformation, construction.

Citation. Rvacheva O.V., Labrunie P.G.F. Traditional and Modern Forms of the Cossack Culture in the Late 20th – Early 21st Centuries. Revival, Transformation, and Cultural Construction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 197-212. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

**ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.
ВОЗРОЖДЕНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ¹****Ольга Владимировна Рвачева**Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация**Пьер Габриэль Франсуа Лабрюни**Центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы,
Высшая школа социальных наук, г. Париж, Франция

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению формирования культурных элементов в период возрождения казачества в конце XX – начале XXI века. Культурная сфера сообществ постоянно видоизменяется. Культурные практики прошлого, традиции встраиваются в современные социальные условия, новые ценности и ритуалы приобретают характер традиционных. Актуальность темы обусловлена тем, что культура казачества в XX в. подверглась серьезной трансформации, а многие культурные элементы были уничтожены. Передача культурной традиции была прервана. Возрождение казачества в конце XX в. предусматривало возврат к традиционным историческим формам, однако это оказалось сложной задачей из-за разрыва трансляции культуры. Формирование культурной системы современного казачества предполагало выборку культурных элементов из прошлых эпох и встраивание их в новые условия, а также создание новых культурных форм, которые отвечали задачам идентификации группы. *Методы и материалы.* В историографии преимущественно изучались традиционные формы культуры казачества. Проблемы культурного конструирования раскрывались эпизодически. В статье применяется историко-хронологический и историко-генетический методы, а также концепция социокультурного конструирования. *Анализ.* В период казачьего возрождения резко усилился интерес его участников к традиционным формам культуры. Попытки встроить их в современные условия приводили к изменению культурных форм, они теряли аутентичность, превращались во вторичные формы культуры, изменялись культурные характеристики современного казачества. Одновременно «изобретались» новые культурные традиции и нормы. Их назначение состояло в том, чтобы укрепить идентификацию казаков, продемонстрировать присутствие их в социальной жизни страны. Особенность приспособления традиций и исторических элементов социокультурной системы казачества заключалась в том, что они брались из разных эпох, представляли собой произвольное сочетание культурных образцов. Традиции в процессе возрождения играли важную роль, так как они выполняли функцию культурных идентификационных маркеров для сообщества. В связи с этим даже новым практикам стремились придать характер традиций. *Результаты.* Таким образом, в конце XX – начале XXI в. возрождение культуры казачества по сути означало ее конструирование. В этом процессе выделяются несколько тенденций, развивавшихся параллельно и способствовавших созданию новой культурной среды.

Ключевые слова: казачество, возрождение, культура, праздники, ритуалы, традиции, трансформация, конструирование.

Цитирование. Рвачева О. В., Лабрюни П. Г. Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 197–212. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

Введение. Культура народов постоянно трансформируется под воздействием внешних факторов, изменяющихся условий жизнедеятельности. При этом старые культурные

формы не исчезают бесследно. Они изменяются, сосуществуют с современными, приобретают новые смыслы и т. п. Культура казачества также проходила через такие транс-

формации, которые в XX в. были особенно болезненными. В советский период специфическая культурная система казаков была практически растворена в советской социокультурной системе. Такая форсированная трансформация была воспринята как насильственное уничтожение культурных традиций.

Возрождение казачества, начавшееся в конце XX в., актуализировало восстановление культурных традиций. Однако перерыв в трансляции этих традиций, фрагментация сохранности культуры создали ситуацию культурного конструирования.

Целью данной статьи является выявление и анализ основных тенденций развития культуры казачьих сообществ в конце XX – начале XXI в., определение элементов, которые подверглись культурной трансформации и конструированию, а также влияния процесса социокультурного конструирования на современное развитие казачества.

Материалы и методы. Культура казачества регулярно становилась объектом научного исследования. Даже в советский период активно изучались фольклор и диалекты казаков, создавались центры исследования в Москве, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Волгограде [24, с. 94]. В конце XX – начале XXI в. системно исследовались различные стороны традиционной культуры казаков. Календарные праздники и обрядность казачества изучали Н.И. Бондарь, Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина, М.А. Рыблова, Н.А. Архипенко и др. [2; 4; 5; 10; 11; 34], казачий фольклор и песенную традицию – Т.С. Рудиченко [30].

В 2000-х гг. появились качественно новые исследования, связанные с традиционной картиной мира казачества, культурными моделями, возникавшими в различных исторических условиях существования казачьих обществ, формированием вторичных форм культуры. Этими проблемами занимались О.В. Матвеев, М.А. Рыблова, Т.С. Рудиченко, Н.И. Бондарь [6; 20; 32; 36]. Впервые началось осмысление трансформационных процессов в культуре казачества в условиях возрожденческого процесса, появились первые работы, в которых освещались вопросы социокультурного конструирования казачества, связи культуры и идентичности [7; 29; 34; 35; 37]. Вместе с тем системного исследования из-

менений культуры казачества в условиях возрождения на сегодняшний момент нет.

Методологической основой исследования является историко-хронологический и историко-генетический методы, а также концепция социокультурного конструирования.

Источниковую базу составляют документы казачьих обществ, в которых отражается процесс создания культурной основы возрождения, материалы личных архивов авторов, информация, полученная методом включенного наблюдения за деятельностью казачьих обществ.

Анализ. В конце XX в. резко возрастает интерес к культуре казаков, которая воспринималась прежде всего как традиционная. Это, по замечанию Т.С. Рудиченко, было оправданно, так как именно в ней проявлялась специфика казачьего сообщества и идентифицирующие его характеристики [31, с. 216].

Всплеск традиционализма в условиях модернизирующегося общества определяют как реакцию на процессы модернизации, заключающуюся в стремлении затормозить их. Вместе с тем часто параллельно с модернизационными процессами развиваются традиционные культурные формы. Нередко эти формы не только реанимируются, но и усиливаются, например в ходе поиска идентичности. Благодаря сосуществованию модернизационных и традиционных культурных форм создаются условия для формирования синкретичной культуры [1]. Культурные процессы казачьего возрождения имели разнообразные содержание и направления развития. Традиционная культура, сталкиваясь с новой реальностью и адаптируясь к ней, принимала новый вид в соответствии с социальным запросом.

В 1980-х – начале 1990-х гг. начался культурный бум казачьего возрождения. Он характеризовался как восстановлением и развитием прежних традиционных форм, так и трансформацией / конструированием новых культурных элементов, форм и традиций. Возрождение традиций касалось казачьего фольклора и некоторых других культурных практик, например реконструкции казачьих праздников, скачек и др.

Еще в 1970–1980-х гг. в сфере казачьей культуры выявляются две тенденции. Первая – внедрение «новых советских обрядов в

быт советских людей» [33, с. 532]. Представители партийно-советской системы проводили работу по осовремениванию традиций и созданию новых ритуалов (проводы в армию, чествование молодоженов и пр.) [33, с. 532]. Вторая тенденция – восстановление и аутентичное воспроизведение элементов казачьей культуры: казачьего костюма, образцов старинного казачьего оружия. Таким образом происходила «актуализация идеи возрождения народной традиции» [33, с. 534]. Лучше всего это реализовывалось в сфере казачьего фольклора. Началась комплексная поддержка экспедиций по изучению материальной и духовной казачьей культуры.

Набирало популярность приобщение к фольклорной культуре. Например, был создан проект, в ходе которого музыкальный фольклор осваивали люди, которым эта культурная традиция не была передана в ходе естественной трансмиссии культуры [34, с. 160–162]. Таким образом, возможность познакомиться с певческой культурой казачества получили широкие слои населения, что, по мнению Т.С. Рудиченко, «повлекло за собой оживление интереса к истории, казачьему быту, феномену казачества как особому порождению социальной истории» [34, с. 162].

С 1990-х гг. широкое распространение на Юге России получают музеи казачьей истории и быта. Отмечается создание таких музеев во многих казачьих поселениях, благодаря поддержке со стороны сельской администрации, они также нередко основывались энтузиастами как семейные частные музеи. Примеры таких музеев были в станицах Луковской, Иловлинской, Усть-Хоперской Волгоградской области [30, с. 541].

Исследователи отмечают: многое из того, что делалось в тот момент в сфере казачьего культурного возрождения, являлось результатом осознания людьми своей принадлежности к казачьему роду, казачьей культуре. Для потомков казаков, с точки зрения сохранения своей идентичности, важным становилось знание своей истории, говора, песен, владение верховой ездой, шашкой и пр. [34, с. 164]. По образному выражению Т.В. Таболиной, казаки стремились возродить свою «среду обитания» [38, с. 81], этот процесс опирался на традицию, на «возвращение к кор-

ням». Для его успешного развития необходимо было насыщение процесса возрождения традиционными культурными формами.

Утрата культурной специфики осознавалась как серьезная проблема, влияющая на развитие сообщества: «Мы плохо знаем свою историю и культуру. Мы это потеряли и потому плохо воспитываем своих детей» [12, с. 21]. Опора на самобытную культуру, обычаи, традиции и обрядность, по мнению участников возрождения, должна была способствовать осознанию своей субэтнической особенности. Даже в тех сообществах, где этническая идентичность не была актуальна, как, например, у астраханских казаков, возрождение традиций, традиционной культуры связывали с пробуждением самосознания и воссозданием казачества [3, с. 321].

Предполагалось, что традиционная культура станет частью нового бытия казаков, составит его фундамент, возрождая историческую память сообщества. Поэтому важным становилось копирование исторических образцов: казачьей одежды, форм управления (появляются круг, атаманы, советы стариков, есаульцы и пр.). Не менее значимым являлось восстановление различных традиций, от проводов молодых казаков в армию до обрядов, связанных с религиозными праздниками, и даже традиционных наказаний. И в целом возрождение всего образа жизни казака: «Укрепление традиционного уклада жизни казачьей семьи, высвобождение женщин из сферы производства для воспитания детей... Возрождение традиционного военно-спортивного воспитания детей...» [22, с. 38]. Предполагалось восстановление казачьих хуторов и переселение казаков из городов в сельскую местность. Таким образом, культурное возрождение должно было способствовать восстановлению всей социокультурной системы.

Традиционная культура была востребована не только активными участниками возрожденческого процесса. В начале 1990-х гг. потомки казаков, сохранившие память о своих корнях, высказывали искренний интерес к культурной реконструкции: «...трогает меня казачья песня... Хочу, чтобы маленькая дочурка моя... знала и умела петь эти задорные песни, гордилась тем, что в ее жилах течет

казачья кровь...», «надо возрождать лучшие обычаи отцов и дедов, а прежде всего казачьего духа», – такие высказывания были в письмах, приходивших в адрес Оргкомитета Учредительного съезда Союза казаков области Войска Донского [21, с. 102–103].

В соответствии с запросами возрожденческого процесса создавались организации, занимающиеся изучением и реконструированием казачьей культуры. Так, в 1990 г. при Ростовском отделении фонда культуры был создан Хозрасчетный творческий научно-производственный центр ремесел, промыслов и фольклора. Центр базировался в Старочеркаске и работал по программе ЮНЕСКО. Затем данная организация была переименована в Центр традиционной культуры донских казаков [21, с. 29]. В Краснодаре в этот же период было создано региональное отделение Республиканского центра русского фольклора. Кроме этого, на Кубани действовал Краевой научно-методический центр народного творчества, а позже возник Центр народной культуры Кубани [24, с. 96]. Кубанское войско поддерживало издание трудов местных краеведов, работу кубанских художников, деятельность фольклорных коллективов. Был создан Фонд культуры Кубанского казачества [23, л. 5–5 об].

В казачьих организациях в начале 1990-х гг. культурное направление деятельности было представлено также коммеморативной практикой. Являясь активными акторами формирования политики памяти, казачьи организации предпринимали усилия, направленные на восстановление исторических названий станиц, городов, увековечение памяти выдающихся представителей казачества, восстановление памятных дат казачьих войск, сохранение памятников казачьей культуры, создание новых музеев различной направленности (от этнографических до музеев истории Гражданской войны и участия в ней казачества) и т. п. [40, с. 442; 41, л. 81; 42, л. 138]. Выявлялись исторические документы, проводилась работа по переизданию и популяризации исторической литературы. Так, при поддержке Кубанского войска, например, был переиздан труд Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска», приветствовалось издание трудов местных краеведов, работа ку-

банских художников. В 1993 г. кубанское войсковое правительство учредило премию в области искусства и культуры им. Я.Г. Кухаренко [23, л. 5–5 об].

Работа по возрождению казачьей культуры поддерживалась и региональными властями. Например, в Программе возрождения казачества Волгограда 1994 г. предусматривалось содействие в создании казачьих поселений с традиционным укладом жизни и быта, восстановлению памятников казачьей истории и культуры и т. п. [26, л. 33]. В Краснодарской краевой концепции по возрождению казачества оговаривалось создание этнопарка «Казачья станица», защита памятников истории и культуры казачества как объектов национального достояния, создание музея истории кубанского казачества, возрождение празднично-обрядово-досуговых традиций и много другое [15, л. 49].

Итак, в начальный период возрождения большое внимание уделялось восстановлению, реконструкции и аутентичному воспроизведению культурных форм. Они должны были выполнять, с одной стороны, роль маркеров, обозначающих исторические основы казачьего возрождения, с другой – способствовать работе исторической памяти общества, формировать идентичность.

Параллельно с развитием аутентичных форм складывалась тенденция культурного конструирования. Это особенно хорошо прослеживалось в казачьих реестровых организациях Юга России. Эти структуры практически сразу стали себя идентифицировать с историческими казачьими войсками. В связи с этим вскоре они приняли названия данных войск и их атрибутику. Историческое обрамление войск могло иметь характер эклектичного соединения элементов разных исторических эпох, как это произошло, например, с организацией «Союз казаков области Войска Донского». Так, гимном Союза стала полковая песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон». Это произведение последней трети XIX в. (автор слов А.А. Леонов, музыка Ф.И. Анисимова) в период Гражданской войны было отредактировано. Из полковой песни, в которой воспевалась верность донцов монарху, произведение превратилось в войсковой гимн, и слова о монархе

были заменены на слова о призыве свободы. Это отвечало ситуации Гражданской войны и провозглашения области Войска Донского республикой. Современное Войско Донское в качестве гимна взяло именно этот измененный вариант.

С названием донской организации «Все великое Войско Донское» произошли еще более серьезные изменения. Оно появилось в 1918 г. в разгар антибольшевистской борьбы казаков и становления донской государственности [18]. Его происхождение датировали XVIII веком. Это подводило историческую основу под новое государственное образование, хотя не все были согласны с этим². Данное название не имело безоговорочного исторического обоснования и являлось культурным конструктом.

Выбранный донской казачьей организацией герб – «Елень, пронзенный стрелой» – считался старейшим гербом войска. Однако кроме него существовало еще несколько гербов, в разное время принятых в области Войска Донского, в которых присутствовала символика Российской империи – двуглавый орел, а также «дары» империи: пернач, насека, бунчук. Еще одним гербом-печатью являлся голый казак в папахе с шашкой, ружьем и при амуниции, сидящий верхом на бочке. По мнению Б.С. Корниенко, выбор того или иного герба в разное время зависел от того, как себя воспринимали сами казаки. Так, герб «Елень, пронзенный стрелой» свидетельствовал, о том, что в данный исторический период приоритетным оказывался выбор в пользу казачьей самобытности и самостоятельности казачьего сообщества, а изображение голого казака верхом на бочке с оружием и амуницией – в пользу военно-сословного статуса [17, с. 8].

Такой выбор донцами войсковых атрибутов с заявкой на древность, самобытность и самостоятельность можно рассматривать как стремление к определению себя в качестве самостоятельной этнической общности. Однако в рамках последующего огосударствления казачества и развития реестровой службы эти атрибуты стали гибридными символами свободы и службы. Таким образом, в ситуации выбора символов и атрибутов для современного донского казачества проявилась

важнейшая черта возрождения – культурное конструирование, которое нашло отражение как в выборе ярких и значимых культурных элементов из разных исторических эпох и переносе их на современность, так и в смешении этнических и сословных культурных черт.

Постепенно в первой половине 1990-х гг. создается символическое пространство казачьих обществ. В него включались ритуальные действия (исторические и вновь придуманные), правила, нормы, которые отражали культурные особенности казаков. Ряд их имел четкие исторические прототипы, например учредительный круг Союза казаков области Войска Донского (СКОВД) принял решение о разработке «Заповедей донских казаков». В их основу планировалось положить «Новые казачьи заповеди», которые были написаны на о. Лемнос в 1921 году. Их создание происходило в условиях эмиграции, в ситуации, когда необходимо было сплотить казаков, сохранить единство и культурную идентичность.

В начале 1990-х гг. Б.А. Алмазов составил памятку ритуалов, которые предлагалось проводить на казачьих кругах, сходах, при приведении молодых казаков к присяге, принятии в казачество и др. Однако историческая основа этих ритуалов вызывает много вопросов, таких как: время создания, казачье войско, в котором то или иное действие проводилось³. Таким образом, им придавался универсальный и вневременной характер, что свидетельствовало не об историческом, а скорее о мифологическом характере.

Ритуальными действиями сопровождались крупные казачьи форумы: Большие войсковые круги и Всемирные казачьи конгрессы. При этом Большие круги были исторической формой, а конгрессы абсолютно новым явлением. В перечень ритуальных действий современных казачьих кругов включалось присутствие священника, благословение им работы круга, внос войскового знамени. В Войске Донском при открытии кругов и всех остальных больших публичных собраний обязательно исполнялся гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...».

Особо следует рассмотреть символическую и празднично-театрализованную основу Всемирных конгрессов казаков. Они начали проводиться с 2003 г., к настоящему времени

состоялось пять таких конгрессов, и на 2020 г. запланировано проведение шестого конгресса. Главной их особенностью стало участие зарубежного казачества, а значит символическое пространство конгрессов должно было отражать идею единения казаков. Например, главной идеей первого конгресса было «по всему миру собрать осколки былого казачьего величия» [8]. Поэтому чрезвычайно важное значение имел выбор символического события или памятной даты, к которым приурочивалось проведение конгресса.

Одной из наиболее востребованных символических исторических фигур являлся М.И. Платов, казачий атаман, герой Отечественной войны 1812 года. Первый и третий всемирные конгрессы казаков были приурочены непосредственно к празднованию юбилеев со Дня рождения М.И. Платова. Второй конгресс прошел под знаком 200-летия Новочеркасска, к основанию и строительству которого атаман Платов имел непосредственное отношение. На I Всемирном конгрессе В.П. Водолацкий, возглавлявший на тот момент ВКО «ВВД», отметил, что «личность Матвея Ивановича Платова, его юбилей позволили нам впервые собрать в Новочеркасске так много казаков со всех уголков планеты» [8].

С важной символической датой связывалось и проведение VI Всемирного конгресса, который должен был состояться в 2020-м – в год 450-летия служения донского казачества России⁴.

Мероприятия Всемирных конгрессов включали концертные программы различного плана, но с обязательной исторической казачьей сюжетной линией, например: фольклорный праздник «С Днем рождения, Платов!» (2003), Войсковой литературно-музыкальный фестиваль им. Н.Н. Туроверова «Я вернулся на Дон...», памяти казачьих поэтов зарубежья (2008), молодежные казачьи фестивали [13].

Особое значение в рамках казачьих форумов приобретала демонстрация элементов военной мужской культуры, например парады в исторической форме казачьих войск или проведение конноспортивных игр, включающих рубку лозы, демонстрацию умения владеть пикой, джигитовку. Важную роль играли торжественно-ритуальные действия, такие как возложение цветов к памятнику Платову или

торжественное отправление венка по Дону в память о погибших казаках⁵, посещение усыпальницы донских атаманов Войскового кафедрального собора. Соответствующими были награды и подарки в виде крестов, орденов, шашек и пр. Историческую копию штандарта 4-го Донского казачьего графа Платова полка преподнесла в дар Войску Донскому делегация волгоградских казаков на III Всемирном конгрессе. Под этим штандартом полк вошел в Париж после разгрома войск Наполеона [13].

Некоторые символические действия казаков были связаны непосредственно с возрождением. Так, в Краснодаре с 1993 г. в апреле стал проводиться ежегодный парад казаков. Он был приурочен к дате подписания Закона о реабилитации репрессированных народов 26 апреля 1991 г., в который включили и казаков как культурно-этнографическую общность. Формирование традиции проведения казачьего парада в этот день являлось инструментом по активации коллективной исторической памяти и воздействовало на идентичность потомков казаков.

Приведенные примеры показывают, что воспроизводство культуры часто представляло собой эклектичное сочетание различных элементов. В возрожденческом процессе проявился такой феномен, как «изобретение традиций», то есть сложилась ситуация, когда «старые» традиции на деле оказывались недавно изобретенными. «Изобретение традиций», по мнению Э. Хобсбаума, является достаточно распространенной практикой, когда оказывается необходимым внедрить определенные ценности и нормы поведения [44]. Назначение таких практик – обоснование связи происходящего с подходящим историческим периодом [44].

Традиция – неоднозначное явление. Ее положительная коннотация проявляется в ситуации, когда прошлое воспринимается как образец для действий в настоящем. В случае с казаками, чье историческое развитие претерпело резкие социокультурные перемены, апеллирование к традиции означало возможность восстановления утраченного бытия.

В казачьем возрождении отчетливо проявился разрыв трансляции культурной традиции, и это повлекло за собой стремление «воз-

родить исконное прошлое». По замечанию ряда исследователей, участники возрожденческого процесса вели поиск идеальной исторической социокультурной формы казачьего бытия, надеясь перенести ее в современные условия [19; 27; 28]. Такой поиск идеальной модели исторического существования ученые сравнивали с поиском «золотого века»⁶.

Однако, чтобы решить эту задачу, необходимо было для начала определить, какое же прошлое нужно возродить в настоящем. Исследуя социокультурные трансформации, М.А. Рыблова отметила, что казачье сообщество на Дону всегда было подвижно с точки зрения культурной идентичности. Постоянно изменялся набор культурных признаков, конфигурация казачьей культуры [37, с. 3–4]. Историческая многовариантность культурных черт и традиций в период возрождения приводила к произвольному выбору исторических образцов для воссоздания социокультурной системы казачества, то есть в основе возрождения в конце XX – начале XXI в. лежало конструирование.

Можно выделить несколько направлений культурного конструирования казачьего возрождения, которые сложились в 1990-х годах. Во-первых, направление архаизации. Как отмечал И.О. Тюменцев, общественный кризис нередко приводит к откату на предыдущую стадию развития и к прежним, подчас архаичным, формам управления [39]. Особенно ярко архаизация проявилась в первой половине 1990-х годов. По мнению М.А. Рыбловой, в условиях очередного кризиса мужская часть социума предпочла вернуться к архаичным формам мужских братств при взаимодействии. Яркий пример – возвращение к порке как традиционной системе наказаний, использование «мужских форм» для презентации группового интереса казачества [37, с. 26–27]. Сюда же следует отнести и попытки вернуться к ранним формам казачьей демократии – казачьим кругам и выборам атаманов.

Во-вторых, в движении за возрождение казачества ярко проявилась ситуация «музеефикации» культуры. Во второй половине 1990-х гг. стало ясно, что большая часть возрождаемых социальных и культурных практик казаков больше не отвечала социальным потребностям группы, культура казачества пе-

рестала выполнять функции адаптации. Круги и атаманы, традиционные формы ведения хозяйства и даже военно-служилые обязательства не были востребованы жизнью социума. В итоге от всего многообразия культурных форм казачества остались и воспроизводились лишь те, которые были интересны с точки зрения их зрелищности либо являлись формами памяти.

В-третьих, на всем протяжении развития казачьему движению были присущи черты, определяемые исследователями как карнавальность или театральность [14, с. 250; 37, с. 26]. Это формы, которые были предназначены не только для участников возрожденческого процесса, но и для общества. Они закрепляли социальное пространство за казаками и часто имели демонстрационные формы: парады, фестивали, ношение казачьей формы и пр. Экстравагантное воспроизведение этих культурных форм нередко давало повод называть современных казаков «ряжеными».

Развитие казачества в 1990-х – начале 2000-х гг. показало, что возродить казачью культуру как часть среды обитания не удастся. Значительное присутствие архаизмов и «новоделов» в культуре казачьего возрождения свидетельствовало о разрыве трансляции культуры и попытках его преодоления. В процессе борьбы с деструкцией культуры, по мнению К.В. Чистова, архаичные элементы и традиции приспособляются к современным обстоятельствам, изменяют свои функции или входят в новую систему в качестве рудиментов, отступают на периферию [45, с. 113]. Таким образом, происходит конструирование культурных форм на традиционной основе, но с новыми качествами. В сфере традиционной казачьей культуры развивается форма вторичной культуры.

Важной частью социокультурного конструирования общества является создание праздничной культуры. Система праздников начала формироваться в сфере возрождения культуры с середины 1980-х годов. На юге России самым известным событием стал фестиваль в станице Вешенской «Шолоховская весна» (1985 г.), проводимый в день рождения известного советского писателя и журналиста М.А. Шолохова.

В начале 1990-х гг. при проведении станичных и хуторских праздников стали все чаще

обращаться к традиционной культуре, включать ее элементы в структуру праздника. Такая праздничная реконструкция позволяла акцентировать внимание на культурно-исторических традициях казачества. Описание фольклорного праздника в одном из донских казачьих хуторов Ростовской области показывает процесс восстановления праздничной традиции: «...Красочное зрелище представлял собой хутор. ...На улицах были накрыты столы с казачьими кушаньями. Любый желающий мог угоститься кислым молоком с пышками, печеной тыквой, лапшой, квасом, пирогами и домашними напитками» [22, с. 41–42].

В 1990-х гг. праздники с элементами культурно-исторической реконструкции были популярны в казачьих хуторах и станицах. Особенно удачно они встраивались в празднование Дня станицы, закрепляя казачий имидж. Так, во время аналогичного праздника в ст-це Казанской Ростовской области перед жителями появилась Станица в сопровождении сотни казаков. Выступал фольклорный коллектив. Примечательно, что в этот день было создано культурно-историческое общество «Казачий круг станиц и хуторов Верхнедонского района» и выбранный атаман общества открывал праздник [22, с. 41–42].

Особенность казачьих праздников заключалась в том, что они становились формой культурной манифестации, но традиционная культура здесь облекалась в новые формы, которые были более привычны для современных казаков. Праздники представляли собой социокультурный конструкт и выполняли задачу культурного конструирования сообщества. Примером могут служить такие праздники-фестивали, как «Донская красавица», «Мы – внуки деда Ермака», «Баклановский удар»⁷, которые проводились в Волгоградской области.

Значительное количество современных праздников и культурных событий казачьей жизни инициировалось казачьими организациями. По мнению Т.С. Рудиченко, это было своеобразным «культурным показанием», вовлечением в занятия по освоению различных форм казачьей культуры жителей российских регионов [33, с. 167]. Анализируя специфику современной праздничной культуры донских казаков, М.А. Рыблова отметила, что

благодаря возрожденческому процессу казачий праздник стал выходить за пределы тесных залов и однотипных домашних застолий. Однако в большинстве случаев такие праздники являлись не народными, а «праздниками для народа», с сохранением разделения на артистов и зрителей [34, с. 166].

Такое состояние праздничной культуры, ее отступление от традиционных форм означало уход традиции на периферию и возникновение «вторичных» культурных форм, закономерного результата развития и изменения традиционной народной культуры во времени. Специалисты в данной сфере говорят о появлении «вторичных» культурных форм тогда, когда традиционная культура из доминирующей превращается в субкультуру. Традиционные культурные формы перестают быть аутентичными, передача культурной традиции осуществляется не носителем и создателем культуры, а посредником, например творческим коллективом или музеем [4].

В начале 2000-х гг. развитие «вторичных» культурных форм выходит на новый уровень. Массовый характер принимает воспроизводство такой формы, как шермиции – военизированные игры, ранее являвшиеся элементами календарных казачьих праздников и входившие в станичные игры. Шермиции превратились в грандиозные фестивали казачьей воинской обрядовой культуры. В Ростовской области с 2004 г. проводятся международные казачьи игры «Шермиции», есть Федерация казачьих воинских искусств «Шермиции». При этом шермиции понимаются как этносport, как составная часть культурного наследия народов России [43]. Разновидностью шермиций являются этнические казачьи игры, которые с 2005 г. организует в разных регионах России Объединение этнических казаков «Казарла». При этом если шермиции направлены прежде всего на сохранение и популяризацию казачьей культуры, то этнические игры в большей степени нацелены на пропаганду этнической идентичности казаков.

В 2016 г. в Концепции создания центров казачьей культуры самобытная культура российского казачества была названа неотъемлемой частью культурного достояния и культурного наследия народов Российской Федерации. Одним из результатов ее сохранения и

развития назывался вклад в формирование положительного образа нашей страны за рубежом [16]. После этого в нескольких регионах страны были созданы Центры казачьей культуры, в задачи которых входило сохранение традиционной культуры, поддержка творческих коллективов, работающих в этом направлении, обеспечение распространения и сохранения культурных ценностей казачества и пр. [25].

Усиление внимания к традиционной культуре казачества в 2000-х гг. стало реакцией на тенденцию огосударствления казачьего возрождения и определения в качестве приоритета для государства казачьей службы. Поскольку основой казачьего возрождения был все-таки этнокультурный компонент (хотя, конечно, воинская культура являлась важнейшей частью традиционной народной культуры), смещение акцентов возрождения в сторону службы вызывало отток людей из реестровых организаций и формирование общественных организаций этнического характера.

В 2000-х гг. импульс к развитию получает еще одна форма «вторичной» культуры – этнопарки. Этнопарки являются инструментами воссоздания и сохранения этнокультурного пространства региона. Это специфические культурные формы, которые, с одной стороны, отражали историю народа и региона, а с другой – конструировали новую историко-культурную реальность. Наиболее известным таким казачьим этнопарком стала станица Атамань, построенная в 2009 г. на Таманском полуострове, в месте высадки казаков-переселенцев из Запорожской Сечи. В 2018 г. в Ростове-на-Дону открылся этнокомплекс «Кумжа», центром которого является казачья станица. Помимо заявленного сохранения и возрождения народных культурных обычаев, обрядов и т. п., такие этнокомплексы действуют, прежде всего, как привлекательные туристические центры и являются эффективными инструментами формирования этнокультурных территориальных брендов. Проведение на площадках таких этнокомплексов фестивалей народной культуры влияет как на создание образа территории, так и на укрепление / создание территориальной идентичности населения региона.

Различные культурные маркеры (мемориальные, праздничные, в форме материальных объектов и др.) серьезно влияют на этнокультурное восприятие территории. Так, например, одно из последних исследований в этом направлении, проведенное в 2019 г. в казачьих районах Волгоградской области в рамках проекта по изучению территориальных общностей в условиях трансформации, показал, что, несмотря на низкую официально зафиксированную в ходе переписи 2010 г. казачью идентичность населения, в регионе наиболее значимыми и запоминающимися событиями регионального и местного значения являются праздничные мероприятия, связанные с казачьей традиционной культурой. В местах традиционного проживания казачества (Кумылженский, Урюпинский, Фроловский районы и др.) значимость казачьих праздников, таких как «Золотой щит – Казачий спас», отмечали 67 % респондентов⁸.

Результаты. Идея восстановления традиционной социокультурной системы была одной из ключевых в казачьем возрождении. Однако этот процесс сочетал как историческую реконструкцию культурных традиций, народных праздников и ритуалов, так и создание новых культурных форм. Активными творцами новых культурных традиций стали казачьи организации.

Можно выделить следующие культурные тенденции возрожденческого процесса. Первая – это собственно реконструкция традиционной культурной формы. При этом происходила адаптация культуры к новым условиям и ее трансформация. Несмотря на то что традиционная культура в этом случае изменялась, сохранялась ее связь с историческими корнями. Вторая тенденция – это конструирование новых традиций и культурных форм, в том числе и в результате смешения исторических культурных элементов, порой посредством «изобретения традиции». В казачьем возрождении возврат к прошлому сочетался с поиском новой идентичности в постсоветской реальности. Это способствовало формированию / воссозданию объектов, ритуалов, праздников, которые представляли собой мнемонические стратегии и создавали культурную преемственность в современном казачестве [9, с. 8].

Несмотря на то что современные казаки пребывали в мире, переживавшем динамичные изменения, требующем способности к быстрой адаптации и в целом не способствующем воспроизводству опыта прошлого, традиция для них являлась альфой и омегой возрожденческого процесса. Провозглашенное уважение к традиции способствовало сплочению общества. Социокультурные параметры традиционного мира воспринимались современными казаками как мир этнической культуры, возможность его восстановления – как признание за казаками, как за народом, права на свое бытие. Таким образом, традиционная культура казачества становилась важным ресурсом возрожденческого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

“The study was funded by RFBR grant No. 19-411-340002 “Territorial communities in the context of social transformations: socio-managerial analysis”.

² Споры и дискуссии делегатов Большого войскового Круга о новом государственном названии войска нашли отражение на страницах донской печати. См.: Приазовский Край. 1918. 29 (16) сент. (№ 146).

³ Несмотря на общую схожесть культуры, основанную на воинских традициях, ритуалы и традиции в казачьих войсках могли серьезно различаться. Например, кубанцы не носили нагайки как элемент традиционного костюма, а донцы – кинжалов. Кубанцы в качестве одобрительного возгласа не кричали «Любо», да и историческое присутствие этого одобрения у донцов вызывает большие вопросы.

⁴ Сама эта дата также является конструктом, так как относит факт начала служения донских казаков к моменту получения ими в 1570 г. царской грамоты от Ивана Грозного. Однако присягу московскому государю донские казаки принесли только в 1671 году.

⁵ Такой ритуал был проведен в 2008 г. во время литературно-музыкального фестиваля им. Н.Н. Туруверова, организованного в рамках Всемирного конгресса.

⁶ Золотой век – мифологические представления периода античности, в основе которых лежит картина беззаботного и счастливого состояния, в котором пребывали предки. В казачьем возрожде-

нии наблюдается постоянное обращение к культурным образцам различных исторических этапов развития казачества, которые рассматриваются как идеальные формы: казачья демократия, казачий круг, атаманское правление, особое представление о казаках прошлого как о непревзойденных воинах.

⁷ По легенде Я.П. Бакланов обладал сокрушительной силой. Его удар шашкой мог разрубить противника от плеча до пояса.

⁸ РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (Волгоградская область, анкетный опрос, n = 844, июль – август 2019 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. В. Модернизация и традиция / В. В. Алексеев, И. В. Побережный // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург : Урал. гуманитар. ин-т, 1998. – С. 8–32.

2. Архипенко, Н. А. Традиции и новации в обрядности и терминологии донского народного календаря / Н. А. Архипенко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1. – С. 438–445.

3. Астраханское казачество: путь сквозь века. – Астрахань : [Б. и.], 2015. – 404 с.

4. Бондарь, Н. И. Вместо предисловия / Н. И. Бондарь // Вторичные формы традиционной народной культуры : материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). – Краснодар : Традиция, 2010. – С. 2–6.

5. Бондарь, Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества / Н. И. Бондарь. – Краснодар : Кубанькино, 2003. – 266 с.

6. Бондарь, Н. И. Традиционная культура кубанского казачества : избранные работы / Н. И. Бондарь. – Краснодар : КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 1999. – 148 с.

7. Бугай, Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? / Н. Ф. Бугай // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 148–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13>.

8. Бураков, И. «Осколки былого казачьего величия». Австралийские и немецкие казаки нашли общий язык с донскими и кубанскими / И. Бураков // Время новостей. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 10.01.2017).

9. Вельцер, Х. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов

культурной преемственности в европейских странах / Х. Вельцер, К. Ленц // Отечественные записки. – 2008. – № 44 (5). – С. 6–22.

10. Власкина, Н. А. Судьба в сказках и преданиях казаков-некрасовцев / Н. А. Власкина // Филологический вестник РГУ. – 2005. – № 2. – С. 37–40.

11. Власкина, Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / Т. Ю. Власкина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 432 с.

12. Доклад на Первом (учредительном) съезде казаков Ставрополя. 28 сентября 1990 г. // Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010. – Ставрополь : Сервисшкола, 2010. – С. 15–21.

13. Емельянов, И. Второй Всемирный казачий... / И. Емельянов // Казаки. – 2005. – № 8–9. – С. 8–13.

14. Ионин, Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие / Л. Г. Ионин. – 2-е изд. – М. : Логос, 1998. – 280 с.

15. Концепция краевой комплексной программы по возрождению казачества (не ранее 1992 – 1993 гг.) // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 1843. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 47–50.

16. Концепция формирования центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров от 16.11.2016 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-formirovaniya-tsentrov-otdelov-kazachey-kultury-voyskovykh-kulturno-prosvetitel'skikh-ts/> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.

17. Корниенко, Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914) / Б. С. Корниенко. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 232 с.

18. Краснов, П. Н. Всевеликое Войско Донское / П. Н. Краснов // Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. – Репринт изд. – М. : Политиздат, 1991. – С. 191–329.

19. Маркедонов, С. М. Феномен российского неказачества / С. М. Маркедонов // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М. : [Б. и.], 2001. – С. 107–119.

20. Матвеев, О. В. Модель исторической картины мира кубанского казачества / О. В. Матвеев. – Краснодар : Кубанькино, 2003. – 78 с.

21. Озеров, А. А. Возрождение казачества в Новой России (Социально-философский аспект) / А. А. Озеров. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2004. – 304 с.

22. Озеров, А. А. История современного Донского казачества. Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2000. – 320 с.

23. Отчетный доклад атамана Всекубанского казачьего войска о деятельности войскового правительства за 1992–1995 гг. // ГАКК. – Ф. Р-1843. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 5, 5 об.

24. Перцева, Ю. И. Роль научных центров в изучении и сохранении культурного наследия казаков юга России (1970-е – 2000-е гг.) / Ю. И. Перцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 93–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.10>.

25. Положение об Областном центре казачьей культуры при ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры» от 29.11.2017 г. – Электрон. текстовые дан. – URL: <http://vgiik.pf/tsentry/oblastnoj-tsentr-kazachey-kultury?id=1229> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.

26. Программа возрождения казачества Волгограда. 1994 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 1322. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 33.

27. Рвачева, О. В. Возрождение традиций или конструирование нового феномена? / О. В. Рвачева // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 382–404.

28. Рвачева, О. В. Донское казачество XXI в. Конструирование социального феномена / О. В. Рвачева // Вестник Южного Научного Центра РАН. – 2009. – Т. 5, № 3. – С. 89–95.

29. Рвачева, О. В. Опыт возрождения казачества в социально-политической системе российского государства в XX – начале XXI века / О. В. Рвачева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 173–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>.

30. Рудиченко, Т. С. Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. / Т. С. Рудиченко // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 537–546.

31. Рудиченко, Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии / Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. – 512 с.

32. Рудиченко, Т. С. Искусство в процессе интеграции Войска Донского в Российское государство / Т. С. Рудиченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 215–223. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.18>.

33. Рудиченко, Т. С. Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 502–535.

34. Рудиченко, Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века / Т. С. Рудиченко // Вторичные формы традиционной народной культуры : материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). – Краснодар : [Б. и.], 2010. – С. 160–172.

35. Рыблова, М. А. Донское казачество: к вопросу об истоках и социокультурных трансформациях / М. А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 158–174.

36. Рыблова, М. А. Народные праздники в процессах организации времени и пространства: на материалах донской казачьей традиции / М. А. Рыблова // Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 154–167.

37. Рыблова, М. А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.) / М. А. Рыблова // Казачество в России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. – Вып. 2. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 3–32.

38. Таболина, Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – М. : ИЭиА РАН, 1999. – 252 с.

39. Тюменцев, И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ / И. О. Тюменцев // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации : материалы II Всерос. конф., 6–10 апреля 2006 г. – Черкесск : Карачаево-Черкесская гос. технол. акад., 2006. – С. 247–254.

40. Устав Донецкого казачьего круга 1990 г. // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2002. – С. 441–447.

41. Устав Кубанской казачьей Рады 1990 г. // ГАКК. – Ф. 1843. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 81–85.

42. Устав Ставропольского краевого Союза казаков, 1990 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10144. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 138–139.

43. Федерация Шермиций // Казачий информационный портал «Дикое поле». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://dikoe-pole.com/shermitsii/> (дата обращения: 18.01.2020). – Загл. с экрана.

44. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум ; пер. С. Панарина // Вестник Евразии. – 2000. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 09.07.2017). – Загл. с экрана.

45. Чистов, К. В. Фольклор. Текст, Традиция / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.V., Poberezhnyj I.V. Modernizatsiya i traditsiya [Modernization and Tradition]. *Modernizatsiya v sotsiokulturnom kontekste: traditsii i transformatsii* [Modernization in a Socio-Cultural Context: Traditions and Transformations]. Yekaterinburg, Uralskiy gumanitarnyy institut, 1998, pp. 8-32.

2. Arkhipenko N.A. Traditsii i novatsii v obryadnosti i terminologii donskogo narodnogo kalendarya [Traditions and Innovations in the Rituals and Terminology of the Don Folk Calendar]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2009, no. 1, pp. 438-445.

3. *Astrakhanskoe kazachestvo: put skvoz veka* [Astrakhan Cossacks: Way Through the Ages]. Astrakhan, [s. n.], 2015. 404 p.

4. Bondar N.I. Vmesto predisloviya [Instead of the Preface]. *Vtorichnye formy traditsionnoy narodnoy kultury: materialy nauch.-prakt. konf. (g. Krasnodar, 26–27 noyabrya 2010 g.)* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 26–27, 2010)]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2010, pp. 2-6.

5. Bondar N.I. *Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva* [Calendar Holidays and Rites of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2003. 266 p.

6. Bondar N.I. *Traditsionnaya kultura kubanskogo kazachestva: izbrannye raboty* [Traditional Culture of the Kuban Cossacks: Selected Works]. Krasnodar, KGTNOU «Kubanskiy kazachiy khor», 1999. 148 p.

7. Bugaj N.F. Rossiyskoe kazachestvo i problema identichnosti s voprosom: kto my? [The Russian Cossacks and the Problem of Identity with the Question: Who Are We?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 148-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13>.

8. Burakov I. «Oskolki bylogo kazachyego velichiya». Avstraliyskie i nemetskie kazaki nashli obshchiy yazyk s donskimi i kubanskimi [“Fragments of the Former Cossack Greatness.” Australian and German Cossacks Found a Common Language with Don and Kuban]. *Vremya novostey* [News Time]. URL: <http://www.vremya.ru> (accessed 10 January 2017).

9. Velcer H, Lenc K. Pokolenie dedov v Evrope. Rezultaty sravnitel'nogo izucheniya mekhanizmov kulturnoy preemstvennosti v evropeyskikh stranakh [Generation of Grandfathers in Europe. Results of a

Comparative Study of the Mechanisms of Cultural Continuity in European Countries]. *Otechestvennye zapiski*, 2008, no. 44 (5), pp. 6-22.

10. Vlaskina N.A. Sudba v skazkakh i predaniyakh kazakov-nekrasovtsev [Fate in the Tales and Traditions of the Nekrasovites Cossacks]. *Philological bulletin of Russian State Humanitarian University*, 2005, no. 2, pp. 37-40.

11. Vlaskina T.Ju. *Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov (konets XIX – seredina XX vv.)* [Home World on a Broken Era. Essays on the Traditional Culture of the Don Cossacks (End of XIX – Middle of the XX Century)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 432 p.

12. Doklad na Pervom (uchreditelnom) syezde kazakov Stavropolyya. 28 sentyabrya 1990 g. [Report at the First (Constituent) Congress of Cossacks of Stavropol. September 28, 1990]. *Stavropolskiy kraevoy soyuz kazakov. Stavropolskoe kazachye voysko. 1990–2010* [Stavropol Regional Union of Cossacks. Stavropol Cossack Army. 1990–2010]. Stavropol, Servisshkola Publ., 2010, pp. 15-21.

13. Emeljanov I. Vtoroy Vsemirnyy kazachiy... [The Second World Cossack...]. *Kazaki* [Cossacks], 2005, no. 8-9, pp. 8-13.

14. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury: ucheb. posobie* [Sociology of Culture. Educational Literature]. Moscow, Logos Publ., 1998. 280 p.

15. Kontseptsiya kraevoy kompleksnoy programmy po vrozozhdeniyu kazachestva (ne ranee 1992–1993 gg.) [The Concept of a Regional Comprehensive Program for the Revival of the Cossacks (Not Earlier than 1992–1993)]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of Krasnodar Krai], f. 1843, inv. 1, d. 68, l. 47-50.

16. *Kontseptsiya formirovaniya tsentrov (otdelov) kazachey kultury, voyskovykh kulturno-prosvetitel'skikh tsentrov ot 16.11.2016 g.* [The Concept of the Formation of Centers (Departments) of Cossack Culture, Military Cultural and Educational Centers of 16.11.2016]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-formirovaniya-tsentrov-otdelov-kazachey-kultury-voyskovykh-kulturno-prosvetitel'skikh-ts/> (accessed 14 November 2019).

17. Kornienko B.S. Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 232 p.

18. Krasnov P.N. Vsevelikoe Voysko Donskoe [Vsevelikoe Don Army]. *Arkhiv russkoy revolyutsii. V 22 t. T. 5* [Archive of the Russian Revolution. In 22 Vols. Vol. 5]. Moscow, Politizdat, 1991, pp. 191-329.

19. Markedonov S.M. Fenomen rossiyskogo neokazachestva [The Phenomenon of Russian New

Cossacks]. *Sotsialno-politicheskaya situatsiya na Kavkaze: istoriya, sovremennost, perspektivy* [The Socio-Political Situation in the Caucasus: History, Modernity, Prospects]. Moscow, [s. n.], 2001, pp. 107-119.

20. Matveev O.V. *Model istoricheskoy kartiny mira kubanskogo kazachestva* [Model of the Historical Picture of the World of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2003. 78 p.

21. Ozerov A.A. *Vozrozhdenie kazachestva v Novoy Rossii (Socialno-filosofskiy aspekt)* [The Revival of the Cossacks in New Russia (Socio-Philosophical Aspect)]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2004. 304 p.

22. Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Istoriya sovremennogo Donskogo kazachestva. Issledovaniya i dokumenty* [History of the Modern Don Cossacks. Research and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2000. 320 p.

23. Otchetnyy doklad atamana Vsekubanskogo kazachyego voyska o deyatelnosti voyskovogo pravitelstva za 1992–1995 gg. [Report of the Ataman of the All-Cuban Cossack Army on the Activities of the Military Government for 1992–1995]. *GAKK* [State Archive of the Krasnodar Krai], f. R-1843, inv. 1, d. 71, l. 5, 5r.

24. Perceva Ju.I. Rol nauchnykh tsentrov v izuchenii i sokhranении kulturnogo naslediya kazakov yuga Rossii (1970-e – 2000-e gg.) [The Role of Research Centres in Studying and Preserving the Cultural Heritage of the Cossacks of Southern Russia (1970–2000s)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 3, pp. 93-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.10>.

25. *Polozhenie ob Oblastnom tsentre kazachyey kultury pri GOBUK VO «Volgogradskiy gosudarstvennyy institut iskusstv i kultury» ot 29.11.2017 g.* [Regulation on the Regional Center for Cossack Culture at the GOBUK VO “Volgograd State Institute of Arts and Culture” of 29.11.2017]. URL: <http://vgnik.pp/tsentry/oblastnoj-tsentri-kazachey-kultury?id=1229> (accessed 14 November 2019).

26. Programma vrozozhdeniya kazachestva Volgograda. 1994 g. [Program for the Revival of the Cossacks of Volgograd. 1994]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Recent History of Volgograd Region], f. 1322, inv.1, d. 15, l. 33.

27. Rvacheva O.V. Vozrozhdenie traditsiy ili konstruirovaniye novogo fenomena? [Revival of Traditions or Construction of a New Phenomenon?]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 382-404.

28. Rvacheva O.V. Donskoe kazachestvo XXI v. Konstruirovaniye sotsialnogo fenomena [The Don Cossacks of the XXIst Century. Designing of a Social Phenomenon]. *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Centra RAN* [Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 5, no. 3, pp. 89-95.
29. Rvacheva O.V. Opyt vrozozhdeniya kazachestva v socialno-politicheskoy sisteme rossiyskogo gosudarstva v XX – nachale XXI veka [The Experience of the Revival of the Cossacks in the Socio-Political System of the Russian State in the XX – Early XXI Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 173-190. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>.
30. Rudichenko T.S. Vozrozhdenie kulturnykh traditsiy v kontse XX – nachale XXI v. [Revival of Cultural Traditions at the End of the 20th and Beginning of the 21st Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 537-546.
31. Rudichenko T.S. *Donskaya kazachyaya pesnya v istoricheskom razviti*i [Don Cossack Song in Historical Development]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskoy gosudarstvennoy konservatorii im. S. V. Rakhmaninova, 2004. 512 p.
32. Rudichenko T.S. Iskusstvo v protsesse integratsii Voyska Donskogo v Rossiyskoe gosudarstvo [Art in the Process of Integrating the Don Army into the Russian State]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 215-223. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.18>.
33. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Osnovnye napravleniya i faktory sotsiokulturnykh transformatsiy XX v. [The Main Directions and Factors of Socio-Cultural Transformations of the Twentieth Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 502-535.
34. Rudichenko T.S. Traditsionnaya kultura donskikh kazakov i sotsialnye protsessy kontsa XX – nachala XXI veka [The Traditional Culture of the Don Cossacks and the Social Processes of the Late Twentieth – Early Twenty-First Centuries]. *Vtorichnyye formy traditsionnoy narodnoy kultury. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 26–27 noyabrya 2010 g.)* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Materials of the Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 26–27, 2010)]. Krasnodar, [s. n.], 2010, pp. 160-172.
35. Ryblova M.A. Donskoe kazachestvo: k voprosu ob istokakh i sotsiokulturnykh transformatsiyakh [Don Cossacks: To the Question of the Origins and Sociocultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 6, pp. 158-174.
36. Ryblova M.A. Narodnye prazdniki v protsessakh organizatsii vremeni i prostranstva: na materialakh donskey kazachyey traditsii [Folk Holidays in the Processes of Organizing Time and Space: On the Materials of the Don Cossack Tradition]. *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom pri podderzhke Fonda F. Jeberta 13 maya 2014 g.* [Historical Marking of Space and Time: Materials of a Seminar Held by Volgograd State University with the Support of the F. Ebert Foundation on May 13, 2014]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2014, pp. 154-167.
37. Ryblova M.A. Sotsiokulturnye transformatsii na Donu (XVI–XXI vv.) [Sociocultural Transformations on the Don (XVI–XXI Centuries)]. *Kazachestvo v Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sbornik nauchnykh statey* [Cossacks in Russia: Past and Present. Collection of Scientific Articles]. Iss. 2. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2008, pp. 3-32.
38. Tabolina T.V. *Kazaki: drama vrozozhdeniya. 1980–1990-e gody* [Kazaki: Revival Drama. 1980–1990s]. Moscow, IEiA RAN, 1999. 252 p.
39. Tjumencev I.O. K voprosu ob institutakh rannikh kazachyikh soobshchestv [To the Question of the Institutions of the Early Cossack Communities]. *Mnogoukladnost i asimmetrichnost razvitiya regionalnykh ekonomik Yuga Rossii: riski modernizatsii i mekhanizmy transformatsii: materialy II Vserossiyskoy konferentsii, 6–10 aprelya 2006 g.* [Multidimensional and Asymmetric Development of Regional Economies of the South of Russia: The Risks of Modernization and Transformation Mechanisms. Materials of the II All-Russian Conference on April, 6–10, 2006]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskaya gosudarstvennaya tekhnologicheskaya akademiya, 2006, pp. 247-254.
40. Ustav Donetskogo kazachyego kruga 1990 g. [Charter of the Donetsk Cossack Circle 1990]. Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Soyuz kazakov Oblasti Voyska Donskogo. Voyskovoy ataman M.M. Sholohov. Issledovanija i dokumenty* [Union of Cossacks of the Don Army Region. Military Chieftain M.M. Sholokhov. Research and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2002, pp. 441-447.

41. Ustav Kubanskoj kazachyey Rady 1990 g. [Charter of the Kuban Cossack Rada 1990]. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Krai], f. 1843, inv. 1, d. 2, l. 81-85.

42. Ustav Stavropolskogo kraevogo Soyuza kazakov, 1990 g. [Charter of the Stavropol Regional Union of Cossacks, 1990]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 10144, inv. 1, d. 6, l. 138-139.

43. Federatsiya Shermitsiy [Federation of Shermitius]. *Kazachiy informatsionnyy portal «Dikoe*

pole» [Cossack Information Portal “Dikoe Pole”]. URL: <https://dikoe-pole.com/shermitsii/> (accessed 18 January 2020).

44. Hobsbaum Je. Izobretenie traditsiy [Invention of Traditions]. *Vestnik Evrazii*, 2000. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (accessed 9 July 2017).

45. Chistov K.V. *Folklor. Tekst, Traditsiya* [Folklore. Text, Tradition]. Moscow, OGI, 2005. 272 p.

Information About the Authors

Olga V. Rvacheva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Pierre G. F. Labrunie, Postgraduate Student, School of Advanced Studies in the Social Sciences, Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies, Boulevard Raspay, 54, 75006 Paris, France, pierre.labrunie@ehess.fr, <https://orcid.org/0000-0002-7681-4698>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Рвачева, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Пьер Габриэль Франсуа Лабрюни, аспирант, Центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы, Высшая школа социальных наук, бульвар Распай, 54, 75006 г. Париж, Франция, pierre.labrunie@ehess.fr, <https://orcid.org/0000-0002-7681-4698>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>

UDC 323; 332.142; 338.28
LBC 66.3(2Рос)

Submitted: 02.06.2020
Accepted: 10.09.2020

PRIORITY NATIONAL PROJECTS AS A TOOL OF SOCIAL, ECONOMIC AND POLITICAL MODERNIZATION OF OLD INDUSTRIAL REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA¹

Inna V. Mitrofanova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga A. Chernova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Olga Yu. Patrakeeva

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the current political process in Russia, national projects occupy an important place, working as one of the main tools for the achievement of national goals. The projects are usually made more specific at the regional level of administration and include the strategic goal of regional development, the amount of resources allocated for their achievement, as well as the responsibility of the officials for their use. The article examines the impact of implementing national projects of the “first wave” (from 2006–2010 to 2018) and the first results of the projects of the “second wave” (designed for 2019–2024) on solving the problems of effectiveness growth of public administration of the balanced development of old industrial regions of Southern Russia – Volgograd and Rostov regions. The problems of this study are justified by the expansion of using program-targeted methods in the organizational environment of regional management, what implies the need to assess the compliance of the results achieved during the implementation of projects with the goals of state regional policy. *Methodology and methods.* The research methodology is based on the provisions of the concept of sustainable development, as well as the system paradigm of G.B. Kleiner devoted to the need for the interconnected development of the object, environment and control subsystems. In the study of the effectiveness of national projects and their impact on the balanced development of old industrial regions of the South of Russia, the effective approach and the comparative analysis method were used. *Analysis.* The study shows that the degree of involvement of the constituent entities of the Russian Federation in implementing program activities of national projects is determined by the volumes of regional budgets, as well as the priorities facing a region. From the standpoint of sustainability and balance of regional development, there is a disagreement in the processes of modernization changes in the subsystems of the object, environment and management, what leads to the underutilization of the resource potential of the regions in the achievement of national goals. *Results.* The priorities of goal setting in Volgograd and Rostov regions in the implementation of national projects are studied. The feedbacks of the regional system to the measures mentioned in national projects, as well as limiting factors for the achievement of their objectives are identified. The idea of the

© Митрофанова И.В., Чернова О.А., Патракеева О.Ю., 2020

coordinated development of the object, environment and management subsystems of a region for the effectiveness growth of public administration of the balanced regional development is substantiated. It is concluded that the administration and management of modern national projects is not so much a managerial task but rather a political one, and therefore their implementation implies the solution of such political goals as carefulness in setting goals and choosing priorities, building effective mechanisms of the interaction between federal and regional authorities, and also with local target population.

Key words: national priorities, state policy, national projects, management, regional development, balance, modernization, South of Russia, old industrial regions.

Citation. Mitrofanova I.V., Chernova O.A., Patrakeeva O.Yu. Priority National Projects as a Tool of Social, Economic and Political Modernization of Old Industrial Regions of the South of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 213-233. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>

УДК 323; 332.142; 338.28
ББК 66.3(2Рос)

Дата поступления статьи: 02.06.2020
Дата принятия статьи: 10.09.2020

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ¹

Инна Васильевна Митрофанова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Анатольевна Чернова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Ольга Юрьевна Патракеева

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется влияние итогов реализации национальных проектов «первой волны» (2006–2010 гг. и до 2018 г.) и первых результатов осуществления проектов «второй волны» (рассчитанных на 2019–2024 гг.) на решение задач повышения эффективности государственного управления в двух старопромышленных регионах Юга России – Волгоградской и Ростовской областях. Это предполагает необходимость оценки соответствия достигнутых в ходе реализации проектов результатов целям государственной региональной политики. *Методология и методы.* Методология исследования базируется на положениях концепции устойчивого развития, а также системной парадигме о необходимости взаимосвязанного развития объектной, средовой и управляющей подсистем, были применены результативный подход и метод сравнительного анализа. *Анализ.* Исследование показало: с позиций обеспечения устойчивости и сбалансированности регионального развития наблюдается рассогласованность процессов модернизационных изменений в объектной, средовой и управленческой подсистемах, что ведет к недоиспользованию ресурсного потенциала регионов в достижении национальных целей. *Результаты.* Исследованы приоритеты целеполагания в Волгоградской и Ростовской областях при реализации национальных проектов. Выявлены реакции региональной системы на реализацию мероприятий национальных проектов, а также лимитирующие факторы достижения поставленных в них задач. Обоснована идея согласованного развития объектной, средовой и управляющей подсистем региона для повышения действенности государственного управления процессами сбалансированного регионального развития. Сделан вывод о том, что руководство и управление современными национальными проектами – это задача не столько управленческая, сколько политическая, а потому их реализация подразумевает решение таких политических задач, как тщательность в целеполагании и выборе приоритетов, выстраивание эффективных механизмов взаимодействия федеральных власти с региональной, а также с целевыми аудиториями на местах.

Ключевые слова: национальные приоритеты, государственная политика, национальные проекты, управление, региональное развитие, сбалансированность, модернизация, Юг России, старопромышленные регионы.

Цитирование. Митрофанова И. В., Чернова О. А., Патракеева О. Ю. Приоритетные национальные проекты как инструмент социально-экономической и политической модернизации старопромышленных регионов Юга России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 213–233. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>

Введение. Запуск процессов модернизации (неоиндустриализации) в старопромышленных регионах является одной из основных долгосрочных задач современной государственной политики в России. Это объясняется тем, что в свете приоритетов пространственного развития РФ [32] старопромышленные регионы могут рассматриваться как перспективные точки инновационного роста, обладающие значительным собственным потенциалом. Основные риски инновационной трансформации старопромышленных территорий являются следствием реализуемой в постсоветский период в их отношении макро- и мезополитики, которые были сосредоточены на реструктуризации «старых» отраслей с привлечением внешних инвестиций и преференций (налоговых и бюджетных) в депрессивного статуса территории. Данный подход привел к утрате целостности регионального развития старопромышленных регионов и потере установки на экономическую самодостаточность, что определило сложившуюся в них в настоящее время неблагоприятную отраслевую структуру экономики и состояние практически полностью разрушенной инженерной и социальной инфраструктуры.

Как справедливо подчеркивает А.М. Сысоев, процессы модернизации не должны ограничиваться только внедрением производственных инноваций и новых технологий, они должны затрагивать все сферы деятельности национальной экономики [33, с. 3]. В этом ключе следует отметить значимость реализации национальных проектов, которые ориентированы на качественные изменения в обществе в соответствии с имеющейся системой национальных приоритетов и ценностей. Система целей национальных проектов ориентирована на развитие экономики, инфраструктуры, технологий, человеческого капитала, составляющих основу сбалансированного регионального развития, устойчивого к вне-

шним вызовам и базирующегося на использовании внутренних источников. Учитывая, что каждому региону свойственна определенная специфика факторов и условий пространственной организации социально-экономических процессов (в том числе задающих определенные параметры сбалансированности развития), актуальность исследования результатов реализации национальных проектов в старопромышленных регионах не вызывает сомнений.

Объектом данного исследования выступают старопромышленные регионы Юга России – Волгоградская и Ростовская области. Цель исследования состоит в выявлении роли национальных проектов в решении задач повышения действенности государственного управления процессами сбалансированного развития этих южных регионов, а также в определении (на основе анализа результатов реализации национальных проектов на данных территориях) мер, направленных на повышение эффективности управления данными процессами.

Специфика качественных признаков старопромышленных регионов такова, что ее трудно игнорировать в исследовании роли национальных проектов в запуске модернизационных процессов. Под старопромышленным регионом традиционно понимают территорию, развитие которой исторически обусловлено концентрацией индустриальных отраслей 3-го и 4-го технологических укладов [14, с. 148]. Данные отрасли оказались наиболее уязвимыми к рыночным реформам переходного периода. Поэтому, учитывая их градообразующий характер, им предоставлялась значительная государственная поддержка, которая, как оказалось, искусственно тормозила инновационное развитие старопромышленных регионов, консервируя на их территории производства с отсталыми технологическими укладами [2]. В результате современное состояние старо-

промышленных регионов характеризуется совокупностью следующих отличительных признаков [6; 30; 31; 40], которые во многом определяют результаты проводимой на их территории региональной политики: низкий уровень структурной, институциональной и социальной адаптации к инновационному развитию; особенности специализации территории, выражающиеся в преобладании низкорентабельного промышленного производства над сферой услуг; наличие обостренных проблем гуманитарного характера (суженный режим воспроизводства населения, экологические проблемы, разрушенность социальной инфраструктуры и пр.); высокий уровень территориальной дифференциации с центростремительным характером направленности ресурсных потоков.

Национальные проекты способствуют концентрации усилий на решении задач восстановления инклюзивности модернизационного развития старопромышленных регионов, решая наряду с социально-экономическими важнейшие политические задачи: выстраивание эффективных механизмов взаимодействия органов государственного управления на разных уровнях иерархии; обеспечение сопряженности и согласованности целевых ориентиров программных документов федерального и регионального уровней и др. [3; 37].

Методология и методы исследования. В процессе исследования влияния национальных проектов на сбалансированность регионального развития южных старопромышленных регионов России представляется целесообразным базироваться на методологических позициях концепции устойчивого развития, в соответствии с которыми в фокусе исследования оказываются как приоритетные потребности настоящего времени, так и будущих поколений. Это позволяет выявить особенности расстановки приоритетов целеполагания в системе государственного управления региональным развитием, оценить уровень скоординированности и согласованности стратегических решений при принятии и реализации управленческих воздействий.

Для исследования итогов реализации национальных проектов «первой волны» (период реализации: 2006–2018 гг.) в старопромышленных регионах Юга России был использован метод сравнительного анализа, позволя-

ющий увидеть альтернативность реакций региональных экономик на регулирующие государственные воздействия и дать им оценку с точки зрения причинно-следственных связей [5]. Выбор индикативных показателей для проведения сравнительного анализа устойчивого и сбалансированного развития региона осуществлялся на методологических позициях системной парадигмы Г.Б. Клейнера, в соответствии с которой структурная сбалансированность и устойчивость региональной системы обеспечивается взаимоувязанным развитием объектной, средовой и управляющей подсистем [13]. Объектная подсистема представлена организациями, предприятиями и их объединениями. Развитие объектной подсистемы можно рассматривать в количественном разрезе (увеличение числа организаций) и качественном разрезе (увеличение реализуемых функций). Средовая подсистема представлена институтами, инфраструктурой, а также механизмами и технологиями, обеспечивающими ресурсный и коммуникационный обмен. Развитие средовой подсистемы выражается в интенсификации и экстенсификации данных процессов. Управляющая подсистема представлена процессами и проектами. Ее развитие выражается в формировании механизмов, стимулирующих, координирующих и поддерживающих модернизационные процессы.

Соответственно при проведении сравнительного анализа результатов реализации национальных проектов были использованы показатели, ориентированные на оценку уровня развития объектной, средовой и управляющей (проектно-процессной) подсистем при решении социальных, экономических и экологических задач. Перечень данных показателей формировался в рамках результативного подхода исходя из соображений их доступности из официальных источников (данные Росстата) и учитывал отраженные в паспортах национальных проектов ключевые цели.

Результаты. Национальные проекты «первой волны»: оценка итогов реализации в старопромышленных регионах Юга России. Идея национальных проектов, концентрирующих бюджетные средства и административные ресурсы на важнейших направлениях социально-экономического развития страны, заложенная в 2005 г. В.В. Путиным на

расширенном заседании Правительства, явилась основой реализации программы действий по формированию качественных преобразований в регионах. По оценкам экспертов, реализация национальных проектов на данном этапе преобразований позволила найти эффективные формы и каналы продуктивного использования государственных ресурсов для решения приоритетных социально-экономических задач: повышение качества и доступности оказания медицинской помощи и образовательных услуг, улучшение условий проживания граждан, а также положения сельского населения, развитие АПК и др. [7; 8; 10; 17].

Приоритетными национальными проектами «первой волны» (период реализации: 2006–2010 гг., до 2018 г.) являлись проекты «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Развитие АПК». Применительно к составляющим устойчивого развития ключевыми проблемами, на которые были направлены государственные усилия, стали экономические и социальные.

Национальный проект «Здоровье» был ориентирован на повышение доступности и качества медицинской помощи, преодоление дефицита кадровых ресурсов в системе здравоохранения, повышение оплаты труда работникам здравоохранения. Качественные изменения в сфере здравоохранения регионов должны были выразиться в укреплении материально-технической базы муниципальных учреждений здравоохранения, притоке кадров в сферу здравоохранения, а также улучшении ряда демографических показателей (снижение младенческой смертности, увеличение рождаемости и сокращение коэффициента естественной убыли населения). Для реализации мероприятий, предусмотренных национальным проектом «Здоровье», в Волгоградской и Ростовской областях были приняты региональные программы развития здравоохранения.

Однако, как показывают данные Росстата, существенно изменить ситуацию в сфере здравоохранения в старопромышленных регионах Юга России не удалось. Показатель численности населения на одну больничную койку в регионах непрерывно возрастает, при том что общая численность населения снижается. По численности врачей Волгоградская и

Ростовская области в настоящее время находятся соответственно на 51-м и 77-м местах в России. Нагрузка работников сферы здравоохранения в Ростовской и Волгоградской областях превышает средние показатели по России как для врачей, так и для работников среднего медицинского персонала, причем наиболее сложная ситуация сохраняется в Ростовской области [29].

Несмотря на имеющиеся положительные сдвиги в улучшении материально-технического обеспечения медицинских учреждений, недостаток у медицинских работников необходимых компетенций нивелировал возможности эффективного использования высокотехнологичного медицинского оборудования. Как свидетельствуют данные общероссийской проверки использования диагностического оборудования, которое было поставлено в рамках нацпроекта «Здоровье», в 1 550 лечебно-профилактических учреждениях зафиксировано 1 197 случаев (более 77 %) простоя медицинской техники [27] именно из-за отсутствия специалистов-врачей.

Планировалось, что открытие областных перинатальных центров и Центров здоровья позволит решить ряд демографических проблем в регионах. Тем не менее, по данным Росстата, показатели рождаемости в Волгоградской и Ростовской областях продолжают снижаться. По данному показателю Волгоградская и Ростовская области занимают соответственно 68-е и 62-е места с коэффициентом рождаемости ниже среднероссийского значения, которое в 2018 г. составляло 10,9. В целом же тенденция изменения показателя рождаемости характерна для всех российских регионов, где ее пик приходился на 2012–2015 годы [29].

Одновременно можно отметить снижение коэффициентов смертности в исследуемых регионах, несмотря на то что их значение превышает среднее по России. Так, если в 2005 г. коэффициент смертности в Ростовской и Волгоградской областях находился на уровне 15,4–15,7, то в 2018 г. данный показатель снизился до 13,5. Общее снижение смертности произошло в основном за счет снижения данного показателя для населения трудоспособного возраста. Также значительно снизились показатели младенческой смертности, в том

числе по причине повышения качества оказания медицинских услуг в новых современных перинатальных центрах. В 2005 г. показатель младенческой смертности составлял в Волгоградской области – 11,3, в Ростовской области – 14,9. В 2018 г. данные показатели составили соответственно 4,9 и 5,1 [22].

Реализуемые региональные проекты охватывали в первую очередь медико-технологические мероприятия, тогда как организационно-управленческие вопросы, вопросы мотивации медицинских работников к решению задач, поставленных программами нацпроекта, проблемы обеспечения финансовой доступности высококвалифицированной медицинской помощи оставались нерешенными.

Национальный проект «Образование» был направлен на решение ключевых задач, связанных с повышением глобальной конкурентоспособности российского образования, формирование гармонично развитой и социально ответственной личности на основе культурных и духовно-нравственных ценностей народов России.

В рамках реализации национального проекта «Образование» в 2006–2020 гг. и вплоть до 2018 г. образовательным учреждениям рассматриваемых регионов был обеспечен доступ к сети Интернет, сформирована инфраструктура качественного питания обучающихся, приобретены автобусы для подвоза учащихся сельских школ. Ежегодно проводились конкурсы талантливой молодежи. Осуществлялась поддержка учителей, были реализованы программы по повышению их квалификации и переподготовке.

Особого внимания заслуживает развитие дистанционных форм образования. В Ростовской области был создан информационно-методический образовательный портал «Инновационные проекты, исследовательская деятельность и техническое моделирование». На базе трех государственных организаций дополнительного образования ведется работа очно-заочных школ для одаренных детей, в которых обучается более 800 чел. из разных городов области, создан центр дистанционного обучения детей-инвалидов [23].

Положительным результатом реализации национального проекта «Образование» явилось повышение доступности для населения

учреждений дошкольного образования как за счет их строительства, так и за счет развития механизмов софинансирования оплаты на содержание ребенка в данных учреждениях. Так, коэффициент охвата дошкольным образованием детей в возрасте от 1-го до 6-ти лет в Волгоградской и Ростовской областях повысился с 61,4 и 59 % соответственно в 2014 г. до 65 и 63,8 % – в 2018 году. Однако в целом же уровень обеспеченности детей дошкольными учреждениями в данных регионах остается очень низким. Области находятся в седьмом десятке по данному показателю среди регионов России.

Численность учителей, осуществляющих образовательную деятельность в учреждениях начального, основного и среднего образования, в исследуемых областях за период с 2010 по 2018 г. практически не изменилась и составляла в Волгоградской области 17,5 тыс. чел., в Ростовской области – 28,3 тыс. человек [29].

По уровню оснащенности образовательных учреждений современными информационно-коммуникационными технологиями Ростовская область опережает среднероссийские показатели для всех уровней образования. В Волгоградской области наиболее благоприятная ситуация складывается в отношении образовательных учреждений общего и профессионального образования, тогда как в системе высшего образования показатель оснащенности обучающихся компьютерами ниже среднего по РФ.

В целом можно сказать, что реализация программных мероприятий национального проекта «Образование» позволила получить ряд положительных эффектов в системе дошкольного и общего образования. Несмотря на это, ряд проблем так и остались нерешенными, в том числе по повышению качества предоставляемых образовательных услуг. Кроме того, как отмечает К.Ю. Шешнев, реализуемые мероприятия не охватывали своим действием уровни образования старшего поколения [35], несмотря на то что в условиях формирования знаниевой экономики одним из важнейших императивов является образование через всю жизнь.

Национальный проект «Жилье», ориентированный на обеспечение граждан доступным и комфортным жильем, предполагал

ся в 2008 г. к переформатированию в государственную программу. Однако до 2012 г. данный проект формально существовал, несмотря на то что конкретных планов по его реализации не было. В ноябре 2012 г. Правительство РФ утвердило государственную программу «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ», которая по своей структуре во многом соответствовала формату национального проекта, несмотря на отсутствие взаимосвязи с ним. В 2018 г. в системе национальных проектов в структуре направления «Комфортная среда для жизни» вновь предусматриваются направления «Жилье» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда».

Проблема ветхого и аварийного жилья является одной из наиболее актуальных для старопромышленных регионов Юга России, большая часть которого была построена в середине XX века. За период реализации национального проекта в данных регионах значительно увеличились темпы строительства жилья. Жилищное строительство осуществлялось в виде комплексного освоения и развития территорий посредством создания жилых микрорайонов. Вовлекались в оборот земельные участки для бесплатной передачи гражданам, имеющим трех и более детей. Выполнялись государственные обязательства по обеспечению жильем отдельных категорий граждан: ветеранов ВОВ, инвалидов, молодых семей. Активно осуществлялось переселение граждан из ветхого фонда.

Так, по данным Росстата, за период реализации национального проекта «Жилье» удельный вес ветхого и аварийного жилья в Волгоградской области снизился с 2,2 до 0,4 %, в Ростовской области – с 2,2 до 0,3 %. Доля семей из числа состоящих на учете в качестве нуждающихся и получивших жилье ежегодно составляла порядка 5–9 %. Доля семей, получивших субсидию на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, в рассматриваемых регионах составляла 5–10 % ежегодно, что для Ростовской и Волгоградской областей превышает средние показатели по ЮФО и России в целом [29].

В то же время проблемы качества и доступности жилья продолжают оставаться од-

ними из наиболее значимых для исследуемых регионов. Удельный вес населения, состоящего на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, продолжает быть довольно значительным. При среднем значении по России 4,3 % и 3,6 % по ЮФО в Волгоградской и Ростовской областях данный показатель в 2018 г. составлял соответственно 2,9 % (28,6 тыс. семей) и 2,1 % (33,1 тыс. семей). Удельный вес расходов на оплату услуг ЖКХ в исследуемых регионах превышает среднероссийский показатель (34,8 %) и составляет 42,7 % в Волгоградской области и 40,8 % – в Ростовской области [29]. Следовательно, можно сказать, что включение вопросов повышения качества жилищных условий как одного из направлений национальных проектов остается исключительно важным для поддержания устойчивости развития старопромышленных регионов Юга России.

Национальный проект «Развитие АПК» наибольшее значение имел для регионов сельскохозяйственной специализации, характерной для Ростовской области. Начатый в 2006 г., в 2008 г. он был трансформирован в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Мероприятия национального проекта «Развитие АПК» при включении в Государственную программу были адаптированы к условиям членства России в ВТО, а также дополнены мероприятиями по импортозамещению сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, опыт регионов ЮФО, как, впрочем, и большинства других регионов России, показал, что при реализации приоритетных национальных проектов «первой волны» заявленные стратегические цели были достигнуты лишь частично. Однако их многогранность подтверждает, что масштабность и важность поставленных задач выходила далеко за рамки до этого таких популярных инструментов управления, как государственные программы. Главная особенность и заслуга нацпроектов – вектор на структурные изменения, которые отразились на социально-экономической, общественной и политической сферах развития страны и ее регионов. И эти итоги не менее значимы и важны, чем достижение плановых количественных показателей

по всем заявленным приоритетам. Сама возможность реализации приоритетных национальных проектов появилась благодаря формированию качественно новых условий развития, к началу их реализации России удалось решить наиболее острые проблемы обеспечения безопасности и национального суверенитета, укрепить внешнеполитическое положение, достичь внутривнутриполитической стабильности, а сочетание политического приоритета и проектной формы организации работы позволило добиться эффективного взаимодействия на федеральном, региональном и местном уровнях.

И все же, как отмечает И.В. Плисинова, национальные проекты «первой волны» не стали полноценным классическим брендом, мобилизующим общество. В целях преодоления апатии населения по отношению к нацпроектам была осуществлена так называемая технология социального ребрендинга, направленного на восприятие нацпроектов как «идеологии прорыва в будущее» [25; 26, с. 234–235]. Однако по политологическим критериям и ценностным признакам нацпроекты «первой волны» все же не могут быть отнесены и к идеологии, и к национальной идее, так как являлись совокупностью краткосрочных и среднесрочных управленческих решений по решению актуальных социально-экономических проблем России и ее регионов.

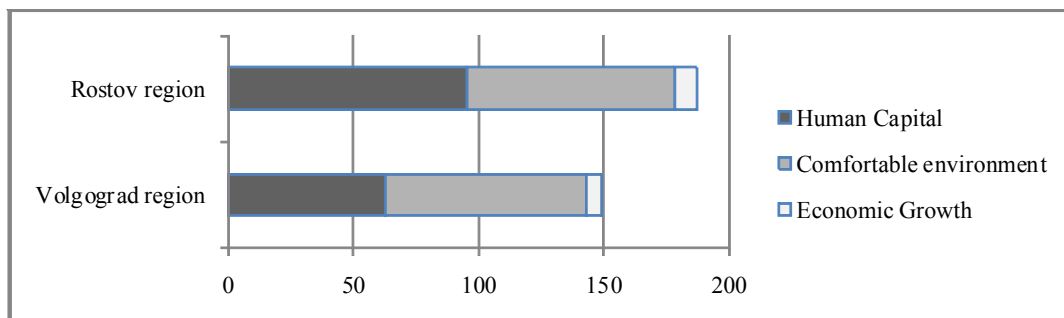
Первые итоги реализации национальных проектов «второй волны» в Волгоградской и Ростовской областях. Новый этап национального проектирования связан с созданием в 2016 г. Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, которые были переведены на проектное управление. В соответствии с принятым в 2018 г. Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [34] национальные проекты выступают основным инструментом реализации государственной региональной политики. Важнейшим отличием национальных проектов «второй волны» (период реализации: 2019–2024 гг.) от проектов «первой волны» является то, что они построены вокруг центров компетенций, получая бюджетные средства напрямую, через субсидии и через контракты с един-

ственным исполнителем. Конкретные механизмы и инструменты реализации национальных проектов заложены в государственные программы [9; 11].

Основные цели 12-ти национальных проектов сфокусированы на повышение уровня и качества жизни населения; ускорение технологического развития, в том числе за счет внедрения цифровых технологий; повышение уровня конкурентоспособности национальной экономики на глобальных рынках. Целевые показатели результатов развития, заложенные в данных проектах, по оценкам многих экспертов, являются достаточно амбициозными и требуют максимального задействования регионального потенциала.

Интегрированные в структуру национальных программ региональные проекты по-разному расставляют приоритеты реализации включенных в них мероприятий с учетом наибольшей значимости существующих социально-экономических проблем, а также исходя из различий в объемах финансирования, выделяемых субъектам Федерации из средств федерального бюджета. Проведенный анализ распределения бюджетов по направлениям показывает вариативность проектных решений региональных властей Волгоградской и Ростовской областей. Общей тенденцией при этом является повышенное внимание задачам развития человеческого капитала и обеспечения комфортной среды для жизни. Одновременно можно отметить, что в Волгоградской области приоритет отдается задачам создания комфортной среды для жизни (54 % финансирования от общей суммы бюджета национальных проектов), тогда как в Ростовской области, наоборот, на первое место поставлены задачи развития человеческого капитала (51 % финансирования от общей суммы бюджета национальных проектов). В то же время следует отметить низкую приоритетность решения в рамках реализации национальных проектов задач обеспечения экономического роста (около 4 % финансирования от общей суммы бюджета) (см. рисунок).

Существенных различий в определении приоритетности решения региональных проблем в рамках каждого направления реализации национальных целей в рассматриваемых регионах не имеется.

Распределение бюджетов региональных проектов на 2019–2024 гг. по блокам национальных целей в Ростовской и Волгоградской областях

Budget allocation of regional projects for 2019–2024 on blocks of national goals in Rostov and Volgograd regions

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

Развитие человеческого капитала. Задачи развития человеческого капитала обеспечиваются посредством реализации национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Наука» и «Культура». Распределение бюджетных средств на финансирование данных проектов в Волгоградской и Ростовской областях представлено в таблице 1.

Учитывая довольно сложную демографическую ситуацию в старопромышленных регионах, а также отмеченные ранее низкие показатели развития сферы здравоохранения в сравнении со средними их значениями по России, можно сказать, что усиленное внимание к решению данных проблем является вполне оправданным. В Волгоградской области в рамках национального проекта «Здравоохранение» реализуется 7 региональных проектов, в рамках проекта «Демография» – 5. В Ростовской области – соответственно 8 и 5 региональных проектов

(см. табл. 2). В целом видна схожая расстановка приоритетов: ощутимый перевес в сторону борьбы с онкологическими заболеваниями (82,3 % финансирования от общей суммы бюджета в Волгоградской области и 74 % в Ростовской области).

Вторым по значимости направлением в Ростовской области является развитие детского здравоохранения (14,5 % финансирования от общей суммы бюджета), тогда как в Волгоградской области данная задача по своей значимости соответствует задачам создания единого цифрового контура и борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями (4–5 %). Очень низкое внимание в обоих регионах уделено проблеме обеспечения медицинских организаций квалифицированными кадрами (3 млн руб. в Волгоградской области и 75 млн руб. – в Ростовской области на период 2019–2024 гг.), несмотря на явный дефицит медицинских работников в регионе, что говорит о явной недооценке данной проблемы.

Таблица 1. Распределение бюджетов 2019–2024 гг. на финансирование национальных проектов по направлению «Развитие человеческого капитала»

Table 1. Budget allocation in 2019–2024 to finance national projects in the area of “Human Capital Development”

Национальные проекты	Регионы			
	Волгоградская область		Ростовская область	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Здравоохранение	41,2	59,6	53,7	56,3
Образование	3,8	5,5	3,6	3,8
Демография	23,6	34,2	38,0	39,8
Культура	0,479	0,6	0,12	0,1

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

Таблица 2. Региональные проекты национальной программы «Здравоохранение» и объемы их бюджетного финансирования на 2019–2024 гг., млрд руб.

Table 2. Regional projects of the national program “Healthcare” and the volume of their budget financing for 2019–2024, billion rubles

Региональные проекты	Регионы	
	Волгоградская область	Ростовская область
Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи	1,5	1,5
Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	2,2	2,6
Борьба с онкологическими заболеваниями	33,9	39,3
Развитие детского здравоохранения	1,6	7,8
Обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами	0,003	0,075
Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ	1,9	2,4
Развитие экспорта медицинских услуг	0,034	0,0
Завершение формирования сети национальных медицинских исследовательских центров, внедрение инновационных медицинских технологий	–	0,0

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

Наполнение национального проекта «Демография» региональными проектами в Волгоградской и Ростовской областях в целом идентично, так же как и структура распределения бюджетных средств (табл. 3). Как видно из приведенных в таблице 3 данных, основное внимание уделяется задачам увеличения рождаемости (более 50 % финансирования от общей суммы бюджета).

Основные направления источников финансирования региональных проектов связаны с переоснащением и реконструкцией медицинских организаций, повышением уровня их материальной оснащенности; повышением квалификации медицинских работников; развитием информационных взаимодействий организаций системы здравоохранения, а также граждан и медицинских работников. Одновременно, как отмечают иссле-

дователи Высшей школы экономики, несмотря на то что вся идеология региональных проектов ориентирована на достижение национальных целей, незадействованными остаются потенциалы, связанные с улучшением экологической ситуации и повышением требований к социальным стандартам рабочих мест, снижением кадровых диспропорций [21], то есть тот потенциал, который обеспечивается синергетическими эффектами сбалансированного развития отдельных региональных подсистем.

Формирование комфортной среды для жизни. Ключевые задачи данного направления ориентированы на построение городских экосистем. В рамках данного направления наряду с решением социально-экономических проблем предусматривается решение проблем ландшафтно-архитектурной застройки и

Таблица 3. Региональные проекты национальной программы «Демография» и объемы их бюджетного финансирования на 2019–2024 гг., млрд руб.

Table 3. Regional projects of the national program “Demography” and the volume of their budget financing for 2019–2024, billion rubles

Региональные проекты	Регионы	
	Волгоградская область	Ростовская область
Финансовая поддержка семей при рождении детей	16,1	23,6
Содействие занятости женщин	4,3	8,5
Старшее поколение	1,9	4,9
Спорт – норма жизни	1,2	0,96
Укрепление общественного здоровья	0,0	0,0

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

снижения уровня антропогенного воздействия на окружающую среду. Это находит отражение в перечне региональных проектов и содержании включенных в них мероприятий (табл. 4, 5).

Приоритетным направлением формирования комфортной среды для жизни в Волгоградской и Ростовской областях является обеспечение безопасных и качественных автомобильных дорог. Второй приоритетной задачей в Волгоградской области является экологическое оздоровление региона. Как видно из перечня региональных проектов, входящих в национальный проект «Экология», перед региональными властями Волгоградской области основная задача в данном направлении состоит в сохранении и предотвращении загрязнения реки Волга (табл. 5). Для этого разработан отдельный региональный проект, на который приходится 81 % бюджета национального проекта «Экология».

Следующим по значимости направлением является повышение качества питьевой воды населения. В Ростовской области, несмотря на имеющиеся значительные экологические проблемы р. Дон и ее притоков (разрушение русла реки и ее берегов, заиливание нерестилищ, загрязнение речной воды и пр.), в рамках национального проекта их решение не предполагается. Основной упор делается на создание системы обращения с твердыми бытовыми отходами (38 % финансирования от общей суммы бюджета). Также приоритетным является повышение качества питьевой воды населения и снижение негативного воздействия на окружающую среду путем ликвидации несанкционированных свалок в границах городов.

Заметные отличия проявились в формулировке подзадач в проекте «Жилье и городская среда». Перечень региональных проектов, реализуемых в Волгоградской и Ростов-

Таблица 4. Распределение бюджетов 2019–2024 гг. на финансирование национальных проектов по направлению «Формирование комфортной среды для жизни»

Table 4. Budget allocation in 2019–2024 to finance national projects in the direction “Formation of a comfortable environment for life”

Региональные проекты	Регионы			
	Волгоградская область		Ростовская область	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Безопасные и качественные автомобильные дороги	37,1	46,2	45,5	54,9
Жилье и городская среда	13,6	16,9	18,9	22,8
Экология	29,6	36,9	18,5	22,3

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

Таблица 5. Региональные проекты национальной программы «Экология» и объемы их бюджетного финансирования на 2019–2024 гг., млрд руб.

Table 5. Regional projects of the national program “Ecology” and the volume of their budget financing for 2019–2024, billion rubles

Региональные проекты	Регионы	
	Волгоградская область	Ростовская область
Сохранение уникальных водных объектов	0,23	0,46
Сохранение лесов	0,35	0,26
Чистая вода	3,5	4,8
Формирование комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами	0,52	7,0
Снижение негативного воздействия на окружающую среду	0,86	5,9
Сохранение и предотвращение загрязнения реки Волга на территории Волгоградской области	24,1	–

Примечание. Составлено авторами по: [21; 23].

ской областях, включает такие направления, как жилье, формирование комфортной городской среды и обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда с одинаковым в регионах распределением уровня их приоритетности. В рамках указанного проекта в Ростовской области был разработан региональный проект «Ипотека» (26,3 % областного бюджета), усиливший федеральный проект «Ипотека», включенный в нацпроект «Жилье и городская среда». Такая интеграция региональных и федеральных проектов позволяет ускорить процедуру принятия управленческих решений в регионе, повысить эффективность механизмов мониторинга и координации реализуемых в рамках проекта мероприятий.

Обеспечение экономического роста.

Национальные проекты в рамках направления «Экономический рост» предназначены стимулировать развитие экономики регионов. Безусловно, экономический рост призваны обеспечить и другие национальные проекты, входящие в направления развития «Комфортная среда для жизни» и «Человеческий капитал». Смысл их выделения состоит в очерчивании круга задач, решение которых обеспечит прорывной научно-технологический рывок. Соответственно в направлении «Экономический рост» выделяют нацпроекты «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт». В Волгоградской и Ростовской областях проект «Наука» не реализуется.

Перечень региональных проектов, входящих в соответствующие национальные проекты в исследуемых регионах, приведен в таблице 6.

Как следует из приведенных данных, видение региональных властей в отношении приоритетности стимулирования тех или иных направлений экономического роста значительно разнится. Общим является лишь то, что развитие науки не рассматривается как фактор экономического развития и не учитывается в приоритете целей. В Волгоградской области в целом достаточно равное внимание уделяется поддержке малого и среднего бизнеса, развитию индивидуальной предпринимательской инициативы, формированию цифровой экономики, а также развитию международной кооперации и экспорта.

В Ростовской области перспективы экономического роста региональные власти также связывают с развитием малого бизнеса. Достаточно большое значение придается и развитию цифровой экономики в регионе. Что касается направлений развития малого бизнеса, то в соответствии с закрепившимся в последние годы за южнороссийскими регионами статусом «российской нивы и огорода» [13, с. 97] приоритет отдается поддержке фермеров и развитию сельской кооперации.

В контексте рассмотрения старопромышленных регионов как потенциальных ядер неиндустриального развития отсутствие внимания к решению задач обновления материально-технической базы промышленности, развитию интеграционных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса (в том числе в рамках реализуемой в регионах кластерной поли-

Таблица 6. Распределение бюджетов 2019–2024 гг. на финансирование национальных проектов по направлению «Экономический рост»

Table 6. Budget allocation in 2019–2024 to finance national projects in the area of “Economic growth”

Региональные проекты	Регионы			
	Волгоградская область		Ростовская область	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	2,2	37,3	5,8	68,2
Цифровая экономика	1,5	25,4	1,8	21,2
Производительность труда и поддержка занятости	0,3	5,1	0,14	1,7
Международная кооперация и экспорт	1,9	32,2	0,8	9,4

Примечание. Составлено по: [21; 23].

тики) представляется стратегическим упущением, ведущим к усилению разбалансированности воспроизводственной системы региона и закреплению их периферийности.

Дискуссия. Оценка роли национальных проектов в решении проблем развития региона предполагает необходимость ответа на вопрос, насколько выбранные приоритеты соответствуют потребностям населения старопромышленных территорий, а также способствуют устойчивому и сбалансированному развитию региональной системы.

Понятие «устойчивое развитие» с конца 90-х гг. XX в. является основополагающим в практике государственного управления и используется при разработке всех крупномасштабных программ и проектов стратегического характера. Так, современный «пул» национальных проектов 2019–2024 гг. включает следующие направления: человеческий капитал, комфортная среда для жизни и экономический рост, что в целом согласуется с основными положениями концепции устойчивого развития. Однако, как показал проведенный анализ, региональные проекты старопромышленных регионов в целом реализуют принцип программно-целевой ориентации, но в большей степени сосредоточены на решении текущих социально-экономических проблем, без системного видения стратегических направлений развития.

Как отмечает С.А. Панкратов, идея устойчивого развития есть ответная реакция мирового сообщества на вызовы глобальных противоречий современности, что, собственно, и определяет необходимость управляемого, программного развития социума, протекающего в условиях гармоничного взаимодействия биосферы и человечества. Сама же система принципов устойчивого развития выступает и как идейно-политическая доктрина (идеология) определенных социальных сил, разрабатывающих и реализующих национальные модернизационные проекты, учитывающих стремление общества к равновесию в отношении с природой и миром в целом [24, с. 322].

Разработку и реализацию национальных проектов следует рассматривать как целенаправленную политику постепенной социализации государства с перспективой его трансфор-

мации в полноценное социальное государство. Важно то, что этот процесс согласуется с целями и индикаторами устойчивого развития (социальным, экономическим, окруженческим), выработанными мировым сообществом, и реализует базовые принципы Конституции РФ [24, с. 324–325].

Современные геополитические вызовы обязывают государство и общество сосредоточить усилия на комплексном решении задач регионального роста, ориентированного на гармонизацию социальных, экологических и бизнес-процессов. Вместе с тем очевидно, что национальные проекты нацелены на формирование инновационных импульсов там, где их в недостаточной степени обеспечивает рыночная среда региона. Можно сказать, что основанием для определения приоритетных направлений региональных проектов являются: высокие предпринимательские риски; неспособность бизнеса сконцентрировать ресурсы, необходимые для реализации региональных проектов; нежелание бизнеса инвестировать в общественные блага в результате невозможности решить проблемы фрирайдера [15, с. 99] и безбилетника.

Таким образом, национальные проекты в большей степени можно охарактеризовать как социально-политические. Безусловно, повышение уровня и качества жизни населения является важнейшим национальным приоритетом. Как справедливо отмечал О.Ю. Мамедов, качественное образование и здравоохранение, достойную оплату труда работающим и пенсионное обеспечение гарантирует не инновационная экономика, но она есть следствие богатства пенсионеров, высокой заработной платы, качественного труда, хорошего образования и здравоохранения [16, с. 8], однако достижение всего перечисленного не может быть при неразвитом реальном секторе экономики. Только в том случае, если совокупность региональных институтов обеспечивает непрерывность воспроизводственных процессов во всех региональных подсистемах, только тогда можно говорить о том, что региональной системе присущи признаки устойчивости и сбалансированности развития. То есть взаимосвязь и взаимосогласованность развития социальной и экономической сфер с поддержанием баланса в окружающей среде яв-

ляется источником достижения структурной гармонии [1; 9; 18; 20].

Другим важным условием достижения устойчивости и сбалансированности регионального роста является согласованное развитие объектной, средовой и управляющей подсистем региона. В региональных программах реализация данного принципа не прослеживается, что приводит к возникновению угроз невыполнения национальных проектов. Подобная ситуация, в частности, сложилась с национальным проектом «Образование», мероприятия которого не были реализованы в Ростовской области в 2019 году. Для региона, чтобы войти в национальный проект, есть условие: на его территории должны функционировать высокотехнологичные центры, обеспечивающие итоговую аттестацию хотя бы 25 % всех обучающихся; а для этого необходимо создать около 20 новых центров профессиональных компетенций и обучить экспертов, причем это весьма затратный и многошаговый процесс [36; 37]. Следовательно, лимитирование по средовой компоненте регионального потенциала стало препятствием для развития всей образовательной системы.

Износ инженерной и производственной инфраструктуры ставит под угрозу и выполнение ряда мероприятий национальных проектов по направлениям «Экология», «Комфортная среда для жизни».

Отсутствие системности в разработке и реализации региональных программ выражается и в ослаблении внимания к направлению развития «Наука», при том что оно является определяющим в модернизационном развитии нашей страны. Несмотря на высокую энергоемкость производств в старопромышленных регионах, в региональных проектах игнорируются мероприятия, связанные с инноватизацией отечественного производства и технологий. Между тем именно национальные проекты должны стать драйверами цифровизации российской экономики [4; 19; 28; 39].

Примером низкого качества стратегирования также является и недостаточное внимание вопросам подготовки кадров [12]. Например, несмотря на оснащение учреждений здравоохранения высокотехнологичным оборудованием, на направление «Обеспечение

медицинских организаций квалифицированными кадрами» на период 2019–2024 гг. планируемые объемы финансирования составляют в Волгоградской области 3 млн руб., в Ростовской – 71 млн рублей.

Кроме того, традиционно слабо проработан вопрос об управлении самим процессом реализации нацпроектов, никаких мер ответственности за невыполнение или неэффективную их реализацию в законодательстве не предусмотрено, равно как и не предложены стандарты оценки деятельности ответственных должностных лиц. В результате уровень выполнения национальных проектов в 2019 г. составил 91,4 %, а менее всего реализованными оказались проекты «Экология» (66,3 % исполненных расходов) и «Цифровая экономика» (73,3 % исполненных расходов) [22].

Комплекс данных проблем обуславливает необходимость создания дискуссионной площадки для обсуждения содержания направлений региональной политики в рамках реализации национальных проектов.

Выводы. Цель настоящей статьи – на примере социохозяйственных комплексов старопромышленных регионов Юга России осмыслить значимость национальных проектов не только для их экономики, других сфер человеческой деятельности, а шире – для будущего российского общества. Поэтому так важно качество коммуникации власти и общества в целом и особенно с его наиболее активной частью – стейкхолдерами. В контексте политической модернизации важно понимать следующее:

1) национальные проекты «второй волны» – это комплексная программа модернизации страны, они отражают систему целей развития, включающую экономику, человеческий капитал, инфраструктуру, технологии, и в этом их уникальность, поскольку они не только задают ориентиры экономического развития, но и служат основой для позитивного консенсуса власти и общества;

2) в национальных проектах «второй волны» ключевую роль играет человеческий капитал, поэтому они приоритетно нацелены и на расширение свободы во всех сферах, укрепление институтов демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества;

3) понимание действий правительства, других регуляторов и поддержка этих действий хотя бы стейкхолдерами имеет ключевое значение для эффективности их усилий по реализации современных национальных проектов, в которых коммуникации с обществом и бизнесом следует рассматривать как важное направление и регулятивной политики, и структурных реформ;

4) руководство и управление национальными проектами – задача не столько управленческая, сколько политическая, а потому их реализация подразумевает решение таких политических задач, как тщательность в целеполагании и выборе приоритетов, выстраивание эффективных механизмов взаимодействия федеральной власти с региональной, а также с целевыми аудиториями на местах (разными для разных проектов) [1; 18; 24; 25].

Как показывают результаты проведенного анализа, субъекты РФ вовлекаются в реализацию программных мероприятий национальных проектов неравномерно, что определяется возможностями региональных бюджетов, а также стоящими перед регионом приоритетными задачами. В настоящее время средства федерального бюджета преимущественно направляются на реализацию проектов в области демографической политики, более 80 % средств региональных бюджетов направляется на строительство дорог, финансирование проектов в области инфраструктуры и экологии осуществляется в основном из внебюджетных фондов [38].

Особенностью национальных проектов «второй волны» является то, что их основу составляют проекты социальной направленности, в то время как задачи экономического развития и улучшения экологической обстановки смещены на задний план. Последствия такого перекоса наиболее ощутимы для старопромышленных регионов, которые остаются в депрессивном состоянии, несмотря на предпринимаемые в рамках региональных проектов усилия. Точечный, избирательный характер мер, направленных на решение текущих проблем регионального развития данных территорий, не соответствует масштабности стоящих перед ним задач. Комплексное решение проблем структурной разбалансированности региональной системы должно

быть связано с задачами повышения уровня капитализации модернизационного потенциала всех ее подсистем: восстановление системы среднепрофессионального образования, решение инфраструктурных проблем развития периферии, ликвидация диспропорций между сырьевым и несырьевым секторами экономики, институциональное обеспечение инновационных процессов в промышленности.

В контексте решения задач сбалансированного развития отдельных подсистем региона в рамках разработки механизмов и инструментов реализации национальных проектов необходимо:

- развитие объектной подсистемы региона, представленной отраслевым многообразием инновационно активных элементов, с точки зрения формирования устойчивой платформы, на которой будет базироваться реализация региональных программ;

- развитие средовой подсистемы региона на основе создания благоприятных институциональных и инфраструктурных условий для мобилизации региональных ресурсов в проекты модернизации и инноватизации;

- развитие управляющей подсистемы региона таким образом, чтобы вектор управляющих воздействий для реализации национальных приоритетов развития определялся внутренней логикой воспроизводственных процессов в регионе.

Результаты реализации национальных проектов в старопромышленных регионах Юга России свидетельствуют о том, что модернизационный потенциал для достижения национальных целей в них был использован не в полной мере в силу отсутствия в регионах гармонизирующих интеграторов, нацеленных на сбалансированное развитие региональных подсистем. Несмотря на получение ряда положительных эффектов, приведших к определенным положительным изменениям в сфере образования, здравоохранения, обеспечения населения жильем, рассогласованность процессов взаимодействия государственного регулирования, процессов региональных подсистем не позволила обеспечить сбалансированность и устойчивость региональных процессов. Для повышения эффективности реализации национальных проектов в регионах необходимо, чтобы используемые

механизмы и инструменты были ориентированы на обеспечение структурной сбалансированности региональной системы на основе рационального взаимодействия и гармоничного развития ее подсистем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, № государственной регистрации проекта АААА-А19-119011190184-2.

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. of state registration of the project АААА-А19-119011190184-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабин, Д. В. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе Российской Федерации: концептуальное обеспечение и технологический инструментарий : дис. ... канд. полит. наук / Алабин Дмитрий Викторович. – Н. Новгород, 2009. – 193 с.
2. Бабурин, В. Л. Инновационные циклы в российской экономике / В. Л. Бабурин. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : КРАСАНД, 2010. – 209 с.
3. Бедняков, А. С. Национальные проекты как инструмент реализации национальных целей / А. С. Бедняков, Л. А. Мизэринь // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4. – С. 20–25.
4. Буряк, В. В. Национальные проекты как драйверы цифровизации российской экономики / В. В. Буряк, В. И. Шостка // Гуманитарные научные исследования. – 2019. – № 10. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2019/10/26098> (дата обращения: 15.05.2020). – Загл. с экрана.
5. Гаджиев, К. С. Становление и методологические принципы сравнительной политологии / К. С. Гаджиев, Э. Н. Примова // Власть. – 2012. – № 2. – С. 97–102.
6. Глonti, К. М. Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития / К. М. Глonti // Регионоведение. – 2008. – № 4. – С. 27–39.
7. Данилова, О. В. Социальное инвестирование в национальные проекты / О. В. Данилова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 7. – С. 14–19.
8. Добрина, Л. Р. Развитие управления проектами в органах государственной власти / Л. Р. Добрина // Экономика и управление : науч.-практ. журн. – 2018. – № 4 (142). – С. 136–139.
9. Зозуля, А. В. Современные проблемы реализации приоритетных национальных проектов / А. В. Зозуля, П. В. Зозуля, Т. Н. Еремина // Вестник Евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/21ECVN119.pdf> (дата обращения: 13.05.2020). – Загл. с экрана.
10. Иванов, О. Б. Инвестиционные приоритеты в стратегиях социально-экономического развития регионов России / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. – 2018. – № 2. – С. 31–47.
11. Иванов, О. Б. Национальные проекты России: региональное измерение / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. – 2019. – № 1. – С. 37–53. – DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067.
12. Кетова, Н. П. Экономика Юга России: основные позиции, особенности функционирования и перспективы развития / Н. П. Кетова, Ю. С. Колесников, В. Н. Овчинников // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 4. – С. 96–104.
13. Клейнер, Г. Б. Системный ресурс экономики / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 89–100.
14. Литовченко, С. В. Анализ современных подходов к определению сущности старопромышленных регионов / С. В. Литовченко // Экономічний простір. – 2014. – № 92. – С. 138–150.
15. Макконнелл, К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М. : Республика, 1992. – Т. 1. – 399 с.
16. Мамедов, О. Ю. Тайна инновационной экономики – в ее инновационной организации! / О. Ю. Мамедов // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7, № 2. – С. 5–8.
17. Национальные проекты: итоги и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – № 6. – С. 2–5.
18. Национальные проекты: открытость власти и информированность общества. Аналитический доклад Центра политических технологий. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://politcom.ru/23582.html> (дата обращения: 11.10.2019). – Загл. с экрана.
19. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. : утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 20.04.2020). – Загл. с экрана.
20. Национальные цели социального развития: вызовы и решения : докл. к XX Апрель. междунар. науч.

конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Абанкина, Н. В. Акиндинова, С. С. Бирюкова [и др.] ; отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 113 с.

21. Официальный сайт Правительства Волгоградской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 19.04.2020). – Загл. с экрана.

22. Официальный сайт Правительства России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://government.ru/search/?q=Национальные %20проекты&dt.till=06.05.2020&dt.since=7.05.2012 &sort=rel&type=](http://government.ru/search/?q=Национальные%20проекты&dt.till=06.05.2020&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type=) (дата обращения: 10.04.2020). – Загл. с экрана.

23. Официальный сайт Правительства Ростовской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.donland.ru/> (дата обращения: 25.04.2020). – Загл. с экрана.

24. Панкратов, С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект) : дис. д-ра полит. наук / Панкратов Сергей Анатольевич. – Волгоград, 2006. – 395 с.

25. Плисинова, И. В. Основные направления реализации и перспективы модификации приоритетных национальных проектов на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук / Плисинова Инна Владимировна. – Ростов н/Д, 2011. – 161 с.

26. Плисинова, И. В. Опыт реализации и перспективы модификации приоритетных национальных проектов на современном этапе / И. В. Плисинова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2011. – № 3. – С. 228–235.

27. Полученное по нацпроекту «Здоровье» оборудование простаивает. 23.12.2009 // Информационное агентство РИА Новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20091223/200957991.html> (дата обращения: 03.04.2020). – Загл. с экрана.

28. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации на 2018–2024 годы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 19.04.2020). – Загл. с экрана.

29. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. – М. : Росстат, 2019. – 1204 с.

30. Селин, В. С. Экономика старопромышленных регионов как перспективное направление научных исследований / В. С. Селин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 41 (326). – С. 58–63.

31. Сорокина, Н. Ю. Особенности старопромышленного региона как объекта управления со-

циально-экономическим развитием / Н. Ю. Сорокина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-1. – С. 72–80.

32. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. : утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 04.03.2020). – Загл. с экрана.

33. Сысоев, А. М. Модернизационный потенциал экономики аграрно-промышленных регионов: теория, методология и практика оценки и реализации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Сысоев Александр Митрофанович. – Тамбов, 2013. – 45 с.

34. Указ Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 01.03.2020). – Загл. с экрана.

35. Шешнев, К. Ю. Итоги и проблемы реализации в Волгоградской области приоритетного национального проекта «Образование» / К. Ю. Шешнев // Инновационный центр развития образования и науки ИЦРОН. Дата публикации 11.04.2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomiki-i-sovremennogomenedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-politogam-mezhdunar/sektsiya-21-ekonomicheskie-aspekty-regionalnogo-razvitiya/itogi-i-problemy-realizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-prioritetnogonatsionalnogo-proekta-obrazovanie/> (дата обращения: 05.03.2020). – Загл. с экрана.

36. Эрбен, А. Ростовская область не вошла в национальный проект «Образование» / А. Эрбен // Информационный портал Donnews.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.donnews.ru/Rostovskaya-oblast-ne-voshla-v-natsionalnyy-proekt-Obrazovanie_86512 (дата обращения: 15.04.2020). – Загл. с экрана.

37. Якимова, М. Н. Проект как инструмент реализации государственной политики в современной России : дис. ... канд. полит. наук / Якимова Мария Николаевна. – Екатеринбург, 2017. – 227 с.

38. Яременко, И. А. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скорректированы / И. А. Яременко // Бюджет. 11.10.2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/217440313> (дата обращения: 10.11.2019). – Загл. с экрана.

39. Digitalization of the Russian Economy (Target-Oriented Approach): First Results, Risks and Prospects / I. V. Mitrofanova, S. G. Pyankova, I. F. Ryabova,

L. V. Obedkova, A. B. Shcherbina // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 111 / eds.: T. Kolmykova, E. Kharchenko. – Springer, Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2020. – P. 485–497. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_47.

40. Dorochenko, U. A. Methodological and practical aspects of the harmonization of innovative processes in Russian small business sector / U. A. Dorochenko, I. V. Somina // Serbian Journal of Management. – 2016. – Vol. 11, № 2. – P. 223–234.

REFERENCES

1. Alabin D.V. *Prioritetnyye natsionalnyye proyekty v politicheskom protsesse Rossiyskoy Federatsii: kontseptualnoye obespecheniye i tekhnologicheskoy instrumentariy: dis. ... kand. polit. nauk* [Priority National Projects in the Political Process of the Russian Federation: Conceptual Support and Technological Tools. Candi. polit. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2009. 193 p.

2. Baburin V.L. *Innovatsionnyye tsikly v rossiyskoy ekonomike* [Innovation Cycles in the Russian Economy]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 209 p.

3. Bednyakov A.S., Mierin L.A. Natsionalnyye proyekty kak instrument realizatsii natsionalnykh tsey [National Projects as a Tool for the Implementation of National Goals]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics], 2019, no. 4, pp. 20-25.

4. Buryak V.V., Shostka V.I. Natsionalnyye proyekty kak drayvery tsifrovizatsii rossiyskoy ekonomiki [National Projects as Drivers of Digitalization of the Russian Economy]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian Research], 2019, no. 10. URL: <http://human.snauka.ru/2019/10/26098> (accessed 15 May 2020).

5. Gadzhiyev K.S., Primova E.N. Stanovleniye i metodologicheskiye printsipy sravnitel'noy politologii [Formation and Methodological Principles of Comparative Political Science]. *Vlast* [Power], 2012, no. 2, pp. 97-102.

6. Glonti K.M. Staropromyshlennyye regiony: problemy i perspektivy razvitiya [Old Industrial Regions: Problems and Development Prospects]. *Regionologiya* [Regionology], 2008, no. 4, pp. 27-39.

7. Danilova O.V. Sotsialnoye investirovaniye v natsionalnyye proyekty [Social Investment in National Projects]. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2008, no. 7, pp. 14-19.

8. Dobrina L.R. Razvitiye upravleniya proyektyami v organakh gosudarstvennoy vlasti [Development of Project Management in Government Bodies]. *Ekonomika i upravleniye: nauch.-prakt. zhurn.* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal], 2018, no. 4 (142), pp. 136-139.

9. Zozulya A.V., Zozulya P.V., Eremina T.N. Sovremennyye problemy realizatsii prioritetnykh natsionalnykh proyektov [Modern Problems of the Implementation of Priority National Projects]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Herald of the Eurasian Science], 2019, vol. 11, no. 1. URL: <https://esj.today/PDF/21ECVN119.pdf> (accessed 13 May 2020).

10. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Investitsionnyye priority v strategiyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Investment Priorities in the Strategies of Socio-Economic Development of the Regions of Russia]. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika* [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2018, no. 2, pp. 31-47.

11. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Natsionalnyye proyekty Rossii: regionalnoye izmereniye [National Projects of Russia: Regional Dimension]. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika* [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2019, no. 1, pp. 37-53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067.

12. Ketova N.P., Kolesnikov Yu.S., Ovchinnikov V.N. *Ekonomika Yuga Rossii: osnovnyye pozitsii, osobennosti funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [The Economy of the South of Russia: Main Positions, Features of Functioning and Development Prospects]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2015, no. 4, pp. 96-104.

13. Kleyner G.B. Sistemnyy resurs ekonomiki [System Resource of the Economy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2011, no. 1, pp. 89-100.

14. Litovchenko S.V. Analiz sovremennykh podkhodov k opredeleniyu sushchnosti staropromyshlennykh regionov [Analysis of Modern Approaches to the Determination of the Essence of Old Industrial Regions]. *Ekonomichniy prostir* [Economic Space], 2014, no. 92, pp. 138-150.

15. McConnell K.R., Bru S.L. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: Principles, Problems and Politics]. Moscow, Respublika Publ., 1992, vol. 1. 399 p.

16. Mamedov O.Yu. Tayna innovatsionnoy ekonomiki – v eye innovatsionnoy organizatsii! [The Secret of an Innovative Economy Lies in Its Innovative Organization!]. *Terra Economicus*, 2009, vol. 7, no. 2, pp. 5-8.

17. Natsionalnyye proyekty: itogi i perspektivy [National Projects: Results and Prospects]. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2006, no. 6, pp. 2-5.

18. *Natsionalnyye proyekty: otkrytost vlasti i informirovannost obshchestva. Analiticheskiy doklad Tsentra politicheskikh tekhnologiy* [National Projects: Openness of Power and Public Awareness. Analytical Report of the Center for Political Technologies]. URL: <http://politcom.ru/23582.html> (accessed 11 November 2019).

19. *Natsionalnaya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g.: utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490* [National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period Until 2030: Approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (accessed 20 April 2020).

20. Abankina T.V., Akindinova N.V., Biryukova S.S., Kuzminov Ya.I., Ovcharova L.N., eds. *Natsionalnyye tseli sotsialnogo razvitiya: vyzovy i resheniya: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 9–12 apr. 2019 g.* [National Goals of Social Development: Challenges and Solutions: Reports to the 20th April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 9–12, 2019]. Moscow, Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2019. 113 p.

21. *Ofitsialnyy sayt Pravitelstva Volgogradskoy oblasti* [Official Website of the Government of Volgograd Region]. URL: <https://www.volgograd.ru/> (accessed 19 April 2020).

22. *Ofitsialnyy sayt Pravitelstva Rossii* [Official Website of the Government of Russia]. URL: <http://government.ru/search/?q=Natsionalnyye%20proyekty&dt.till=06.05.2020&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type=> (accessed 10 April 2020).

23. *Ofitsialnyy sayt Pravitelstva Rostovskoy oblasti* [Official Website of the Government of Rostov Region]. URL: <https://www.donland.ru/> (accessed 25 April 2020).

24. Pankratov S.A. *Politicheskaya modernizatsiya Rossii v kontekste ustoychivogo razvitiya (teoreticheskiy aspekt): dis. d-ra polit. nauk* [Political Modernization of Russia in the Context of Sustainable Development (Theoretical Aspect). Dr. polit. sci. diss.]. Volgograd, 2006. 395 p.

25. Plisinova I.V. *Osnovnyye napravleniya realizatsii i perspektivy modifikatsii prioritetnykh natsionalnykh projektov na sovremennom etape: dis. ... kand. polit. nauk* [The Main Directions of Implementation and Prospects for the Modification of Priority National Projects at the Present Stage. Cand. polit. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 161 p.

26. Plisinova I.V. *Opyt realizatsii i perspektivy modifikatsii prioritetnykh natsionalnykh projektov na*

sovremennom etape [Experience of Implementation and Prospects for the Modification of Priority National Projects at the Present Stage]. *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientists Notes], 2011, no. 3, pp. 228-235.

27. *Poluchennoye po natsproyektu «Zdorovye» oborudovaniye prostaivayet. 23.12.2009* [The Equipment Received from the National Project “Health” Is Idle. 23.12.2009]. *Informatsionnoye agentstvo RIA Novosti* [News Agency RIA Novosti]. URL: <http://ria.ru/society/20091223/200957991.html> (accessed 3 April 2020).

28. *Programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii na 2018–2024 gody»* [The Program “Digital Economy of the Russian Federation for 2018–2024”]. URL: <https://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M.pdf> (accessed 19 April 2020).

29. *Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli. 2019: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2019: Statistical Digest]. Moscow, Rosstat Publ., 2019. 1204 p.

30. Selin V.S. *Ekonomika staropromyshlennykh regionov kak perspektivnoye napravleniye nauchnykh issledovaniy* [The Economy of the Old Industrial Regions as a Promising Area of Scientific Research]. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2015, no. 41 (326), pp. 58-63.

31. Sorokina N.Yu. *Osobennosti staropromyshlennogo regiona kak obyekt upravleniya sotsialno-ekonomicheskim razvitiyem* [Features of the Old Industrial Region as an Object of Socio-Economic Development Management]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2016, no. 1-1, pp. 72-80.

32. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya RF na period do 2025 g.: utv. rasporyazheniyem Pravitelstva RF ot 13.02.2019 g. № 207-r* [The Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Approved by Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-p]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (accessed 4 March 2020).

33. Sysoyev A.M. *Modernizatsionnyy potentsial ekonomiki agrarno-promyshlennykh regionov: teoriya, metodologiya i praktika otsenki i realizatsii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [The Modernization Potential of the Economy of Agro-Industrial Regions: Theory, Methodology and Practice of Assessment and Implementation. Dr. econ. sci. abs. diss.]. Tambov, 2013. 45 p.

34. Ukaz Prezidenta Rossii ot 7 maya 2018 g. № 204 «O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda» [Decree of the President of Russia Dated May 7, 2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the Period Until 2024”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (accessed 1 March 2020).

35. Sheshnev K. Yu. Itogi i problemy realizatsii v Volgogradskoy oblasti prioritetnogo natsionalnogo proyekta «Obrazovaniye» [Results and Problems of the Implementation of the Priority National Project “Education” in the Volgograd Region]. *Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki ITsRON. Data publikatsii 11.04.2018* [Innovation Center for the Development of Education and Science ITsRON. Publication Date April 11, 2018]. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomiki-i-sovremennogo-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar-sektsiya-21-ekonomicheskie-aspekty-regionalnogo-razvitiya/itogi-i-problemy-realizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-prioritetnogo-natsionalnogo-proyekta-obrazovanie/> (accessed 5 March 2020).

36. Erben A. Rostovskaya oblast ne voshla v natsionalnyy projekt «Obrazovaniye» [Rostov Region Was not Included in the National Project “Education”]. *Informatsionnyy portal Donnews.ru* [Information Portal Donnews.ru]. URL: http://www.donnews.ru/Rostovskaya-oblast-ne-voshla-v-natsionalnyy-proekt-Obrazovanie_86512 (accessed 15 April 2020).

37. Yakimova M.N. *Proyekt kak instrument realizatsii gosudarstvennoy politiki v sovremennoy Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [Project As a Tool for Implementing Public Policy in Modern Russia. Cand. polit. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2017. 227 p.

38. Yaremenko I.A. Natsionalnyye proyekty, gosprogrammy, natsionalnyye tseli. Kak oni skoordinirovany [National Projects, State Programs, National Goals. How They Are Coordinated]. *Byudzheth. 11.10.2019* [Budget. October 11, 2019]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/217440313> (accessed 10 November 2019).

39. Mitrofanova I.V., Pyankova S.G., Ryabova I.F., Obedkova L.V., Shcherbina A.B. Digitalization of the Russian Economy (Target-Oriented Approach): First Results, Risks and Prospects. Kolmykova T., Kharchenko E., eds. *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 111. Springer, Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2020, pp. 485-497. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_47.

40. Dorochenko U.A., Somina I.V. Methodological and Practical Aspects of the Harmonization of Innovative Processes in Russian Small Business Sector. *Serbian Journal of Management*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 223-234.

Information About the Authors

Inna V. Mitrofanova, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Economic Theory, World and Regional Economy, Volgograd State University, Prosp. Universitesky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Olga A. Chernova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Information Economics, Southern Federal University, M. Gorkogo St, 88, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, chernova.olga71@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Olga Yu. Patrakeyeva, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Head of the Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, OlgaPatrakeyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9320-2327>

Информация об авторах

Инна Васильевна Митрофанова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, лаборатория региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Ольга Анатольевна Чернова, доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Ольга Юрьевна Патракеева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, OlgaPatrakeyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9320-2327>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.18>

UDC 323:355.12(470.61)
LBC 66.3(2Рос-4Рос),4

Submitted: 11.02.2019
Accepted: 13.06.2019

MILITARY SERVICE OF THE COSSACKS IN THE SECURITY SYSTEM OF THE SOUTH OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION)¹

Anton V. Bredikhin

Center of Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Modern Russian Cossacks, having undergone the process of revival and institutionalization, are now incorporated into the system of state and other services of the Russian Federation. Given the pre-revolutionary status of the Cossacks as a military class of the Russian Empire, Ministry of Defense of the Russian Federation, beginning from the 1990s, has a particular interest in attracting the descendants of the Cossacks and members of Cossack societies to military service. *Methods.* Through the institutional analysis, the study assesses the role of the Cossacks in military service and security in the South of Russia. *Analysis.* In order to incorporate the Cossacks into the system of military service in the Russian Federation, a number of normative legal acts have been adopted that allow the Cossacks to serve in Cossack units with traditional Cossack names, to use Cossack insignia on military uniforms. As part of the implementation of the Strategy of the state policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks until 2020, regional plans for its implementation, Cossack societies are actively involved in the preparation of pre-conscription youth, interact with military commissariats. Recently, pilot projects have been launched to create specialized Cossack territorial defense companies. At a high level, the participation of the Cossacks in ensuring public order during important international events has been evaluated: the XXII Winter Olympic Games in Sochi, the World Cup 2018. *Results.* The need to expand the participation of the Cossacks in the military service of the Russian Federation by increasing the number of territorial defense companies, opening Cossack cadet corps, forming the role of the Cossacks as a guarantor of stabilization of interethnic relations of the South of Russia.

Key words: security, military service, military unit, Cossacks, Ministry of Defense of the Russian Federation, territorial defense company, South of Russia.

Citation. Bredikhin A.V. Military Service of the Cossacks in the Security System of the South of Russia (On the Example of Rostov Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 234-243. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.18>

УДК 323:355.12(470.61)
ББК 66.3(2Рос-4Рос),4

Дата поступления статьи: 11.02.2019
Дата принятия статьи: 13.06.2019

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАЗАКОВ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЮГА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Антон Викторович Бредихин

Центр исследования проблем безопасности РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Современное российское казачество, пройдя процесс возрождения и институционализации, в настоящее время инкорпорируется в систему государственной и иной службы Российской Федерации. Учитывая дореволюционный военный статус казаков, Министерство обороны Российской Федерации начиная с 1990-х гг. проявляет особую заинтересованность в привлечении потомков казаков и членов казачьих обществ к несению военной службы. *Методы.* Посредством институционального анализа в исследовании дана оценка роли казачества в военной службе и обеспечении безопасности на Юге России. *Анализ.* В целях инкорпорирования казачества в систему военной службы в Российской Федерации принят ряд нормативно-правовых актов, позволяющих проходить казакам службу в казачьих частях, имеющих традиционные казачьи наименования, использовать казачьи знаки отличия на военной форме. В рамках реали-

зации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г., региональных планов ее реализации казачьи общества активно участвуют в подготовке допризывной молодежи, взаимодействуют с военными комиссариатами. В последнее время запускаются пилотные проекты по созданию специализированных казачьих рот территориальной обороны. На высоком уровне дана оценка участия казаков в обеспечении общественного порядка в ходе значимых международных мероприятий: XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи, чемпионата мира по футболу – 2018. *Результаты*. Определена необходимость расширения участия казаков в военной службе Российской Федерации посредством увеличения числа рот территориальной обороны, открытия казачьих кадетских корпусов, формирования роли казачества как гаранта стабилизации межнациональных отношений Юга России.

Ключевые слова: безопасность, военная служба, воинская часть, казаки, Министерство обороны Российской Федерации, рота территориальной обороны, Юг России.

Цитирование. Бредихин А. В. Военная служба казаков в системе безопасности Юга России (на примере Ростовской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 234–243. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.18>

Введение. «Граница породила казачество, а казаки создали Россию», – писал Лев Толстой. Донские, кубанские, терские, астраханские, яицкие и многие другие казаки выступали «живым щитом» империи, казачьи поселения находились вдоль ее границ, а в случае военных кампаний именно казаки составляли передовую авангард русской армии.

Дореволюционный статус казачества как военного сословия Российской империи в настоящее время приобретает актуальность и реализуется на практике. De facto период возрождения, начавшийся в 1980-е гг., завершен, и сейчас наступила важная стадия развития института казачества в системе органов государственной власти. Согласимся с профессором А.И. Агафоновым [1] в том, что казачество выступало в дореволюционной России частью государственного механизма по решению вопросов колонизации, военной службы, социально-политического развития общества. Данную функцию казаки возвращают себе и сейчас.

Современный Юг России, представленный в рамках Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, претерпел ряд трансформационных процессов, межнациональных конфронтаций и военных конфликтов. Вместе с тем в условиях санкционного противостояния России и стран Запада усиливается роль дестабилизирующих факторов в регионе. В данной ситуации казачество сталкивается с рядом социально-политических кризисов и обладает значительным потенциалом для их преодоления.

В рамках данного исследования нами ставится цель рассмотрения сформировавшего

статуса казачества в системе военной службы Российской Федерации и отражения данного процесса в системе безопасности, вызовов и угроз Юга России.

В исследовании предполагается рассмотреть следующие задачи:

– определить уровень современной инкорпорированности казачества в систему военной службы Российской Федерации;

– выявить основные формы реализации участия казачьих обществ в обеспечении деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации;

– дать оценку перспективам деятельности казачьих обществ по предупреждению вызовов и угроз.

Методы и материалы. В рамках исследования используется институциональная методология, позволяющая определить роль казачества в укреплении национальной безопасности в регионе. В современной отечественной историографии аспект военной службы казаков рассматривается большей частью в дореволюционный период, периоды Гражданской и Великой Отечественной войны. Вопросы государственной службы российского казачества рассматриваются в статьях и диссертациях А.Н. Ворошилова [4], А.С. Кириченко [11], Г.О. Мацеевского [13], Т.В. Седых [21], Д.Н. Соловьева [22] и других. Фактор добровольчества казаков в военно-политических конфликтах на постсоветском пространстве представлен в статьях С.О. Долгих [6], М.А. Махалкиной [12]. В данных работах рассматривается процесс принятия нормативно-правовых актов Российской Федера-

ции по определению статуса казачьих обществ, формам взаимодействия с органами исполнительной власти, охраны границы, объектов природного и культурного значения. Значимой выступает практическая деятельность казачьих обществ и казаков с опытом участия в боевых действиях.

В то же время отсутствует либо недостаточно раскрыта проблема современного состояния военной службы российского казачества с учетом текущих угроз безопасности на Юге России.

Анализ. В период возрождения казачества широкий резонанс в общественном сознании имела идея того, что казаки представляются «ряжеными», одевающими незаконную форму и награды. Имидж казачества был значительно дискредитирован ввиду дезорганизации казачьих сообществ и декорпорации с системой государственного управления. Статус военного сословия, который имели казаки в дореволюционной России, не был регламентирован указом от 15.06.1992 № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» [24], восстанавливающим историческую справедливость и осуждающем государственную политику репрессий.

Однако дальнейшее принятие нормативно-правовых актов в отношении российского казачества, создание ответственных органов исполнительной власти, участие казаков в ряде конфликтов на постсоветском пространстве в качестве добровольцев послужили основой для развития военной службы как одного из принципиально важных институтов жизни современных казачьих обществ.

Нормативно-правовые акты в отношении российского казачества. Активный процесс возрождения, самоорганизации казаков вызвал соответствующий интерес со стороны органов государственной власти. 15 марта 1993 г. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был подписан Указ № 341 «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» [23]. В нем впервые вводилось прохождение казаками военной служ-

бы в казачьих соединениях и частях Вооруженных Сил Российской Федерации, пограничных войск Министерства безопасности Российской Федерации, специальных казачьих моторизованных воинских частях и частях оперативного назначения внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации в соответствии с Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» и общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации. Минобороны России создавало первый перечень воинских частей для прохождения службы казаков с приданием им традиционных казачьих наименований. В Указе ставился вопрос утверждения казачьих воинских званий, а формат службы казаков в воинских частях определялся при сборе предложений от представителей казачьих организаций. В 2005 г. Указ утратил свою силу, хотя так до конца и не был реализован.

Основным нормативно-правовым документом, регламентирующим военную службу и деятельность по охране общественного порядка для членов казачьих обществ, сегодня выступает Федеральный закон № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [25]. В нем определено то, что для прохождения военной службы казаки направляются в соединения и воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации, которым присвоены традиционные казачьи наименования, войска национальной гвардии Российской Федерации и пограничные части. Таковыми являются: 4-я гвардейская танковая Кантемировская ордена Ленина Краснознаменная дивизия имени Ю.В. Андропова в/ч 19612 (г. Наро-Фоминск, Московская область), 752-й мотострелковый полк в/ч 34670 (г. Валуйки, Белгородская область), 20-я отдельная гвардейская мотострелковая Прикарпатско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова бригада в/ч 22220 (г. Волгоград), 108-й гвардейский десантно-штурмовой Кубанский казачий ордена Красной Звезды полк в/ч 42091 (г. Новороссийск, Краснодарский край), 33-я отдельная мотострелковая бригада в/ч 22179 (г. Майкоп, Республика Адыгея), 7-я гвардейская десантно-штурмовая Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова дивизия (горная) в/ч 61756 (г. Ставрополь), 205-я отдель-

ная мотострелковая казачья бригада в/ч 74814 (г. Буденновск, Ставропольский край) и др. [18].

Казаки оказывают содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организуют военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневойсковую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе, принимают участие в обеспечении общественного порядка. «Казаки генетически предрасположены к армии и служат с усердием, они нужны на Кавказе, также могут служить на границе на Дальнем Востоке, ими лучше формировать легкие бригады», – полагает председатель общественного совета при Минобороны России Игорь Коротченко [5].

Внесены изменения в военную нормативно-правовую базу, позволяющую сохранить принадлежность к казачьему обществу при несении казаками военной службы. В соответствии с п. 89.1 «Правил ношения военной формы одежды, знаков различия, ведомственных знаков отличия и иных геральдических знаков в Вооруженных Силах Российской Федерации», членам войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации, во время прохождения ими военной службы в рядах Вооруженных Сил разрешается ношение на военной форме одежды на рукавных и нагрудных знаков различия по принадлежности к войсковому казачьему обществу [19].

Региональный опыт поддержки деятельности казачьих обществ. В субъектах Южного федерального округа реализуется ряд региональных программ, направленных на развитие военной службы в среде казачества. Например, в Ростовской области это государственная программа «Поддержка казачьих обществ Ростовской области» от 25.09.2013 № 601, предусматривающая финансирование казачества в 2019 г. на сумму 812 912,3 тыс. руб., в 2020 г. – на сумму 805 487,5 тыс. рублей. К результатам данной программы отнесено и повышение обороноспособности государства посредством качественного укомплектования Вооруженных Сил Российской Федерации членами казачьих обществ, в том числе военно-обученными гражданами,

в период мобилизации и для разрешения кризисных ситуаций.

Вовлечение казаков в военную службу позволило создать в 2016 г. при содействии Министерства обороны Российской Федерации и войскового казачьего общества «Все великое войско Донское» роту территориальной обороны из казаков Донецкого, Новочеркасского, Первого Донского и Черкасского округов. Казаки, служащие в роте, принимали участие в учениях «Кавказ-2016», «Запад-2017», «Восток-2018». В рамках Кубанского войскового казачьего общества создана 1-я Таманская казачья дивизия, регулярно проводящая военно-полевые сборы и, по заявлениям руководства, готовая к участию в миротворческих операциях [9]. Там же в Краснодарском крае создана первая в России казачья рота Росгвардии [15].

Донские и кубанские казаки обеспечили безопасность в рамках проведения XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., Чемпионата мира по футболу в Ростове-на-Дону, Волгограде, Сочи в 2018 году. Первый заместитель Губернатора Ростовской области, атаман ВКО «Все великое войско Донское» В.Г. Гончаров так определил роль казаков в рамках данных мероприятий: «Донские казаки не просто покорили зарубежных фанатов своим гостеприимством, добродушием, традиционными обычаями и культурой, но и несли службу по обеспечению безопасности и профилактике правонарушений в период мундиала. Службу казаков высоко оценили власти регионов, силовые структуры и, главное, наши гости, а также жители городов и станиц» [2]. С ним солидарен заместитель губернатора Краснодарского края, атаман Кубанского войскового казачьего общества Н.А. Долуда: «Живой интерес и доброжелателей, искренне радеющих за судьбу казачества, и тех, кто не хочет видеть в нем силу и мощный ресурс для укрепления безопасности России, – подтверждает факт того, что кубанское казачество находится сегодня на передовых позициях, в самой гуще исторических событий, определяющих судьбу страны, ее суверенность и стабильность. К событиям такого масштаба можно отнести Крымскую весну, юбилейный Парад Победы на Красной площади Москвы, охрана общественного по-

рядка казаками во время проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи в 2014 г., международного этапа гонок «Формула-1», Кубка Конфедерации по футболу в 2017» [14].

Военное направление деятельности казачьих обществ. Российское казачество выступает активным участником урегулирования социально- и военно-политических конфликтов на постсоциалистическом пространстве. Посредством института добровольчества казаки принимали участие в межнациональных конфликтах в Абхазии, Боснии и Герцеговине, Приднестровье, Южной Осетии – Алании и других. В последние годы это участие в «пятидневной войне» с Грузией, событиях «Русской весны» и возвращении Крымского полуострова в состав Российской Федерации, конфликте в Донбассе, противостоянии Исламскому Государству в Сирии². В рамках так называемых «частных военных кампаний» казаки проявили себя в Ливии, Центральноафриканской республике, Венесуэле и ряде других стран. При этом основными участниками выступили представители общественных, а не реестровых казачьих обществ, как, например, Казачья национальная гвардия атамана МСОО «Всевеликое войско Донское» Н.И. Козицына, фактически создавшая на территории Луганщины казачью республику.

Деятельность казачьих обществ по предотвращению вызовов в южнороссийских регионах в 2019–2020 гг. представлена в Плане мероприятий по реализации в 2017–2020 гг. Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2017 г. № 285-р (далее – План) [20].

В соответствии с п. 6 Плана предусмотрено привлечение российского казачества к участию в защите государственной границы Российской Федерации. Данный пункт имеет свою реализацию на постоянной основе и пример создания роты территориальной обороны, а согласно позиции руководства войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» будет создана еще одна [10], выступит тому подтверждением. Вместе с тем широко распространенной выступает практика охраны государственной границы казачьими

обществами на основании трехстороннего соглашения между руководством региона, ФСБ России и казачьим обществом, как, например, это имело место в Республике Северная Осетия – Алания [3] и границе с Республикой Абхазией. В период активной фазы военного конфликта в Донбассе в 2014 г. донские казаки были направлены на усиление пограничной службы на ряде участков российско-украинской границы [7]. Существует мнение о более активном привлечении казаков к охране границ с Китаем, Японией, Грузией, Польшей, Литвой [8].

В соответствии с п. 9 Плана на базе центров военно-патриотического воспитания Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» осуществляется подготовка к службе в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации лиц из числа членов казачьих обществ и общественных объединений казаков. Соглашения о сотрудничестве с ДОСААФ заключил ряд войсковых казачьих обществ, а также Общероссийская общественная организация по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и Зарубежья», что позволяет формировать полную систему допризывной подготовки казачьей молодежи.

Пункты 15 и 16 Плана определяют прохождение членами казачьих обществ военной службы в 90-м отдельном специальном поисковом батальоне Минобороны России, войсках Росгвардии.

Региональные планы мероприятий по реализации Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г. предусматривают более конкретные меры вовлечения казаков в военную службу, подкрепленные мероприятиями. В Ростовской области в рамках соглашений оказания содействия федеральному государственному казенному учреждению «Пограничное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области» дружинниками ВКО «Всевеликое войско Донское» – осуществляются функции по защите государственной границы Российской Федерации в порядке, установленном уставом ВКО «Всевеликое войско Донское» [17].

Государственной программой Ростовской области «Поддержка казачьих обществ Ростовской области» предусмотрено повышение обороноспособности государства посредством качественного укомплектования Вооруженных Сил Российской Федерации членами казачьих обществ, в том числе военно-обученными гражданами, в период мобилизации и для разрешения кризисных ситуаций [16]. По аналогии реализуются региональные программы в Краснодарском и Ставропольском краях, Волгоградской и Астраханской областях. Дополнением к военной службе казаков выступает охрана общественного порядка и развитие системы казачьего кадетского образования.

Результаты. На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, казачество зарекомендовало себя с позиции перспективного резерва Вооруженных Сил Российской Федерации, что возможно благодаря действующей нормативно-правовой базе, федеральной и региональных стратегий и программ.

Во-вторых, казачество активно участвует в комплектовании казачьих частей Вооруженных Сил Российской Федерации, создает роты территориальной обороны, проявляет себя в качестве добровольцев в военно-политических конфликтах не только на постсоветском пространстве, но и в других регионах планеты, где присутствуют российские геополитические интересы.

В-третьих, потенциал военной службы казачества до конца не раскрыт, требуется увеличение числа казачьих территориальных рот, признание казачьих званий в системе военных званий, переход казаков к стабилизирующей роли в системе международных отношений Юга России в качестве одного из столпов формирующейся российской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-68-00001 «Влияние институциональной нестабильности сопредельных стран на деятельность экстремистских организаций Юга России»). ФГБН Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук.

This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 17-68-00001 “The impact of institutional instability in neighboring countries on the activities of extremist organizations in the South of Russia”). Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences.

² Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов, А. И. От Земли Донского войска к Области Войска Донского (середина XIX – начало XX века) / А. И. Агафонов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 28–37.

2. Атаман войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» Виктор Гончаров поздравил казаков с Новым годом и Рождеством // Российское казачество. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ruskazaki.ru/news/kazachestvo/ataman_voyskovogo_kazachego_obshchestva_vsevelikoe_voysko_donskoe_viktor_goncharov_pozdravil_kazakov (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.

3. В Северной Осетии казаки приступают к охране Российской границы // Казачий информационно-аналитический центр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kazak-center.ru/news/1/2010-01-24-309> (дата обращения: 07.02.2019). – Загл. с экрана.

4. Ворошилов, А. Н. Современные организационно-правовые формы казачьего самоуправления на Дону : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ворошилов Анастасий Николаевич. – Ростов н/Д, 2007. – 29 с.

5. Генштаб увеличит число казачьих частей в армии // Известия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/532117> (дата обращения: 31.01.2019). – Загл. с экрана.

6. Долгих, С. О. Казачество в истории локальных конфликтах конца XX в. / С. О. Долгих // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 54. – С. 33–37.

7. Донские казаки приступили к охране государственной границы в Ростовской области // Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.skvk.org/18496> (дата обращения: 07.02.2019). – Загл. с экрана.

8. Казакам доверяют охранять границы России с Польшей, Литвой, Китаем и Японией // RT. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/326739-kazakam-doveryat>

ohranyat-granicy-rossii-s-polshei (дата обращения: 07.02.2019). – Загл. с экрана.

9. Казачья дивизия готовится к миротворческим операциям // Военное обозрение. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://topwar.ru/147077-kazachya-divizija-gotovitsja-k-mirotvorcheskim-operacijam.html> (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.

10. Казачья рота приступила к обучению // Войсковое казачье общество «Все великое войско Донское». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.don-kazak.ru/news/kazachya-rot-a-pristupila-k-obucheniju/?sphrase_id=10336 (дата обращения: 07.02.2019). – Загл. с экрана.

11. Кириченко, А. С. Политико-административное регулирование и управление казачьими обществами Юга России: на материалах Ростовской области : дис. ... канд. полит. наук / Кириченко Алексей Сергеевич. – Ростов н/Д, 2005. – 175 с.

12. Махалкина, М. А. Участие казаков-добровольцев в локальных конфликтах на пространстве бывшего СССР / М. А. Махалкина // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты : сб. материалов Всерос. науч. конф. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2016. – С. 71–75.

13. Мациевский, Г. О. Государство и казачество: поиск путей возрождения / Г. О. Мациевский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 97–104.

14. Н.А. Долуда: «Казакам можно доверять за защиту рубежей России!» // Кубанское казачье войско. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://slavakubani.ru/articles/n-a-doluda-kazakam-tozhno-doveryat-zashchitu-rubezhey-rossii> (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.

15. Первая в России казачья рота Росгвардии укомплектована в Краснодарском крае // Кубанские новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2018/02/20/pervaya-v-rossii-kazachya-rot-a-rosgvardii-ukomplektovana-v-krasnodarskom-krae> (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.

16. Правительство Ростовской области. Постановление от 25.09.2013 № 601 «Об утверждении государственной программы Ростовской области “Поддержка казачьих обществ Ростовской области”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/documents/Ob-utverzhenii-gosudarstvennoj-programmy-Rostovskoj-oblasti-Podderzhka-kazachikh-obshhestv-Rostovskoj-oblasti?pageid=128483&mid=134977&itemId=22413> (дата обращения: 09.02.2019). – Загл. с экрана.

17. Правительство Ростовской области. Распоряжение от 23.12.2016 № 672 «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2017–2020 годах

Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года в Ростовской области». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/documents/Ob-utverzhenii-plana-meropriyatij-po-realizacii-v-2017---2020-godakh-Strategii-razvitiya-gosudarstvennoj-politiki-Rossijskojj-Federacii?pageid=128483&mid=134977&itemId=24908> (дата обращения: 09.02.2019). – Загл. с экрана.

18. Призыв и военная служба в ВС РФ // Центральное казачье войско. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vko-ckv.ru/kazachya-sluzhba/prizyv-i-voennaya-sluzhba> (дата обращения: 31.01.2019). – Загл. с экрана.

19. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26.11.2018 № 677 «О внесении изменений в приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 300 “Об утверждении Правил ношения военной формы одежды, знаков различия, ведомственных знаков отличия и иных геральдических знаков в Вооруженных Силах Российской Федерации и Порядка смещения предметов существующей и новой военной формы одежды в Вооруженных Силах Российской Федерации”». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

20. Распоряжение Правительства РФ от 17.02.2017 № 285-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2017–2020 гг. Стратегии развития государственной политики РФ в отношении российского казачества до 2020 г.». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

21. Седых, Т. В. Политико-правовые основы государственной службы российского казачества в начале XXI в. / Т. В. Седых // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2 (14). – С. 31–37.

22. Соловьев, Д. Н. Национальные интересы и казачества в системе безопасности / Д. Н. Соловьев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 30 (123). – С. 58–60.

23. Указ Президента РФ от 15.03.1993 № 341 «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

24. Указ Президента РФ от 15.06.1992 № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

25. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

REFERENCES

1. Agafonov A.I. Ot Zemli Donskogo voyska k Oblasti Voyska Donskogo (seredina XIX – nachalo XX veka) [From the Land of the Don Army to the Don Army Region (the Middle of 19th – Beginning of 20th Century)]. *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Series: Social Sciences], 2017, no. 3 (195), pp. 28-37.
2. Ataman voyskovogo kazachyego obshchestva «Vsevelikoe voysko Donskoe» Viktor Goncharov pozdravil kazakov s Novym godom i Rozhdestvom [Ataman of the Cossack Army Society “All-Great Army of the Don” Victor Goncharov Congratulated the Cossacks on New Year and Christmas]. *Rossiyskoe kazachestvo*. URL: http://ruskazaki.ru/news/kazachestvo/ataman_voyskovogo_kazachego_obshchestva_vsevelikoe_voysko_donskoe_viktor_goncharov_pozdravil_kazakov (accessed 10 February 2019).
3. V Severnoy Osetii kazaki pristupayut k okhrane Rossiyskoy granitsy [In North Ossetia Cossacks Start Protection of the Russian Border]. *Kazachiy informatsionno-analiticheskiy tsentr*. URL: <http://kazak-center.ru/news/1/2010-01-24-309> (accessed 7 February 2019).
4. Voroshilov A.N. *Sovremennye organizatsionno-pravovye formy kazachyego samoupravleniya na Donu: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Modern Organizational and Legal Forms of Cossack Self-Government on the Don. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 29 p.
5. Genshtab uvelichit chislo kazachyikh chastey v armii [The General Staff Will Increase the Number of Cossack Units in the Army]. *Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/news/532117> (accessed 31 January 2019).
6. Dolgih S.O. Kazachestvo v istorii lokalnykh konfliktakh kontsa XX v. [Cossacks in the History of Local Conflicts of the Late 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 54, pp. 33-37.
7. Donskie kazaki pristupili k okhrane gosudarstvennoy granitsy v Rostovskoy oblasti [Don Cossacks Started Protection of the State Border in Rostov Region]. *Sinodalnyy komitet po vzaimodeystviyu s kazachestvom* [Synodal Committee on Interaction with the Cossacks]. URL: <http://www.skvk.org/18496> (accessed 7 February 2019).
8. Kazakam doveryat okhranyat granitsy Rossii s Polshey, Litvoy, Kitaem i Yaponiey [Cossacks Will Be Entrusted to Guard the Borders of Russia with Poland, Lithuania, China and Japan]. *RT* [RT]. URL: <https://russian.rt.com/article/326739-kazakam-doveryat-okhranyat-granicy-rossii-s-polshei> (accessed 7 February 2019).
9. Kazachya diviziya gotovitsya k mirotvorcheskim operatsiyam [Cossack Division Preparing for Peacekeeping Operations]. *Voennoe obozrenie*. URL: <https://topwar.ru/147077-kazachya-diviziya-gotovitsya-k-mirotvorcheskim-operatsiyam.html> (accessed 10 February 2019).
10. Kazachya rota pristupila k obucheniyu [Cossack Company Began Training]. *Voyskovoe kazachye obshchestvo «Vsevelikoe voysko Donskoe»*. URL: http://www.don-kazak.ru/news/kazachya-rotapristupila-k-obucheniyu/?sphrase_id=10336 (accessed 7 February 2019).
11. Kirichenko A.S. *Politiko-administrativnoe regulirovanie i upravlenie kazachyimi obshchestvami Yuga Rossii: na materialakh Rostovskoy oblasti: dis. ... kand. polit. nauk* [Political and Administrative Regulation and Management of Cossack Societies in the South of Russia: On the Materials of the Rostov Region. Cand. polit. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 175 p.
12. Mahalkina M.A. Uchastie kazakov-dobrovoltsev v lokalnykh konfliktakh na prostranstve byvshego SSSR [The Involvement of Cossack Volunteers in Local Conflicts in the Former USSR]. *Nepriзнанные gosudarstva: metodologicheskie, politicheskie i pravovye aspekty: sb. mat. Vseros. nauch. konf.* [Unrecognized States: Methodological, Political, and Legal Aspects. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2016, pp. 71-75.
13. Macievskij G.O. Gosudarstvo i kazachestvo: poisk putey vozrozhdeniya [The State and the Cossacks: Search of Ways of Renewal]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state University], 2017, no. 424, pp. 97-104.
14. N.A. Doluda: «Kazakam možno doveryat zashchitu rubezhey Rossii!» [N.A. Doluda: “Cossacks Can be Trusted with the Protection of Borders of Russia!”] *Kubanskoe kazachye voysko*. URL: <http://slavakubani.ru/articles/n-a-doluda-kazakam-mozhno-doveryat-zashchitu-rubezhey-rossii> (accessed 10 February 2019).
15. Pervaya v Rossii kazachya rota Rosgvardii ukomplektovana v Krasnodarskom krae [The First Russian Cossack Company of Rosgvardiya Staffed in Krasnodar Krai]. *Kubanskije novosti*. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2018/02/20/pervaya-v-rossii-kazachya-rotarosgvardii-ukomplektovana-v-krasnodarskom-krae> (accessed 10 February 2019).
16. *Pravitelstvo Rostovskoy oblasti. Postanovlenie ot 25.09.2013 № 601 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rostovskoy oblasti «Podderzhka kazachyikh obshchestv Rostovskoy oblasti»* [Government of Rostov Region. Resolution № 601 of 25 September 2013. “About the Approval of the State Program of Rostov Region “Support of Cossack Societies of Rostov Region”]. URL: <http://>

www.donland.ru/documents/Ob-utverzhdanii-gosudarstvennoj-programmy-Rostovskoj-oblasti-Podderzhka-kazachikh-obshhestv-Rostovskoj-oblasti?pageid=128483&mid=134977&itemId=22413 (accessed 9 February 2019).

17. *Pravitelstvo Rostovskoy oblasti. Rasporyazhenie ot 23.12.2016 № 672 «Ob utverzhdanii plana meropriyatij po realizatsii v 2017–2020 godakh Strategii razvitiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii rossiyskogo kazachestva do 2020 goda v Rostovskoy oblasti»* [Government of Rostov Region. Order No. 672 of 23 December 2016 “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2017–2020 of the Strategy for the Development of the State Policy of the Russian Federation with Regard to the Russian Cossacks Until 2020 in Rostov Region”]. URL: <http://www.donland.ru/documents/Ob-utverzhdanii-plana-meropriyatij-po-realizacii-v-2017---2020-godakh-Strategii-razvitiya-gosudarstvennoj-politiki-Rossijskoj-Federatsii-?pageid=128483&mid=134977&itemId=24908> (accessed 9 February 2019).

18. *Prizyv i voennaya sluzhba v VS RF* [Conscription and Military Service in the Armed Forces]. *Tsentrnoe kazachye voysko*. URL: <http://www.vko-ckv.ru/kazachya-sluzhba/prizyv-i-voennaya-sluzhba> (accessed 31 January 2019).

19. *Prikaz Ministra oborony Rossiyskoy Federatsii ot 26.11.2018 № 677 «O vnesenii izmeneniy v prikaz Ministra oborony Rossiyskoy Federatsii ot 22 iyunya 2015 g. № 300 “Ob utverzhdanii pravil nosheniya voyennoy formy odezhdy, znakov razlichiya, vedomstvennykh znakov v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii i Poryadka smesheniya predmetov sushchestvuyushchey i novoy voyennoy formy odezhdy v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii”»* [Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 677 of 26 November 2018 “On Amendments to the Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of June 22, 2015 No. 300 On Approval of the Rules for Wearing Military Uniforms, Insignia, Departmental Insignia and Other Heraldic Insignia in the Armed Forces of the Russian Federation and the Procedure for Mixing Items of the Existing and New Military Uniforms in the Armed Forces of the Russian Federation”]. Access from “Garant” informational and legal web portal.

20. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 17.02.2017 № 285-r Ob utverzhdanii plana meropriyatij po*

realizatsii v 2017–2020 gg. Strategii razvitiya gosudarstvennoy politiki RF v otnoshenii rossiyskogo kazachestva do 2020 g. [Decree of the RF Government of 17 February 2017 No. 285-r Approving the Plan of Measures for Implementation in 2017–2020 of the Development Strategy of the State Policy of the Russian Federation Concerning the Russian Cossacks Until 2020]. Access from “Garant” informational and legal web portal.

21. Sedyh T.V. *Politiko-pravovye osnovy gosudarstvennoy sluzhby rossiyskogo kazachestva v nachale XXI v.* [Political and Legal Bases of Public Service of the Russian Cossacks in the Beginning of 21st Century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences], 2010, no. 2 (14), pp. 31-37.

22. Solovev D.N. *Natsionalnye interesy i kazachestvo v sisteme bezopasnosti* [National Interests and Cossacks in the Security System]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2011, no. 30 (123), pp. 58-60.

23. *Ukaz Prezidenta RF ot 15.03.1993 № 341 «O reformirovanii voennykh struktur, pogrannichnykh i vnutrennykh voysk na territorii Severo-Kavkazskogo regiona Rossiyskoy Federatsii i gosudarstvennoy podderzhke kazachestva»* [Decree of the President of the Russian Federation of 15 March 1993 No. 341 “About Reforming of Military Structures, Frontier and Interior Forces on the Territory of the North Caucasus Region of the Russian Federation and State Support of the Cossacks”]. Access from “Garant” informational and legal web portal.

24. *Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1992 № 632 «O merakh po realizatsii Zakona Rossiyskoy Federatsii “O reabilitatsii repressirovannykh narodov” v otnoshenii kazachestva»* [Decree of the President of the Russian Federation of 15 June 1992 No. 632 “On Measures to Implement the Law of the Russian Federation On the Rehabilitation of Repressed Peoples in Relation to the Cossacks”]. Access from “Garant” informational and legal web portal.

25. *Federalnyy zakon ot 05.12.2005 № 154-FZ «O gosudarstvennoy sluzhbe rossiyskogo kazachestva»* [Federal Law No. 154-FZ of 5 November 2005 “On the State Service of the Russian Cossacks”]. Access from “Garant” informational and legal web portal.

Information About the Author

Anton V. Bredikhin, Candidate of Sciences (History), Advisor to the Director, Center of Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Garibaldi St, 21b, 117335 Moscow, Russian Federation, bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Информация об авторе

Антон Викторович Бредихин, кандидат исторических наук, советник директора, Центр исследования проблем безопасности РАН, ул. Гарибальди, 21б, 117335 г. Москва, Российская Федерация, bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

www.volsu.ru

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.19>

UDC 94(470+571):93
LBC 63.3(2)-3

Submitted: 18.06.2020
Accepted: 20.07.2020

HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH ON RUSSIAN HISTORY: A VIEW FROM CENTRAL EUROPE (Szvák Gyula. *Opyt Mikroistoriografii*. Moscow, Akvilon, 2019. 288 p.)

Endre Sashalmi

University of Pécs, Hungary

Abstract. The review presents the analysis of Gyula Szvák's essays and studies written on Russian historiography over more than thirty years. His main field of research, the reigns of Ivan the Terrible and Peter the Great, and their importance in the course of Russian History stand in the focus of the collected works. His method, called by him "historical microphilology", is reminiscent of the approaches used by some scholars of conceptual history. He argues that by using this method some paradigms can be revealed which can help us better understand the flow of Russian History.

Key words: Russian History, "historical microphilology", statism, conceptual history, autocracy, Ivan the Terrible, Peter the Great, Gyula Szvák.

Citation. Sashalmi E. *Historiographical Research on Russian History: A View from Central Europe* (Szvák Gyula. *Opyt Mikroistoriografii*. Moscow, Akvilon, 2019. 288 p.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 244-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.19>

УДК 94(470+571):93
ББК 63.3(2)-3

Дата поступления статьи: 18.06.2020
Дата принятия статьи: 20.07.2020

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (Рец. на кн.: Свак, Д. *Опыт микроисториографии* / Д. Свак. – М. : Аквилон, 2019. – 288 с.)

Эндре Сашалми

Печский университет, г. Печ, Венгрия

Аннотация. В обзоре представлен анализ очерков и исследований Дьюлы Свака, написанных по русской историографии за более чем 30 лет. Основные направления его исследований – царствования Ивана IV Грозного и Петра Великого и их значение в русской истории – находятся в центре внимания собрания сочинений. Его метод, названный им «исторической микрофилологией», напоминает подходы, используемые некоторыми исследователями концептуальной истории. Он утверждает, что с помощью этого метода можно выявить некоторые парадигмы, которые могут помочь нам лучше понять течение русской истории.

Ключевые слова: история России, «историческая микрофилология», этатизм, концептуальная история, самодержавие, Иван Грозный, Петр Великий, Дьюла Свак.

Цитирование. Сашалми Э. Историографические исследования истории России: взгляд из Центральной Европы (Рец. на кн.: Свак, Д. Опыт микроисториографии / Д. Свак. – М. : Аквилон, 2019. – 288 с.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 244–246. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.19>

Introduction. The name of Gyula Szvák has been inextricably linked with the development of Russian Historical Studies in Hungary, and it is no exaggeration to say that through the founding of the Centre of Russian Studies at Eötvös Loránd University (Budapest), and through the biennial international conferences held there continuously from 1998 on, he has created an institutionalized integration of Russian Studies in Hungary into the international scholarly network.

Materials. The present volume of *Gyula Szvák «Opyt mikroistoriografii»* provides an overview of his research, reflecting his changing scholarly interests while documenting that historiography has remained the continuing golden thread throughout his work [2].

The essays themselves fall into two categories, the historiography of important themes in Early Modern Russian studies and the work of individual historians, preceded by an introduction contextualizing these studies and followed by a piece perhaps best described as culturology.

Analysis. The first section entitled *Historiographical Studies (Istoriograficheskie ocherki)*, includes an analysis of the works of Ivan Peresvetov, a sixteenth-century adventurer (written in 1978), followed by two highly detailed critical surveys of Soviet literature on the mid-sixteenth-century reforms of Ivan the Terrible (1985 and 1987), and an examination of work on the *oprichnina* (1987). This section also presents two English-language studies of a historiographical nature, which differ from the previous selections as they are lectures delivered by the author. One, given at the University of Hawaii (1987), focuses on the parallels between images of Ivan the Terrible and Peter the Great in Russian historical thought, while the other (1988) served in a Russian translation as the author's keynote lecture for a discussion of the problem of feudalism in Russia at the Institute of Russian History in Moscow (1997).

The second part, entitled *Personality in Historiography (Lichnost' v istoriografii)*,

includes two closely related studies dedicated to Professor Szvák's Hungarian and Russian mentors, József Perényi and Ruslan Grigorevich Skrynnikov respectively. The first presents what I would call the historiographical biography of Skrynnikov (2012), while the second compares the careers of the two mentors, offering a unique opportunity to observe how the different, and from time to time changing, political atmosphere in two communist countries affected the study of Russian History: it is a study providing an insight into the *Zeitgeist* of Hungarian and the Soviet history-writing.

In the present review, I will concentrate predominantly on the methodological experiences of the author, an approach which arises from the title itself, *An Attempt at Microhistoriography*. In creating this title Szvák united two approaches: one, which he calls “historical microphilology” in the introduction, characterizes the studies in the first part of the book (especially the Russian language pieces); “microhistoriography”, as a kind of subdivision of “historical microphilology”, is the main focus in the second part.

The author had a dual aim in these studies: to grasp and trace the main, one can even say persistent, trend of Russian historiography over time and to show the contextually conditioned variations within the mainstream. As for the latter, he emphasizes that the main characteristic of Russian historiography is its imperial perspective, which means that “Soviet (and within this, Stalinist) historiography has a continuity with pre-1917” Russian history-writing.

“Historical microphilology” was/is used mainly as a tool of what the so-called Cambridge School of conceptual history calls contextuality. Szvák tries to show how the trend persisting over the *longue durée* was modified by authors using different discursive languages (nationalist, Marxist, etc). To pinpoint the nuances of this challenge would require a much more extensive analysis than is possible here. Rather, as stated before, I spotlight the methodology of the author,

and “historical microphilology” as Szvák applied it in the case studies in the first part of the book reminds me of the method proposed by David Armitage for the study of conceptual history, which he calls *serial contextualism* [1].

The similarities are all the more important and intelligible when we consider that historiography cannot be separated from conceptual history. For this it is sufficient to recall that the main trend of Russian historiography is *statism* (*gosudarstvennost'*), beginning with Karamzin's *History of the Russian State* (if we remain within the realm of scientific history writing). In Karamzin's case, his statist approach was strongly influenced by the importance that Hegel attributed to the concept of the state. Through identifying the long-term features of Russian historiography, some conclusions (which Szvák calls “macroanswers”) can be drawn concerning the course of Russian history. And it is here that Szvák finds the justification for comparing Ivan the Terrible and Peter the Great:

the common base is the autocratic political structure. The second part of Ivan's reign revealed the extremities of an autocratic polity while Peter created the paradigm of the “reformer tsar”.

Results. The closing study of the book elevates this kind of comparison to the level of historical consciousness by analysing the results of public opinion polls on such questions as “Who is the most important figure in Russian History?”, “What are the primary objects of Russian pride today?”, etc. These questions clearly cannot be understood without some of the “macroanswers” presented here.

REFERENCES

1. Armitage David. What's the Big Idea? Intellectual History and the Longue Durée. *History of European Ideas*, 2012, vol. 38, pp. 493-507.
2. Szvák Gyula. *Опыт Микроисторграфии*. Moscow, Akvilon, 2019. 288 p.

Information About the Author

Endre Sashalmi, Doctor of the Hungarian Academy of Sciences, Professor of History, Department of Medieval and Early Modern History, University of Pécs, Rókus Utca, 2, H-7622 Pécs, Hungary, endresashalmi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1490-074X>

Информация об авторе

Эндре Сашалми, доктор Венгерской академии наук, профессор истории на кафедре средневековой и ранней современной истории, Печский университет, ул. Рокуш, 2, H-7622 г. Печ, Венгрия, endresashalmi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1490-074X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.20>

UDC 008:712.01+9

LBC 71+63.3(2)л6+85.118

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 20.07.2020

LANDSCAPE, MEMORY, HERITAGE AND IDENTITY (HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW)

Olga V. Galkova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Andrej V. Petrov

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Viktor V. Glazunov

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* UNESCO's adoption of the Convention "Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage" of 1972 led to the discussion on the issues of mutual influence and interdependence of humankind and nature and human perception of the environment and his own ecological niche. As a result of these discussions, the term "cultural landscape" came into use, and became part of the world cultural heritage. *Methods and materials.* This study is based on the combination of the general, special historical and cultural methods. The central place among them was occupied by the comparative, analytical, historical-genetic, comparative analysis methods and some methods of historical cultural studies. *Analysis.* The evolution of the cultural landscape took place throughout human history and is a unique blend of not only human development. It also reflects, on the one hand, national culture and mentality, and on the other, shows the influence of natural factors on their development. It also helps to understand the mentality of various ethnic groups, similarities and differences in their perception of the world and attitude. The development of the cultural landscape concept has become an integral part of the Anthropocene theory, based on the teachings of V.I. Vernadsky, about the impact and intersection of the geo-, bio- and noosphere in the fate of humankind. *Results.* The article considers the development of the "cultural landscape" theory mainly in English and American historiography which conclusively demonstrates how natural factors impact on changes in culture of the same ethnos. Through historiographic studies and comparisons, it becomes possible to trace the importance of preserving and studying the cultural landscapes of the past and present, in order to understand ourselves and be responsible to the world around us.

Key words: national identity, cultural heritage, rural landscape, historical and cultural monuments, historical memory.

Citation. Galkova O.V., Petrov A.V., Glazunov V.V. Landscape, Memory, Heritage and Identity (Historiographical Overview). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 247-257. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.20>

УДК 008:712.01+9

ББК 71+63.3(2)л6+85.118

Дата поступления статьи: 01.07.2020

Дата принятия статьи: 20.07.2020

ЛАНДШАФТ, ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Ольга Валентиновна Галкова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Владимирович Петров

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктор Владимирович Глазунов

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* После принятия ЮНЕСКО конвенции 1972 г. «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» в мировой исторической науке завязалась дискуссия по вопросам взаимовлияния и взаимозависимости природы и человека, восприятию человеком природной среды и созданию и «оживлению» им своей экологической ниши. В результате этих дискуссий появилось понятие «культурный ландшафт», которое стало частью всемирного культурного наследия. *Анализ.* Эволюция культурного ландшафта происходит на протяжении всей человеческой истории и является не только уникальным сплавом цивилизационного развития человечества, но и отражает, с одной стороны, национальную культуру и менталитет, а с другой – показывает влияние природных факторов на их развитие, что также помогает понять особенности менталитета различных этносов, общее и различное в их мировосприятии и мироощущении. Разработка понятия «культурный ландшафт» стала неотъемлемой частью теории антропоцена, основанной на учении В.И. Вернадского о взаимовлиянии и пересечении гео-, био- и ноосферы в судьбе человечества. *Результаты.* В данной статье авторы рассматривают развитие теории культурного ландшафта преимущественно в английской и американской историографии, где убедительно показывается, как влияют природные факторы на изменение культуры одного и того же по сути этноса. Через историографические исследования и их сравнения прослеживается важность сохранения и изучения культурных ландшафтов прошлого и современности для понимания человеком самого себя и ответственности человека перед окружающим его миром. Статья является результатом совместной работы авторов: О.В. Галковой была разработана концепция исследования, осуществлен подбор историографической литературы; В.В. Глазунов провел общий обзор и анализ памятников, входящих в состав исторических поселений; А.В. Петровым был осуществлен анализ философских концептов «памяти» и «идентичности».

Ключевые слова: национальная идентичность, культурное наследие, сельский ландшафт, памятники истории и культуры, историческая память.

Цитирование. Галкова О. В., Петров А. В., Глазунов В. В. Ландшафт, память, наследие и идентичность (историографический обзор) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 247–257. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.20>

Введение. Наметившийся в последние десятилетия рост интереса общества к окружающему его культурному и природному наследию стал проявляться в действиях, направленных на изучение, сохранение и рациональное использование как отдельных памятников истории и культуры, так и крупных территориальных комплексов – старых кварталов, исторических центров поселений, городских и сельских ландшафтов, составляющих в совокупности среду обитания человека. Процесс глобализации и стихийной урбанизации породил особый интерес целого ряда исследователей – прежде всего британских и американских ученых – к проблемам сохранения и изучения сельских культурных ландшафтов, выявлению связей сообществ с местами их обитания. Эти связи не только оказывают серьезное воздействие на формирование национальной и местной идентичности, но и порождают ценностное отношение человека к наследию, обществу и окружающему его пространству.

Методы и материалы. Исследование базируется на сочетании методов историографического исследования и исторической культурологии. Центральное место среди них заняли историко-генетический, компаративный, системный, семиотический, типологический и другие. Применение историко-генетического метода позволило проследить основные этапы развития теоретических представлений о культурном ландшафте как одном из видов наследия. Признавая ведущую роль ландшафта в формировании национальной и местной идентичности, в рамках данного исследования был проведен компаративный анализ концептуального содержания целого ряда историографических работ [1; 2; 4; 6; 7; 10; 12; 14; 18], что, в свою очередь, позволило прийти к выводу о необходимости сохранения и дальнейшего изучения данного вида наследия. Системный и типологический методы использовались для определения специфических особенностей и отличительных черт сельских культурных ландшафтов Англии и Америки,

главным образом выражавшихся во влиянии на формирование местной и национальной идентичности.

Среди первых исследователей, сосредоточивших свое внимание на изучении проблем ландшафта, памяти, наследия и идентичности, оказались культурные и исторические географы. Начиная с 1990-х гг. в рамках данного направления были достигнуты определенные результаты [9, с. 294; 11, с. 58; 28, с. 327; 29, с. 334]. Среди географов, исследовавших отношения между ландшафтом и национальной принадлежностью, наибольший интерес вызвали труды Стивена Дэниелса (Steven Daniels), Дэвида Ловенталь (David Lowenthal), Питера Бишопа (Peter Bishop), Дениса Косгроува (Denis Cosgrove), Дэвида Матлесса (David Matless) и Кэтрин Брэйс (Catherine Brace) [2; 3; 4; 5; 6; 14; 18].

Анализ. Одним из пионеров в этой области был Д. Ловенталь. Своими работами [15, с. 15–38; 17, с. 104–105, 183–184] на протяжении нескольких десятилетий ему удалось убедить англичан в том, чтобы они увидели свой ландшафт «не просто красивым или визуально особенным, но как восхитительным и наследственным» [14, с. 215].

Ловенталь видел значение английского ландшафта в том, что он в значительной степени определяется его связью с прошлым национального сообщества. Он полагал, что в этом отношении Англия выделяется среди других стран: «Нигде больше ландшафт не является таким нагруженным, как наследие» [8, с. 9]. Он подчеркивал, что для англичан традиционно привлекательными являются, прежде всего, сельские ландшафты: «Ландшафт, наиболее ценный англичанами, в основном сельский по характеру. Это не пустыня дикой природы, ландшафт наводит на мысль о многовековом человеческом занятии и культивировании, и таким образом, о древности английской нации» [14, с. 216], причем «любимая сельская Англия втрое исторична. Его отличительными чертами являются компаунды датируемых культурных актов, в основном приписываемых предкам-предшественникам. Прошлое, которое пронизывает этот ландшафт, – это не первобытная дикая природа, а более близкая история, наполненная памятными человеческими процессами, желаниями,

решениями и вкусами» [14, с. 216]. В связи с этим идея Гердера возвращения к природе и сельской местности, вдали от искусственности и коррупции города, получила наиболее сильный импульс в Англии и приняла отчетливо консервативные формы. Укорененный в сельской местности дискурс англичан был противопоставлен современности, превознося вместо этого пасторальную южную страну живописных коттеджей, мягко раскинувшихся сельскохозяйственных угодий и стабильных социальных иерархий, со сквайром и пастором наверху. Для англичан, богатых или бедных, сельских жителей или горожан, это был мираж, но он тем не менее предлагал соблазнительное видение мира и порядка, пронизывая английскую культуру и оказывая реальное влияние на все социальные группы общества.

Ловенталь (D. Lowenthal) и Принс (H.C. Prince) дали развернутую оценку взаимоотношениям англичан с окружающей средой. Подводя итог отношений между англичанами и их ландшафтом, они предложили слово «удобства» как ключевое понятие для обозначения почти всех видов интереса к месту и любой ее неотъемлемой ценности, которая выходит за рамки чисто экономических соображений. В одном городе «удобствами» являются исторические здания и аромат прошлого, в других – открытые пространства, в третьих – взгляды и перспективы, в иных местах – объекты для отдыха или доступа к близлежащим живописным местам. Качество термина дает обществу чувство общего дела против тех, «для кого земля является лишь товаром» [16, с. 187].

В Америке девятнадцатого века народное отношение к вопросам наследия было совершенно иным, чем в Англии, и Ловенталь отметил, что первоначально нехватка человеческой истории в ландшафте опечалила, даже потрясла ранних колонистов, привыкших к реликтовым чертам Старого Света. С течением времени, однако, американский взор привык к их *tabula rasa*. С революцией пришло понимание, что новизна не только терпима, а ей можно поклоняться, и отсутствие исторических остатков стало вопросом для самовосхваления.

В другом месте он отметил: «Сырая, незаконченная Америка встревожила чувствительные души, которые разделяют мнение мадам де Сталь, что «наиболее красивые пей-

зажи в мире, если они не вызывают памяти, если они не имеют никаких следов каких-либо заметных событий, неинтересны по сравнению с историческими ландшафтами» [17, с. 114]. Разрывая узы империи, американские националисты считали, что они теряют имперскую страну и ее давние традиции. Американцы, которые таким образом отвернулись от истории человечества, отказались не только от романтической ностальгии, но и от полезного дополнения к национальной идентичности. Некоторые предупреждали, что игнорирование прошлого может испортить американский патриотизм. Другие, однако, нашли суррогаты для исторического наследия среди таких элементов, как природа, американские индейцы и классические прототипы [17, с. 101]. Пейзажи в достаточной степени компенсировали недостающие исторические ассоциации страны, а в первые десятилетия существования Республики поклонение природе достигло небывалых высот. Сравнивая английские и американские ландшафты, Ловенталь разъяснил и их различия в том влиянии, которое они оказывали на складывание идентичностей: «В исторических ландшафтах Европы было так много особенностей, что они были рассеянными и разнородными. Американские природные ландшафты, напротив, были едины, интегрированы и последовательны. И они внушали высокий порядок творчества» [17, с. 103]. И далее: «Обожествляя природу, американцы отвергали ближайшую перспективу для более отдаленного прошлого, рассматривая древность как вечность, а не как изменение. Они отказались от истории, чтобы принять предысторию. Первобытное качество американской природы использовалось снова и снова ... историческое прошлое было дегенеративным, тогда как первобытная природа была сильной, дикой, чистой и свободной» [17, с. 103–104]. Как только коренные американцы перестали представлять угрозу, они были приняты как символы древней уникальности и незафиксированного прошлого Америки, в то время как классические формы и герои древней Греции и Рима почитались в неисторических терминах и рассматривались как прототипы Американских добродетелей. Только после гражданской войны и столетия, когда индустриализация и массовая иммиграция из восточ-

ной и южной Европы подогрели недовольство настоящим, американцы начали жаждать и романтизировать прошлое.

Ловенталь отмечал, что сегодняшнее прошлое – это накопление воспоминаний человечества, увиденных через перспективы нашего собственного поколения. То, что мы знаем об истории, отличается от того, что на самом деле произошло, не только потому, что доказательства прошлых событий были утеряны или подделаны, или потому, что задача просеивания их бесконечна, но также и потому, что изменяющийся образец постоянно требует новых интерпретаций того, что имело место [13, с. 103].

Он показал процесс постоянных изменений картин памяти в восприятии людей. Ловенталь подчеркнул, что каждый акт признания изменяет следы прошлого. Признание ценности реликвии или ее защита, не говоря уже о том, чтобы украсить ею или имитировать ее, влияет на их форму или наши впечатления. Так же, как избирательные воспоминания искажают память и формируют субъективное историческое понимание, манипулирование древностями преобразует их внешний вид и значение. Взаимодействие с наследием постоянно меняет его природу и контекст, по выбору или случайно [17, с. 236].

Мы воспринимаем прошлое через артефакты, физические следы и объекты в ландшафте, которые, как мы считаем, пережили «старые» времена. Вещи убеждают нас в их выживании двумя различными способами. Одним из них является их сходство или соответствие с формами, стилями или видами, которые являются историческим антиквариатом и устарели – отпечатки на открытом поле, винтажные автомобили, классические фронтоны. Этот способ восприятия можно назвать антикварным; это, по сути, гуманистический подход, требующий исторических знаний. Другой – осознание длительного использования или износа – изношенный стул, сморщенное лицо, ржавая банка, покрытая плесенью или плесенью стена. Этот подход, имеющий отношение к старению, по существу является натуралистическим, требующим понимания органических изменений [13, с. 108].

С. Шама (S. Schama) в своем исследовании «Пейзаж и память» писал, что унасле-

дованные ландшафтные мифы и воспоминания имеют две общие характеристики: их удивительная устойчивость на протяжении веков и их сила формировать институты, которые мы до сих пор сохраняем. Национальная идентичность потеряла бы большую часть своего очарования без мистики определенной пейзажной традиции: ее топография нанесена на карту, разработана и обогащена как родная земля. Поэтическая традиция *la douce France* – «сладкая Франция» проявляется в том, что география описывает сладость классически упорядоченного места, где реки, возделанные поля, сады, виноградники и леса находятся в гармоническом равновесии друг с другом [22, с. 15].

При изучении запутанной английской национальной идентичности и ее связи с ландшафтом П. Дж. Тейлор (P.J. Taylor) определил территорию «Верхней Англии», доминирующую в национальном пространстве, округами, сгруппированными вокруг Лондона. Как выглядит эта верхняя Англия? С каким типом ландшафта англо-британцы идентифицируют себя? Ответы на эти вопросы приводят нас к парадоксу этого любопытного национализма. Пионер индустриализации и самая урбанизированная страна в мире идеализируют сельскую местность: соломенные коттеджи в окружении деревенской зелени являются частью типичной английской картины. Такие антиурбанистические образы сами по себе довольно распространены в национальных ландшафтах многих народов. Разница относительно англичан заключалась в том, что они не фигурировали в их собственном ландшафте [26, с. 151]. Тейлор указывал на эту особенность в формировании идентичностей как европейских народов, так и американцев. Сославшись на немецкого политического географа Фридриха Ратцеля, который утверждал, что каждая нация развивалась как симбиотическая ассоциация людей и земли, он справедливо подчеркнул, что в США государственность строилась аналогичным образом – на территории за пределами города, сначала на границе, а затем в «маленьких городках» Америки – месте целостности и правдивости, в отличие от «корруптированных крупных городов». Вместе с тем, хотя все такие национальные образы, представляя общую природу людей,

способствуют сельскому уклону в идентичности, они отражают только аспект этой реальности [26, с. 151].

В работе «Воображаемая страна» Дж.Р. Шорт (J.R. Short) обратил внимание на то, что связь между ландшафтом и историей превращает ландшафт в наследие и вносит новое звучание в любую дискуссию, касающуюся использования и функций сельской местности. Идеологическая важность сельской местности означает, что она отделена от чисто сельскохозяйственных соображений. Он сформулировал причины высокой роли сельской местности в складывании национальной идентичности. Сельская местность – это больше, чем просто место, где фермеры выращивают урожай, разводят животных и зарабатывают деньги. Это место более широкого культурного значения и более глубокого идеологического значения, место, наполненное историческими ассоциациями, восприятием национальности и намеками на общину. Сельская местность стала местом более широкого политического значения, ландшафт власти – силой ландшафта, чтобы вызывать чувства и генерировать эмоции. Двумя важными причинами этого были доступность сельской местности и внешний вид деревни [24, с. 77].

Дж.Р. Шорт повторил отождествление англичан с сельской иконой: сельская местность стала и остается самым важным ландшафтом в национальной экологической идеологии. Все это еще поддерживает гордость за родные пенаты. Он заметил, что в Англии существуют два значения страны – как сельской местности и как нации, которые переплетены друг с другом. Сущность Англии в народе ассоциируется с зеленой сельской местностью, полями, уединенными парковыми зонами загородных домов и небольших деревень. Шорт подчеркнул, что земельная элита девятнадцатого века, возможно, потеряла экономическую власть в двадцатом веке, но их символическая сила все еще очевидна. Сельская местность стала «настоящей» Англией, «неизменной» Англией, страной отступления от все более урбанизированного и все более индустриального общества, местом, где можно избежать современности [24, с. 75].

П. Шурмер-Смит (P. Shurmer-Smith) и К. Ханнам (K. Hannam) обратили внимание на

то, что прошлое, раскрытое артефактами, историей и памятью, не совсем адекватно тому, что действительно происходило в прежние времена; скорее это в значительной степени искусственное прошлое, созданное человеческой забывчивостью и воображением. Тогда пластичное прошлое, созданное людьми, изучающими историю, может стать центром самобытности и убежищем от забот настоящего и будущего. Как объясняют П. Шурмер-Смит и К. Ханнам, места в западном мире социально выстроены в соответствии с насыщенностью ностальгией, поскольку мы сознательно и неосознанно создаем и воссоздаем их с чувством истории.

История – это не только следы прошлого, но и результат диалога между многоголым настоящим и прошлым. По мере того как мы делаем это, существует тенденция рассказывать одну историю как предшествующую, доминирующую историю, вокруг которой, предположительно, меньшие истории конкурируют, и именно эта доминирующая версия прошлого будет сохранена и представлена в физической форме, в образовании и тексте. То, что выживает в первоизданном виде, восстанавливается или воссоздается в точной копии, возникает в определенных местах из воли людей, представляющих разные силы. Различные социальные группы стремятся к тому, чтобы их интерпретация прошлого была территориализована в текстах всех видов, включая ландшафты, «не по бескорыстным причинам, но чтобы помочь им получить то, что они хотят, или сохранить то, что у них есть», а именно доступ к экономическому и культурному капиталу [25, с. 45].

Сохранение материальных фрагментов наследия является избирательным процессом. Предметы из прошлого выживают только там, где они ценятся современными обществами. Согласно Шурмер-Смит и Ханнам, средством, которым осуществляется переход от истории с низкой ценностью «старинны» к истории с ее высокой ценностью, является процесс джентрификации [25, с. 54]. Сохранение или воссоздание ландшафтов представляет особые проблемы. Ряд таких проблем нашел отражение в работе Р. Мьюира «Долины Йоркшира». Например, в Великобритании широко поддерживается сохранение «нетронутых» сельской

местности, но такие ландшафты редко являются творениями какой-либо отдельной исторической эпохи. Скорее, они представляют собой совокупности различных аспектов сельской местности, которые по разным причинам пережили разные периоды времени. Общественное беспокойство о сохранении также имеет тенденцию к избирательности с точки зрения того, что предназначено для сохранения. Сельская местность, известная ландшафтными историкам как «раннее вложение», пользуется большой популярностью. Она включает в себя как древние поля, так и земли, огороженные и «приватизированные», поскольку системы открытых полей были демонтированы в результате соглашений между членами деревенской общины. В обоих случаях это связано с ландшафтами небольших, неправильных полей, очерченных изогнутыми живыми изгородями (или заборами). Более многочисленны в английских центральных графствах во времена Чосера, Шекспира или Дефо были ландшафты открытого земледелия. Эти сельские местности характеризовались отсутствием разнообразия и мелких деталей, пахотными землями (гофрированными гребнями плуга, сходящимися в слегка изогнутые полосы земли), общими луговыми угодьями, заполняющими пространство между горизонтами. Там не было призывов к воссозданию и сохранению сельской местности, так как там был особый общественный порядок и удивительно запутанные системы немеханизированного земледелия, который никогда нельзя было восстановить. Как указывалось выше, за исключением тех, которые находятся в нескольких труднодоступных районах дикой природы, ландшафты являются культурными продуктами, поэтому их сохранение и поддержание касается сохранения культуры, а не сельской местности. В регионе, подобном Йоркшир-Дейлз становится ясно, что сохранение традиционных сельских местностей может быть достигнуто только путем искренней политики увековечивания небольших ферм и субсидирования мелкого фермера для поддержания традиционных черт ландшафта. Мелкий фермер сделал Йоркшир-Дейлс, и, когда он уходит, вместе с ним – и бесценные луга, пастбища, заборы и сараи. Станным образом это оказалось не беднос-

тью, которая угрожает региону – жители долины справлялись с бедностью на протяжении веков – но богатство. Очаровательная красота, создаваемая бедными людьми из долин на протяжении веков, может быть разрушена богатыми чужими людьми в течение нескольких десятилетий [20, с. 218].

Общества, наделенные беспрецедентным уровнем ностальгии и заботящиеся о сохранении природы, сталкиваются со столь же беспрецедентной технологической способностью преобразовывать городские и сельские ландшафты таким образом, что стираются все ссылки на прошлое. Люди жаждут корней, и ландшафт обеспечивает фокус для личной и национальной идентичности. Но те ландшафты, которые больше всего напоминают о прошлом и о связях между общиной и землей, из-за малочисленности их подразделений и тонкости их исторических деталей представляют наибольшую угрозу для сил модернизации в сельской местности.

Однако исторические ассоциации мест не зафиксированы, что справедливо отметили Шурмер-Смит и Ханам: «Мифы об историческом месте... подвержены пересмотру. Значения места всегда радикально и тонко ретерриториализируются через переработку их прошлого» [25, с. 47].

Сколько бы усилий не было предпринято на сохранение наследия, предметы наследия, будь то каретный двор или сельская местность, являются продуктами обусловленного общественного порядка в определенном культурном, временном и пространственном контексте, которые невозможно воссоздать и сохранить. Стефан Миллс отмечал, что именно в восточных районах американцы разработали способы создания ландшафтов, которые были направлены на ликвидацию коренных народов в пользу основных сельскохозяйственных культур и отдаленной торговли. Как истоки республики лежат в восточном опыте, так и восточные ландшафтные преобразования лежат в основе развития американского ландшафтного опыта. И именно на востоке американцы сейчас находят «исторические ландшафты». Пытаясь найти истоки пограничных ландшафтов на востоке, американцы сталкиваются с проблемами, присущими презентации такого спорного прошлого в совре-

менных ландшафтах: ландшафты колониального побережья были ориентированы на империализм, рабство и эксплуатацию окружающей среды. Но Томас Джефферсон превратил британский империализм в «Империю за свободу», где декадентские традиции не нашли своих корней [19, с. 106].

На наш взгляд, одной из самых необычных и интересных работ о роли ландшафта в формировании национальной и местной идентичности является сочинение Стивена Даниелса «Поля зрения: ландшафтный образ и национальная идентичность в Англии и Соединенных Штатах» [6]. В ней он отмечал, что ландшафтные образы – это не просто отражение или отвлечение внимания от более насущных социальных, экономических или политических проблем. Очень часто – это мощный способ познания и социального взаимодействия. Как образцы нравственного порядка и эстетической гармонии, отдельные ландшафты достигают статуса национальных икон. В этой книге Даниелс показал, как различные художники, ландшафтные дизайнеры и архитекторы формировали национальные идентичности в Англии и Соединенных Штатах с конца восемнадцатого века до наших дней. Автор обратил особое внимание на тех художников, которые находились в центре «дискуссии о наследии» и были представлены на выставках последнего десятилетия (таких как «Запад как Америка: переосмысление образов фронта» в Национальном музее американского искусства). Анализ работ Кристофера Рена, Джона Констебля, Дж. Тернера, Томаса Коула, Хамфри Рептона, Джозефа Райта и Фрэнсиса Палмера позволил Даниелсу выяснить механизмы трансформации английских ландшафтных традиций в концепции американской национальной идентичности.

Исследование репрезентации сельских, городских и промышленных сцен в произведениях художников, писателей и дизайнеров позволило Даниелсу провести сравнительный анализ их интерпретаций в контексте их собственного времени и переосмысления в более поздние периоды.

Подчеркнув, что ландшафтные образы, инкапсулируя различные социальные отношения и формы знания, тем самым проявляют себя как изображения локальной, региональ-

ной и национальной идентичности в ландшафте, Даниэлс раскрыл и обосновал связь между ландшафтным изображением и другим главным выражением национальной идентичности – историческим повествованием.

Появление постколониальных перспектив обратило внимание на вопросы деколонизации, диаспоры, расовой и этнической принадлежности, придавая тем самым импульс к решению более тонких и сложных вопросов, связанных с переплетением ландшафта, памяти и идентичности. Эта проблематика является главной для работ Д. Толи-Келли (D. Tolia-Kelly) о ландшафтных ценностях британских азиатов и Т. Джезила (T. Jazeel) о национализации природы в Шри-Ланке [10; 27]. Вместе с тем следует заметить, что работ, анализирующих постколониальную ситуацию, все же гораздо меньше исследований, посвященных изучению ландшафтов, расы и памяти [1; 7; 23]. Дж. Вайли полагает, что эти работы сами по себе стали почти что самостоятельным жанром [29, с. 182]. Многие из этих публикаций либо посвящены празднованиям годовщин знаменитых личностей, таких как Мартин Лютер Кинг [1], Артур Эш [12], либо – обсуждению спорных вопросов американской истории, например, Гражданской войны [7]. Оуэн Дуайер (O. Dwyer) наиболее четко провел идею о том, что ландшафтные памятники находятся не в статичном состоянии, а в процессе становления: вместо того чтобы иметь установленное фиксированное значение, памятники моментально воплощаются в сети изменяющихся социальных отношений. Все подобные работы подчеркивают и материальность ландшафтной организации, и символичность его значений, на основании чего ландшафт становится центром конфликтов, возникающих вокруг памяти, идентичности и справедливости.

В одной из последних работ, изданной в 2018 г., «Легендарная земля. Ландшафт и формирование национальной английской идентичности» профессор современной британской истории в лондонском Королевском колледже Пол Ридман (Paul Readman) показал связь процесса преобразования ландшафта в культурное наследие и конструирования современной коллективной идентичности.

Так же, как конкретный ландшафт может иметь особую ценность для отдельного

человека из-за того, что он напоминает о событиях в прошлом этого человека (связано, например, со счастливым опытом в детстве), национальные общины приписывают ценность ландшафтам – воображаемое прошлое этих сообществ. Из-за его исторических ассоциаций ландшафт стал мощным средством, с помощью которого народ поддерживает чувство идентичности, и его полезность в этом отношении крепнет в контексте индустриализации, урбанизации, быстрых технологических и социальных изменений и других преобразований современности [21, с. 4].

С осознанием необходимости сохранения местного культурного наследия (до XVIII в.), а лишь затем (начиная с XVIII в.) – общенационального культурного достояния, он связывает и процесс формирования первоначально местной идентичности, а впоследствии – общенациональной: «До восемнадцатого века наследие, воплощенное в ландшафте, как правило, было связано с местными и конфессиональными идентичностями... Однако со временем это наследие стало считаться национальным по характеру, несмотря на сохранение ассоциаций между ландшафтом и местностью (которые, как мы увидим, не были противоположны новым языкам ландшафта и нации)» [21, с. 4].

Подчеркнув особую роль сельского ландшафта в формировании идентичности, он показал деятельность целого ряда общественных организаций, занимающихся сохранением сельского ландшафта и культуры, – Общество охраны общин, Национальный фонд, Общество сохранения Озерного края, Английское общество народной песни и танца. На основе анализа их взаимодействия с землей, ландшафтом и сельской местностью автор пришел к обоснованному выводу о том, что это взаимодействие «было центральным элементом английской культурной жизни» [21, с. 14]. В результате, в то время как большинство англичан и женщин жили в городах и поселках, с середины девятнадцатого века дискурсы сельской идентичности оставались неотъемлемой частью их опыта современности.

Вместе с тем автор показал противоречия в отношении к ландшафту в связи с проблемами в понимании патриотизма в общенациональных масштабах и на местах, стол-

кновением местных и общенациональной идентичностей. Исследуя ландшафт Нью-Фореста, Ридман проанализировал конфликт из-за лесного массива в Нью-Форесте, находящегося на коронной земле и понимаемого с точки зрения национальных интересов как источник древесины, с одной стороны, а с другой – представление о лесе местных жителей как историческом культурном ландшафте.

Ридман обратил внимание на то, что, хотя в некоторых своих проявлениях эти сельские выражения английства, возможно, сознательно или неосознанно основанные на мифе, подавляя убожество, которое может скрываться в самых живописных розовых коттеджах, они тем не менее имели мощный эффект реального мира. Он подчеркнул, что их влияние было очевидно в ряде районов, что привело к сохранению ландшафтов и открытых пространств, появлению новых инициатив в области земельных и аграрных реформ, туризма и отдыха, изменению тенденции в искусстве и архитектуре и сочинениях о сельских ландшафтах и сельской жизни.

Вместе с тем автор справедливо отметил, что «сущностная Англия» может быть обнаружена не только в сельских районах Южной Англии, но и в других местах, как в городских, так и в сельских районах – от мрачных Вересковых пустошей Нортумбрии до удивительных и полностью искусственных ландшафтов промышленного Манчестера и его пригородов. Он заметил, что общими знаменателями, позволившими столь различным ландшафтам влиять на формирование идентичностей, были их ассоциативная ценность и чувство присутствия прошлого.

Подводя итог вышесказанному, Ридман выделил два главных фактора, определяющих влияние ландшафтов на складывание английской идентичности: во-первых, из-за их связи с английским прошлым, а во-вторых, из-за того, что он воспринимается как наследие, национальное достояние [21, с. 20].

Новым в работе было и то, что Ридман впервые проанализировал роль пограничных ландшафтов (например, на границе Англии и Шотландии) в формировании не только английской, но и британской идентичности.

Результаты. 1. Историографический обзор соотношения таких характеристик

культурного ландшафта, как природа, память, памятник, история, позволяет сделать вывод, что ландшафтоведение является перспективным направлением в синтезе не только гуманитарного знания, но и естественнонаучного, являясь по своей сути трансдисциплинарным направлением в развитии познания мира.

2. Ландшафтоведение органически вписывается в такие перспективные научные направления, как «теория антропоцена» и «интеллектуальная история».

3. Изучение культурного ландшафта позволяет выявить его аксиологическую ценность не просто как памятника истории и культуры, но как историческое явление, влияющее на различия традиций, менталитета этносов, народов, наций, но подчас и на различия в менталитете отдельных социальных групп, что сегодня проявляется в различных культурных, социальных и политических доминантах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alderman, D. Street Names as Memorial Arenas: the Reputational Politics of Commemorating Martin Luther King Jr. in a Georgia County / D. Alderman // *Historical Geography*. – 2002. – Vol. 30. – P. 99–120.
2. Bishop, P. An Archetypal Constable: National Identity and the Geography of Nostalgia / P. Bishop. – L. : Athlone, 1995. – 245 p.
3. Brace, C. Finding England Everywhere: Regional Identity and the Construction of National Identity, 1890–1940 / C. Brace // *Ecumene*. – 1998. – Vol. 6, № 1. – P. 90–109.
4. Brace, C. Looking Back: the Cotswolds and English National Identity, 1890–1950 / C. Brace // *Journal of Historical Geography*. – 1999. – Vol. 25, № 1. – P. 502–516.
5. Cosgrove, D. The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments / D. Cosgrove, S. Daniels. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 330 p.
6. Daniels, S. Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States / S. Daniels. – Oxford : Princeton University Press, Polity Press and Blackwell, 1993. – 274 p.
7. Dwyer, O. J. Symbolic Accretion and Commemoration / O. J. Dwyer // *Social and Cultural Geography*. – 2004. – Vol. 5, № 3. – P. 419–435.
8. Fladmark, J. D. Heritage: Conservation, Interpretation and Enterprise / J. D. Fladmark, D. Lowenthal. – L. : Donhead, 1993. – 355 p.

9. Heffernan, M. For Ever England: the Western Front and the Politics of Remembrance in Britain / M. Heffernan // *Ecumene (Cultural Geographies)*. – 1995. – Vol. 2. – P. 293–324. – DOI: <https://doi.org/10.1177/147447409500200304>.

10. Jazeel, T. Nature, Nationhood and the Poetics of Meaning in Ruhuna (Yala) National Park, Sri Lanka / T. Jazeel // *Cultural Geographies*. – 2005. – Vol. 12, № 2. – P. 199–228.

11. Johnson, N.C. Cast in Stone: Monuments, Geography, and Nationalism / N. C. Johnson // *Environment and Planning D: Society and Space*. – 1995. – Vol. 13. – P. 51–65.

12. Leib, J. I. Separate Times, Shared Spaces: Arthur Ashe, Monument Avenue, and the Politics of Richmond, Virginias Symbolic Landscape / J. I. Leib // *Cultural Geographies*. – 2002. – Vol. 9. – P. 286–312.

13. Lowenthal, D. Age and Artifact / D. Lowenthal, D. W. Meinig. – Oxford: Oxford University Press, 1979. – 255 p.

14. Lowenthal, D. British National Identity and the English Landscape / D. Lowenthal // *Rural History*. – 1991. – Vol. 2, № 2. – P. 205–230.

15. Lowenthal, D. European and English Landscapes and National Symbols / D. Lowenthal. – Hoboken: Blackwell Publishers, 1994. – 404 p.

16. Lowenthal, D. The English Landscape / D. Lowenthal, H. Prince // *Geographical Review*. – 1964. – Vol. 54, № 3. – P. 186–222.

17. Lowenthal, D. The Past is a Foreign Country / D. Lowenthal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 680 p.

18. Matless, D. Landscape and Englishness / D. Matless. – L.: Reaktion Books, 2001. – 367 p.

19. Mills, S. F. The American Landscape / S. F. Mills. – Edinburgh: Keele University Press, 1997. – 160 p.

20. Muir, R. The Dales of Yorkshire / R. Muir. – L.: Macmillan, 1991. – 229 p.

21. Readman, P. Storied Ground. Landscape and the Shaping of English National identity / P. Readman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 348 p.

22. Schama, S. Landscape and Memory / S. Schama. – L.: Harper Collins, 1995. – 672 p.

23. Schein, R. Landscape and Race in the United States / R. Schein. – N. Y.: Routledge, 2006. – 272 p.

24. Short, J. R. Imagined Country / J. R. Short. – L.: Routledge, 1991. – 254 p.

25. Shurmer-Smith, P. Worlds of Desire, Realms of Power: A Cultural Geography / P. Shurmer-Smith, K. Hannam. – L.: Edward Arnold, 1994. – 256 p. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-7939.1997.tb00504.x>.

26. Taylor, P. J. The English and Their Englishness: «A Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People» / P. J. Taylor // *Scottish Geographical Magazine*. – 1991. – Vol. 107, № 3. – P. 146–161.

27. Tolia-Kelly, D. Landscape, Race and Memory: Biographical Mapping of the Routes of British Asian Landscape Values / D. Tolia-Kelly // *Landscape Research*. – 2004. – Vol. 29. – P. 277–292.

28. Withers, C. Place, Memory, Monument: Memorializing the Past in Contemporary Scotland / C. Withers // *Ecumene*. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 325–344.

29. Wylie, J. W. Landscape / J. W. Wylie. – L.: Routledge, 2007. – 252 p.

REFERENCES

1. Alderman D. Street Names as Memorial Arenas: The Reputational Politics of Commemorating Martin Luther King Jr. in a Georgia County. *Historical Geography*, 2002, vol. 30, pp. 99-120.

2. Bishop P. *An Archetypal Constable: National Identity and the Geography of Nostalgia*. London, Athlone, 1995. 245 p.

3. Brace C. Finding England Everywhere: Regional Identity and the Construction of National Identity, 1890–1940. *Ecumene*, 1998, vol. 6, no. 1, pp. 90-109.

4. Brace C. Looking Back: The Cotswolds and English National Identity, 1890–1950. *Journal of Historical Geography*, 1999, vol. 25, no. 1, pp. 502-516.

5. Cosgrove D. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. 330 p.

6. Daniels S. *Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States*. Oxford, Princeton University Press, Polity Press and Blackwell, 1993. 274 p.

7. Dwyer O.J. Symbolic Accretion and Commemoration. *Social and Cultural Geography*, 2004, vol. 5, no. 3, pp. 419-435.

8. Fladmark J.D. *Heritage: Conservation, Interpretation and Enterprise*. London, Donhead, 1993. 355 p.

9. Heffernan M. For Ever England: The Western Front and the Politics of Remembrance in Britain. *Ecumene (Cultural Geographies)*, 1995, vol. 2, pp. 293-324. DOI: <https://doi.org/10.1177/147447409500200304>.

10. Jazeel T. Nature, Nationhood and the Poetics of Meaning in Ruhuna (Yala) National Park, Sri Lanka. *Cultural Geographies*, 2005, vol. 12, no. 2, pp. 199-228.

11. Johnson N.C. Cast in Stone: Monuments, Geography, and Nationalism. *Environment and Planning, Society and Space*, 1995, vol. 13, pp. 51-65.

12. Leib J.I. Separate Times, Shared Spaces: Arthur Ashe, Monument Avenue, and the Politics of Richmond, Virginias Symbolic Landscape. *Cultural Geographies*, 2002, vol. 9, pp. 286-312.

13. Lowenthal D. *Age and Artifact. The Interpretation of Ordinary Landscapes*. Oxford, Oxford University Press, 1979. 255 p.
14. Lowenthal D. British National Identity and the English Landscape. *Rural History*, 1991, vol. 2, no. 2, pp. 205-230.
15. Lowenthal D. *European and English Landscapes and National Symbols*. Hoboken, Blackwell Publishers, 1994. 404 p.
16. Lowenthal D. The English Landscape. *Geographical Review*, 1964, vol. 54, no. 3, pp. 186-222.
17. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2015. 680 p.
18. Matless D. *Landscape and Englishness*. London, Reaktion Books, 2001. 367 p.
19. Mills S.F. *The American Landscape*. Edinburgh, Keele University Press, 1997. 160 p.
20. Muir R. *The Dales of Yorkshire*. London, Macmillan, 1991. 229 p.
21. Readman P. *Storied Ground. Landscape and the Shaping of English National Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 348 p.
22. Schama S. *Landscape and Memory*. London, Harper Collins, 1995. 672 p.
23. Schein R. *Landscape and Race in the United States*. New York, Routledge, 2006. 272 p.
24. Short J.R. *Imagined Country*. London, Routledge, 1991. 254 p.
25. Shurmer-Smith P. *Worlds of Desire, Realms of Power: A Cultural Geography*. London, Edward Arnold, 1994. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-7939.1997.tb00504.x>.
26. Taylor P.J. The English and Their Englishness: «A Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People». *Scottish Geographical Magazine*, 1991, vol. 107, no. 3, pp. 146-161.
27. Tolia-Kelly D. Landscape, Race and Memory: Biographical Mapping of the Routes of British Asian Landscape Values. *Landscape Research*, 2004, vol. 29, pp. 277-292.
28. Withers C. *Place, Memory, Monument: Memorializing the Past in Contemporary Scotland. Ecumene*, 1996, vol. 3, no. 3, pp. 325-344.
29. Wylie J.W. *Landscape*. London, Routledge, 2007. 252 p.

Information About the Authors

Olga V. Galkova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Cultural Studies, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, galkolia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

Andrej V. Petrov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of the Philosophy, Bioethics and Law with the Course of Psychology and Sociology for Medicine, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, avpetrov79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0157-5554>

Viktor V. Glazunov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, glazunov088@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2576-7561>

Информация об авторах

Ольга Валентиновна Галкова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, galkolia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

Андрей Владимирович Петров, доктор философских наук, профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, avpetrov79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0157-5554>

Виктор Владимирович Глазунов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, glazunov088@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2576-7561>

www.volsu.ru

ЮБИЛЕИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.21>

UDC 930(470.45)

LBC 63.1(2)64

**UNIVERSITY AS DESTINY: TO THE 65th ANNIVERSARY
OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES, PROFESSOR S.G. SIDOROV**

Oleg V. Kuznetsov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is prepared for the 65th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian and World History, Archaeology of Volgograd State University Sergey G. Sidorov. The article traces the biography of S.G. Sidorov, his pedagogical, scientific, and administrative activities. It is shown that fundamental foundations of the future pedagogical and scientific work of S.G. Sidorov were laid at the Faculty of History of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, from which he graduated in 1981. Most of Sergey Grigoryevich's life is connected with Volgograd State University, where he has been working since 1986. He combined teaching historical disciplines with the administrative work. S.G. Sidorov was Vice-rector for Academic Affairs for 25 years. Being in this position he has done a lot to make Volgograd State University a leader in the region in training highly qualified specialists. S.G. Sidorov is one of the leading experts on the history of the Great Patriotic War. He is the author of the first fundamental comprehensive study of using labor of prisoners of war of the Second World War in the national economy of the USSR in 1939–1956. With his active participation, six volumes of Documents and Materials “Prisoners of War in the USSR. 1939–1956” were published. Since 2009, S.G. Sidorov has been the Head of the Dissertation Council on Historical Sciences at Volgograd State University. From 2014 to 2020, largely due to the efforts of S.G. Sidorov, Volgograd State University held five International Thematic Scientific Conferences “Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions”.

Key words: Volgograd State University, Saratov State University, Historical Science, Great Patriotic War, History of Military Captivity.

Citation. Kuznetsov O.V. University as Destiny: To the 65th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor S.G. Sidorov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 258-263. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.21>

УДК 930(470.45)

ББК 63.1(2)64

**УНИВЕРСИТЕТ КАК СУДЬБА: К 65-ЛЕТИЮ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА С.Г. СИДОРОВА**

Олег Викторович Кузнецов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена к 65-летию юбилею доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета Сергея Григорьевича Сидорова. В данной работе прослеживается биография ученого, его педагогическая, научная, административная деятельность. Показано, что фундаментальные основы будущей педагогической и науч-

ной работы С.Г. Сидорова закладывались на историческом факультете Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, который он окончил в 1981 году. Большая же часть жизни ученого связана с Волгоградским государственным университетом, в котором он работает с 1986 г., совмещая преподавание исторических дисциплин с административной деятельностью. В течение 25 лет С.Г. Сидоров был проректором по учебной работе, много сделал для того, чтобы Волгоградский государственный университет стал лидером в регионе по подготовке высококвалифицированных специалистов. Сергей Григорьевич – один из ведущих специалистов по истории Великой Отечественной войны. Он автор первого фундаментального комплексного исследования использования труда военнопленных Второй мировой войны в народном хозяйстве СССР в 1939–1956 годах. При активном участии С.Г. Сидорова выпущено шесть томов документов и материалов «Военнопленные в СССР. 1939–1956». С 2009 г. он возглавляет диссертационный совет по историческим наукам при Волгоградском государственном университете. С 2014 по 2020 г., благодаря во многом усилиям Сергея Григорьевича, в Волгоградском государственном университете было проведено пять международных тематических научных конференций «Военная история России: проблемы, поиски, решения».

Ключевые слова: Волгоградский государственный университет, Саратовский государственный университет, историческая наука, Великая Отечественная война, история военного плена.

Цитирование. Кузнецов О. В. Университет как судьба: к 65-летию доктора исторических наук, профессора С.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 258–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.21>

В этом году исполняется 65 лет доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета Сергею Григорьевичу Сидорову. Весомый повод оглянуться на пройденный путь, подвести промежуточные итоги.

Родился Сергей Григорьевич в г. Ханты-Мансийске Тюменской области. В 1972 г. закончил школу в с. Дубовый Овраг Светлоярского района Волгоградской области и до призыва в армию год работал токарем на Волгоградском заводе тракторных деталей и нормалей. Военную службу проходил в погранвойсках, в Закавказском пограничном отряде. Здесь, на южной окраине страны, на одном из рубежей, с которого начинается Родина, он понял, что такое патриотизм. Неслучайно спустя много лет, размышляя об уроках Великой Отечественной войны, Сергей Григорьевич напишет: «Особое место занимает урок, который является одновременно и утверждающим, и обязывающим, и напоминаящим: это сила патриотизма, готовность к защите Родины. <...> Без любви к Отечеству, понимания гражданского долга немислима сильная держава. <...> Для защиты страны одной ненависти к агрессору недостаточно. Только любя Родину, народ готов идти на великие жертвы» [4, с. 358].

В 1976 г. после окончания подготовительного отделения С.Г. Сидоров стал студентом

исторического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратовский университет – один из старейших в России: он был основан в 1909 году. В разное время в вузе преподавали ученые с мировым именем: академики Н.И. Вавилов, Н.Н. Семенов, В.М. Жирмунский, выдающиеся философы Г.П. Федотов, С.Л. Франк (первый декан историко-филологического факультета).

Факультет, на который поступил С.Г. Сидоров, начинает свое развитие с историко-филологического отделения, созданного в Саратовском университете в 1917 году. У истоков исторического образования в университете стояли, помимо названного первого декана С.Л. Франка, такие известные ученые, как В.И. Веретенников, С.Н. Чернов, С.В. Юшков, П.Г. Любомиров, Ф.В. Баллод. Перед войной на истфаке несколько лет работала член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова, а в годы войны кафедру истории России возглавляли профессор Московского университета Н.Л. Рубинштейн и профессор Ленинградского университета В.В. Мавродин.

К середине 1970-х гг. уже сложилась Саратовская историческая школа, виднейшими представителями которой на тот момент являлись: В.Г. Борухович, Д.П. Ванчинов, Г.А. Герасименко, Л.А. Дербов, А.И. Озолин, А.Ф. Остальцева, И.В. Порох, В.В. Пугачев, С.М. Стам, Н.А. Троицкий

и др. Таким образом, на историческом факультете Саратовского университета С.Г. Сидоров не только получил фундаментальное образование, но и приобщился к большой науке. Неслучайно после окончания университета в 1981 г. Сергей Григорьевич, отработав год учителем истории в одной из сельских школ Саратовской области, вернулся в родную alma mater и поступил в аспирантуру.

Научным руководителем С.Г. Сидорова стал Дмитрий Поликарпович Ванчинов – участник Финской и Великой Отечественной войн, парада Победы в Москве, выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе, кадровый военный, полковник в отставке. Он пришел в Саратовский университет в 1965 г. будучи кандидатом наук, имея за плечами опыт не только военной службы, но и преподавания военной истории в Саратовском военном училище. Научные интересы Д.П. Ванчинова определили и проблематику научных исследований С.Г. Сидорова: история Великой Отечественной войны.

В 1985 г. С.Г. Сидоровым была подготовлена и успешно защищена в Саратовском университете кандидатская диссертация «Роль советских профсоюзов в победе над агрессором в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на материалах профсоюзов рабочих черной металлургии центральных и восточных районов)». В диссертации в полной мере раскрылись главные исследовательские качества С.Г. Сидорова, которые выразились в тщательном, скрупулезном анализе источников и исследований, фактического материала, безупречной обоснованности, фундированности всех положений и выводов. Кроме того, что будет важно для последующей научной деятельности Сергея Григорьевича, работа над кандидатской диссертацией заставила молодого ученого основательно погрузиться не только в военную проблематику, но и в историю государственного аппарата советского периода, его правовых основ и практики взаимодействия с общественными структурами, в экономическую историю и экономическую географию. Это умение реализовывать междисциплинарный подход в историческом исследовании пригодится при написании докторской диссертации.

После окончания аспирантуры ученый начал работать ассистентом на кафедре истории СССР советского периода Саратовского государственного университета, а с сентября 1986 г. С.Г. Сидоров – доцент кафедры истории СССР Волгоградского государственного университета.

Университет в Волгограде был в то время одним из самых молодых в стране: он открыл свои двери для студентов в 1980 г. и находился еще в стадии формирования. Первый ректор ВолГУ М.М. Загорулько по всей стране, что называется, «поштучно» подбирал кадры для молодого вуза. С Саратовским государственным университетом с самого начала установились добрые отношения. Саратовские профессора приезжали в Волгоград читать лекции, несколько молодых преподавателей из Саратова перешли на работу в Волгоградский университет. Среди них был и С.Г. Сидоров. Он органично влился в дружный коллектив кафедры, которой в то время руководил доктор исторических наук В.А. Китаев. Однако совсем скоро Сергея Григорьевича ожидало еще одно назначение, которое на многие годы определило его трудовую жизнь в университете.

Ректор М.М. Загорулько сразу разглядел в новом сотруднике не только квалифицированного преподавателя, но и весьма перспективного ученого и администратора. Уже в марте 1987 г., спустя несколько месяцев после начала работы в ВолГУ, С.Г. Сидоров был назначен проректором по вечернему и заочному обучению студентов Волгоградского государственного университета, а в 1990 г. стал проректором по учебной работе. В этой должности Сергей Григорьевич проработал до 2015 г. с небольшим перерывом на обучение в докторантуре и защиту докторской диссертации.

Четверть века С.Г. Сидоров возглавлял одно из самых ответственных направлений работы ВолГУ. И в том, что сегодня наш университет является бесспорным лидером в регионе по подготовке высококвалифицированных кадров самых разных специальностей, неизменно востребованных на рынке труда, занимает престижные места в различных влиятельных рейтингах вузов, огромная и несомненная заслуга Сергея Григорьевича.

Деятельность проректора включала руководство всей текущей учебной работой в университете, подготовку к аккредитациям, открытие новых специальностей и направлений подготовки и их лицензирование, ответственность за набор будущих студентов и многое другое. Как проректор, прекрасно знающий работу организации изнутри, и как историк С.Г. Сидоров стал своеобразным летописцем университета, подготовившим несколько фундаментальных справочников по истории ВолГУ (см., например: [1; 3]). Из многочисленных таблиц, статистических данных, фотографий вырастает история становления и развития Волгоградского университета, появления новых факультетов и кафедр, специальностей, проявляются судьбы людей, преподавателей и сотрудников, составляющих гордость и славу вуза.

Административная работа отнимала много времени. К тому же в 1990–1993 гг. С.Г. Сидоров был депутатом Совета народных депутатов Советского района г. Волгограда. Несмотря на такую загруженность, у Сергея Григорьевича оставалось время на серьезную научную работу. Научным консультантом его докторской диссертации стал доктор экономических наук, профессор М.М. Загоруйко – специалист по экономической истории России XX в., в частности истории Великой Отечественной войны. В середине 1990-х гг. он возглавил только что созданный при ВолГУ НИИ проблем экономической истории России XX века. Максим Матвеевич был основателем и руководителем одной из научных школ Волгоградского университета, признанной не только российскими, но и зарубежными учеными.

Научные интересы двух ученых совпали. Вскоре определилось и конкретное направление исследований С.Г. Сидорова, вылившееся в докторскую диссертацию: военнопленные в СССР. Началась длительная, кропотливая работа по поиску, систематизации, изучению документов, многие из которых только недавно были открыты в архивах для исследователей. Выходит ряд статей, посвященных различным аспектам пребывания военнопленных в СССР: положение в лагерях, продовольственное обеспечение, использование их труда, связи с родиной и др. Труды Сергея Гри-

горьевича получают признание научного сообщества, и в 1999 г. он становится членом-корреспондентом Академии гуманитарных наук. Кульминацией этой работы стали монография «Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.» [2] и одноименная докторская диссертация, защищенная в 2001 г. в диссертационном совете при ВолГУ.

Указанные труды С.Г. Сидорова получили заслуженно высокую оценку со стороны как российских, так и иностранных исследователей, став первым фундаментальным комплексным исследованием использования труда военнопленных Второй мировой войны в народном хозяйстве СССР в 1939–1956 годах. С.Г. Сидоров впервые показал, основываясь на архивных документах, масштабы привлечения военнопленных для послевоенного восстановления экономики страны. В конце победного 1945 г. за предприятиями и стройками более 40 союзных министерств было закреплено свыше 2 млн бывших солдат противника. Для их содержания создано 267 лагерей, 2 376 лагерных отделений, 200 отдельных рабочих батальонов, 162 специальных госпиталя. Наибольший вклад в возрождение народного хозяйства СССР военнопленные внесли в первые два послевоенных года, когда их доля в составе рабочих составляла 10,2 % (1946 г.) и 7,6 % (1947 г.). Общий объем выполненных военнопленными работ составлял 3–4 % от общесоюзного. Несмотря на то что итогом пребывания военнопленных в СССР стали восстановленные города и предприятия, дороги и каналы, миллионы тонн добытой руды, угля, камня и многое другое, стоимость произведенных военнопленными ценностей была в 13,5 раз меньше общего ущерба, причиненного Советскому Союзу за годы войны.

Значительное внимание в рамках указанной темы С.Г. Сидоров уделил анализу эффективности труда и положению военнопленных в СССР. Он подсчитал, что стоимость выполненных работ и произведенной продукции бывшими солдатами противника в 2,2 раза превысила затраты, направленные на содержание системы Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. Но это отнюдь не означало, что военнопленных заставляли трудиться до полного изнеможения и смерти. Руководство страны

делало все возможное в тех условиях, нередко в ущерб собственному населению, для сохранения жизни военнопленных. Начиная с 1947 г. коэффициент смертности по подразделениям ГУПВИ оказался ниже, чем по лагерям ГУЛАГа и по стране в целом.

Одновременно с подготовкой монографии и диссертации, как уже говорилось, в архивах осуществлялся кропотливый поиск документов по истории военного плена. По инициативе научного коллектива НИИ проблем экономической истории России XX в., в состав которого входил и С.Г. Сидоров, в 2001 г. было рассекречено 11 600 листов документов Российского государственного военного архива, что открыло перед исследователями новые перспективы в дальнейшем изучении темы военнопленных в СССР. В течение нескольких лет (в 2000–2013 гг.) было опубликовано шесть томов документов и материалов «Военнопленные в СССР. 1939–1956», посвященных различным сторонам военного плена. Одну из ключевых ролей в подготовке этого многотомного издания сыграл С.Г. Сидоров. Все это выдвинуло его в число ведущих специалистов в стране по истории военного плена и Великой Отечественной войны. В последующие годы С.Г. Сидоров продолжил изучение темы, сосредоточив, в частности, внимание на региональных аспектах проблемы. И как закономерный итог – заслуженное избрание в 2013 г. действительным членом Академии военных наук.

Еще в 1994 г. при Волгоградском государственном университете был создан диссертационный совет по историческим наукам по защите кандидатских диссертаций под председательством В.А. Китаева. В 2000 г. совет преобразован в докторский, председателем назначен И.О. Тюменцев. С 2009 г. по настоящее время работой совета успешно руководит С.Г. Сидоров. За эти годы в совете были защищены кандидатские и докторские диссертации учеными из разных городов страны: Арзамаса, Астрахани, Ахтубинска, Волгограда, Волжского, Воронежа, Георгиевска, Липецка, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Сочи, Урюпинска, Элисты.

В 2014 г. в Институте истории, международных отношений и социальных технологий ВолГУ родилась идея регулярного

проведения тематической Международной научной конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения». В 2020 г. прошла уже пятая конференция. Все они были посвящены юбилейным датам в истории войн: Крымской, Первой мировой, Второй мировой и Великой Отечественной. Основная работа по организации всех пяти конференций легла на плечи С.Г. Сидорова. И благодаря во многом Сергею Григорьевичу Волгоградский университет подтвердил статус признанного центра по изучению военной истории.

Оставив должность проректора, С.Г. Сидоров два года возглавлял кафедру истории России. Требовательный к коллегам, он был требовательным прежде всего к самому себе: так привык работать все предыдущие годы. Но при этом неизменно доброжелательный, всегда готовый помочь мудрым советом и делом.

Как профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии С.Г. Сидоров уже много лет читает для студентов-историков спецкурсы по истории Великой Отечественной войны, Сталинградской битвы, военного плена, курс истории России XX в., ведет семинарские занятия; для студентов неисторических специальностей – общий курс истории. Он давно уже овладел современными образовательными технологиями и без труда применяет их в своей работе. Но, как и прежде, убежден: знание истории – это прежде всего знание и осмысление исторических событий и исторических источников. К студентам строг, но это справедливая строгость. Ведь Сергей Григорьевич, как никто другой, понимает (более четверти века проработал проректором по учебной работе!): ронять уровень и престиж университетского образования нельзя.

Сейчас, когда административная работа позади, у С.Г. Сидорова появилось гораздо больше времени для занятий наукой, руководства докторантами, аспирантами, дипломниками. Два года назад он в соавторстве с коллегами выпустил монографию по истории Волгоградского казначейства. Сейчас «на выходе» докторская и кандидатская диссертации его учеников. В собственных планах – новая монография.

За все эти годы ученым опубликовано более 140 научных и учебно-методических трудов. Без его работ уже трудно представить изучение истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Но мы ждем новых статей, монографию.

Здоровья Вам, жизненного и творческого долголетия, Сергей Григорьевич!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров, С. Г. Волгоградский государственный университет : Люди. События. Факты. 1980–1999 / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 260 с.
2. Сидоров, С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 508 с.
3. Сидоров, С. Г. Волгоградскому государственному университету – 25 лет, 1980–2005 / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 399 с.

4. Сидоров, С. Г. СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939–1945 : курс лекций / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 368 с.

REFERENCES

1. Sidorov S.G. *Volgogradskij gosudarstvennyj universitet: Ljudi. Sobytiya. Fakty. 1980–1999* [Volgograd State University: People. Events. Evidence. 1980–1999]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000. 260 p.
2. Sidorov S.G. *Trud voennoplennyh v SSSR. 1939–1956 gg.* [Labor of Prisoners of War in the USSR, 1939–1956]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 508 p.
3. Sidorov S.G. *Volgogradskomu gosudarstvennomu universitetu – 25 let, 1980–2005* [Volgograd State University – 25 Years Old, 1980–2005]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 399 p.
4. Sidorov S.G. *SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1939–1945: kurs lekcij* [The USSR on the Eve and During the Great Patriotic War. 1939–1945: Course of Lectures]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2008. 368 p.

Information About the Author

Oleg V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Информация об авторе

Олег Викторович Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 2 494 руб. 50 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
  - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
  - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
  - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 2494.50 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

